

3

ISSN 0042—8779

ИВН

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

7/93

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

7/93

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Материалы февральско-мартовского пленума
ЦК ВКП(б) 1937 года 3

СТАТЬИ

Т. П. Коржихина, Ю. Ю. Фигатнер — Советская но-
менклатура: становление, механизмы действия 25

В. Л. Генис — Разгром Бухарского эмирата в
1920 году 39

В. А. Дьяков — Исторические альтернативы для
Европы 40—70-х годов XIX века 54

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

А. С. Сенин — Александр Иванович Гучков 69

ВОСПОМИНАНИЯ

Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева 89

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

А. А. Искендеров — Российская монархия, рефор-
мы и революция 111

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Генерал А. И. Деникин — Очерки русской смуты 132

Выходит
с 1926 года

ТОО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ИСТОРИКИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

- В. А. Рязановский** — К вопросу о влиянии монгольской культуры и монгольского права на русскую культуру и право (Вступительная статья Г. В. Мелихова) 152

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- С. В. Дроков** — Организатор Женского батальона смерти 164
- Н. П. Ерошкин** — Выстрел у Летнего сада 170
- В. Г. Безрогов** — Скотоводство в древней Ирландии 174

ИСТОРИОГРАФИЯ

- А. Б. Соколов** — Британская империя XVIII в. в зарубежной историографии 176
- М. Е. Ерин, А. Г. Чукарев** — Ю. Л. Дьяков, Т. С. Бушуева. Фашистский меч ковался в СССР. Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922—1933. Неизвестные документы 180
- Э. Г. Задорожнюк** — Чешский и словацкий опыт. Избранные доклады IV Всемирного конгресса советских и восточноевропейских исследований 182
- Э. Нидерхаузер** — Краткая история Венгрии. С древнейших времен до наших дней 183
- Р. А. Сетов** — Американский ежегодник, 1989, 1990, 1991 186
- М. В. Бибииков** — К. В. Хвостова. Социально-экономические процессы в Византии и их понимание византийцами-современниками (XIV—XV вв.) 188

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

- Р. Ф. Хохлов** — Помогите создать дом-музей П. А. Кропоткина 190
- Ю. П. Шарапов** — Читая дневник Готье 191

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года

27 февраля 1937 года. Вечернее заседание

А н д р е е в (председательствующий). Заседание открывается. Слово имеет т. Калыгина.

К а л ы г и н а. Товарищи, готовы ли наши партийные организации к тому, чтобы встретить во всеоружии выборы в Советы? Я считаю, что у нас еще работа по подготовке к выборам идет слабо. Мне приходится слышать во многих низовых организациях такие настроения, что времени еще хватит, успеем подготовиться. Видимо, не понимают всей серьезности и важности этого дела. Думают так, что наметят депутата, покажут, а его и выберут, т. е. понимают выборную кампанию очень упрощенно. Теперь, чтобы быть выбранным, депутату надо крепко поработать. Вы помните, как готовились к выборам в Учредительное собрание? Если не ошибаюсь, в мае начали и в декабре только закончили: 8 месяцев готовились. Правда, мне могут сказать, что тогда боролись разные партии. Я считаю, что несмотря на то, что теперь нет у нас разных партий, что преданность масс к партии колоссальна, проведение выборов в Советы все же представляет собой очень большую сложность. Если раньше говорили: голосуйте за список № 5, выражайте доверие партии, то теперь нам нужно проделать очень большую работу по выявлению каждого кандидата и его работы. Малейшие недостатки в работе могут осложнить выборы и играть на руку классовому врагу.

Поэтому нужно провести огромную подготовительную работу. Нужно теперь же начать готовить агитаторов, организаторов и учетчиков выборов в Советы. Мы два месяца будем выбирать партийные органы, а если это будет проводиться оторванно от вопросов подготовки выборов в Советы, то это может ослабить массовую работу. У нас часто одно делают, а другое упускают. Выборы парторганов по-новому — это тоже требует большой подготовительной работы. Коммунисты распределяются по трем сменам. Чтобы созвать собрание, нужно приурочить это ко дню отдыха. Надо на отчет потратить два дня, а это одно займет почти целый месяц, да еще выборы. Время дается для выборов парторганов очень короткое. Одним словом, масса технических моментов, которые необходимо предусмотреть. Нужно поэтому выработать инструкцию, которая бы дала возможность обеспечить лучшее руководство выборами партийных органов и лучше подготовить партийные организации к выборам в Советы.

Продолжение. См. Вопросы истории, 1992, №№ 2—12; 1993, №№ 2, 5—6.

Нужен особый подход к каждой отдельной организации. Возьмите, например, Калининскую организацию, где я раньше работала, и Воронежскую организацию, где работаю сейчас. Между ними большая разница. Там пролетариат сколачивался давно, имеет в своем составе потомственных почетных пролетариев, выращенный крепкий актив, сама партийная организация со старыми большевистскими традициями. А в Воронеже за две пятилетки мы имеем рост с 5 тыс. рабочих до 50 тысяч. Рост, как видите, очень бурный. У нас часто упускают из виду это обстоятельство, а между тем, нужен разный подход, разная агитация. В Воронежской городской организации больше 9 с лишним тыс. членов партии. 5 1/2 тыс. из них работают в советских учреждениях, 2 тыс. — в вузах, а на предприятиях тоже около 2 тысяч. На 50 тыс. рабочих приходится около 2 тыс. коммунистов на предприятиях — это, конечно, очень мало. А если взять работающих у станка, то еще меньше, 550 человек только. На «Электросигнале» работают 3,5 тыс. рабочих, а коммунистов у станка только 3. На большинстве предприятий партийная прослойка не больше 1%, а на калининских предприятиях — процентов 25. В Воронеже на предприятиях надо, по существу, создавать партийные организации. Наши малочисленные парторганизации не поднимут на этих предприятиях всей сложной работы без повседневной помощи горкома и райкомов.

Надо привлечь к этой работе все приводные ремни: комсомол, профсоюзы, депутатские группы. Но для того, чтобы опираться на профсоюзы, надо и их привести в порядок. У нас во многих профсоюзных организациях деньги транжирили направо и налево. На Воронежской ГРЭС даже троцкисты использовали профсоюзные средства для своей работы. Надо еще учесть большую засоренность на предприятиях, в учреждениях и в вузах. (Шкирятов в Сельскохозяйственном институте у вас плохо — троцкисты есть.) В Сельскохозяйственном институте у нас действительно очень большая засоренность. Оттуда было изъято больше 20 троцкистов. Там есть и правые. Профессор этого института коммунистка Курилова заявила, что она до 1936 г. не понимала вреда связи с фашистами в Германии. Засоренность большая и в других организациях. При обмене партдокументов мы исключили 18 троцкистов, а после этого было выгнано еще 68 троцкистов с новыми партбилетами. Это только по г. Воронежу. Отсюда надо сказать, что успокаиваться нам нельзя. У нас, кроме троцкистов, много правых было: Астров, Нестеров, Слепков и др. В этом году у нас вскрыт эсеровский центр. Воронеж был местом ссылки.

При подготовке к проведению выборов необходимо учесть уроки переписи. Классовые враги распускали слух, что война будет, что надо запастись продуктами. Моментально создались колоссальнейшие очереди. Распустили слух, что подорожает сахар, и все бросились покупать сахар. Церковники всячески привлекали на свою сторону не только стариков, но и молодежь, убеждали ее записываться верующими. Мы стали спрашивать, как же вы пишете, что вы верующие, когда на самом деле вы неверующие? «А что же, чтобы стариков не обидеть. Если мы запишемся неверующими, у них могут и церковь закрыть». «Чтобы не обидеть стариков», они могут черт знает что наломать и во время выборов, если мы не будем дифференцированно работать и среди стариков и среди молодежи. Поэтому нужно уже сейчас подготавливаться.

Нужно уже сейчас заняться расстановкой людей, чтобы не было самотека. Возьмем первое время возобновления приема в партию. Есть замечательные стахановцы, а в партии они не оформляются. Почему? Оказывается, стахановец ждет, когда к нему придут, поговорят, а наши ждут, когда он придет. Нельзя все это предоставлять самотеку. Нам надо решительно покончить с оторванностью некоторых организаций от масс. У нас, например, в Лискинском и Бобровском районах имел место недавно такой случай. Один проходимец начал организовывать запись в правые. Вообще правые у нас есть и в городе и в деревне. 500 человек навербовал. Брал членские взносы с крестьян, работали на него агенты. Он собрал несколько тысяч рублей, а агентам не заплатил. Один из них написал жалобу, которую

адресовал: «Москва. Центр правого уклона. Жалоба. Я старался изо всех сил, вербовал больше чем другие, а они мне не заплатили». Когда из области позвонили, спрашивают, что же у вас там делается, то руководители районов даже не знали, что у них 500 человек завербовано в правые. (Смех.) Разве можно успешно провести выборы при такой связи с массами?

Необходимо принять меры к налаживанию связей с каждым колхозом, с каждым колхозником, а это потребует огромнейшей работы, которая к тому же по времени совпадет с уборкой. Я считаю, что товарищи правильно заостряют вопрос насчет агитации. Это важнейший вопрос. Агитация у нас зачастую формально поставлена и в городе и в деревне. (Звонок председателя.) Качество агитации низкое. Совершенно не считаются с уровнем масс, с особенностями той или иной аудитории. А отсталости у нас еще достаточно у отдельных рабочих. Одного агитатора рабочий-строитель спросил: «Колчак случайно не троцкист был?» Агитатор ответил: «Нет», и этим ограничился. Или, например, рассказывает другой агитатор о чехословаках, что они на востоке дрались с нами, с красными. А один встает и говорит: «Мне географ говорил, что чехословаки на западе, а тут говорят, что они на востоке?» Агитатор говорит: «Нет, на востоке», и пошел дальше. Агитация у нас часто так поставлена: считают, что вопрос проработали, а дать то, что нужно,— не дают. Получается агитация на холостом ходу. Надо коренным образом улучшить качество агитации, надо повседневно ею руководить.

А н д р е е в. Слово имеет т. Стецкий.

С т е ц к и й. Товарищи, правильно, что подготовка к выборам в Верховный Совет и другие органы советской власти начинается с наших партийных организаций, потому что это будет настоящая проверка и мобилизация, подготовка к выборам не только политическая, о которой здесь говорил т. Жданов, но и подготовка организационно-техническая. Надо сказать, что у нас в низах еще довольно фантастическое представление о тайном голосовании, что это такое закрытое, тайное голосование. Так что даже с этой стороны подготовка наших партийных организаций имеет огромное значение. С точки зрения подготовки к выборам по новой Конституции нам надо проверить и вторую отрасль нашей работы, это — массовую работу. Здесь правильно указывалось, какое будет иметь значение и какова будет сложность подхода в этой новой системе выборов.

Дело пока обстоит просто, потому что за кандидатурой, которая выставлялась по списку, стоял авторитет партийной организации, и массы при открытом голосовании по списку большей частью голосовали за партию, иногда вне зависимости от деловых свойств того или другого кандидата, насколько он им известен, и т. д. Сейчас дело будет сложнее при голосовании персональном и тайном. Здесь нужно, чтобы кандидатура и по политическим и по деловым качествам была на виду у масс, и массы знали ее с этой точки зрения.

И не нужно обманываться: нам предстоит большая оживленная избирательная борьба, товарищи справедливо на это указывали. Если говорить о том, по какой линии эта борьба будет вестись, то, конечно, надо сказать, что враждебным организациям трудно будет выступить со своими кандидатами в Верховный Совет, но что касается низовых советов — районных, городских, сельских в особенности, то тут избирательная борьба будет чрезвычайно серьезная. (Сталин. Ряд сельсоветов может попасть в их руки.) И в этом отношении ряд сведений говорит о том, что подготовка идет по этой линии не только со стороны церковников. Тов. Хрущев сегодня говорил относительно эсеровской организации, которая раскрыта в Рязани и которая вела подготовку к выборам. Есть целый ряд других сигналов.

Я вам хочу напомнить еще об этом факте. Радек на Конституционной комиссии выступил с предложением относительно того, чтобы было разрешено выставлять любому гражданину или группе граждан свою кандидатуру в совет. Очевидно, здесь был далекий расчет на то, чтобы

провести кое-кого из своих, своими средствами и т. д. Несомненно, осколки, остатки троцкистской организации и правых еще имеются. А у нас кандидатуры будут выставляться не только от партийных организаций. И вот, что касается низовых советов, то здесь борьба пойдет часто по самым насущным экономическим нуждам, по бытовым вопросам, демагогия будет разводиться враждебными элементами большая. Причем они, конечно, не будут выступать с открытым забралом, а улавливать избирателей на их непосредственных нуждах, формально выступая на советской платформе. С этим, конечно, нужно считаться, и с этой стороны наши организации должны быть подкованы как следует.

В этом отношении, мне кажется, что сейчас нужно не только привести в готовность нашу партию, наши организации, но нужно изучать и лицо избирательных округов. Мы должны знать, кто эти избиратели, что они из себя представляют. У нас в этом отношении часто рисуют себе какую-то сплошную картину: рабочие, колхозники и т. д. На самом деле это совсем не так просто. Избирательные округа совсем не одинаковы, и проводить здесь работу будет сложно. Если взять даже московские районы, то население в ряде этих районов, которое охвачено нашими организациями, нашей организационной работой, представляет большинство в 60—70%. Но еще имеется большой слой людей — это кустари, рабочие мелких кустарных мастерских, люди свободных профессий, слой домашних хозяек и т. д., которые представляют значительный вес и которые обычно не учитываются. К ним тоже необходимо будет подойти, и с ними своевременно нужно поставить работу, чтобы выяснить их нужды, установить, что они из себя представляют, для того, чтобы во время выборов у нас не было никаких неожиданностей.

За последнее время в смысле массовой работы мы имели некоторое улучшение в связи с обсуждением Конституции. Обсуждение Конституции и до VIII съезда советов и после Чрезвычайного VIII съезда советов представляет из себя огромный факт. И массовые собрания, которые происходили повсюду, и кружки по изучению Конституции не только среди партийцев, но и среди беспартийных рабочих и колхозников, которые были организованы и работают в настоящее время повсюду, — они представляют собой событие большой политической важности. Но с точки зрения руководства этим делом у нас обстоит положение чрезвычайно скверно. И если будет так продолжаться дальше, то к выборам мы подойдем неподготовленными. В этом отношении со стороны райкомов и обкомов имеет значение и то обстоятельство, на которое указывают тезисы т. Сталина, — это то, что люди увлеклись хозяйственной работой. С другой стороны, что они переоценивают, делают неправильный вывод из факта безграничного доверия трудящихся масс к нашей партии, считая, что раз мы имеем безграничное доверие, все голосуют за нас, все стоят на советской платформе... (С т а л и н. Некоторые границы доверия все-таки есть. Г у л о д о б р е н и я.) Но сейчас народ за нас, за партию. И, мне кажется, делать из этого вывод, что никакой ни агитационной, ни массовой работы вообще вести не нужно, было бы крупнейшей ошибкой.

Трудностей и недостатков у нас еще много. Выросли и запросы, и культурные и экономические, трудящихся масс. Нельзя оставлять безнаказанно, без внимания, без разъяснения те вопросы, которые волнуют, интересуют массы, отдельные слои, группы, профессии. Любопытный случай совершенно неправильного бюрократического подхода нашел свое выражение в одной партийной организации Саратовской области. Парторганизация Саратовского ОблФУ приняла такое решение: «Поручить парторгу т. Павлову поставить в районном комитете вопрос о нецелесообразности проведения массовой работы в условиях аппарата ОблФУ». Спрашивают, почему? Потому, что некого и незачем агитировать, все грамотны и поэтому незачем вести массовую работу. Вот такое бюрократическое отношение, может быть не столь ярко выраженное, существует и среди некоторых наших руководящих партийных комитетов, где массовая работа, агитационная работа находится сейчас в забросе.

Мы в последнее время проверили целый ряд организаций. Идет обсуждение Конституции, проводятся всякого рода кружки и т. д., а как обстоит с руководством со стороны наших обкомов, со стороны райкомов и т. д.? Ведь целый ряд областных комитетов в течение года ни разу не поставил вопроса о том, что же делается внизу, кто и как эту работу ведет, как направляет эту работу райком и т. д. Это относится к Челябинской организации, к Челябинскому обкому партии, т. Рындин. Это относится к Днепропетровскому обкому. Тов. Хатаевич горячо выступал сегодня за агитацию, но в течение года Днепропетровский обком ни разу не заинтересовался, как же идет эта важнейшая работа по обсуждению Конституции. (Голос с места. Интересовался.) Это относится и к ряду других областей.

Товарищи, это положение чрезвычайно серьезное, потому что оно приводит к тому, что в роли руководителей этих кружков, в роли людей, которые ведут эту работу, оказываются совсем не наши, не советские элементы, не советские люди. В Ивановской обл., например, выяснилось, что в Наволокском р-не вели работу враги партии, исключенные из партии, отданные под суд, которые по-своему разъясняли Конституцию. Так, по Вяземскому р-ну Западной обл. выяснилось, что комсомольцы при изучении истории партии обращались за консультацией к попу, потому что он человек грамотный, а впоследствии поп оказался организатором банды. Вообще надо сказать, что сложность положения заключается в том, что попы сейчас встали как будто на платформу советскую, на платформу Конституции, они служат молебны, выносят всякого рода благодарственные адреса по поводу Конституции и т. д., а на самом деле разъясняют ее по-своему. По целому ряду острейших вопросов они ведут антисоветскую агитацию. Вот все эти обстоятельства надо иметь в виду для того, чтобы направить нашу работу.

Я должен еще сделать замечание: по моему мнению, нам необходимо сейчас подумать о том, чтобы объединить рычаги агитации. Нам придется приводить в движение все — и радио, о недостатках которого вчера говорили, и восстановить перед выборами политический плакат, и листовку, и маленькие популярные брошюры, использовать кино. У нас целый ряд рычагов даже в аппарате Центрального Комитета разбросан: радио находится в одном отделе, плакат находится в другом отделе и т. д. Надо подумать о том, чтобы эти рычаги действовали по одной линии, били в одну точку, потому что иначе мы не сможем как следует направлять всю эту массовую работу.

А н д р е е в. Тов. Евдокимов.

Е в д о к и м о в. Товарищи, вопрос подготовки партийных организаций к выборам по новой избирательной системе и соответственной перестройки партийно-политической работы имеет исключительно важное организационно-политическое значение. Совершенно ясно, что введение новой Конституции означает поворот в политической жизни страны и крупнейший поворот, к которому партийные организации должны быть во всеоружии готовы. Политическая активность масс неизмеримо будет возрастать и усиливаться, как это видно было на примере и на фактах обсуждения проекта Конституции. И, по существу, надо было бы уже готовиться самым энергичным образом, чтобы руководящую роль партийных организаций в выборах по новой Конституции обеспечить полностью. Прав т. Жданов, что подготовка и проведение выборов будет серьезным экзаменом для наших партийных организаций. Поэтому вопрос о перестройке партийно-политической работы поставлен более чем своевременно. В проекте резолюции по докладу т. Жданова совершенно правильно сказано о необходимости в первую очередь проведения до конца во внутрипартийной жизни основ внутрипартийной демократии, основ демократического централизма, как это требует устав партии.

В связи с проведением таких важнейших организационно-политических мероприятий, как проверка и обмен партийных документов, были уже указания и решения ЦК партии о неуклонном проведении устава партии

в работе партийных организаций. Однако эти решения, если взять партийные организации Азово-Черноморского края, слабо проводились, а местами совсем не проводились. В вопросах выборности, отчетности, в вопросах критики и самокритики были крупнейшие нарушения и извращения решений ЦК ВКП(б), что и привело к отрыву руководителей от партийных масс, к бюрократическому загниванию партийного аппарата в ряде партийных организаций, к потере революционной бдительности и засоренности троцкистскими и прочими контрреволюционными элементами партийных аппаратов и руководства.

Контрреволюционная банда троцкистов, зиновьевцев, правых, «леваков» и прочей контрреволюционной нечисти захватила руководство в подавляющей части городов края. Эта банда ставила себе задачей, в целях дискредитации партии и советской власти, развал партийной и советской работы. Она всячески зажимала самокритику, насаждала бюрократизм в партийных и советских организациях, подвергала гонениям людей, осмелившихся выступить против них, что было прямым издевательством над внутрипартийной и советской демократией. Вот что показывают сейчас сами арестованные враги партии. По показаниям Овчинникова: «Колотилин, я (Овчинников), Гогоберидзе, Еремеев, Карпов так построили работу партийных и советских организаций, которые мы возглавляли, что она вызвала резкие недовольства в широких массах, и настраивали людей против руководства ВКП(б) и Соввласти. Делалось это очень просто: мы зажимали самокритику, подвергали людей, осмеливавшихся выступить против нас, всяческим гонениям, вводили в подведомственных нам учреждениях и организациях практику бюрократического руководства и такого администрирования, которое направлено на дискредитацию политики партии и правительства».

Другое показание — Еремеева, который был вторым секретарем Сталинского р-на в Ростове: «После того, как я перешел на работу в Сталинский райком ВКП(б) заместителем Гогоберидзе, он мне объяснил, что я должен использовать свое положение в райкоме в интересах троцкистской организации. Конкретно я должен был, с одной стороны, не допускать разоблачения контрреволюционной деятельности участников организации, а с другой — постановкой работы райкома вызывать недовольство у коммунистов и беспартийных рабочих партийным аппаратом. Практически это делалось таким образом. Поступавшие в райком от рабочих Ростсельмаша материалы с критикой партийного и хозяйственного руководства завода клались мною под сукно. Больше того, прямые сигналы рабочих о вредительстве в ремонтно-механическом цеху оставались без ответа. Если какой-либо из рабочих особенно настойчиво ставил вопрос, связанный с улучшениями в производстве, мы срывали этот вопрос бесконечными совещаниями, на которых определенных решений по этому вопросу не принималось». Имеются факты, когда выступавших с резкой критикой и разоблачением людей подвергали гонению, снимали с работы и даже исключали из партии. В таком же роде, только с некоторыми вариациями и с попыткой спрятать концы в воду, имеются показания арестованных троцкистов и по другим городам края.

Вот показание Меррисона из Таганрога: «Участники организации Шульгов, Тер-Минасов, Мыльников и Гутман зажимали самокритику, душили всякое живое слово, оставляли без последствий заявления и жалобы трудящихся. Всех, кто пытался где-либо на собрании критиковать эти порядки, одергивали и «доказывали» разными достижениями показного порядка. Главным образом это проявлялось в вопросах внутрипартийной жизни и городского хозяйства. В результате ни депутатские группы, ни секции, ни пленумы горсовета не посещались депутатами». Кроме создания недовольства партийной низовки, они ставили себе задачей создание недовольства в рабочей массе, среди трудящихся. В этих целях была развернута в довольно значительном масштабе вредительская работа в городском коммунальном хозяйстве. На эту тему в показаниях врагов партии приводится целый ряд фактов; об этом сейчас много фактов приводится на всех

наших активах, партийных собраниях и на пленумах горсоветов. Товарищи рассказывают также о неправильном направлении и использовании средств горсоветов. Вот у нас в Ростове есть главная улица, довольно широкая, красивая, ярко освещенная улица, которая тянется от Темерника до Ростсельмаша. Зато окраины в темноте. Дороги там не делались, торговая сеть слабая. (Сталин. А фигурантов очень много. Смех.) А фигурантов много.

Жилищный кризис в Ростове сейчас исключительно острый, а враги, засевшие в горсовете, предназначали к сносу 170 жилых домов, намечая устроить «зеленый коридор». Дальше, о школьном строительстве. В 1936 г. строили школы, которые всяким оборудованием, особенно в противопожарном отношении, сознательно не обеспечены. При этом вредители с исключительным цинизмом говорили: «Пусть учатся детишки, а через некоторое время мы им устроим такой костер, что все население Ростова будет проклинать советскую власть до самой смерти». Взять наш театр. На этот театр ухлопали большие миллионы рублей, но в противопожарном отношении он совершенно не устроен, и сейчас запрещают дальнейшее его функционирование. Сигналов и жалоб на эти безобразия было много, об этом говорят сейчас на всех партийных собраниях, на активах, на пленумах горсоветов. При таких делах говорить о внутрипартийной и советской демократии не приходится.

Отчетность перед избирателями не существовала, секции горсовета не работали, а если работали, то секционные предложения в жизнь не проводились. Приведу пример по Новочеркасскому горсовету для характеристики того, как работали некоторые советы. На запрос крайисполкома об организационно-массовой работе от Новочеркасского горсовета получен такой ответ: «Вследствие отсутствия каких бы то ни было материалов, характеризующих работу секций и депутатских групп, отчет выслать не можем». И на этот ответ никто никак не реагировал. Безобразий по Новочеркаску было много вскрыто, но дело не довели до конца. Там незаконно раздавались муниципализированные дома бывшим членам войскового округа и им подобным. Пленум горсовета был засорен чуждыми, антисоветскими, контрреволюционными элементами. Между прочим, по показаниям врага Гогоберидзе они делали ставку на контрреволюционные казачьи элементы, так же, как и в Закавказье на дашнаков, говоря: «Чем же наши казаки-контрреволюционеры хуже дашнаков?» Враги устанавливали смычку с казачьими контрреволюционными элементами, искали какую-то базу, видимо, по принципу — нечего ждать журавля в небе, лучше взять синицу в руки.

Наряду с либеральным отношением к чуждым людям горсовет прямо по-хамски относился к нашим советским людям. Например, семья Подтелкова жила в таких тяжелых условиях, что дочь его умерла от туберкулеза, жена тоже туберкулезная. (С т а л и н. С кооптацией как у вас дело?) Я сейчас скажу о кооптации. Эту старуху Подтелкову устроили подметальщицей улицы, названной именем т. Подтелкова. Все это удавалось делать подлым врагам партии и народа потому, что устав партии, внутрипартийная демократия в ряде городских партийных организаций попиралась самым беззастенчивым образом. О связи с массами. Надо прямо сказать, что по существу ее не было, оторванность партийного руководства от масс была налицо. (С т а л и н. Приветствую.) Руководители партийных организаций на заводах не бывали, с партийной низовкой связи не имели, партийную работу передоверили в ряде организаций, по сути дела, врагам партии, контроль отсутствовал. О кооптации. Кооптация в партийных органах широко применялась, т. Сталин. Из этих кооптированных порядочное количество сейчас сидит в органах НКВД (С м е х.) Кооптация была еще в больших размерах в советах. По материалам, которые у меня имеются, видно, что президиумы некоторых горсоветов, как, например, в Сулине, почти все целиком состояли из кооптированных людей.

Прав был т. Жданов, когда он говорил, что подготовительная работа должна быть начата задолго до выборов. До выборов нам придется

проделать большую работу. Сейчас мы на месте, в крае пока только себя критикуем, а надо, чтобы масса в результате самокритики почувствовала серьезные, ощутительные результаты. Надо сказать, что подхалимство, семейственность у нас в крае приняли большие размеры. Как это ни странно, но такая обстановка была. Я здесь хочу зачитать выдержку из речи одного делегата на таганрогской партийной конференции по адресу врага Вардана: «Блестящий доклад т. Варданиана я позволю себе назвать поэмой пафоса социалистического строительства, поэмой величайших побед рабочих и трудящихся Таганрога. На фоне этих исторических побед ярко вырисовывается конкретное ленинское руководство нашего горкома и на фоне этом еще ярче вырисовывается фигура Степана Христофоровича...» (Смех.) И дальше. «Я хотел бы — и это общее желание делегатов — доклад Степана Христофоровича издать брошюрой на хорошей бумаге и раздать каждому присутствующему здесь делегату..., и пусть этот доклад, эта героическая поэма, симфония нашего строительства будет понята каждым...» Это ведь было на глазах у всех, товарищи. Этот шум, трескотня были не только в Таганроге, но и в Ростове; не отставали такие города, как Новороссийск, и другие. (Звонок председателя.) Я сейчас кончаю. (Смех.)

Дальше, товарищи, деньги ряда горсоветов в Ростове, Таганроге, Новороссийске троцкистами использовались через своих людей на контрреволюционные дела. Вот маленькая справка. Муралов, оказывается, бывал в Таганроге и говорил там своим людям, сидевшим в горсовете: «Вы в Таганроге и Ростове хозяева, все в ваших руках. Нам сейчас более чем когда-либо нужны деньги и деньги. Вы должны использовать свое положение для того, чтобы укрепить материальную базу нашей организации». Бесконтрольность была и в этом отношении. Мало того, из средств даже краевого комитета, из партийной кассы тоже шли деньги на подкорм врагов. Мы с помощью ЦК, специальные люди к нам приезжали, обследовали уже ряд горкомов, везде большой перерасход средств. То же и в самом краевом комитете. Деньги, отпущенные на партийную пропаганду, тратились не по назначению. Тов. Жданов говорил о делопроизводстве. Делопроизводство также с участием представителя ЦК мы проверяли и обнаружили прямо вредительские дела. Учет секретных документов был сознательно запутан. Много важных документов, заявлений членов партии о троцкистах, сводок и материалов НКВД не найдены.

(Андреев. Кончайте.) Ну, ладно. Остановлюсь только на тех условиях, в которых нам придется проводить выборы по новой Конституции (Звонок председателя.), на классовых вылазках и на этом закончу. Об этом надо рассказать, потому что классовый враг не дремлет. (Микоян. Это к 4 пункту специально.) Я и по этому пункту буду высказываться.

Товарищи, после пленума крайкома — это было, Андрей Андреевич, еще до вашего отъезда, собрали мы секретарей райкомов, спрашиваем, как у них с разъяснением Конституции обстоит дело. И, за исключением нескольких, секретари не могли внятно ответить на этот вопрос. В нашем крае, как и в соседнем Северо-Кавказском, находился центр сектантского движения в старой царской России. Сейчас мы столкнулись с тем, что за сектантами никто не смотрит, «Безбожник» ничего не делает. (Ярославский. Да вы же сами денег не даете). Партийные организации не знают, что там у них делают сектанты. Мало того, надо сказать, Николай Иванович, что и чекисты за ними не наблюдают. (Сталин. Чего же ты, т. Евдокимов, смотришь?) Я только что приехал, но смотрел уже, проверял, и обсуждали эти вопросы на бюро горкома. Враги в связи с переписью населения говорили: «Чем больше запишется верующих, тем быстрее пойдут церковные дела. Все пойдет по-старому, и колхозов не будет». (Сталин. Ясно.) А райком спит. Это было в Гиагинском районе. Клуб в районе занят семенами. Все культурные учреждения бездействуют, не отапливаются, а сектанты своими песнопениями занимаются, и у них все удобства имеются, а главное то, что они уже втягивают в это дело молодежь, которая культурно-просветительной работой в районе не охвачена.

Вскрыта у нас группа из так называемых промежуточных элементов, которая в индивидуальном порядке обрабатывает неустойчивых людей, уже распространяет довольно ловкие документы. Выпустила такую шпаргалку... (Звонок председателя. Андреев. Тов. Евдокимов, кончайте.) Суть шпаргалки сводится к тому, что, с одной стороны, признаются достижения Советской власти, а с другой стороны, ведется злостная демагогия насчет цен и насчет единоличников, что, дескать, единоличное хозяйство новой Конституцией допускается, а налогом единоличника давят и т. д. и т. п. Дальше, эсеровская организация в трех донских районах на границе с Украиной, сейчас арестовано 40 человек из эсеровской организации. Они тоже самым энергичным образом готовятся к выборам.

Решения пленума ЦК, которые будут приняты, послужат нам, может быть больше, чем кому-либо, крепко на пользу. Нам нужно по-настоящему поднять и подготовить партийную организацию к выборам, добиться того, чтобы каждый член партии твердо усвоил все огромное значение поворота в политической жизни страны. И дальше... (Звонок председателя. Андреев. Тов. Евдокимов, кончайте.) само собой разумеется, придется все приводные ремни партии — и комсомол и профсоюз и т. д. — задолго до выборов как следует подготовить. Только при этих условиях мы успешно справимся с выполнением стоящих перед нами огромных задач.

Андреев. Товарищи, прежде чем дать слово другому товарищу, я должен предупредить, что некоторые из ораторов не на тему выступают, у нас ведь еще третий пункт порядка дня и четвертый пункт, а вопрос выборности, вопрос демократизма внутри партии выступающие ораторы обходят, — неправильно делают. Слово имеет т. Постышев.

Постышев. Товарищи, по решению ЦК ВКП(б) по Киевской парторганизации о засоренности партийного аппарата я, если мне предоставят слово, будут говорить по докладу т. Сталина. Сейчас я остановлюсь только на тех вопросах, на которые только что обращал внимание выступающих председательствующий. Тов. Жданов в своем докладе сделал исчерпывающий анализ очень серьезных недостатков партийной работы партийных организаций. Главным недостатком является — это чрезвычайное ослабление партийной работы, вернее сказать, заброшенность партийной работы, это, во-первых, грубое нарушение партийного устава, во-вторых, ослабление партийной работы, особенно в городских партийных организациях. Все эти факты имели место, и в очень серьезных размерах, в Киевской парторганизации.

Я вот хотел бы обратить ваше внимание, товарищи, на период борьбы партии за осуществление сталинских пятилеток, на период перестройки сельского хозяйства на колхозный лад. Тогда партийная работа не была так ослаблена, партийные организации очень хорошо отдавали себе отчет в том, что надо мобилизовывать массы на разрешение задач, которые стояли тогда перед всей партией. Связь с первичными партийными организациями, с членами партии, с широкими беспартийными массами у обкомов, горкомов и райкомов тогда была, безусловно, крепче. Я помню очень хорошо, когда нам приходилось строить в Харькове тракторный завод. Мы очень усиленно работали со всей партийной городской организацией; и пропаганда, и агитация, и организационные вопросы тогда поставлены были, повторяю, несравнимо с тем, что имеет место в настоящий период, или когда приходилось очень серьезное сопротивление оказывать кулаку, обкомам удавалось неплохо поставить большую разъяснительную, организационную работу. Тогда мы были связаны с сельскими коммунистами и с сельскими партийными организациями гораздо крепче. Тогда не было такого положения, что мы, приезжая в то или иное село, не обращались бы в первую очередь к партийной организации или к отдельным коммунистам, если там не было парторганизации, обсуждали с ними злободневные вопросы, информировались у них и информировали их. Сейчас приезжаешь в село и видишься в первую очередь с председателем колхоза, с отдельными стахановцами, но с первичной сельской партийной организацией мало сталкиваешься.

Чем это объяснить, что тогда было так, а сейчас иначе? Тов. Сталин полностью прав, что успехи, которые мы одержали на фронте индустриализации и на фронте сельского хозяйства, они успокоили нас. Все идет неплохо, можно теперь и не нажимать особенно. Вместо того чтобы сделать основой всего партийную работу, она выпала у нас из рук. И, конечно, если бы не ударил ЦК ВКП(б) по ряду организаций (Киев, Ростов) заслуженно и правильно, мы бы сами еще долго не увидели бы этих крупнейших недостатков в нашей партийной работе. После решения ЦК ВКП(б) вскрылись наиболее грубые недочеты, чем это было отмечено в самом решении Центрального Комитета по Киеву. Если бы не поставили этого вопроса на пленуме, который примет решения по докладам т. Сталина и т. Жданова по вопросам улучшения партработы, тогда, повторяю, очевидно, дело дошло бы до более серьезных и даже опасных явлений. Но нужно сказать, что самоуспокоенность, конечно, рождает и зазнайство, и мы — руководители, и в частности я, переоценивали и свою роль, и свои заслуги. Переоценка своей роли приводила к очень серьезным ошибкам. Уже ты начинаешь вникать в практическую, повседневную жизнь партийной организации, в работу советских органов, в жизнь масс крестьян и рабочих и трудящихся вообще гораздо меньше, считаешь, что все в порядке, а если есть какие-нибудь недоделки и неполадки, то это мелочи, это устранят другие.

Нарушение устава по Киевской организации имело очень большое распространение. Особенно крепко и грубо нарушен был устав, когда правительство переехало в Киев. Часть членов Киевского областного партийного комитета мы уступили харьковскому руководству, а часть работников, которые являлись одновременно членами харьковского партийного комитета, мы с обоюдного согласия перевели в Киев, считая, что нужно укрепить Киевскую столичную организацию наиболее опытными и крепкими работниками. Потом оказалось, что почти все или значительное число из этих переведенных работников из Харькова в Киев разоблачены как двурушники, троцкисты. За один 1934 г. было кооптировано в Киевский обком 51—52 человека, причем из них оказалось 15 троцкистов. Кооптацией вообще злоупотребляли, настолько грубо попирали устав, что кооптировали даже людей, в которых для обкома или горкома не было никакой нужды (Дзенис, Ашрафян и др.).

Лично мне часто приходила в голову такая мысль: что же получается, ведь первичных партийных комитетов, районных партийных комитетов, по существу, нет как выборных органов. Нужно их давно было заново выбирать, тем более, что устав, в который мы редко заглядывали, не запрещает нам этого делать, а наоборот, обязывает эти выборы производить. У нас на местах сложилась какая-то нелепая традиция, что на этот счет должно быть специальное постановление сверху и перевыборы должны быть массовыми. Мы не поставили этого вопроса перед ЦК ВКП(б), а между тем, именно мы должны были об этом хотя бы сигнализировать ЦК ВКП(б).

Конечно, ясно, что после переезда правительства и ЦК КП(б)У в Киев мы должны были поставить перед ЦК ВКП(б) вопрос о созыве Киевской областной и городской конференций, а мы этого не сделали, а занялись кооптацией и грубо тем самым нарушили устав. Безусловно, нарушение выборности и критики облегчало врагам пролезать в партаппарат и на руководящую хоз- и совработу. Ведь обычно ответработники соваппарата и хозработники являлись членами обкомов и горкомов.

В проекте постановления говорится очень правильно о том, что многие из этих кооптированных оказались или гнилыми людьми, или открытыми врагами партии, которые сейчас разоблачены. Почему? Потому, что они избавились от контроля. Так же, как раньше, до проверки партдокументов, легко можно было получить партийный билет чуть ли не от беспартийного технического работника, так и при кооптации врагам было легко проникать в партаппарат. Причем надо сказать, что кооптировали иногда не на пленуме, а просто опросом.

ЦК очень своевременно крепко ударил по этому злу. Иначе ведь это могло бы привести нас к очень серьезным последствиям. Да и как могло

быть иначе, если выборность нарушалась самым грубым образом и мы имели состав районных комитетов или комитетов первичных партийных организаций только процентов на 70 выбранным, а в отдельных организациях и того меньше. Такое положение имело место и в районных, и в заводских, и в городских, и даже в областных организациях. У нас, в Киевском обкоме, выбранных членов обкома осталось процентов 60, не больше, а 40 или 45% было кооптировано. Примерно так. Перед нами стоит вопрос и о выборности в профсоюзах. Здесь уже говорили об этом. У нас на Украине выборных завкомов очень мало. А ЦК Союзов, которых сейчас очень много и которым Центральный Комитет партии и лично т. Сталин придают большое значение (роль Центральных Комитетов союзов должна быть чрезвычайно большая), до сих пор не поднимали вопроса о выборах. От выборных членов в ЦК профсоюзов остались рожки да ножки. Нельзя сказать, чтобы такие организации, как ЦК профсоюзов и заводские профкомитеты, не играли бы большой роли, роль их огромна. А нарушение выборности в профсоюзах идет от партийных организаций. Если бы партийные организации не нарушали сами грубо устава партии, глядели бы в Устав почаще и других учили бы этому, то у нас и в профессиональных организациях такого положения с выборностью, какое есть, не было бы.

В советских организациях меньше таких явлений, но и там такие явления есть. Беда в том, что очень легко и просто попираются права членов партии, членов профсоюзов. Товарищи, как вам известно, собрания активов свелись к 3—4-часовым заседаниям. 5—6 человек высказались, а потом подается записка из президиума: «Есть предложение о прекращении прений». И актив кончился. На этот недочет нам в свое время ЦК ВКП(б) указал. В профсоюзах делегатских собраний, массовых собраний членов союза за последние два года почти не существует. Понятно, что отсюда упала и ответственность и членов обкомов, и членов горкомов, и членов райкомов партии и профсоюзного выборного актива. В связи с нарушением устава практикой кооптации, в связи с нарушением выборности к чему сводится работа всех членов обкомов и горкомов? Активных членов горкомов и обкомов очень мало, большинство не включаются в партийную работу как члены обкомов, горкомов.

О работе пленумов обкомов, горкомов, райкомов. Происходит пленум областного партийного комитета, а лица пленума как коллектива, как высшей партийной инстанции в области не существует. Члены обкома, присутствующие на пленуме, слушают инструктивный доклад или секретаря обкома, или заведующего отделом обкома, которые нередко читают нотации членам обкома. Нет такого положения, чтобы член бюро обкома чувствовал себя подотчетным перед пленумом обкома. Я не знаю, как в других областях, но у нас, в Киеве, так нередко было, и я на это не раз указывал. (Сталин. Ну, а вообще-то выборы бывали когда-нибудь?). Да, т. Сталин, новые выборы у нас были почти всегда накануне съезда партии. (Сталин. Накануне съезда партии бывали, тут ведь зависимость прямая.) С XVII съезда партии у нас на Украине конференций районных, городских и областных, я говорю за свой период времени, не было. Так, т. Косиор? (Косиор. С 1934 г. не было. В арейкис. После ликвидации МТС не было.) И, к сожалению, голосов, которые требовали бы созыва таких конференций, не было. Разговоры, правда, были, но они были не настойчивые. (Сталин. Почему это, некогда было что ли?) Нельзя сказать, чтобы некогда было. (Сталин. В чем же дело?) Ждали распоряжения сверху. (Много реплик.) Да, да, ждали, что придет распоряжение сверху. (Сталин. А устав?) Устав забыли, т. Сталин.

Я со Шверником, т. Сталин, говорил только вчера, что ЦК КП(б)У вынес решение переизбрать заводские комитеты в коксохимической промышленности. Мне Шверник говорит, что нельзя. Почему? Запрещено, говорит. Кем запрещено? (Шверник. Приостановлено. С мех.) Приостановлено, и все. Мы на Оргбюро ЦК спрашивали председателей заводских комитетов — у вас есть устав, есть указания в уставе, когда переизбираться предзавкомам? Говорят, ВЦСПС запретил, мы без команды ВЦСПС не

можем перевыбирать. Все несчастье нас, руководителей на местах, в том, что, конечно, нас никто этого права не лишал. А устав нас прямо обязывал строго выборность соблюдать. (С т а л и н. Это получилось так — дескать, линия у нашей партии правильная, ЦК неплохой, успехи есть, какого рожна еще вам нужно, какие еще выборы? Некогда!) Правильно, некогда, канителиться нужно. У нас много работы по хозяйству, обойдемся, так сказать, потерпим. Это имело место, вне всякого сомнения. (З в о н о к п р е д с е д а т е л я.) Я сейчас кончаю.

Отчетность имеет, конечно, колоссальное значение, но она вообще ослабла по всем линиям. Я помню, года 2—3 тому назад какую отчетность вели перед рабочими работники коммунального хозяйства или торговые органы, кооперации. Сейчас это почти прекратилось. Почему? Потому что в практике партийных организаций отчетность тоже почти прекратилась. Отчетность делали только во время областной или городской партконференции. (С т а л и н. А самоотчеты бывали.) А самоотчеты бывали. Это местами выродилось в практику, которая, скорее, превращается в своеобразную чистку членов партии, во время самоотчетов много личного вносилось.

Общие партийные собрания должны играть в жизни партийной организации очень крупную роль. 2—3 года тому назад даже крупные работники, если они не могут прийти на собрание своей первичной организации, звонили секретарю и говорили, что заняты, не могут явиться, разрешите не быть. Теперь этого не делают. Тов. Косиор проводил собрание первичной организации аппарата ЦК КП(б)У. И я там был. Заведующие отделами не ходили на собрания своей первичной организации, просто не считали нужным ходить. (К о с и о р. Это было на протяжении трех лет.) Устав о выборности, о дисциплине, об отчетности нарушался, попирался самым грубым образом. Все несчастье в том, — как это получилось и как мы, работники на местах, этого не заметили. (С т а л и н. От успехов.). Совершенно верно. Теперь, когда перейдем к тайному голосованию при выборах в руководящие партийные органы, — это замечательное предложение, — конечно, будет нам проверка, и очень хорошая проверка, и оценка работы руководителей на местах в первую очередь. (С т а л и н. У вас ругаться будут.) Пусть ругают, но, во всяком случае, это поднимет работу, будет крепкая проверка всей работы и руководства на местах. Как только члены партии узнают об этом, они встретят это решение ЦК ВКП(б) очень радостно, потому что члены партии всегда хотели и хотят жить полной партийной жизнью, без помехи. А вся партия в целом еще крепче сомкнет свои ряды вокруг своего ЦК и вождя.

И вот выборы в советы — это тоже серьезное дело. Если мы у себя распустились, внутри партийной организации, так где же нам справиться с многомиллионными массами. (С т а л и н. Депутаты пропадают.) Да, пропадают. И массы теперь иные. Мы очень надеемся на то, что у нас сейчас народ новый, очень сознательный, культурный, поднялся крепко, активный в процессе социалистического строительства. Но эти люди требуют к себе иного отношения. Я думаю, абсолютно правильно то, что предлагается в проекте резолюции по докладу т. Жданова, — то, что нужно устранить все эти недостатки внутрипартийной жизни и практики партийной работы на местах, это безобразное, беспардонное, грубое попираительство основного нашего закона — устава.

А н д р е е в. Слово имеет т. Крупская.

К р у п с к а я. Сейчас в связи с выборами встал со всей остротой вопрос об улучшении качества работы. Доклады о качестве работы делали в разных инстанциях, говорили, на сколько процентов улучшилось качество работы в той или иной области. Сейчас будет идти проверка делом, потому что закрытые выборы будут на деле показывать, насколько партийные товарищи близки к массам и насколько они пользуются авторитетом у масс. Все прения, которые тут происходили, как раз идут по этой линии, указывается на необходимость теснейшей связи с массами. В этом отношении сказалось громадное значение Конституции.

Я бы хотела остановиться на одном вопросе — это на вопросе о качестве пропаганды и агитации. Тут все выступавшие товарищи говорили о необходимости агитации. Но агитация агитации рознь и пропаганда пропаганде рознь. У нас разрыв теории с практикой, который мы постоянно видели в последние годы в программах наших комвузов, совпартшкол и других партийных учебных заведений, отразился и в характере нашей агитации. Мы часто не связываем ее с практическими делами. У нас агитация носит чрезвычайно общий характер, а связи с практическими делами нет. Пропаганда становится каким-то отдельным «предметом», представляет собою нечто отдельное от всего нашего подхода к разрешению практических вопросов, от нашей агитации. Партия, конечно, вносила большие поправки в этом отношении, такой поправкой было, например, введение политотделов. Когда колхозники рассказывали или писали о работе политотдельщиков, то говорили про них: «Они во все наши дела вникают». Это умение вникать во все дела, ставить пропаганду и агитацию так, чтобы она связывалась с делами, — это, по-моему, один из важнейших вопросов. Теперь введение Конституции очень улучшает нашу агитацию и пропаганду.

Как-то на днях я получила из Западной Сибири письмо с Томской железной дороги, станция Мундебош. Пишет жена рабочего о работе поселкового совета, о том, как работают там партийцы, но главное, что бросается в этом письме в глаза, во-первых, то, что это — человек в политическом отношении сознательный, очень хорошо относящийся к партии, очень хорошо относящийся ко всей партийной работе. Письмо написано малограмотно, но очень горячо, в нем много теплых не формально сказанных, а своих слов и о Ленине, и о Сталине, и о партийной работе вообще, так что видно, что свой человек пишет. И вот эта самая жена рабочего рассказывает, как у них перепись происходила. Она говорит: «Во время переписи мы не знали, для чего она». Эта самая жена рабочего в письме негодуяще говорит о троцкистах, о зиновьевцах (правда, она говорит в единственном числе: троцкист, зиновьевец). Она в связи с переписью говорит о том, что нужна бдительность, а то мы еще в руках врага, и приводит в пример общесоюзную перепись. Она рассказывает, как во время этой переписи они — женщины — бегали друг к другу и спрашивали: «Для чего это?» «Наши враги нам сказали, а мы поверили, что это печать будут огненную ставить и поэтому все написали, что мы верующие, а потом я встретила человека из политотдела, и он объяснил, в чем дело. Мы, — пишет она, — не хотим быть уж такими темными и неграмотными».

«Тут у нас очень плохо на станции», — продолжает она и начинает рассказывать о работе поселкового совета, там очень много о коровах, о сене, как неправильно, вредительски все делается, пишет о партийном товарище, который работает в поселковом совете, во все эти дела не вникает и, кроме того, выпивает здорово. Критика работы этого партийца очень резкая. И делает она вывод: «Учиться нам надо, чтобы так нас не обманывали». «Причем, — говорит, — нас, женщин, учить «презирают». Это очень характерное письмо. Она говорит, между прочим, об эсерах. Очень типичное такое письмо, оно показывает необходимость соединения пропаганды и агитации с широкой разъяснительной работой. Ее часто не хватает. Говорят, «зиновьевец, троцкист», думают, что этим все сказано.

У нас в былые времена разъяснительную работу политпросветы проводили, и я помню, в свое время, когда борьба с кулаком шла, как у нас, например, в избах-читальнях избачи подвергались со стороны кулаков нападениям, поджигали их дома и т. д. Но в 1930 г. Главполитпросвет был упразднен, и с тех пор как-то все эти наши клубы, политпросветы превратились просто в места развлечения. Вся политическая серьезная работа, на которую в свое время так напирал Владимир Ильич: вопросы справочной работы, работа разъяснительная, которая раньше была в центре внимания, она отодвинута на задний план, получился, как я в наших наркомпросовских разговорах выражалась, «балалаечный уклон». Не то, чтобы искусство тут было, искусство — это организующая вещь, а так собрались, попели, поиграли в шашки, побренчали, а дела-то нет.

Сейчас, по-моему, стоит вопрос, очень серьезный вопрос, который никак нельзя откладывать, о том, чтобы поставить на настоящую высоту вот эту разъяснительную работу через ряд разных учреждений: клубов, изб-читален, домов культуры и т. д. Но только как поставить? Так, чтобы вся их работа действительно связалась со всей политической работой, чтобы это было, по существу дела, глубокой политической работой. Тогда это будет помощь пропаганде и агитации, помощь очень большая. Сейчас очень большое презрение к этой работе. Только и знаешь, что всем звонишь, и ко всем пристаешь, и всем надоедаешь: то о том, чтобы инспектора по политпросветительной работе не упразднили, а то вот из Сталинграда приходит телеграмма: 42 политпросветинспектора упразднены по случаю сокращения штатов. Ну, начинаешь Андрею Андреевичу названивать. Нельзя же так приставать к людям, как мы пристаем. Надо, чтобы отношение к делу было другое как со стороны советских, так и партийных организаций.

Или вот я вчера передала т. Варейкису письмо с Дальнего Востока о Сахалине. Это тоже замечательное письмо, молодой комсомолец рассказывает, как они приехали в Рыбновский район, кажется, так это называется на Сахалине, где никаких признаков политпросветской работы нет. Когда спросили, почему нет, то сказали, что нет работников. Туда послали шесть политпросветчиков. Один поехал с семьей. И вот, когда они приехали, то хотя там знали о том, что они приедут, но не нашли нужным даже послать лодку навстречу. И пришлось одному комсомольцу, вот тому, который пишет, вплавь переправиться за лодкой, чтобы перевезти семью и остальных товарищей на берег. Когда читаешь это письмо, оно показывает, какие у нас, с одной стороны, замечательные люди выросли. Этот комсомолец, например, рассказывает эпически, как он вплавь перебирался и как всех он их переправил. Потом, говорит, жить негде было, пока под лодкой, говорит, жили, но моя мокрая семья запротестовала, а я, говорит, ее утешал. А потом говорит: «Будет о себе, я комсомолец и должен терпеть». Но, конечно, терпеть не в старом смысле, не в религиозном смысле, а терпеть — свое личное дело подчинять общему. Вот все эти вопросы стоят сейчас с очень большой остротой, и тут надо, конечно, чтобы эта работа развернулась как можно шире.

И еще я хочу на одном вопросе остановиться, это — на вопросе о том, как работают у нас советы. Ведь вопрос о работе советов и секций советов стоит очень остро. Что же у нас совет по существу делает? Это организатор широких масс, так всегда мы понимали и старались, чтобы каждая секция советов захватывала целые области работы, организуя массы вокруг нее. Я должна сказать, что в целом ряде горсоветов это ничуть не соблюдается. Распределение депутатов по секциям происходит чисто механически, на глазок: вот столько-то туда-то, столько-то туда-то. Обсуждения вопроса нет. Работа секций подменяется работой бюро. Так что вся вот эта большая организаторская работа, которая должна прделываться советом, она сводится на нет. А ведь обсуждение вопросов имеет громадное организационное значение. Сейчас, в связи с предстоящими выборами необходимо, конечно, эту работу немедленно перестроить, не дожидаясь даже выборов, потому что время терять нельзя. Время не ждет.

Тут уже очень много говорили относительно антирелигиозной пропаганды. Красноармеец из Азербайджана пишет: «Обратите, пожалуйста, внимание на работу среди тюрчанок, на муллистов, на работу мулл. А то я женился на тюрчанке, я ей говорю про Ленина, про Сталина, а она мне — про муллу». Но здесь вопрос не просто в том, чтобы крепче обругать муллу. Они — муллы, попы, сейчас стали чрезвычайно хитры, знают, как подойти. Начинают с ребят, все наши недостатки работы они подхватывают. Вот, например, вопрос о дисциплине в школе, о том, что в школе дисциплина плоха. У нас бывает так, что в Ленинграде учитель в зубы дает ученику, и это проходит мимо внимания органов просвещения. Иногда приходится и по этому поводу очень длинные разговоры вести. Так вот, вопрос о дисциплине. Поп приходит на родительское собрание и говорит: «Не кажется ли вам, что те ребята, которые ходят в церковь, они гораздо

дисциплинированнее, организованнее? Вы вот выгоняете,— говорит,— ребят из класса, из школы, разные воздействия на ребят применяете, а те ребята, которые ходят в церковь, они ведь иначе себя держат». И эта агитация клюет, потому что она опирается на наши промашки, недочеты. Все это я говорю к тому, что, по-моему, надо сейчас же начать укреплять работу политпросветов, тесно связать их работу с политикой. И затем надо бы сейчас же начать улучшать работу секций, что поможет шире вести подготовительную работу к выборам.

Андреев. Поступило предложение прения прекратить. (Голоса с мест. Правильно.)

Андреев. Выступило 15 ораторов. Нет возражений против прекращения прений? (Голоса с мест. Нет.)

Андреев. Заключительное слово имеет т. Жданов.

Жданов¹. Товарищи, в прениях был затронут и подвергся дискуссии вопрос относительно перестройки работы приводных ремней — других организаций, главным образом, советских организаций. Говорили здесь и о профсоюзах, и о комсомоле, и о других массовых организациях. Это очень важное дело, и, конечно, нам придется эти организации перестраивать до выборов в духе той работы, которую мы должны провести и в партийной организации. Но я думаю, что перестройка самой партийной организации является важнейшим условием и первейшим средством для того, чтобы приступить как следует к перестройке других организаций. (Сталин. Перестройке советских организаций.) Да. Я думаю, что условием перестройки и советских, и профессиональных, и комсомольских организаций является прежде всего перестройка самой партийной организации как основной руководящей силы, как основного руководящего ядра всех наших организаций, как это записано в нашей Конституции. Я не думаю, чтобы мы должны были отказаться и не вести работу по решительному улучшению работы массовых организаций, профсоюзов, советов, комсомола и т. д. Но настоящая перестройка этого дела, она, конечно, связана с тем, в какой мере удастся нам перестроиться,— это корень всех вещей.

Вопрос относительно выборности партийных организаций, распространение кооптаций и других нарушений внутрипартийной демократии и основ демократического централизма. Из прений видно, что дело это зашло очень далеко, что навыки и пережитки прошлого периода, до введения новой советской Конституции, связаны с тем, что наши люди отвыкли и от выборности, и от отчетности, что увлеченные большими успехами, об этом и в реплике т. Сталин сказал, решили, что можно подготовить это и без регулярной выборности. Дело это, как мы видим, зашло далеко. Мы имеем дело с безответственностью перед партийными массами. Наши партийные организации зашли очень далеко. Поэтому здесь надо иметь в виду, что, очевидно, это элементы бюрократического централизма, а затем и в докладе т. Сталина, в отдельных предложениях по докладу т. Сталина, этот вопрос должен быть разобран. Эти элементы бюрократического централизма, они в партийных организациях существуют и до сих пор широко распространены. Здесь мы забыли то положение, которое т. Сталин подчеркивал неоднократно, когда он указывал еще на XIII партийной конференции в докладе об очередных задачах партии, еще в 1924 году. Он тогда говорил, что у нас имеются в партии некоторые немарксистские взгляды, что партия наша является не самостоятельным органом, а чем-то вроде учреждения низшего, среднего, высшего. Я думаю, что та практика, которая здесь была на пленуме изложена, и теперь вскрыта, с исчерпывающей полнотой показывает, что эти взгляды, что наша партийная организация — не самостоятельный орган, а что-то вроде системы учреждений низших, средних, высших, то, о чем нас предупреждал т. Сталин, имеет место в ряде наших организаций и с этим надо повести решительную борьбу.

Здесь выступал ряд товарищей. Хатаевич выступал, его речь была страдальческой речью, он говорил, что хочется вновь прорваться и к партийным собраниям, и к отчетности, эти стремления вполне законны. Ведь вы знаете, что за нас партийной работы никто вести не будет. Это мы

должны с полной откровенностью сказать: «Мы ведем и хозяйственную, и советскую, и другую работу». Мы, как видно, увлеклись мелочными вопросами хозяйственного строительства. Но мы должны твердо понимать, что главная наша ответственность — это партийная работа, ответственность за нее лежит целиком и полностью на нас. Ответственность целиком ложится на наши плечи и ставит перед нами серьезные задачи. Здесь речь т. Кабакова была показателем того, что партийная работа в ряде организаций очень серьезно забыта, и т. Кабаков обо всем говорил. Говорил о киномеханике, о материальной части, о радио, все это очень важные и очень существенные вещи. Говорил также и о том, что у него было 800 тыс. населения в городах Урала, а теперь стало 2 млн. в силу того, что ему подкинули из других областей, краев не вполне годных элементов. Все это существенное и важное. Но когда был поставлен т. Молотовым перед т. Кабаковым вопрос, как с кооптацией, он говорит: «Я потом скажу». То есть любую тему затрагивает, на любой теме останавливается, а коренные вопросы, которые были поставлены, очевидно, не являются такими важными и существенными.

Я, товарищи, думаю, что это показывает, что дело обстоит так, что еще существует недопонимание, недооценка, известный перелом еще не создан и его необходимо создать и в первую очередь у нашего руководства. В первую очередь это зависит от руководства партийных организаций. (Постышев. Правильно. Голоса с мест. Правильно, правильно.) Как мы этим делом завернем, очевидно, так будет дело поставлено и в партийных организациях. От нас это зависит в первую очередь, здесь прав т. Хатаевич и другие товарищи, которые говорили по этому поводу.

Несколько слов относительно порядка выборов. Здесь товарищи говорили о том, что необходимо дать указания, как провести тайное голосование, очевидно, по вопросу о том, скворешница ли будет или шары катать. Это дело очень существенное, но, мне кажется, сейчас нужно нам иметь не инструкцию, а надо знать, одобряется ли сам принцип. Мне кажется, что против принципа тайного голосования, против принципа закрытого голосования здесь никто не возражал, наоборот, товарищи подчеркивали исключительную важность этого дела и существенное значение для обеспечения действительной свободы выборов. Мне кажется, что здесь дело обстоит таким образом, что сам процесс выборов должен быть разделен на две стадии. Первая стадия, когда идет обсуждение, когда идет совершенно открытое обсуждение любых кандидатур. Любой имеет право называть любую кандидатуру в любом партийном комитете. Это первая стадия. Затем все эти обсужденные товарищи, названные, они голосуются закрытым голосованием, это — вторая стадия. Все они поступают на голосование путем непосредственного закрытого голосования. (Гамарник. У нас же есть практика партийного съезда). Можно взять как образец и пример эту практику выборов нашего партийного съезда тайным голосованием. Я думаю, что эта практика может быть целиком и полностью использована и местными партийными организациями.

Теперь по вопросу о кооптации. Здесь товарищи указывали, что много кооптации было проведено в связи с необходимостью переброски. (Сталин. Я извиняюсь. Очевидно, будет список одобренных и отведенных кандидатов. К предварительному обсуждению привлекаются члены партии. Выставляется группа лиц неотведенных, составляется список и раздается. Любой из членов партии зачеркивает в списке тех, кого он не хочет. Голос с места. Это не голосование списком, а персональное голосование.) Совершенно верно, это не голосование списком, а персональное голосование. Теперь относительно кооптации. Некоторые товарищи указывают, что расширенное применение кооптации было связано с тем, что приходится перемещать секретарей и других ответственных партийных руководителей и в силу этого вводить новых в тот или иной партийный комитет.

Я думаю, во-первых, если у нас выборы партийных организаций будут происходить в точно установленные сроки, то не будет ничего трудного и грешного, если человек два-три месяца не будет выбран. Он будет

выполнять обязанности секретаря, но не будет членом партийного комитета, а на предстоящей конференции он будет избран в партийный комитет. У нас сейчас происходит так, что членом партийного комитета он становится одновременно с получением того или иного партийного поста. Это вовсе не обязательно. Это касается и комсомола и других советских работников. Он будет до конференции исполнять обязанности секретаря, не будучи членом партийного комитета. (Сталин. Не секретарь, а исполняющий обязанности. Голос с места. До выборов? Сталин. Да, до выборов. Постышев. Правильно.) А после выборов это будет выбранный секретарь. (Голос с места. А правом голоса в партийном комитете он пользуется? Сталин. Нет, конечно, не пользуется. Голос с места. Пользуется правом совещательного голоса.) Да, пользуется правом совещательного голоса. Это совершенно ясно.

Теперь, товарищи, вот еще одна деталь по вопросу кооптации. У нас кооптация в значительной мере была связана с текучестью кадров, с этой самой переброской. В предложениях т. Сталина, которые вносятся по пункту 4-му порядка дня пленума ЦК насчет того, чтобы — да простит мне т. Сталин, что я берусь за его дело. (Сталин. Я очень извиняюсь). Эти предложения т. Сталина о том, чтобы каждый руководитель снизу доверху имел двух заместителей, это есть радикальное решение вопроса о прекращении текучести кадров. Это есть гениальное предложение по части подработки и внедрения новых кадров. Тогда не нужно будет перемещать людей из района в район, ибо каждый руководитель должен готовить себе смену, при этом не в единственном лице, а в двух лицах. Это предложение кардинальным образом разрешает вопрос о текучести кадров. А если взять вопрос... (Постышев. А вот тут не соглашаются, говорят — как же так смену себе готовить?) Да, именно смену, а вы что думаете, что каждый руководитель не должен думать о смене? (Сталин. Они хотят в готовом виде себе все получить.) Через ЦК.

Товарищи, и вот, когда здесь выступающие товарищи говорили относительно бедности кадрами, которая заставляет их делать всякие постоянные перегруппировки и переброски, — я думаю, что у нас резервов и возможностей для выдвижения кадров исключительно много, вы посмотрите, как у нас растут партийные и беспартийные люди, вот посмотрите на беспартийных стахановцев, да и не только стахановцев, а возьмите жен, которых собирали недавно на всесоюзное совещание. А что вы думаете в смысле яркости, в сочности, полноценности агитации, в смысле новых форм и новых методов агитации они, если хотите, и в смысле форм выражения этих тем и содержания, они, вернее, некоторые из них, честное слово, многих наших выработавшихся агитаторов перекроют и перекрывают. Я думаю, что нам здесь нужно говорить не о персонах.

Людей масса вокруг нас, людей очень много таких, которые давно уже ждут выдвижения, но мы их не видим в силу недостатка демократизма у нас, который мешает нам видеть новых людей, и многие люди у нас перестают, а переставая и будучи забытыми, они становятся даже резервом для недовольных внутри нашей партии. Я считаю, что с этой точки зрения переход к тайному голосованию, переход к действительной выборности наших партийных организаций, — он действительно в этом отношении поможет нам огромный резерв партийных кадров поднять, которые есть у нас. Еще Ленин говорил во времена, когда у нас кадров работников было действительно мало, он говорил, что надо расстрелять тех, которые говорят, что у нас мало кадров, а это ведь было в 1903 году. (Сталин. Сколько угодно талантов, только их не выдвигают вовремя, и они начинают гнить, переставают.)

Об агитации несколько слов. Тут правильно говорили товарищи, что наша агитация, она захватывает главным образом передовых рабочих, отдельные колхозы. (Голоса с места. И часто эта агитация скользит по поверхности.) Я сейчас о содержании не говорю, но она совершенно не охватывает огромного количества слоев среди тех людей, которые готовы нам помочь в любое время, в любое время готовы откликнуться и быть

нашими друзьями, непартийными большевиками, это огромное количество. Я имею в виду здесь домохозяек, мелкий городской люд и т. д.— имя им легион. Надо прямо сказать, что мы агитационной работой их не охватываем, мы работаем на крупных предприятиях, есть у нас излюбленные колхозы. Вот, если взять колхозы, у нас есть колхозы, в которых бывают районные работники раза два-три в год, а есть много колхозов, большей частью проваленных, и в этом главная опасность, опасность вот в этих глухих уголках, о которых говорил т. Эйхе, в которые вообще не заезжают потому, что там очень плохо работают. Ведь это абсолютно неправильно, как раз наоборот надо работать, нам необходимо обращаться к тем, которые не являются стахановцами и передовиками.

Содержание нашей агитации зачастую не отвечает прямо и откровенно на поставленные рабочими вопросы. Вот возьмите, в связи с проведением Конституции, с любым нашим мероприятием, в связи с последним процессом, ведь у нас масса вопросов, на которые рабочие откликаются, в партийном комитете есть список этих вопросов, но на эти вопросы часто не отвечают, избегают отвечать на трудные вопросы, и откровенно и прямо не отвечают на вопросы, на которые нужно отвечать не сразу, а подумавши. Это неправильно, наша агитация должна быть правдивой, наша агитация должна отвечать на все вопросы рабочих и не оставлять их без внимания, без ответа, ибо, если мы не ответим, то без нас кто-нибудь ответит,— свято место пусто не бывает.

И третий вопрос — наши агитколлективы, которые находятся в большом загоне и забросе. Они точно так же обслуживают, главным образом, фабрично-заводские предприятия и организованных людей. А что касается агитаторов, которые бы работали по ЖАКТ'ам, по ВУЗ'ам и ВТУЗ'ам, здесь наши районы не охватывают этого дела. Необходимо обзавестись и этими кадрами людей. Возможности у нас здесь исключительные. Все в наших руках находится: и радио, и кино, и газеты, и черт знает сколько средств агитации! Пользуем мы эти средства? Совершенно недостаточно. Вопрос идет о том, чтобы наладить эту работу, и это очень серьезное дело.

Какие поправки необходимо внести, которые вытекают из прений и которые можно было бы внести в проект предложений по обсуждаемому вопросу? Первая поправка касается вопроса относительно срока перевыборов. Здесь товарищи выступали и указывали... (П о с т ы ш е в. Выборов, а не перевыборов.) указывали, что необходимо несколько оттянуть, отсрочить окончание выборов в организациях южных районов Союза, которые раньше вступают в сев. В связи с этим имеется такое предложение: пункт 4-й предложений сформулировать так. Сказано здесь: «двухмесячный срок» и т. д. Есть предложение так сформулировать этот пункт: «Провести во всех партийных организациях не перевыборы, а выборы партийных органов, начиная от партийных комитетов первичных парторганизаций и кончая краевыми и областными комитетами и ЦК нацкомпартий, закончив выборы не позже 20 мая». (Ш к и р я т о в. Это подходяще.)

Затем вторая поправка касается формулировки вот этого всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права. У нас в Конституции записано: «Всеобщее, прямое, равное избирательное право при тайном голосовании». Я предлагаю везде, где идет об этом речь, формулировать именно так. В связи с этим на 4-й странице в первом абзаце, который начинается словами «Следствием введения такого всеобщего, прямого, равного избирательного права при тайном голосовании будет дальнейшее усиление...» и дальше до конца. Точно так же аналогичная поправка вносится на странице 6 в абзаце, который начинается словами: «Пленум ЦК считает, что ликвидация этого и подобных ему недостатков...» и т. д. до конца. Больше у меня поправок нет. (Г о л о с а с м е с т. Хорошо!)

А н д р е е в. Есть предложение, товарищи, ввиду того, что при обсуждении этого вопроса особых поправок и дополнений не было внесено, кроме тех, которые уже т. Жданов огласил и включил в проект, комиссии не создавать, а окончательно принять решение на пленуме. (Г о л о с а с м е с т. Правильно.) Нет возражений? (Г о л о с а с м е с т. Нет.) Значит, голосую

проект с внесенными поправками. Есть ли у кого еще поправки и дополнения к этому проекту? (Голоса с мест. Нет.) Тогда разрешите голосовать. Кто за то, чтобы принять внесенный проект с поправками? Прошу поднять руки. Прошу опустить. Кто против? Кто воздерживается? Значит, проект принят единогласно. Теперь перед тем, как объявить перерыв, для сведения членов комиссии: продолжение заседания комиссии состоится сейчас же после объявления перерыва в зале Политбюро. Для пленума объявляется перерыв на полчаса ².

[...] ³ (Читает.) «...передать дело Бухарина и Рыкова в Наркомвнудел» Проект принят единогласно.

Андреев. Есть ли желающие высказаться? Нет. Есть ли другие предложения, кроме внесенного т. Сталиным? Нет. Есть ли поправки к предложению, внесенному т. Сталиным по поручению комиссии? Нет. Голосовать в целом? Голосую. Я должен предупредить товарищей, что голосуют, кроме членов ЦК и кроме кандидатов в члены ЦК, также и члены Комиссии партийного контроля, согласно устава. Кто за то, чтобы принять предложение, прошу поднять руки. Опустите. Кто против? Нет. Кто воздерживается? Два. Итак, решение принято при двух воздержавшихся — Бухарин и Рыков. На этом заседание закрывается до завтра, до 12 часов.

Подготовка партийных организаций к выборам в Верховный Совет СССР по новой избирательной системе и соответствующая перестройка партийно-политической работы

Резолюция Пленума ЦК ВКП(б) по докладу т. Жданова,
принятая 27 февраля 1937 г.

Введение новой Конституции Союза ССР означает поворот в политической жизни страны. Существо этого поворота заключается в проведении дальнейшей демократизации избирательной системы в смысле замены не вполне равных выборов в советы равными, многостепенными — прямыми, открытых — закрытыми. Если до введения новой Конституции существовали ограничения избирательного права для служителей культа, бывших белогвардейцев, бывших людей и лиц, не занимающихся общественно полезным трудом, то новая Конституция отбрасывает всякие ограничения избирательного права для этих категорий граждан, делая выборы депутатов всеобщими. Если раньше выборы депутатов являлись неравными, так как существовали разные нормы выборов для городского и сельского населения, то теперь необходимость ограничения равенства выборов отпала и все граждане имеют право участвовать в выборах на равных основаниях. Если раньше выборы средних и высших органов Советской власти были многостепенными, то теперь, по новой Конституции, выборы во все советы от сельских и городских вплоть до Верховного Совета будут производиться гражданами непосредственно путем прямых выборов. Если раньше выборы депутатов в советы производились открытым голосованием и по спискам, то теперь голосование при выборах депутатов будет тайным и не по спискам, а по отдельным кандидатурам, выдвигаемым по избирательным округам. Наконец, Конституцией вводится всенародный опрос (референдум).

Эти изменения в избирательной системе означают усиление контроля масс в отношении советских органов и усиление ответственности советских органов в отношении масс. Следствием введения всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании будет дальнейшее усиление политической активности масс, вовлечение новых слоев трудящихся в управление государством. Тем самым диктатура пролетариата становится более гибкой, а стало быть, более мощной системой государственного

руководства рабочего класса обществом, база диктатуры рабочего класса расширяется, ее основа становится более прочной. Чтобы встретить этот поворот во всеоружии, партия должна стать во главе этого поворота и обеспечить полностью свою руководящую роль в предстоящих выборах высших органов страны.

Готовы ли партийные организации к такого рода руководству? Что требуется от партии для того, чтобы она могла стать во главе этого поворота, во главе новых, до конца демократических выборов? Для этого требуется, чтобы партия сама проводила последовательную демократическую практику, чтобы она проводила до конца во внутрипартийной жизни основы демократического централизма, как этого требует устав партии, чтобы она сама имела необходимые условия, в силу которых все органы партии являлись бы выборными, чтобы критика и самокритика развивалась в полной мере, чтобы ответственность партийных органов перед партийной массой была полная и чтобы сама партийная масса была полностью активизирована. Можно ли сказать, что все партийные организации уже готовы выполнить эти условия, что они уже перестроились полностью на демократический лад? К сожалению, нельзя этого сказать с полной уверенностью. Об этом говорит имеющаяся в некоторых организациях практика нарушения устава партии и основ внутрипартийного демократизма. Каковы эти нарушения?

Выборность партийных органов, установленная уставом партии, в ряде организаций нарушена. Установленные уставом партии сроки выборов парторганов парторганизациями не соблюдаются. Широкое распространение получила ничем не оправдываемая практика кооптации различных руководящих работников в члены пленумов райкомов, горкомов, крайкомов, обкомов, ЦК нацкомпартий. Установленный уставом партии порядок утверждения вышестоящими партийными органами секретарей парткомитетов в ряде парторганизаций фактически превращен в назначенство. Утверждение секретарей парткомов нередко происходит до избрания их в местных парторганизациях, а это на практике приводит к тому, что местные парторганизации не имеют возможности обсудить кандидатуру рекомендуемого работника. Утверждение на выборных должностях и снятие с работы часто происходит в порядке опросных решений парторганов и без рекомендации новых работников пленуму партийного комитета, а также без разъяснения парторганизациям мотивов снятия того или иного партийного руководителя. Что касается выборов парторганов, то все еще существует практика, в силу которой обсуждение списков кандидатов происходит лишь на предварительных совещаниях, советах старейшин, собраниях делегаций, причем, как правило, прения по кандидатурам на самих пленумах и конференциях не открываются, голосование производится списком, а не персонально, и, таким образом, выборная процедура превращается в простую формальность.

Все эти факты нарушения основ демократического централизма наносят партии вред, так как они тормозят рост активности членов партии, лишают актив, имеющий особое политическое значение в жизни нашей партии, возможности участия в руководящей работе, лишают членов партии их законных прав контроля над деятельностью парторганов и тем самым нарушают правильные взаимоотношения между руководителями и партийными массами. Яркими примерами такой практики являются вскрытые ЦК ВКП(б) за последнее время факты вопиющей запущенности партийно-политической работы в Азово-Черноморском крайкоме, Киевском обкоме и ЦК КП(б)У и других парторганизациях, выражающиеся в грубых нарушениях устава партии и принципов демократического централизма в смысле отхода от выборности парторганов и введения нетерпимой практики кооптации.

Пленум ЦК ВКП(б) подчеркивает, что примеры неправильного руководства, вскрытые в Киевском обкоме и Азово-Черноморском крае, не единичны, а присущи в той или иной мере всем краевым и областным парторганизациям. Пленум ЦК ВКП(б) считает, что ликвидация этих и подобных

им недостатков является тем необходимым условием, без которого не могут быть выполнены новые задачи партии, возникшие в связи с фактом поворота в политической жизни страны, с принятием новой Конституции и с предстоящими выборами высших органов страны на началах всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

Необходимо поэтому перестроить партийную работу на основе безусловного и полного проведения в жизнь начал внутрипартийного демократизма, предписываемого уставом партии. Пленум ЦК ВКП(б) считает необходимым осуществить и обязывает все парторганизации провести в жизнь следующие мероприятия: 1. Ликвидировать практику кооптации в члены парткомитетов и восстановить, в соответствии с уставом партии, выборность руководящих органов парторганизаций. 2. Воспретить при выборах парторганов голосование списком. Голосование производить по отдельным кандидатурам, обеспечив при этом за всеми членами партии неограниченное право отвода кандидатов и критики последних. 3. Установить при выборах парторганов закрытое (тайное) голосование кандидатов. 4. Провести во всех парторганизациях выборы парторганов, начиная от парткомитетов первичных парторганизаций и кончая краевыми, областными комитетами и ЦК нацкомпартий, закончив выборы не позже 20 мая. 5. Обязать все парторганизации строго соблюдать в соответствии с уставом партии сроки выборов парторганов: в первичных парторганизациях — 1 раз в год, в районных и городских организациях — 1 раз в год, в областных, краевых и республиканских — 1 раз в 1½ года. 6. Обеспечить в первичных парторганизациях строгое соблюдение порядка выборов парткомов на обще заводских собраниях, не допуская подмены последних конференциями. 7. Ликвидировать имеющую место в ряде первичных парторганизаций практику фактической отмены общих собраний и подмены общего собрания цеховыми собраниями и конференциями.

Дело тт. Бухарина и Рыкова

Резолюция Пленума ЦК ВКП(б) по докладу т. Ежова.

1) На основании следственных материалов НКВД, очной ставки т. Бухарина с Радеком, Пятаковым, Сосновским и Сокольниковым в присутствии членов Политбюро и очной ставки т. Рыкова с Сокольниковым, а также всестороннего обсуждения вопроса на Пленуме — Пленум ЦК ВКП(б) устанавливает, как минимум, что тт. Бухарин и Рыков знали о преступной террористической, шпионской и диверсионно-вредительской деятельности троцкистского центра и не только не вели борьбы с ней, а скрыли ее от партии, не сообщив об этом в ЦК ВКП(б), и тем самым содействовали ей.

2) На основании следственных материалов НКВД, очной ставки т. Бухарина с правыми — с Куликовым и Астровым, в присутствии членов Политбюро ЦК ВКП(б), и очной ставки т. Рыкова с Котовым, Шмидтом, Нестеровым и Радиным, а также всестороннего обсуждения вопроса на Пленуме ЦК — Пленум ЦК ВКП(б) устанавливает, как минимум, что тт. Бухарин и Рыков знали об организации преступных террористических групп со стороны их учеников и сторонников — Слепкова, Цетлина, Астрова, Марецкого, Нестерова, Радиана, Куликова, Котова, Углова, Зайцева, Кузьмина, Сапожникова и других и не только не вели борьбы с ними, но поощряли их.

3) Пленум ЦК ВКП(б) устанавливает, что записка т. Бухарина в ЦК ВКП(б), где он пытается опровергнуть показания поименованных выше троцкистов и правых террористов, является по своему содержанию клеветническим документом, который не только обнаруживает полное бессилие т. Бухарина опровергнуть показания троцкистов и правых террористов

против него, но под видом адвокатского оспаривания этих показаний делает клеветнические выпады против НКВД и допускает не достойные коммуниста нападки на партию и ее ЦК, ввиду чего записку т. Бухарина нельзя рассматривать иначе, как совершенно несостоятельный и не заслуживающий какого-либо доверия документ.

Учитывая сказанное и принимая во внимание, что и при жизни Ленина т. Бухарин вел борьбу против партии и против самого Ленина как до Октябрьской революции (вопрос о диктатуре пролетариата), так и после Октябрьской революции (Брестский мир, программа партии, национальный вопрос, профсоюзная дискуссия), что т. Рыков также вел борьбу против партии и против самого Ленина как до Октябрьской революции, так и во время Октябрьского восстания (был против Октябрьской революции), равно как после Октябрьского переворота (требовал коалиции с меньшевиками и эсерами и в виде протеста покинул пост Наркомвнудела, за что получил от Ленина кличку штрейкбрехера), что с несомненностью говорит о том, что политическое падение тт. Бухарина и Рыкова не является случайностью или неожиданностью, — учитывая все это, Пленум ЦК ВКП(б) считает, что тт. Бухарин и Рыков заслуживают немедленного исключения из партии и предания суду Военного Трибунала.

Но исходя из того, что тт. Бухарин и Рыков в отличие от троцкистов и зиновьевцев не подвергались еще серьезным партийным взысканиям (не исключались из партии), Пленум ЦК ВКП(б) постановляет ограничиться тем, чтобы: 1) Исключить тт. Бухарина и Рыкова из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б) и из рядов ВКП(б). 2) Передать дело Бухарина и Рыкова в НКВД.

(Продолжение следует)

Примечания

1. Выступление Жданова дается по направленной стенограмме.
2. Далее в стенограмме отсутствует запись выступления Сталина.
3. Кто зачитывал решение комиссии по делу Бухарина и Рыкова, не установлено.

Советская номенклатура: становление, механизмы действия

Т. П. Коржихина, Ю. Ю. Фигатнер

Советская номенклатура — это перечень наиболее важных должностей в государственном аппарате и в общественных организациях, кандидатуры на которые предварительно рассматривались, рекомендовались, утверждались и отзывались партийным комитетом — от райкома, горкома до ЦК КПСС. С негативным оттенком термин этот широко употребляется ныне для обозначения советской бюрократической корпорации, всего слоя госпартократов. Однако это не только перечень должностей, это еще и документы, в которых скрываются сущностные механизмы господства и воспроизводства касты «руководителей», и основанная на них система, запускающая этот механизм. Создание этих документов не было обычной организационно-технической процедурой. Оно представляло собой важнейшую политическую и социальную акцию — рождение замкнутого слоя власть имущих, «канонизированных» начальников всех уровней.

Тема номенклатуры по сути дела не имеет еще своей историографии, кроме работы М. С. Восленского¹. Публицистические же статьи, хотя и содержат верные наблюдения, не вскрывают существа явления. Десятки лет категорически запрещалось исследовать механизмы и реальную направленность социальных действий советских властителей. Между тем изучение номенклатуры как механизма власти и стержня советской социальной патологии даст возможность понять природу властно-собственнических отношений в процессах функционирования советского государства, а также общие закономерности появления такого рода бюрократических деспотий.

Ниже исследуется процесс возникновения, становления и утверждения советской номенклатуры, во-первых, как директивных документов, в результате создания которых произошло обособление совпартбюрократии от общества; во-вторых, как основанной на них системы назначения на эти должности; в-третьих, как назначаемой части государственных служащих, с присущими ей чертами и особенностями, вехами развития, способами и принципами самовоспроизводства. С этой целью анализируются материалы Орграспредотдела ЦК КПСС, при расчетах социальных характеристик используются официальные биографические и социально-профессиональные характеристики членов ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС и неопубликованные материалы личных карточек, в частности, любезно

Коржихина Татьяна Петровна — доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета; *Фигатнер Юрий Юрьевич* — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института проблем занятости РАН.

предоставленные нам сотрудником издательства «Большая Российская энциклопедия» В. И. Крыловым.

Номенклатура как назначаемая, а не выборная часть государственных служащих присуща любому государственному режиму. Круг назначаемых должностных лиц определяется избранными народом законодателями и главой государства, причем происходит это в условиях законоуложенного разделения властей и управленческих функций и их делегирования по разным уровням. Советская номенклатура и по эффекту социального действия и по внешним признакам отлична от государственных институтов демократических стран. Она сопряжена с однопартийной системой, при которой одна партия осуществляет роль руководителя и государства и общества. В результате происходит патологическое отклонение от норм организации государственной службы, свойственных правовым государствам. Не случайно и то, что ряд авторов акцентирует внимание на азиатско-деспотическом характере такого номенклатурного управления страной ².

Советская номенклатура как принцип назначения должностных лиц проявляла себя уже достаточно сильно сразу после Октября 1917 г., но директивной документации, утверждающей этот принцип, тогда еще не было. Она создавалась той элитой ³, которая формировалась профессиональными революционерами, на протяжении почти 20-ти лет до 1917 г. специализировавшимися на политической борьбе за власть. В этой форме номенклатура присуща всякой приходящей к власти группе, ибо представляет собой обычный процесс ее конституирования в социальную силу, способную взять и удержать государственную власть. После восхождения такой группы на вершину государственной власти назначаемые должности занимают ее представители.

Итак, история советской номенклатуры начинается со дня прихода большевиков к власти, когда они расставили на ключевые посты своих назначенцев. Достаточно указать на ставший уже хрестоматийным пример — обстоятельства составления списка первого состава Советского правительства, предложенного для утверждения II Всероссийскому съезду Советов. В аппарате ЦК РКП(б) сначала Оргинструкторский и Учетно-распределительный отделы, а затем, с 1923 г., Орграспредотдел (персонально В. М. Молотов и Л. М. Каганович) широко применяли номенклатурный принцип — назначение партийных кадров на государственные и общественные посты — и довольно часто натыкались на упорное сопротивление руководителей ведомств, выступавших против назначения в их учреждения неизвестных им людей.

Впервые на XII съезде партии (апрель 1923 г.) в резолюции «По организационному вопросу» было сказано: наряду с подбором партийных кадров съезд признает очередной задачей партии и подбор «руководителей советских, в частности хозяйственных и других органов, что должно осуществиться при помощи правильной и всесторонне поставленной системы учета и подбора руководителей и ответственных работников советских, хозяйственных, кооперативных и профессиональных организаций». Для этого съезд рекомендовал расширить и укрепить учетно-распределительные органы партии в центре и на местах «с целью охвата всей массы коммунистических и сочувствующих коммунизму работников во всех без исключения областях управления и хозяйствования» ⁴.

Эти решения открыли новый период в истории советской номенклатуры. Назначенчество становилось важнейшим способом партийного управления страной и получило нормативное оформление в партийных документах. Со второй половины 1923 г. под руководством Молотова и Кагановича начала работать комиссия, которая готовила решение и инструкцию «О назначениях». Решения XII съезда партии были подтверждены на XIII и на всех последующих съездах; в обиходе между партийцами это называлось «овладеть госаппаратом» ⁵.

Оргбюро ЦК РКП(б) приняло постановление «О назначениях» 12 июня 1923 г., а в октябре того же года ЦК вынес решение об основных задачах учетно-распределительной работы ⁶. 16 ноября 1925 г. Оргбюро ЦК приня-

ло новое, развернутое положение «О порядке подбора и назначения работников»⁷ и переработанные списки — номенклатуры должностей. Эти и подобные им документы в открытой печати не публиковались.

Сначала было два списка: Номенклатура № 1 и Номенклатура № 2. К первой были отнесены должности, назначение на которые производилось только постановлением ЦК, ко второй — с согласия Орграспредотдела ЦК. Затем дополнительно к Номенклатуре № 1 ввели список «выборных должностей», «установив утверждение по ним через специальные комиссии, выделяемые ЦК для проведения соответствующих съездов и собраний», то есть еще до того, как кто-либо и куда-либо будет избран: делегат или депутат, народный заседатель в суде или профсоюзный, комсомольский работник и т. д. Подбор и назначение на должности, не входившие в Номенклатуры № 1 и № 2, должны были производиться по спискам, устанавливаемым каждым государственным учреждением по согласованию с Орграспредотделом ЦК. Они получили название Ведомственная номенклатура № 3, или Номенклатура № 3.

Постановление от 16 ноября 1925 г. обязывало также все губкомы, крайкомы и ЦК национальных компартий «приступить к выработке номенклатуры должностей местных органов, назначения на которые производятся с утверждением данных парторганов и по согласованию с ними, руководствуясь при этом номенклатурами ЦК». К постановлению была приложена «Инструкция о формах согласования назначений и перемещений руководящих работников местных учреждений». Один из ее пунктов гласил: «Все предложения местных парторганов о перемещениях и назначениях работников, перечисленных в Номенклатурах №№ 1 и 2, должны ставиться через Орграспред ЦК на решения ЦК партии. Самостоятельно назначать и смещать этих работников местные парторганы не могут».

Руководители центральных государственных учреждений, не вошедшие в Номенклатуры № 1 и № 2, назначались соответствующими хозяйственными органами, но в случаях их отвода со стороны местных парторганов вопрос окончательно разрешался «одним из секретарей ЦК или зав. Орграспредом ЦК». Руководители местных (краевых парторганов вопрос окончательно разрешался «одним из секретарей ЦК или зав. Орграспредом ЦК». Руководители местных (краевых, областных, губернских) управлений назначались и смещались «постановлением соответствующих местных парторганов»⁸. Тем самым номенклатура как бы прорастала на всю глубину общества, к мельчайшим его ячейкам, а на самом верху, в ЦК партии, достигалась высочайшая концентрация власти.

При подготовке решения 1923 г. о введении номенклатуры некоторые руководители госорганов выразили несогласие с отдельными положениями, касающимися порядка назначения. Председатель ВСНХ РСФСР П. А. Богданов писал Молотову 22 октября 1923 г. о том, что он «не согласен со списком должностей, которые подлежат утверждению ЦК». По его мнению, ЦК должен, во-первых, ограничиться назначением только руководителей федеральных (общесоюзных) ведомств, но не РСФСР, и, во-вторых, внутри ведомства руководители «должны иметь полную свободу в назначении деловых работников», а «учраспред ЦК слишком далеко отстоит от внутренней работы наших органов», чтобы иметь возможность подобрать хороших специалистов. Протестовал и заместитель председателя ВСНХ СССР Г. Л. Пятаков, прося «в дальнейшем кандидатуры назначаемых работников согласовывать с нами»⁹. Однако сам принцип партийных назначений ни у кого возражений не вызывал.

Номенклатуры не оставались неизменными, они ежегодно пересматривались, в разные годы по ним проходило различное число должностей. Через Орграспредотдел ЦК было назначено в период между апрелем 1922 — апрелем 1923 г. (то есть еще до появления постановления) 10 351 человек, между апрелем 1923 — маем 1924 г. — 6088, между маем 1924 — декабрем 1925 г. — 12 227. По Номенклатуре № 1 в 1925 г. назначались в ВСНХ СССР 297 (по трем Номенклатурам — 1013), в Госбанк — 92 (по трем — 130), в НКВД СССР — 291, в НКВД РСФСР — 11, ОГПУ СССР —

78 человек ¹⁰. Всего в 1925 г. по Номенклатурам № 1 и № 2 значилось 5723 должности.

Номенклатуры обладали рядом особенностей. Во-первых, общее количество назначаемых распределялось (на март 1926 г.) следующим образом: по Номенклатуре № 1 — 27,9%, № 2 — 29,4%, № 3 — 42,7% всех назначаемых. Примерно та же пропорция соблюдалась и в дальнейшем ¹¹. Иными словами, на большинство должностей назначения определяли не ЦК, не Оргбюро ЦК, а рядовые сотрудники Орграспредотдела, и это фиксировалось в документах. Список, в который были включены Винсиндикат и Межкнига, Госбанк СССР и Наркомзем РСФСР, Центральный дом крестьянина и Наркоминдел СССР, Наркомфины СССР и РСФСР, Госстрах, Госсельсклад и т. д., называли «номенклатура учреждений, работники коих распределяются тов. Гордоном» ¹².

Во-вторых, по трем Номенклатурам проходили учреждения только СССР и РСФСР, госаппараты других союзных республик в них не включались. Очевидно, аналогичные Номенклатуры разрабатывались в ЦК компартий каждой республики по образцу Номенклатуры Молотова — Кагановича. В нее изначально попал госаппарат Российской Федерации, потому что в этой республике за неимением своей компартии не было и своего ЦК.

В-третьих, по всем Номенклатурам проходили не только государственные учреждения, но и общественные организации: профсоюзы, кооперативные центры, кооперативные банки и т. п. В 1925 г. по Номенклатурам № 1 и № 2 назначались в ЦК комсомола 51, в Центросоюз 43, в ВЦСПС 426, в МОПР, Авиахим, Межрабпом и другие общественные организации — 100 человек. Так же распределялись все студенты — члены партии, оканчивавшие центральные вузы и комуниверситеты.

В-четвертых, назначались по Номенклатурам не только члены партии, но и беспартийные. Именно Орграспредотдел ЦК был тем органом, который управлял судьбами своих назначенцев. В его Номенклатуре были все основные руководители госаппарата: члены коллегий наркоматов, главные бухгалтеры и главные инженеры, директора заводов и фабрик, начальники леспромхозов и зав. базами, складами, конторами, трестами, синдикатами, послы, консулы и т. д. Он утверждал кандидатуры директора Госцирка и начальника Управления конвойной стражи НКВД, вице-консула в Мукдене и торгпреда в Италии, всех членов Главметалла ВСНХ и список народных заседателей (еще не избранных!) Верховного суда СССР.

Особенностью советской номенклатуры являлось то, что она пронизала даже ту часть госаппарата, которая еще в 20-х годах сохраняла впервые появившийся в России после 1917 г. принцип выборности. Это подтверждается постановлением Оргбюро ЦК партии от 16 ноября 1925 г. и списками, приложенными к нему, согласно которым в номенклатуру как систему партийного назначения были включены должностные лица ЦИК СССР, ВЦИК и СНК (923), ЦК РЛКСМ (51), ВЦСПС (425), а всего по выборным органам 1590 человек ¹³.

Порой назначения были полной неожиданностью не только для самих назначенцев, но и для их начальников. В 1925 г. управделами СНК Н. П. Горбунов и зам. председателя СНК и СТО А. Д. Цюрупа в письмах Сталину, Молотову и Кагановичу буквально умоляют не отправлять секретаря СНК и СТО Л. А. Фотиеву в Донбасс. «Она на своем месте,— пишет Цюрупа,— и ее уход расстроит работу Секретариата». На письме о том же Горбунова имеется примечательная резолюция Сталина: «Уступить, что ли? Пожалуй, надо уступить» ¹⁴.

На рабочем совещании в Орграспредотделе ЦК в декабре 1926 г., куда были приглашены партийные работники с мест, объясняя причины «неимоверно широкого объема распределения», докладчик — сотрудник Орграспредотдела Богомолов — называл прежде всего директиву партии «об овладении госаппаратом» ¹⁵. Были приведены такие цифры: за время с апреля 1923 г. приходило за распределением до 70 тыс. человек, но было выдано только 26 тыс. путевок, из этих назначенцев лишь 14% входили в номенклатуру ЦК. На совещании звучали с мест оскорбительные

для ЦК партии возгласы: его называли «биржей труда», «проходным двором», «свалкой». Выступавшие говорили, что если эту практику углублять, то «мы создадим кастовые привилегии для коммунистов в условиях господства партии как правящей страной» и не будет никаких гарантий от «примазывания» к партии; что все это вызывает ропот со стороны «наиболее сознательных пролетариев».

Докладчик привел и такие данные: по губернскому аппарату Российской Федерации за два года сменилось 80% работников. «Какой может быть рост квалификации и опыта,— спрашивал он,— когда почти весь актив за 2 года перетаскивается с места на место?» Некоторые выступавшие отмечали, что на местах номенклатурный принцип принимал еще более уродливые формы, однако винили в этом самих местных руководителей госаппарата и хозяйственных органов, требуя возложить на них ответственность за подготовку кадров заместителей, которые могли бы в случае надобности занять ту или иную должность. «У нас этого нет,— сказал представитель Нижегородской парторганизации,— руководители возлагают надежду на партию, партия даст, а сами не стараются его (заместителя.— *Авт.*) подготовить»¹⁶. Но и на этом совещании никто не усомнился в правомочности самого номенклатурного принципа.

Особенности советской номенклатуры составили основу механизма власти Сталина, ибо он контролировал списки № 1 и № 2, а часто и № 3. Это было одним из его основных занятий, так же как и выработка правил поведения партийной номенклатуры, ее секретных принципов власти — всего того, что составляло нормативно-правовую структуру создаваемой им партийной корпорации. Идеальные характеристики номенклатурного работника были определены им и обнародованы еще на XII съезде партии. Это, говорил он,— «люди, умеющие осуществлять директивы, могущие понять директивы, могущие принять эти директивы, как свои родные, и умеющие проводить их в жизнь. В противном случае политика теряет смысл, превращается в махание руками. Вот почему учраспред... приобретает громадное значение... необходимо каждого работника изучать по косточкам»¹⁷.

С укреплением власти партаппарата номенклатура все шире и глубже захватывала партийные и хозяйственные должности. Процесс шел столь быстро, что в 1930 г. Орграспредотдел ЦК пришлось снова разделить на два отдела: Оргинструкторский, ведавший исключительно партийной номенклатурой, и Отдел назначений (с секторами по отраслям народного хозяйства), занимавшийся формированием номенклатуры в государственных учреждениях и общественных организациях.

Номенклатурный принцип руководства обществом сложился и окончательно утвердился к концу 30-х годов и с тех пор в течение 50 лет лишь модернизировался. Во-первых, в 1946 г. были введены новая номенклатура должностей, ее планирование, созданы резерв выдвиженцев и система изучения и проверки их политических качеств¹⁸. По свидетельству Л. О니кова (аппаратчика, проработавшего более 30 лет в ЦК еще со времен Сталина), только партийная номенклатура (без много большей — государственной) к началу перестройки составляла до полумиллиона должностных лиц, в том числе членов руководящих органов (от сельских райкомов до ЦК республик)— 439 тыс., секретарей парткомов и зав. отделами — 35,5 тыс., штатного аппарата ЦК КПСС — 2500, членов и кандидатов в члены ЦК КПСС, членов Ревизионной комиссии — 720 человек¹⁹.

Во-вторых, если характерной особенностью сталинской номенклатуры были частые перемещения с одной должности на другую (в среднем каждые 2—3 года), то для брежневской показательно длительное пребывание на одной должности. Были среди номенклатурных чиновников своеобразные чемпионы: К. Н. Руднев в ранге министра возглавлял приборостроение и оборонную технику 22 года (1958—1980), Б. Е. Бутома был министром судостроительной промышленности 28 лет (1948—1976), Е. Е. Алексеевский — министром мелиорации 16 лет (1963—1979), А. А. Ишков — наркомом, министром рыбной промышленности 39 лет (1940—1979).

В-третьих, ужесточалась секретность на всех этапах вхождения в номенклатуру (особенно в делопроизводстве по этим вопросам). Оников свидетельствует: «В 20-е годы любой член ЦК имел полное право при желании присутствовать с совещательным голосом на заседаниях Политбюро и Секретариата ЦК... имел доступ к любому документу». В 80-е годы даже секретари ЦК не имели возможности знакомиться с теми или иными документами не подведомственных им отделов ЦК, что же говорить о присутствии на заседаниях Политбюро членов ЦК!

К «новинкам» можно отнести и то, что, правда, на непродолжительное время, с 1943 по 1954 г., в качестве декоративного дополнения были введены мундиры и знаки отличия для номенклатуры. По мнению законодателя, это способствовало повышению авторитета командного, руководящего инженерно-технического и административного состава органов государственного управления и народного хозяйства. Первыми были осчастливлены железнодорожники (сентябрь 1943 г.), за ними — прокуроры, следователи, дипломаты... Чиновники более 20 министерств стали носить мундиры, позволявшие с первого взгляда определить не только «кто есть кто», но и кому что положено ²⁰.

Начало советской номенклатуры в ее «чисто» государственном проявлении еще не предвещало беды. Присвоение партийной элитой права назначать на высшие должности в партийном и государственном аппаратах вполне отвечало общепринятым нормам формирования ветвей новой власти: укреплялись две выборные системы, сравнимые с учредительными системами демократических стран того периода, — делегатов съездов партии и съездов Советов. Первую, хотя и с натяжкой, можно сравнить со ступенчатой системой выборов президентской власти, вторую — парламента. В январе 1924 г. была принята первая Конституция СССР, закрепившая эту систему государственного устройства.

Однако уже тогда, изначально, большевики своей практической деятельностью заложили первые пороки в развитие страны, ее государства и права, поскольку взялись за полное уничтожение частной собственности, политических партий (кроме собственной), свободной прессы. В 1923 г. начинается патология номенклатуры. С необычайной быстротой она овладевает аппаратами не только высших, но и всех уровней партии, захватывает должности во всех без исключения областях управления и хозяйствования. Отсутствие оппозиционных политических партий и свободной прессы привело этот процесс к логическому завершению: в 1925 г. создается номенклатура «выборных должностей».

Этот момент и является началом отсчета кровавого шествия бюрократической деспотии, потому что с введением этой секретной нормы корпоративного права партократии все слои населения полностью отчуждались от какого бы то ни было влияния на государственный механизм — выборные системы становились фикцией. С этого же момента «ленинская гвардия» на всей громадной территории России потеряла возможность влиять на ускоряющийся процесс перетряхивания сверху донизу уже не только партийных структур, но наркоматовских и советских органов, не говоря уже о судебных и карательных. Отобранные Сталиным сотрудники Орграспредотдела ЦК начинают свою «селекционную» деятельность, руководствуясь указанными им принципами: «кадры решают все» и «это должны быть люди, умеющие понять директиву» и безоговорочно проводить ее в жизнь.

Почему же никто не усомнился в «правомочности» этих принципов? Можно выделить следующие причины. Во-первых, уничтожение частной собственности как важнейшего социального института распределения граждан по различным сферам производственной деятельности в соответствии с их способностями. Страна в кратчайшие сроки столкнулась с проблемой, откуда брать управленцев, ибо их «готовил» только институт частной собственности. Правящая группа, взявшись за модернизацию (индустриализацию) еще по существу крестьянской страны, резко столкнулась с катастрофической нехваткой не то что квалифицированных, но и просто грамот-

ных служащих-производственников. Вместе с тем в массе населения (в подавляющем большинстве неграмотного) укрепилось представление о партийцах как специалистах во всех сферах деятельности, к тому же отмеченных ореолом освободителей от самодержавия.

Во-вторых, военное положение страны с 1914 по 1922 г. создало устойчивый конфронтационный стереотип массовой психологии, не подвергавший сомнению факт военной угрозы стране, а потому — необходимости военной организации и дисциплины во всех социальных структурах. Отсутствие оппозиционных партий и свободной прессы позволили Сталину и его окружению использовать этот факт для беспрепятственного насаждения строжайшего режима секретности во всех сферах государственного управления. По этой же причине все «судебные» процессы, сотрясавшие страну в 30-е годы, шли под аншлагом «шпионской, диверсантской, изменнической» деятельности подсудимых. Этим укреплялись стержневые принципы существования номенклатуры — секретность, таинство, дезинформация. Экономическая форма частной собственности была уничтожена, но взамен создана политическая ее форма — абсолютная частная собственность номенклатуры на всю политически важную информацию. С 1932 г. списки номенклатуры становятся предельно секретными и переводятся на хранение в «святая святых» — текущий архив ЦК.

В-третьих, столь же очевидным является факт полного отсутствия в стране опыта и традиций демократической государственности. Неграмотное крестьянское население не имело представления об избирательном праве, о механизме выборов, о роли прессы и партий в системе их проведения и не могло задаваться вопросом о правомочности тех или иных действий властей. Максимум проявления его политической активности тогда выражался в поиске ответа на вопрос, справедлив или несправедлив «царь-батюшка», «товарищ Ленин» или «великий вождь товарищ Сталин».

На совокупность этих условий делал ставку Сталин, создавая номенклатуру, а партия была легитимирована как высший арбитр в кадровых вопросах. Но, уступив Орграспредотделу ЦК (а на деле — Сталину и его команде) решение кадровых проблем, партия большевиков, делавших революцию, подписала себе смертный приговор. Номенклатурное корпоративное право полностью противоречило ряду важнейших разделов Конституции СССР, прежде всего по части выборности органов государственной власти, правомочий различных ее ветвей и т. д.

Формально большевики предприняли попытку создать государство по принципу разделения властей. Но анализ документов, отражающих историческую практику, показывает, насколько шаткой и эфемерной оказалась его структура. Врожденные его пороки привели к тому, что оно в кратчайшие сроки было раздавлено номенклатурой. Сформировав номенклатурную систему как механизм по-военному жесткой и секретной корпоративно-правовой регламентации закрепленного в специальных документах процесса отбора персонального состава органов власти и управления, уничтожив экономический институт частной собственности как механизм социального распределения людей по различным сферам деятельности, большевики спровоцировали рождение политического устройства, производящего селекцию людей, мягко говоря, по специфическим качествам.

Какое же и с каким составом руководителей государство в результате возникло? Ответ на эти вопросы дает анализ составов Центрального Комитета партии, избравшихся на XIII (1924 г.), XVIII (1939 г.), XXIII (1966 г.), XXV (1976 г.) и XXVII (1986 г.) съездах партии — всего 918 членов ЦК. Период с 1917 по 1986 г. можно разделить на четыре этапа, которым соответствуют качественно различные формы государственной власти. Первый, ленинский, отличается выраженным поисковым характером в отношении государственного устройства страны. Второй, сталинский, — рождением и закреплением номенклатуры. Третий, хрущевский, — кратковременной демократизацией и попытками установить коллегиальную форму номенклатурной власти, стремлением ослабить военизированный ее характер, поиском пути вывода страны из кризиса управления народным хозяйством.

Четвертый, брежневский, — люмпенизацией и полной деградацией номенклатурного политического режима. Анализ осуществлялся по шести признакам.

I. *Социальное происхождение* (то есть профессионально-квалификационное положение родителей) *членов высшей властвующей группы* на первом этапе (в 1924 г. еще на 92% состоявшей из профессиональных революционеров, вошедших в партию до 1917 г.) следующее: вышло из семей: служащих неспециалистов и со средним образованием — 29,6%; квалифицированных и высококвалифицированных рабочих — 25,4%; крестьян — 20%; работников с высшим образованием и с углубленной специализацией — 12,6%, неквалифицированных рабочих — 9%.

К 1939 г. 94% состава ЦК 1924 г. были «вычищены» из властвующей группы, их заменили вступившие в партию по «ленинскому призыву» 1924 г. выдвиженцы группы Сталина — Молотова — Кагановича. Число выходцев из крестьянских семей возросло в 1,5 раза, из «разночинной» интеллигенции (имеются в виду выходцы из семей служащих неспециалистов и работников с высшим образованием) уменьшилось более чем вдвое, а в остальном состав почти не изменился.

К 1966 г. социальное происхождение номенклатурной верхушки изменилось достаточно сильно. Парадоксально, но именно в период интенсивного развития в стране электронных, ядерных, космических и иных высоких технологий ЦК КПСС сразу после хрущевского этапа на 70,5% состоял из детей крестьян и неквалифицированных рабочих; на 8,5% — квалифицированных рабочих; на 13% — работников низкоквалифицированного и на 8% — квалифицированного умственного труда.

В 1976 г. это соотношение можно было бы считать не изменившимся (соответственно 69,6%; 8,8%; 15,2%; 6,4%), однако обнаружился довольно странный факт: в официальных биографических данных высшей номенклатуры все чаще стала исчезать графа «социальное происхождение», которая раньше имела важное идеологическое значение. Вследствие этого результаты анализа состава ЦК после XXIII съезда КПСС по этому пункту получены лишь о половине его членов.

В еще большей степени засекречивались сведения о социальном происхождении высшей номенклатуры в 1981 и 1986 годах. Доступные данные дают следующую картину: 80,4% и 72,7% составов этих ЦК, соответственно, были выходцами из крестьян и неквалифицированных рабочих; 3,6% и 3% — из квалифицированных рабочих; 5,4% и 18,2% — из низкоквалифицированных работников умственного труда; 0,0 и 6,2% — из высококвалифицированных работников умственного труда.

Результаты обсчета достаточно наглядно свидетельствуют о резком изменении, видимо, уже в сталинские времена состава высшей властвовавшей в СССР группы. На смену профессиональным революционерам, выходцам по преимуществу из семей квалифицированных, потомственных рабочих и «разночинной» интеллигенции, пришли воспитанники семей неграмотных крестьян и неквалифицированных рабочих-маргиналов, имевших соответствующую психологию, набор традиций, привычек и мировоззрения. Если первые, вступившие в гонимую партию по глубокому убеждению в необходимости социальных преобразований, вдобавок к полученному в детстве воспитанию и образованию осваивали в тюрьмах, ссылках, эмиграции новые профессии и к 1927 г. сумели восстановить экономику России до уровня 1913 г., то со вторыми дело явно обстояло иначе. Они, пройдя через подбор и отбор уже начавшего свое действие номенклатурного механизма, попадали в высшие структуры государственной власти благодаря соответствию своей психологии и мировоззрения требованиям Сталина к кадрам. На смену 25-тысячной «ленинской гвардии», вышедшей из подполья в 1917 г. и отличавшейся радикальной независимостью мышления, ненавистью к бюрократии, романтизмом фанатиков индустриализации России, жертвовавших жизнью ради идей социальной справедливости, пришли люди с психологией покорности начальству и его «директивам», воспитанные в патриархальном укладе истерзанного самодержавием нищего российского крестьянства.

II. *Образование высшей номенклатуры.* На первом этапе 34% членов ЦК имели общее образование (гимназий, реальных училищ и церковно-приходских школ); 27% — техническое, 11,3% — юридическое и экономическое; 9% — гуманитарное и естественнонаучное; 4,5% — сельскохозяйственное, 4,5 — партийное. На втором этапе полное изменение состава ЦК сильно отразилось на его образовательной структуре. Исчезли юристы и сельхозспециалисты, в большом количестве появились люди с техническим (28,3%), военным (25%), партийным (15%) образованием. На третьем этапе номенклатурно-партийной власти устанавливается определенный тип образовательных приоритетов в ее высшем эшелоне: преобладают специалисты с техническим образованием (46,2%), за ними следуют с сельскохозяйственным (15%), военным (11%), партийным (8,7%). На четвертом этапе эта образовательная структура остается практически без изменений, отражая официальную идеологию приоритета материального производства, с одной стороны, и перманентной «военной угрозы» — с другой.

Анализ образования в дополнение к признаку «социальное происхождение» выявляет еще большее качественное различие между высшей властвующей группой ленинского этапа и последующих. Члены первых составов ЦК, во-первых, в любых условиях жизни интенсивно занимались самообразованием, а во-вторых, приобретали знания в различных учебных заведениях («второе образование»). Но характерно то, что если 40% из них посещали различные партийные школы, то 20% приобрели юридическое образование, 20% — экономическое и 20% медицинское. Если учесть, что дореволюционные партийные школы обеспечивали слушателей знаниями для практической, юридической и экономической борьбы в условиях развивающегося капиталистического уклада, то налицо достаточно выраженный у них приоритет юридических и экономических знаний.

Сталинская и последующая номенклатуры по существу исключают юридические и экономические знания из разряда необходимых, 60—80% их состава имели военное и партийное образование, остальные 40—20% — сельскохозяйственное, техническое и педагогическое. Привлекает внимание факт почти поголовного высшего образования у номенклатуры сталинского и последующих периодов. Уже в 1939 г. его имели более 80% членов ЦК (в 1924 г. 20% — высшее и 22% — незаконченное высшее). Иметь высшее образование стало требованием времени. Однако, приобретая престижный характер, оно с каждым годом все более подменялось властным присвоением «квалификации» уже занявшими посты номенклатурщиками.

Особо настораживает отсутствие юристов в высшей властвующей группе. Практика высокоразвитых стран свидетельствует, что количество юристов в выборных органах власти достигает 20—30% их состава (в Конгрессе США — более 50%). Две ветви власти — судебная и законодательная — могут нормально функционировать только на базе юридического профессионализма. Базисность юстиции в политике определяет то, что юридическое образование оказывается обязательным для высшей политической карьеры в высокоразвитых странах.

Отчего же советская партократия препятствовала участию юристов в отправлении высшей власти? Основной причиной являлся не просто правовой нигилизм российской интеллигенции, уже «веховцами» отмечавшийся как тяжелый ее порок, и даже не то, что в идеологии был гипертрофирован приоритет «революционного сознания народа» над «буржуазным правом» (хотя и то и другое сыграло свою роль). Дело здесь в том, что юристы, исходя из правоведческого типа мышления и убеждений, из профессиональных традиций и привычек, попав в высшую номенклатуру, оказывались в постоянном внутреннем конфликте, поскольку должны были обеспечивать верховенство «права партийной корпорации» над юридическим правом, то есть на каждом шагу не выполнять, а нарушать свои профессиональные обязанности. Их профессионализм был поэтому крайне опасен корпоративному режиму.

III. *Период вступления в партию для 90% членов властвующей элиты* на первом этапе приходится в среднем на 1908 год. Члены ЦК 1939 г.

вступали в нее в основном в 1924 г., то есть через массовые призывы. Номенклатура, властвовавшая в 60—80-х годах, начинала партийную карьеру в 1933—1935 гг., при этом 37% вступали в партию в возрасте до, а 63% — после 23 лет. Таким образом, формирование этих людей как государственных деятелей происходило в период массовых репрессий. В эпоху бурных социальных потрясений, когда миллионы россиян резко меняли образ жизни, миграция из села в город создала маргинальный тип личности — полусельский, полугородской. Номенклатура в этом круговороте событий поглощала тех из них, кто наиболее соответствовал ее корпоративной этике рабского послушания, бездумности исполнительского подчинения, военной жестокости. Вследствие учиненной Сталиным в 30—40-е годы кровавой перестройки «кадров» брежневская номенклатура в кратчайшие сроки после вступления в партию попадала на номенклатурные должности.

IV. Первое, промежуточное и последнее профессионально-квалификационное положение членов ЦК в их дономенклатурной жизни показывает, на каких традициях формировались трудовые навыки и нормативные приоритеты будущих властвующих лиц. Члены ЦК 1924 г. начинали трудовую деятельность рабочими (41,6%), мелкими служащими (31,2%), студентами (20,8%), военными (2,6%). Выраженное отличие в первом профквалификационном положении обнаружилось у членов ЦК уже в 1939 г.: несколько уменьшилось число рабочих (34%), увеличилось — мелких служащих (48%) и военных (9%). В последующих составах ЦК количество начинающих жизнь с рабочих профессий опять возрастало, низкоквалифицированных служащих и военных падало, а студенчества постепенно увеличивалось, достигнув в 1986 г. 41%. Однако апофеоз власти брежневской администрации (1981 г.) характеризуется резким повторением и даже усилением характеристик 1939 г.: преобладали начинавшие трудовую деятельность мелкими служащими (56,1%), за ними следовали начинавшие крестьянами (16,5%), рабочими (15%), военными (8,6%).

Вряд ли случайно, что именно в периоды массового физического и духовного террора в стране (1939 и 1981 г.) из состава номенклатуры исчезали люди, начинавшие жизненный путь с познания наук, с профессий индустриальных рабочих, и, наоборот, редко возрастала доля выходцев из крестьян, низкоквалифицированных служащих, военных, опыт которых был связан с традицией жесткого и бездумного патриархально-чиновного подчинения.

Не менее характерным для состава ЦК 1939 г. является и очень высокая социальная мобильность в сторону военных и партийно-государственных должностей во втором, промежуточном, и последнем предноменклатурных профессионально-квалификационных положениях: переход на командные военные должности совершили соответственно до 20 и 29%, на комсомольские, партийные и государственные — до 16 и 50,7%. То же происходит и с членами ЦК 1981 г., с той лишь разницей, что уже почти все комсомольские, партийные и государственные должности в этот период «заноменклатуризованы». Поэтому промежуточное профквалификационное их положение — 72,7% — это низкоквалифицированные служащие; последняя же дономенклатурная квалификация 55,1% — мелкие служащие и 34,1% — военные.

V. Профессионально-отраслевая позиция в дономенклатурный период дополняет характеристики, вытекающие из данных о профессионально-квалификационном положении. По первому месту работы члены ЦК 1924 г. распределялись так: в промышленности — 34%; партийных (подпольных) организациях — 27,6%; сферах науки, культуры, образования и здравоохранения — 22,4%; сельском и лесном хозяйстве — 5,3%; армии — 2,6%. В 1939 г. число лиц, начинавших со службы в армии, резко (до 35%) возрастает, с работы в комсомольских организациях появляется впервые (14%), с работы в промышленности падает (до 26%), с работы в сферах науки, культуры, образования, здравоохранения почти исчезает (1,4%). В последующих составах ЦК доля начинавших трудовую жизнь с работы в промышленности постоянно высокая — 50—55%, в сельском хозяйстве

увеличивается до 18—19%, в сферах науки, культуры, образования, здравоохранения — до 10—15%.

Дальнейшая отраслевая карьера членов ЦК 1939 г. до перехода в номенклатуру выражено направлена на уход из армии и тем более из промышленности в низовые органы партийных (48,1%), государственных (6,5%), общественных (2,6%), комсомольских (2,6%) структур. Карьера членов остальных составов ЦК в дономенклатурный период их жизни (также из-за последующего охвата номенклатурой подавляющего числа и самых нижних партийно-государственных структур) связана с промышленностью — 40—55%; сельским хозяйством — 10—15%; сферами науки, культуры, образования и здравоохранения — 11—15%; армией — 8—10%.

VI. *Динамика продвижения членов высшей властвующей группы по номенклатурной лестнице* позволяет выделить две стороны явления. Первая — изменение структуры распределения власти по различным отраслям управления страной в разные периоды, поскольку ЦК как орган, концентрирующий в своих руках высшую власть, составлялся из верховных руководителей различных отраслей социальной жизни. Вторая — изменение характера карьеры во властной иерархии, формирование путей, приоритетных для продвижения на вершину власти.

Члены ЦК 1924 г. после прихода к государственной власти в 1917 г. следующим образом распределились в своих первых «номенклатурных» должностях на высших уровнях управления: партией — 39,1%; наркоматскими структурами — 24,4%; Советами — 15%; армией (вне наркоматов) — 7,3%; профсоюзами — 7%; производством — 5%; комсомолом — 1,2%. В 1924 г., в результате характерного для того периода постоянного поиска новых форм управления страной, они равномерно распределились между разными сферами. Во-первых, уменьшилась их доля в управлении партией (до 20,6%), Советами и профсоюзами (до 5,1%), армией (до 1,3%), комсомолом (до 0%). Во-вторых, часть из них перешла в наркоматы (совнаркомы) — 51,3%, в производство — 9%, в науку, культуру, образование, здравоохранение — 5,1%, в творческие союзы — 2,6%.

Этот поиск ленинской гвардией способов рассредоточения государственной власти между различными социальными сферами сталинисты к 1939 г. полностью пресекли. Прежде всего они восстановили ту первичную структуру управленческих постов, которую охватывали члены ленинского ЦК именно в военные годы — годы установления партией своей власти в стране. Теперь члены ЦК распределились между тремя сферами управления: наркоматами — 46,3%, партией — 29,1%, армией — 12%. Само производство (вне наркоматского управления), творческие, научные и др. сферы и даже Советы все менее интересовали высшую номенклатуру, и соответственно этому с годами шла дальнейшая концентрация власти партийных, наркоматских (министерских) и военных органов. Властными полномочиями, даваемыми членством в ЦК, обладали в управлении партией 1924 г. — 20,6%; 1939 г. — 29,1%; 1963 г. — 30,3%; 1976 г. — 35,9%; 1981 г. — 40,1%; 1986 г. — 41,4%; в управлении армией соответственно: 1,3%, 11,9%, 0,0%, 0,4%, 0,3%, 0,0%.

Это не значит, что после 1939 г. номенклатура умалила роль военных: после 1964 г. высшие военные должностные лица концентрировались на министерских должностях и далее проходили по графе «министерское управление». Правда, Н. С. Хрущев попытался уменьшить военизированность государственной власти, заменить власть военных властью советских органов, то есть традиционной для всякого государства законодательной властью. Что касается министерской (исполнительной) власти, то уровень цековской номенклатуры был здесь неизменно самым высоким во все годы военно-коммунистического режима: 51%, 46%, 53%, 48,3%, 47,2%, 46%.

Во всех составах ЦК минимальное число мест занимали представители юстиции. Даже несмотря на жесткий контроль номенклатуры за действиями судей, прокуроров, адвокатов, она стремилась держать их подальше от реальных рычагов государственной власти. Резко отторгла от себя цековская номенклатура военных и министерских чиновников в 1990 г., на закате

своего всевластия. В составе ЦК, избранного XXVIII съездом КПСС, до 12% снизилось присутствие министерских деятелей, до 4% — военных; зато резко, до 35%, увеличилась доля среднего и низшего директорского корпуса и рабочих.

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что, во-первых, в результате проникновения партийной номенклатуры во все органы государственной власти произошло полное сращение партии с государством путем присвоения ею профессиональных министерских (исполнительных) его функций. Партия в сущности превратилась в особый — командно-кадровый — отдел министерской власти. Во-вторых, власть законодательной отрасли была сведена к декоративному минимуму, а судебной — просто уничтожена, то есть юридические ветви государственной власти были разрушены.

Анализ восхождения по номенклатурной лестнице к высшей власти позволяет представить, как действовал механизм селекции. Во-первых, 50% будущих властителей страны начинали с партийно-комсомольских должностей и лишь менее 20% — с непосредственного производства, хотя к концу своей карьеры половина из них оказывалась в министерских структурах, то есть в самом центре распоряжения материальными благами и ресурсами страны.

Во-вторых, на промежуточном и предпоследнем этапах карьеры увеличивалась доля руководителей высших органов представительной власти всех уровней. Увеличение таких должностей на 2—3%, малозначимое само по себе, становится понятным, если учесть и другие данные: членом ЦК чиновник становился, только пройдя через депутатство в Верховном Совете СССР, как правило, после нескольких (2—4) созывов. Почти все члены ЦК (200—300 человек) входили в состав Верховного Совета СССР. Верховный Совет, таким образом, был превращен в дополнительный фильтр высшей номенклатуры: в нем партократия проверяла свои кадры на лояльность и преданность режиму. Низкий процент руководителей Верховного Совета СССР и республик в составе ЦК свидетельствует о полной узурпации законодательных функций государства партийно-министерскими чиновниками. В стране действовали в подавляющем большинстве случаев не законы, а бесчисленные противоречивые и большей частью засекреченные партийные и министерские постановления и инструкции.

В-третьих, наблюдается преобладание партийных должностей над министерскими на втором и предпоследнем этапах карьеры высшей номенклатуры. На последней же номенклатурной должности соотношение меняется на обратное. В совокупности с данными о смене на второй номенклатурной ступени большей частью производственников (16,3% из 22,8%) карьеры с профессиональной на партийную (ее рост в среднем с 35 до 50%) позволяет предполагать неоднократное переплетение партийной и министерской карьеры номенклатурных кадров. Следовательно, сращение партии с исполнительной властью было социально органическим. Оно было заложено в генезисную нормативную структуру государства через ст. 126 Конституции СССР 1936 г. и ст. 6 Конституции СССР 1977 г. и делало номенклатурный партийный аппарат, совмещавший законодательные и конституционно-судебные функции, головной частью исполнительной власти.

Вырисовывается следующий механизм зарождения советской номенклатуры. Она возникла и формировалась путем бескомпромиссного отсекания множества сначала партий, реально отражавших интересы отдельных социальных групп, а затем и фракций в большевистской партии. Выкристаллизация наиболее живучей, устойчивой властвовавшей группы шла в условиях кризисных перестроек старого и создания нового государства, его управленческого аппарата, при полном отсутствии демократического правового контроля гражданского общества за государством. При этом в самом (еще сословно-корпоративном, а не гражданском) обществе России отсутствовали и традиции, и понимание социальных функций государства.

Победить в таких условиях могла только та из стремящихся к власти группировок в большевистской политической элите, которая первой со-

здала внутреннюю нормативную структуру, способную привести к устойчивости и порядку всю государственную машину на громадной территории бывшей Российской империи. Выпестованная Сталиным номенклатура (подобие табели о рангах) партийных и государственных должностей и система назначений преданных лиц и явились такой нормативно-правовой структурой. В форме номенклатуры было установлено подобие старой, самодержавной, жестокой иерархии чиновников.

Во второй половине 20-х годов РКП(б) достаточно быстро превращалась из партии рабочих и интеллигенции в партию крестьянскую, точнее — прежде всего в партию маргиналов. Но, как известно, «никто не наденет ярмо лучше, чем сам раб». Очевидно теперь, что репрессии и убийства десятков миллионов людей, варварское уничтожение множества очагов многовековой российской культуры были делом рук самого маргинального крестьянства, как очевидно и то, что возглавлялось оно вышедшей из него же номенклатурой, перенявшей весь опыт самодержавного государственного управления.

Распад номенклатуры произошел в два этапа. 16 октября 1989 г. в «Правде» было объявлено, что комиссия ЦК КПСС по вопросам партийного строительства и кадровой политики приняла решение об упразднении «учетно-контрольной номенклатуры», а с 23 августа 1991 г. была лишена списочно-номенклатурного принципа власти и высшая госпартократия.

Подведем итоги. Механизм власти номенклатуры (бюрократической корпорации) в СССР говорит о том, что сталинская номенклатура полностью уничтожила основной принцип всякой демократии — выборность высших органов государственной власти. Контроль народа за обновлением их состава был исключен. Правящая группа в силу объективной необходимости внутренней саморегуляции, самовоспроизводства, достижения своих властных целей и удовлетворения материальных потребностей создала автономную нормативную систему, с военной простотой и жестокостью кодирующую поведение своих членов и органов. Основой этой системы корпоративного права являлось самое важное из правомочий всякого собственника — правомочие присвоения: присвоения должностей для тех кандидатов, которые отвечали требованиям психологии и мировоззрения (ценностям) бюрократической корпорации.

Номенклатурное корпоративное (рудимент обычного, а не юридическое) право в СССР от своих аналогов в корпоративных государствах древнего мира и средневековья отличалось «чистой» формой, свободной от сословных, наследственных, частнокапиталистических и иных юридических ограничений. Это придавало особую гибкость и выживаемость режиму, так как позволяло рекрутировать в свой состав «подходящие кадры» из любого социального слоя общества.

Законодательная и судебная отрасли, поскольку они представляли главную опасность (могли из чисто профессиональных побуждений посягнуть на эту сердцевинную корпоративную часть правовой системы страны), были низведены властвовавшей номенклатурой до уровня исполнительных юридических органов, обеспечивавших маскировочные и карательные функции по удержанию номенклатурных (производящих и творческих) слоев общества в невозмущающем режим состоянии.

Идеология «наивысшего развития производительных сил» (идеология социализма) составляла основу формирования ценностной системы населения и потому служила духовной опорой партотократии на свою социальную базу: еще крестьянское по психологии (и потому верующее, а не убеждающееся) население и романтически настроенную интеллигенцию. Поскольку идеология была возведена в ранг безраздельного властелина над законодательством и юстицией, монополярная партия узурпировала законодательные функции и передала их в министерскую отрасль, сконцентрировавшую в себе все рычаги управления социальной жизнью. Согласно тем же задачам самовоспроизводства номенклатурно-правовой системы, обеспечивавшей концентрацию власти и богатства в руках бюрократической корпорации, социальная роль правоведов и юристов в обществе была сведена к карательному минимуму, авторитет их у населения — к нулю.

Основной иерархический принцип — подбор преданных, дисциплинированных и исполнительных служащих государственной корпорации — объясняет два прямо противоположных направления развития общества: в условиях военных и иных угрожающих ему кризисов такая корпоративная организация обеспечивает максимальную концентрацию сил социального действия и его высокую выживаемость (например, СССР в Великой Отечественной войне); в условиях мирного времени «инстинкт самосохранения» властвующей корпорации толкает ее к пролонгированию военной экспансии, ибо в противном случае прогрессирует социальная деградация ее членов и обусловленное этим истощение человеческих и природных ресурсов страны, то есть тотальная патология всего общественного организма.

Избежать вырождения табели о рангах в номенклатурную деспотию бюрократии можно только путем конституционного закрепления принципа разделения властей с четкой формулировкой распределения функций государственного управления между исполнительной, законодательной и судебной властями.

Знание того, как рождалась, развивалась и трансформировалась партноменклатура, необходимо для перехода к «ранней диагностике» подобных явлений уже в наши дни. Крайне актуально дальнейшее детальное изучение механизмов номенклатурной патологии для выработки конституционных средств и способов ее предотвращения.

Примечания

1. ВОСЛЕНСКИЙ М. С. Номенклатура. М. 1991.
2. РАДАЕВ В. В., ШКАРАТАН О. И. Власть и собственность.— Социологические исследования, 1991, № 1.
3. Номенклатура отличается от элиты тем, что последняя является носителем социального генофонда ценностей данного института, тогда как номенклатура — это профессиональная управленческая группа. Формирование новых номенклатур осуществляют элиты с наибольшим социальным весом, они же и заполняют первые номенклатурные должности. Политическую элиту отличает от номенклатуры выборность.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е. Т. 3, с. 99.
5. Там же, с. 219.
6. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), ф. 17, оп. 68, д. 462, л. 32.
7. Там же, оп. 69, д. 136, лл. 167—169.
8. Там же, лл. 167, 170.
9. Там же, оп. 68, д. 571, лл. 321, 268.
10. Там же, д. 459, лл. 7—17; оп. 69, д. 142, лл. 1—2.
11. Там же, оп. 69, д. 142, л. 2.
12. Там же, оп. 68, д. 455, лл. 1—84.
13. Там же, д. 459, лл. 6—12.
14. Там же, д. 409, лл. 139—141.
15. Действительно, на XII съезде партии Сталин говорил, что распределением «необходимо охватить все без исключения отрасли управления и весь промышленный комсостав, при помощи которого партия держит в руках наш хозяйственный аппарат и осуществляет свое руководство» (СТАЛИН И. В. Соч. Т. 5, с. 212).
16. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 69, д. 136, лл. 4, 3, 10, 16.
17. СТАЛИН И. В. Соч. Т. 5, с. 210, 211.
18. История КПСС. Т. 5, кн. 2, с. 225, 396.
19. ОНИКОВ Л. КПСС: анатомия краха.— Российские вести, 21.X.1992.
20. Молотов так объяснял введение формы: «Смысл тут был некоторый. Какой? Когда имеешь форму, тогда не обязан надевать фрак, смокинг и прочее все это... И, видимо, у Сталина была идея подтянуть дисциплину. Форма подтягивает. Ну, конечно, надолго не хватило» (см. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М. 1991, с. 105). 12 июля 1954 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене персональных званий и знаков различия для работников гражданских министерств и ведомств».

Разгром Бухарского эмирата в 1920 году

В. Л. Генис

13 июня 1920 г. предсовнаркома РСФСР В. И. Ленин ознакомился с копией отчета, присланного ему бывшим заведующим Отдела внешних сношений Комиссии ВЦИК и Совнаркома по делам Туркестана (Турккомиссии) Г. И. Бройдо, а 23 июля — с докладной запиской бывшего полпреда РСФСР в Бухарском эмирате А. Е. Аксельрода. Апеллируя к Москве, оба они высказывали ряд взаимных претензий, но, расходясь в своих выводах в частности, были согласны в главном.

«Много раз можно было слышать от наших военно-политических работников,— писал Бройдо,— что нужно 2—3 полка, чтобы от Бухары камня на камне не осталось. Это не так. Я считаю, что в военном отношении разбить армию было бы нетрудно, но это создаст положение затяжной войны, в которой Красная Армия окажется не освободителем, а угнетателем, а бухарская партизанщина будет выступать как защитница независимости Бухары. Реакция использует это положение. Бухара будет превращена в гибельный затяжной фронт, требующий значительной и постоянной оккупационной армии. Это будет осложненная Хива гораздо больших размеров»¹.

Аксельрод также протестовал против тогда уже наметившейся тенденции к проведению Турккомиссией агрессивной политики в отношении эмирской Бухары, против «бряцания оружием, сугубо поддерживаемого военным ведомством»: «Мы не можем позволить себе такой роскоши, как новый фронт, в особенности на кратере непотухшего вулкана, как Средняя Азия. Наши агрессивные действия, как война, так и насильственный произведенный нашими войсками переворот, сплотят не только бухарское мусульманство, но и туркестанское, хивинское и туркменское вокруг духовенства. Довольно нам непрекращающегося ферганского фронта и новой хивинской авантюры. Разгромить бухарскую армию очень легко, но справиться с двух с половиной миллионным населением, находящимся частью в горах, будет совершенно невозможно. Нам придется иметь в Бухаре на продолжительное время оккупационную армию. Ничтожное революционное движение, и без того непопулярное в настоящее время в фанатичной народной массе, будет совсем скомпрометировано, и надолго, в особенности при нашем официальном участии в перевороте»².

Еще в 1868 г., проиграв войну с Россией, Бухарский эмират потерял не только плодородную долину р. Зеравшан, но и свою независимость.

Генис Владимир Леонидович --- литератор.

Присоединив эмират на правах вассального государства, Российская империя не вмешивалась в его внутренние дела, заботясь, по словам русского агента в Бухаре, «исключительно об обеспечении за собой бухарского рынка и политических и стратегических задач на случай осложнения в Средней Азии»³. Эмират охватывал обширные территории современных Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана: более половины его населения составляли узбеки, 32% — таджики, 10% — туркмены. Жили там также каракалпаки, казахи, арабы, иранцы, евреи, представители других народов, в том числе свыше 60 тыс. русских. Наиболее крупными из возникших в эмирате русских поселений являлись Новая Бухара со станцией Каган Средне-Азиатской железной дороги (перед революцией — 12 тыс. жителей), Чарджуй (14 тыс.) и Керки (8 тыс.). В русских поселениях располагались пограничные войска империи, а эмир имел собственную армию сарбазов (более 10 тыс. человек).

Бухара, которую на Востоке называли «священной», «благородной», «светочем ислама», была крупнейшим мусульманским центром. «В нее, — сообщал советский полпред, — стекаются со всего мира юноши для получения богословского образования. Среди них вы найдете турок, индусов, китайцев и наших казанских и оренбургских татар. В столице Бухарского ханства около 500 мечетей и 150 мусульманских высших школ, насчитывающих около 20 000 учеников, готовящихся к духовному званию. Эмир Бухарский, возглавлявший ханство, после турецкого султана — единственный прямой наследник Магомета, а потому должен унаследовать халифат»⁴. Ведущую роль в жизни Бухары играло мусульманское духовенство, оказывавшее громадное влияние на эмирское правительство и в подавляющем большинстве выступавшее против любых реформ. Именно поэтому демократическое движение в эмирате началось с борьбы за введение европейской системы образования и создание «новометодных школ», которую вели представители прогрессивной интеллигенции и нарождавшейся национальной буржуазии — джадида.

После закрытия «новометодных школ» джадида (позднее они назывались «младобухарцами» в подражание младотуркам) организовали тайное общество, которое просуществовало до Февральской революции и объединяло всех, кто выступал за реформы. Попытка Временного правительства России ввести в Бухаре либеральные порядки, объявленные в апреле 1917 г. манифестом эмира, встретила резкое противодействие со стороны консервативных слоев духовенства, а демонстрация прогрессистов в поддержку манифеста вызвала контрдемонстрацию религиозных фанатиков. Эмир отменил манифест и многие младобухарцы, обвиненные в отступничестве от веры и шариата, были подвергнуты жестоким истязаниям.

Хотя после Октябрьской революции независимость Бухары была признана Совнаркомом Туркестана, установление советской власти в русских поселениях и революционная деятельность младобухарцев не могли не беспокоить эмира. Тревога эта еще более усилилась после разгрома красногвардейцами провозглашенной IV Чрезвычайным мусульманским съездом Туркестана в ноябре 1917 г. так называемой Кокандской автономии, правительство которой выступало за отделение края от России. В ходе вооруженной борьбы между автономистским правительством и местным Советом штурм мусульманской части Коканда, подвергшейся артиллерийскому обстрелу, сопровождался насилиями и бесчинствами. «В старом городе, — писала газета «Новый Туркестан», — были разграблены все магазины, торговые фирмы и торговые ряды, банки и частные более или менее приличные квартиры». Как отмечал член Туркбюро ЦК РКП(б) Г. И. Сафаров, «Кокандская автономия была ликвидирована, но, вместе с тем, была подготовлена почва для басмачества». Он же подчеркивал, что для многих гражданская война стала приманкой из-за возможности легкой наживы, и, как признавался один из современников, «всякий наш поход на басмачей сопровождался обычно убийствами и грабежами мирного населения»⁵.

«Опьяненный Кокандской победой Колесов (председатель Совнаркома

Туркестана.— В. Г.),— вспоминал лидер младобухарцев Ф. У. Ходжаев,— думал с той же легкостью ликвидировать и эмирскую Бухару»⁶. Этому убеждению следовали и бухарские революционеры, уверявшие, что готовы к восстанию против эмирского режима с участием около 30 тыс. человек, но сумевшие набрать в свою дружину не более 200 повстанцев. Несмотря на успех наступления красногвардейцев, обусловленный наличием у них артиллерии, и принятие эмиром ультиматума о передаче власти младобухарцам, вскоре победители и побежденные поменялись местами. Ф. И. Колесов по просьбе эмира отвел свои войска в Каган, но члены советской делегации, отправившейся в Старую Бухару для контроля над разоружением эмирской армии, были убиты, и местные власти с помощью духовенства сумели поднять население на борьбу с «неверными». «Пришедшие в Бухару русские солдаты и красногвардейцы,— пояснял Сафаров,— занялись прежде всего самыми возмутительными грабежами и насилиями. Грабили все и всех без разбора, безобразничали, пьянствовали и творили насилия без конца. Именно этим объясняется огромный взрыв возмущения по поводу вторжения русских... «Революционная» подоплека совершенно отошла на задний план перед колонизаторскими аппетитами»⁷.

После того как за полдня бухарцы разобрали железнодорожное полотно, и красногвардейцы оказались отрезанными от Самарканда и Чарджуя, эмир бросил на «колесовцев» толпы безоружных, охваченных религиозным экстазом. «Ну пулеметы,— вспоминал Колесов,— лезли с кинжалами в зубах разъяренные бородатые фигуры, лезли и падали. Сзади лезли еще. Тоже падали. Перед пулеметом вырастала груда живых и мертвых тел»⁸. Хотя атака и была отбита, но боеприпасы иссякли, и отряду Колесова, обремененному тысячами беженцев, пришлось отступить в сторону Ташкента. После этого в Бухаре началась резня, с поголовным избиением инакомыслящих. «Толпа,— писал Ходжаев,— начала громить поселки мелких станций и убивать всех иноверцев, даже десятки лет живших в Бухаре».

Результатом этой попытки Колесова и младобухарцев принести в эмират революцию на штыках Красной гвардии стали «более 10 000 человеческих жертв с нашей и бухарской стороны, разрушение всех гражданских сооружений по Средне-Азиатской железной дороге, проходящей через Бухарское ханство, полное разрушение Бухарской железной дороги по линии Каган — Термез на протяжении 750 верст и Каган — Китаб на протяжении 350 верст, разрушение гражданских сооружений по почтовому тракту Самарканд — Термез, усиление ненависти к неверным и установление наикрайне реакционного состава правительства»⁹. Колесовская авантюра способствовала организации эмирской армии. «Ожидание российского вторжения,— отмечал Бройдо,— и необходимость готовиться к отпору было основным лозунгом, с помощью коего тушилось революционное движение, закреплялась власть эмира, увеличивалось влияние духовенства и становилась все устойчивее английская ориентация»¹⁰.

По мере упрочения военного положения Туркестанской республики среди членов Турккомиссии (первоначально в ее состав входили Ш. З. Элиава — председатель, Г. И. Бокий, Ф. И. Голощекин, В. В. Куйбышев — зам. председателя, Я. Э. Рудзук, М. В. Фрунзе), которая являлась фактической властью в крае, стала формулироваться мысль, что задача заключается не в завоевании симпатий эмирской Бухары к Советской России как защитнице малых народов и не в преодолении страха Бухары перед угрозой нового военного вторжения, а в форсировании революционного переворота в эмирате с использованием Красной Армии в качестве ударной силы. Предлагалось повторить колесовский опыт, но после более серьезной подготовки. «Бухару надо разгромить!» — вот лозунг, который все чаще повторялся в связи с изменением политического курса Турккомиссии. «Бухара и Хива — внутренний фронт» — такой стала новая политическая формула¹¹.

Что касается слабого в экономическом и военном отношении Хивинского ханства с населением около 900 тыс. человек (из них более 60% — узбеки, до 30% — туркмены), то оно лежало вдалеке от железных дорог

и торговых путей и «не было страшно Советскому Туркестану»¹². Тем не менее, вмешавшись в вооруженную борьбу за власть между фактическим правителем Хивы Джунаид-ханом и оппозиционными ему туркменскими феодально-племенными вождями, которых условно поддерживала немногочисленная младохивинская, узбекская по национальному составу, партия, части Красной Армии 25 декабря 1919 г. переправились на левый берег Амударьи. «Дабы не дать заглухнуть возникшему движению и направить его в надлежащее русло, необходимо было его поддержать,— констатировалось в оперативной сводке штаба Турквойск по хивинскому направлению.— С этой целью ...наши части пришли в ханство, и в январе месяце с. г. [1920 г.] Джунаид-хан со своими приверженцами был оттеснен в пески»¹³.

В резолюции состоявшегося в октябре 1919 г. IV Чрезвычайного съезда Компартии Туркестана оговаривалось, что, поддерживая движение младохивинцев и младобухарцев, не следует стремиться к насильственному революционному перевороту, а должно «ожидать естественного момента прихода его внутри самого населения Хивы и Бухары». Видимо, «Турккомиссия решила, что этот момент уже настал, и 20 ноября ее уполномоченный Г. Б. Скалов получил мандат на «право решения вопроса о времени оказания поддержки вооруженной силой восставшим племенам Хивы против Хивинского правительства»¹⁴. В письме Скалову заведующий отделом внешних сношений Турккомиссии признавался, что вынужден заниматься «политическими подлогами»:

«Во всех ваших известиях о славных советских войсках, занявших тот или иной город, мы все эти победы записываем на счет младохивинцев, вытравливая из всех сообщений участие русских войск. Дальше, мы подымаем на ходули живой труп — местный младохивинский комитет, который выступает с воззваниями к правительству Советской республики и к русским рабочим и крестьянам о помощи в борьбе с хивинским самодержавием... Необходимо всеми силами стремиться, как можно скорее, поставить дело так, чтобы инициатива в движении хотя бы формально была в руках местных представителей». В «особом мнении» Бройдо, приложенном к протоколу заседания Турккомиссии от 10 февраля 1920 г., в частности, говорилось: «Я тщательно просматривал все известия из Хивы и вытравливаю все сообщения о наших отрядах в Хиве, заменяя их «хивинскими повстанцами», но этими политическими подлогами никого в Персии, Бухаре и Афганистане не надуешь. Они отлично знают, что происходит в Хиве, и я уверен, что эти события наносят большой удар нашей внешней политике».

Хотя в приказе об оказании помощи трудящимся Хивы подчеркивалось, что «никакие насилия над мирными жителями не должны быть и не будут допущены»¹⁵, это оказалось лишь благим пожеланием. «Такого ужаса, какой нами здесь сразу обнаружен, нигде не приходилось видеть,— телеграфировал 6 апреля в Ташкент председатель Ревтрибунала Туркфронта И. Р. Фонштейн.— Открытый организованный военный грабеж, во главе коего в качестве активного организатора стоит штаб командующих людей, открыто распределяющий награбленное с оставлением себе львиной доли. Увод женщин, содержание их как пленниц, рабынь, продажа с аукционного торга на базарной площади Петроалександровска и Хивы, разгром хивинских дворцов, расстрел красноармейцами первого встречного как предпосылка ограбления имущества». Когда был отдан приказ с требованием, под страхом расстрела за неподчинение, привести всех пленных-женщин, то за два дня только в Петроалександровске были сданы 63 наложницы, причем в городе в то время было менее сотни красноармейцев.

Скалов не скрывал уверенности, что «в Хиве несомненно фактической властью будет русское представительство». «Временное правительство,— заявлял его первый председатель младохивинец Д. Султанмурадов,— не было до сих пор правительством Хивы, оно было мелким приказчиком на посылках у штаба и любого красноармейца. Все время нас стращали, все время мы были заняты только тем, чтобы достать арбы, клевер, устраивали красноармейцев и т. д.»¹⁶. В сентябре 1920 г. по ложному обвинению

в попытке организовать контрреволюционный переворот в Хорезмской республике, 80 туркменских вождей, в том числе наиболее авторитетные, возглавлявшие борьбу с Джунаид-ханом, были расстреляны. Это вызвало восстание всех туркменских племен, причем побывавший полгода спустя в Хиве уполномоченный Наркоминдела в Туркестане Д. Ю. Гопнер констатировал «фактическое управление страной нехорезмскими элементами, взявшими курс на немедленную социальную революцию и лишившими избирательного права большую часть сельской и городской буржуазии»¹⁷. Борьба с отрядами Джунаид-хана продолжалась до начала 30-х годов.

Бухарские власти, обеспокоенные событиями в Хиве, принялись лихорадочно готовиться к отражению возможной агрессии, занялись перевооружением и увеличением численности своей армии. Можно ли было поверить после вторжения в Хиву, что Бухару не ждет та же судьба? «И эмиры, и народы,— возмущался Бройдо,— вправе задать нам ехидный вопрос: «в чем выражается пункт о самоопределении наций РКП?», а английская дипломатия закрепит с помощью этих наших шагов свои позиции, может быть, в последнее время немного колебавшиеся в Бухаре и Афганистане. То обстоятельство, что разбежавшиеся чиновники хана и представители Джунайта находятся сейчас в Бухаре и что одновременно с этим [туда] прибыла английская делегация из Мешхеда, создает положение намечающегося нового центра, направленного против нас». «Наша политика,— вторил полпред Аксельрод,— и насильственное установление Советской власти в Хиве, сопровождаемое грабежами и убийствами, бросает Бухару в объятия Афганистану. Кроме лихорадочной мобилизации и формирования новых частей, в бухарскую армию вливаются как отдельные части афганцы и приглашаются как военные инструктора афганские офицеры»¹⁸.

Позже Куйбышев и Бокий писали в Москву, что эмирское правительство якобы активно готовилось к агрессии против Советского Туркестана: «Турккомиссия в начале мая [1920 г.] под председательством т. Элиавы и в полном с ним согласии принуждена была констатировать объективную неизбежность разрыва... Дальнейшая тактика вытекала из убеждения Турккомиссии в объективной невозможности установления добрососедских отношений благодаря подогреваемой Англией вражде правительства к России. В результате установления этого положения был вполне естественен вывод: форсирование революционной работы бухарских организаций и военные приготовления с нашей стороны на случай разрыва». Деятели Турккомиссии убеждали Москву, что сложившиеся взаимоотношения с Бухарой, которые они называли «необъявленной войной», не должны рассматриваться как результат агрессивной политики советской стороны: «До мая сего года Турккомиссия даже не ставила вопроса о возможности столкновения с Бухарой»¹⁹.

Впрочем, в отчете Отдела внешних сношений давалась иная оценка позиции Турккомиссии. Предупреждая, что «точка зрения разгрома Бухары — достояние наших военно-политических и военно-спецских кругов, и она закрепляется», Бройдо писал: «В общем и целом уклон в деле внешних сношений можно формулировать как постепенный переход от принципа «самоопределения народов» к полному неглижированию и даже нарушению его, от невмешательства к военному разгрому, от организации революционных партий сопредельных стран к неглижированию ими как организующей силой..., от уверенности в исторической необходимости возникновения революционных войн за освобождение от ига империализма в колониях к потере всякой надежды на внутренние силы этих стран, ставшей обоснованием вывода о необходимости военного разгрома с помощью нашей армии»²⁰.

18 мая 1920 г. наркоминдел РСФСР Г. В. Чичерин предупреждал Ленина: «Спешу указать Вам, ввиду до крайности настойчивого желания тов. Элиавы и других приехавших сюда членов Турккомиссии, завтра же провести решение об упразднении независимости Бухары, на крайнюю серьезность такого шага, который сильнейшим образом повредит всей нашей политике на Востоке. Уже в Хиве мы оказались поставленными перед свершившимся фактом... В Хиве красноармейцы проигрывают в карты

мусульманских женщин. Это называется «провозглашением Советской Республики Хивы». Бухара играет еще более крупную роль в мусульманском мире. Колонизаторская политика с приемами конкистадоров совершенно подорвет нашу роль на Востоке»²¹.

Тем не менее, уже через несколько дней Ленин ознакомился с другой точкой зрения, сформулированной в письме замнаркоминдела Л. М. Карахана: «Бухара не с нами, а против нас. Поэтому, в полном согласии с Турккомиссией, нашим уполномоченным в Ташкенте мы предлагаем ликвидировать эмира и образовать из Бухары демократическую республику, поставив во главе ее младобухарцев (теперь коммунистов). Это может быть проделано в несколько месяцев в порядке внутреннего переворота в Бухаре, поддержано с нашей стороны бухарскими отрядами, составленными из дезертиров бухарской эмирской армии, перебегающих к нам в большом числе, а затем после образования нового правительства мы сможем ввести и наши войска для охраны железной дороги и границ»²².

22 мая Политбюро ЦК РКП(б) постановило одобрить предложения Карахана²³, и дело теперь заключалось лишь в технике осуществления очередной «революции». Свою роль должны были сыграть в ней и младобухарцы, и отколовшаяся от них часть, которая образовала партию бухарских коммунистов, принявших программу РКП(б). Последние, выступавшие за «объявление диктатуры пролетариата»²⁴ в Бухаре (при фактическом отсутствии рабочих коренных национальностей), никакой популярностью в народе не пользовались: «Партия бухарских коммунистов,— сообщал Аксельрод,— не представляет из себя серьезной организации, так как в Бухаре нет тех слоев, на которые она могла бы опереться. Крестьянство их не понимает и боится». Декханство же представляет собой «темную, безграмотную, фанатичную и фаталистически настроенную массу», которую можно легко поднять «на избиение европейцев, евреев, а иногда и купцов, но на движение больше этого рассчитывать пока невозможно»²⁵.

Деятельность революционных организаций в сопредельных с Туркестаном странах, включая Бухару, направлял созданный по решению Турккомиссии Совет интернациональной пропаганды на Востоке (Совинтерпроп). 30 июня Турккомиссия, «считая неизбежным разрыв дипломатических отношений и возможность военного столкновения с Бухарой» и признавая необходимость «продолжать военную подготовку к этому разрыву», предложила Совинтерпропу порвать связи с младобухарцами и отказать им в помощи. Протестуя против этого решения, Исполбюро Совинтерпропа расценивало его как стремление Турккомиссии перенести решение бухарского вопроса «на штыки Красной Армии», уменьшив роль собственно революционных сил, действующих в Бухаре: «Комиссия ЦК так и смотрит, что движение в Бухаре должно быть лишь начальным толчком, а все остальное, приблизительно так 9/10, должна сделать Российская Красная Армия. Исполбюро Интернациональной пропаганды полагает, что надо стремиться к развязыванию широкого и глубокого революционного движения в самой стране и что это возможно. Но для этого должны быть введены в действие все наличные революционные силы, в том числе и младобухарцы, относительно более богатые культурными силами, чем бухарские коммунисты... Мы считаем разрыв с младобухарскими революционерами преждевременным и вредным. После переворота мы очутимся перед страной, которую придется оккупировать одной силой красных штыков, и, имея в массе враждебное нам или инертное население, мы должны будем взять на себя все бремя продовольственного, хозяйственного и финансового снабжения»²⁶.

Между тем, подготовка операции по «приобщению Бухары к советскому строю» велась полным ходом: «Термез и Керки,— докладывало командование Туркфронта главкому 12 июля,— уже давно заняты нашими гарнизонами. Ныне, опираясь на предпринятые нами работы по восстановлению железнодорожных бухарских линий..., мы занимаем сильным гарнизоном Карши и, таким образом, вполне обеспечиваем себе исходное положение на случай начатия военных действий»²⁷. Для политической

подготовки переворота в Бухаре было создано Военно-революционное бюро (Реввоенбюро), в котором всю практическую работу вела «тройка» — А. А. Машицкий, Н. Т. Тюрякулов, Н. Рогдаев. Последняя поставила вопрос о слиянии бухарских коммунистов и младобухарских революционеров в одну партию на основе признания Программы РКП(б); подготовила утвержденные Реввоенбюро декреты, воззвания и декларации, которые будущий Ревком Бухары должен был опубликовать от своего имени; разослала по эмирату агитаторов и приступила к созданию партизанских отрядов. Но уже 30 июля на экстренном заседании Реввоенбюро было заявлено, что Турккомиссия решила ускорить ход событий, и Реввоенсовет Туркфронта планирует военное выступление не позднее 15—20 августа.

Командование фронта рассчитывало «управиться» с Бухарой в течение суток, захватив в плен эмира и его правительство. В то же время Турккомиссия колебалась, не решив еще, как целесообразнее осуществить операцию: двинуть на Бухару войска Туркфронта неожиданно для эмира или предварительно организовать восстание в эмирате, используя его как предлог для вмешательства Красной Армии. За исключением Машицкого все участники заседания Реввоенбюро высказались за внезапное военное выступление, и при голосовании это предложение было принято единогласно. Например, бывший начальник разведотдела штаба Туркфронта, исполнявший тогда обязанности полпреда, Заремба-Луцевич считал, что «внутреннего восстания в Бухаре едва ли можно ожидать». Подытоживая дебаты, командующий войсками Туркфронта М. В. Фрунзе заявил: «Чтобы создать в Бухаре внутренний революционный подъем, необходимо ожидать не месяцы, а годы. Коммунистической партии там нет и пока не может быть. Конспиративные отряды большой роли играть не могут... Постольку поскольку признано необходимым разделаться с Бухарским правительством, то для этого настоящий момент самый благоприятный»²⁸.

На следующий день в Москву была послана телеграмма: «В отношении Бухары мыслимы две линии поведения: 1) надежда на развитие внутреннего революционного процесса в стране и ожидание этого момента; 2) организация революции за счет сил извне... Процесс внутреннего революционного развития совершается крайне медленно и может дать, если вообще только даст, результаты лишь в отдаленном будущем. Стихийное недовольство эмиром в широких народных низах существует несомненно, но организованности никакой, и в связи с общей рабской психологией низов в открытое движение самостоятельно вылиться не может. Если считать необходимым скорейшую ликвидацию эмирата., то остается второй путь, т. е. организация революции путем непосредственного участия наших сил»²⁹. Интересно, как это сочеталось со словами наркоминдела РСФСР Чичерина на заседании ВЦИК 17 июня 1920 г.: «Мы не навязываем силою штыков ни нашего господства, ни нашего строя. Мы силою никуда не приносим коммунизма, и наши соседи это знают; они знают, что мы не угрожаем им ни нападением, ни насильственным навязыванием нашего строя»³⁰.

В этой же связи нельзя не вспомнить и о так называемой Гилянской революции, явившейся результатом военного похода кораблей Волжско-Каспийской флотилии в иранский порт Энзели. Как указывалось в отчете наркоминдела РСФСР, «красные войска после бегства англо-индийских войск заняли Решт, где 4 июня [1920 г.] было образовано советское правительство под председательством персидского демократа Кучека-хана». Символично, что посланную в Москву приветственную телеграмму последний подписал так: «Председатель Персидской Социалистической Советской Республики, провозглашенной по дороге в Решт, Мирза Кучек». В постановлении Политбюро ЦК РКП(б) от 25 мая 1920 г. говорилось: «Вменить в обязанность т. Раскольникову по оказании необходимой помощи Кучеку-хану имуществом, инструкторами и проч., передать под власть последнего Энзели и другие пункты Персии, находящиеся в наших руках... Оставить в Энзели некоторую часть судов под видом полицейской службы, но под азербайджанским флагом в количестве, необходимом для постоянного

содействия Кучек-хану»³¹. (28 апреля части Красной Армии заняли Баку и была провозглашена Азербайджанская социалистическая советская республика.)

К огорчению большевистского руководства, «попытка ведения коммунистической политики в Гиляни не повела к успешным результатам»³². Между Кучеком и азербайджанскими коммунистами шла непрерывная борьба за власть и, поскольку персидские революционеры явно не оправдывали возлагавшихся на них надежд, ЦК РКП(б) дал директиву наркоминделу РСФСР начать переговоры с шахским правительством. Хотя Чичерин еще в июле уверял персидского министра иностранных дел, что Советская Россия не оказывает поддержки Гилянскому правительству и отказывается вмешиваться во внутренние дела Персии, эвакуация советских войск — флота и «азербайджанских военных частей», ставившаяся в зависимость от одновременного ухода оттуда англичан, завершилась лишь год спустя. В конечном же счете распад существовавшего в провинции национального фронта, во многом обусловленный действиями леваков из Иранской компартии, привел к кровавой междоусобной войне среди самих революционеров и, как следствие этого, к падению Гилянской республики.

У большевистского правительства были поистине грандиозные планы: «приобщить к советскому строю» предполагалось не только окраины бывшей Российской империи, провозгласившие после Октябрьской революции государственную независимость, но и страны расшатывавшейся под мощными ударами национально-освободительного движения Британской империи. Кстати, правительство последней в своих дипломатических нотах неоднократно обвиняло советскую сторону в том, что она ведет активную работу по организации революционных сил Центральной Азии «с целью нападения на сферу британских интересов», продолжает посылать русские войска в Иран, угрожает походом на Хорасан, устраивает революцию в Бухаре и пытается заключить с эмиром Афганистана договор, «целью которого явно является возбуждение восстания среди туземных племен на границе Индии»³³. Советское правительство с благородным гневом неизменно отвергало эти обвинения, хотя председатель Реввоенсовета Республики еще в августе 1919 г. предлагал создать «конный корпус (30 000—40 000 всадников) с расчетом бросить его на Индию», уверяя, что «путь на Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии»³⁴. А на состоявшемся в сентябре 1920 г. пленуме ЦК РКП(б) рассматривалось предложение «о помощи оружием Индии» и было принято постановление «признать в принципе необходимым дать оружие и золото», поставив выполнение решения под контроль Турккомиссии³⁵.

Идея мировой революции еще долго волновала умы туркестанских большевиков. Только благодаря решительному противодействию Чичерина на территории Западного Китая не появились тогда марионеточные Кашгарская и Джунгарская республики, об образовании которых ходатайствовал перед Политбюро ЦК РКП(б) член Турккомиссии Я. Э. Рудзутак. «Советизация этих первобытных стран,— доказывал наркоминдел РСФСР,— невозможна без нашей оккупации, это будет авантюра». «Дайте точные сведения,— телеграфировал Чичерин советскому представителю в Ташкенте 17 июля 1921 г.,— о деятельности агентов Коминтерна в Средней Азии. Не посылают ли они кого-нибудь в Персию, Афганистан и Китай? Не затевают ли авантюру, не могут ли повредить нашей политике, не связываются ли опять с какими-нибудь бандитами в Хорасане?». В октябре 1920 г. наркоминдел писал предсовнаркома РСФСР о том, «какую вредную для наших интересов роль играет поддержка нами так называемых афганских революционеров, которые в действительности совершенно висят в воздухе... Никакой почвы для революции в Афганистане нет, это есть самоутешение некоторых ташкентских товарищей»³⁶.

Иначе было настроено командование Туркфронта. «С военной точки зрения, сообщало оно в Москву 31 июля, момент несомненно благоприятен... А в ближайшем будущем обстановка в связи с усиленной работой белогвардейцев в Кульдже, организующих мусульманский повстанческий

центр, и осложнениями в Персии может измениться в худшую сторону. Если персидско-турецкое направление должно стать решающим..., то с Бухарой надо кончать. Оставление ее в тылу всегда будет связываться с раздвоением нашего внимания и ослаблением сил... Во всяком случае, для поддержания Советской Бухары не понадобится более сил, чем приходится тратить ныне»³⁷.

Тем временем отношения между РСФСР и Бухарой все более ухудшались. Еще в июне, направляя посольство в Москву, эмир заявлял о «незыблемых узах дружбы между великой Советской Республикой и Бухарским государством», хотя уже тогда вряд ли верил в эти узы, ибо туркестанская пресса, не заботясь о конспирации, была в набат: «Правительство эмира должно быть свергнуто!». Последовавший захват красноармейцами в Новой Бухаре ряда зданий, принадлежащих правительству, вызвал взрыв религиозного возмущения, и 7 июля эмир призвал подданных к «священной войне против неверных» во имя «защиты ислама и шариата». Однако вопреки страстному стремлению Турккомиссии форсировать события Москва медлила. «Ответа о Бухаре до сих пор не имеем,— негодовал Куйбышев в разговоре по прямому проводу с находившимся в Москве Элиавой,— между тем это совершенно необходимо. Каждый час можно ожидать, что будет перехвачена инициатива. Послали Гопнера в Бухару для улаживания. Атмосфера накаляется до последних пределов»³⁸.

И все же мирное разрешение конфликта было еще возможно, о чем свидетельствуют результаты переговоров уполномоченного Наркоминдела РСФСР в Туркестане Гопнера с эмиром и его приближенными. «Разговор с эмиром длился около 2-х часов,— сообщал помощник Гопнера Савельев.— Вращался вокруг последних инцидентов, обострившихся взаимоотношений России и Бухары, форсированных вооружений той и другой стороны, экономических претензий обеих сторон и необходимых первоочередных уступок, которые бы знаменовали поворот в сторону мира. Эмиром даны расплывчатые обещания и высказано настоятельное пожелание к ликвидации последних натянутых отношений. Свидание с верхним куш-беги (первым министром.— В. Г.) выявило наличие сильнейшей агитации против России со стороны мулл и особенно студенчества духовных медресе, им лично подтвержденное. Из разговора выяснилось упорство правящих бухарских кругов во враждебной против России позиции и резкое недовольство в связи с сосредоточением на станции Каган крупных воинских сил, а также в связи с агитацией джадидов с территории русских поселений Бухары. Более оптимистически были рассмотрены взаимоотношения и претензии с нижним куш-беги, стоящим во главе военной и антисоветской партии. Разговор происходил в присутствии кази-каляна и раис-ишана (высшие государственные сановники.— В. Г.). Первоначальный прием продемонстрировал крайнюю холодность отношений. Нижний куш-беги особенно напирал на зловредную для спокойствия Бухары работу джадидов, подкрепленную печатной агитацией советских органов.

В результате длительного обсуждения всех пунктов разногласий намечена была программа взаимных уступок, сводящихся к прекращению со стороны Бухары экономической блокады русских поселений, согласию на производство работ по линии Карши — Керки, однако невооруженными красноармейскими частями, причем настоятельно подчеркивалась необходимость отложить постройку до окончания полевых работ... Гопнером было обещано принятие мер к выдворению джадидов с территории русских поселков — Новой Бухары и Чарджуя — при условии полного прекращения агитации против Сов. России и призыва «священной войны» со стороны мулл, афганцев и т. д., возврат бухарскому правительству... таможи, хлопкового завода эмира и новокаганского дворца, устранение полетов аэропланов над Старой Бухарой при условии приступления к демобилизации регулярной бухармии... Сведения, поступающие из Бухары, не сообщают ничего угрожающего».

Но обнадеживающие результаты переговоров с эмиром вовсе не радовали Куйбышева: «Нам кажется по некоторым ноткам ваших сообщений,

что вы многое стали принимать всерьез, формальное принимать за фактическое», — пеняет он Гопнеру ³⁹. В письме в Совнарком (копии — Реввоенсовету Республики и ЦК РКП(б)) от 16 августа Куйбышев и Бокий доказывали невозможность удовлетворения требований эмирского правительства, ибо заявление о прекращении поддержки бухарским революционерам не сможет удовлетворить эмира и будет лишь кратковременной отсрочкой: «Результат работы Гопнера может свестись лишь к оттяжке на несколько дней, после чего неизбежно наступит прежнее положение, и взятие инициативы нападения в свои руки бухарским правительством станет еще более реальным» ⁴⁰. Как тут не вспомнить слова Бройдо: «Бухара не осмелилась выступить против нас даже тогда, когда ашхабадский фронт был у ее границ, когда Туркестан был отрезан, когда были и Колчак, и Дутов, и Юденич, и Деникин. Она тем более не может осмелиться на такой шаг при современном положении. Бухара может выступить только в случае усиленного с нашей стороны провоцирования, да и то очень проблематично» ⁴¹.

В разговоре по прямому проводу с начальником Полевого штаба РВСР П. П. Лебедевым командование Туркфронта убеждало его, что с часу на час ожидает выступления со стороны Бухары и неожиданного ночного нападения на наши части и население. «Военные приготовления производятся самым энергичным темпом. В район Старой Бухары стянуто 15 тысяч регулярных войск и 20 тысяч наукеров (ополчение), муллами ведется бешеная агитация. Ежедневно отмечаются случаи исчезновения европейцев. Позавчера арестованы все русские служащие на ст. Старая Бухара; Новая Бухара уже семь дней держится в голодной блокаде». Предлагая взять инициативу в свои руки, уничтожив главные силы противника в Старой Бухаре, командование фронта просило прислать директиву Реввоенсовета Республики (РВСР), «хотя бы в таком виде: «Реввоенсовет фронта обязан принять все меры, какие он найдет необходимыми, в отношении Бухары для ограждения интересов Республики». В проекте приказа, который РВСР намеревался отдать РВС Туркфронта, предписывалось «ввиду явной угрозы Советскому Туркестану со стороны организуемых и вооружаемых великобританским империализмом контрреволюционных элементов Бухары при поддержке русских белогвардейцев... немедленно принять все необходимые военные меры к тому, чтобы предупредить грозящий удар... Вам надлежит строжайше избегать таких заявлений и действий, которые могут быть истолкованы как насилие над независимостью Бухары. Истолкователями и проводниками всех мер на местах должны быть революционные представители бухарских масс» ⁴².

Предложенный Л. Д. Троцким проект не удовлетворил Политбюро ЦК РКП(б), которое, подготовив другую директиву, передало ее 11 августа 1920 г. в Ташкент телеграммой. В ней предписывалось принять меры к защите русского населения и русских государственных учреждений в эмирате и в граничащих с ним районах Туркестана, но «не брать на себя инициативу нападения на бухарскую территорию и на бухарские военные части... Замена подготовительных к обороне мероприятий наступлением по нашей инициативе может произойти лишь при наличии более или менее популярного бухарского революционного центра (хотя бы на нашей территории), призывающего нас к такому наступлению, и не иначе как с согласия новых членов Турккомиссии (Сокольников и Сафарова)» ⁴³.

Тем не менее, 12 августа командование Туркфронта приказало войскам выдвинуться на исходные позиции и подготовиться к проведению военной операции в связи «с ожидаемым выступлением бухарского народа на путь открытой борьбы со своим эмиром и его правительством» ⁴⁴. Турккомиссия была явно разочарована полученной директивой. «Я настолько считаю необходимым спешить с решением, — возмущался Куйбышев, — что предлагаю послать Измайлова (А. М. Измайлов — уполномоченный Турккомиссии. — В. Г.) навстречу Сокольникову, дабы получить телеграфом согласие из Самары или Оренбурга» ⁴⁵. «Если бы даже эмир решил отложить задуманное им нападение, — телеграфировали Куйбышев и Бокий

в Москву 16 августа,— то напряженная атмосфера грозит разрядиться самостоятельным выступлением войск, наэлектризованных фанатической агитацией духовенства. При таком положении отсутствие определенной директивы и отложение решения вопроса до приезда Сокольниково создает возможность катастрофы, ибо передача инициативы в руки противника неизбежно затруднит и работу революционных сил Бухары, и операции наших войск»; напротив, «проявление инициативы со стороны революционных сил Бухары, поддержанных нашими войсками, отвлекло бы сразу бухарские войска внутрь бухарской территории и тем избавило бы русские поселения от дикой расправы и сохранило бы целостность железнодорожной и телеграфной линии»⁴⁶. Постановлением от 19 августа Политбюро оставило в силе прежнюю директиву⁴⁷.

23 августа в Ташкент прибыли новые члены Турккомиссии — Г. Я. Сокольников, назначенный также командующим войсками Туркфронта и председателем Туркбюро ЦК РКП(б), Г. И. Сафаров и Я. Х. Петерс,— которые быстро пришли к убеждению, «что никакие уступки не могут в конечном итоге изменить определенно враждебное отношение к нам со стороны Бухары»⁴⁸. На заседании Турккомиссии 25 августа был создан Партийный центр по руководству революционным переворотом в эмирате в составе Куйбышева и руководителей бухарских коммунистов и младобухарцев Н. Хусаинова и Ф. Ходжаева. Для политического руководства операцией в Каган командировался Сафаров. (Позже Петерс с жаром убеждал Ленина, что за безобразия, совершенные в Бухаре Красной Армией, никак нельзя винить новых членов Турккомиссии: «Правда, мы по дороге из Москвы получили телеграмму Цека, чтобы решение бухарского вопроса отложить до нашего приезда в Ташкент, но когда мы приехали, отступление от намеченного плана уже было невозможно. Было ли это спровоцировано, было ли это вообще правильно, об этом Цека может назначить следствие, но, по моему мнению, как и по мнению всего Туркбюро, из положения, какое мы нашли после своего приезда, другого выхода не было»⁴⁹.)

Операция началась 28 августа 1920 года. При штурме крепости Старая Бухара потери со стороны наступавших на третьи сутки непрерывного боя составили до 600 человек убитыми и ранеными, а настроение красноармейцев было «близко к паническому»: «пришлось использовать артиллерию» (по данным Сокольникова, было выпущено 12 тыс. снарядов) и 11 самолетов, «разрушив до 1/5 города»⁵⁰. «Мы бомбили Бухару,— с гордостью вспоминал один из участвовавших в операции летчиков.— Мы разрушали древний эмират. Особое ликование у нас вызвали попадания бомб в знаменитую «Башню смерти», хотя попадания эти для нас были в сущности совершенно бесполезны. В коротких промежутках между полетами шутили: — Держу я бомбу, вижу внизу мечеть. Я и бабахнул прямо в кумпол,— хвалится один летнаб. Хохотали»⁵¹.

«Центр города уничтожен, сожжен Регистан,— сообщил Ленину побывавший в начале сентября в Бухаре член «тройки» Реввоенбюро Машицкий, фактически отстраненный от дел.— На третий день после обстрела Бухарское правительство послало парламентаря, который задержан как заложник. Обстрел продолжался... После сдачи Бухары начались поджоги и невероятные грабежи и мародерство. Все богатства, содержащиеся в подвалах и кладовых Регистана, разграблены, громадные негоряемые шкафы разбиты, разломаны... В грабеже принимала участие Красармия, и два эшелона с грузом имуществом отправлены в Ташкент, тридцать девять сабель, усыпанные драгоценными камнями, некоторые из них имеют тридцать пять бриллиантов, оказались в Ташкенте»⁵².

В декабре 1920 г. в тезисах к адресованному в Москву докладу Совинтерпропа «Борьба за революцию в Бухаре» Машицкий писал: «11. Революция, оказавшись неподготовленной, превратилась в форменное выступление Красной Армии, ничем не прикрытое, нарушившее все представления о праве бухарского народа на самоопределение, и Бухара фактически оказалась оккупированной страной. 12. По Бухаре было выпущено

несколько миллионов пуль и несколько тысяч пушечных снарядов, из которых было немалое количество и химических. Сила артиллерийского и пехотного огня была настолько велика, что возможность перехода бухарских солдат на сторону революции сама по себе отпала. Бухара в центре и в местностях, прилегающих к вокзалу, оказалась совершенно разрушенной. Уничтожены исторические памятники. Повреждены мечети, а некоторые из оставшихся в целости (2,3 из них) были превращены в казармы и конюшни. 13. Начатые пожары и грабежи оказали самое вредное влияние не только на настроение народных масс, но и на Бухком (самых преданных делу революции товарищей), которые возмущались и открыто говорили, что Бухару «грабят большевики». Кроме открытых грабежей, которые практиковались благодаря попустительству неудержимой вакханалии, охватившей почти всех, быстро установился порядок, на основании которого в память о «революции» в Бухаре раздаривались драгоценные предметы, часто имеющие историческое значение, и дело с этим дошло до того, что каждый, оказавшись в Бухаре, считал зазорным не увезти что-нибудь «на память». Цинизм с этим достиг такой степени наглости и скандала, что по поводу отправленных сундуков (более сотни) с ценными вещами было получено из Самарканда уведомление, гласившее, что за целостность содержимого сундуков ручаться нельзя, так как «печати на них оказались распущенными вследствие страшной жары, а веревки перегнившими».

«Празднично-революционная картина жизни Старой Бухары,— докладывал в октябре 1920 г. в Туркбюро инструктор поезда «Красный Восток»,— сильно омрачается многочисленными развалинами разрушенных и сгоревших домов... Вызывают сильное возмущение грандиозные грабежи, которыми сопровождалось занятие города революционными войсками. Говорят о разграблении богатейших эмирских сокровищниц, наполненных драгоценностями величайшей стоимости. Люди буквально ходили по золоту и серебру. Исчезли вещи глубочайшей древности. В грабежах принимали участие не только красноармейцы, но и местные жители»⁵³.

Существовала точка зрения, что «штурм города был излишен и что предложенные эмиром переговоры, если бы они были приняты нашим командованием, неизбежно кончились бы капитуляцией. Тогда город был бы спасен от разрушения, не было бы грабежей и эмир оказался бы в руках революционеров»; при этом подчеркивалось, что население города выступало за капитуляцию, и к эмиру была послана делегация с требованием сдаться без боя. При виде советских аэропланов люди взбирались на крыши домов, держа в одной руке красный, а в другой — белый флаги. «Несколько дней тому назад,— сообщал Петерс Ленину,— мною арестован бывший командующий Бухарской группой, у которого нашли целый мешок со слитками золота, золотыми вещами, деньги, серебро и т. д. Это дело также будет направлено в ВЧК. По моему мнению, о походе на Бухару должна быть назначена следственная комиссия и привлечены к ответственности те, которые не приняли меры к устранению всех этих безобразий»⁵⁴. Кстати, на совместном заседании Туркбюро ЦК РКП(б), Исполбюро ЦК КП Туркестана и Совнаркома республики 25 сентября обсуждался вопрос об обыске в поезде комвойсками Туркфронта по телеграмме Петерса. «Вопрос,— значится в протоколе,— после разъяснений тов. Сокольников, пославшего телеграмму в Москву, считать исчерпанным»⁵⁵.

Как объяснял Сафаров, зачинщиком грабежей в Старой Бухаре был 3-й мусульманский полк, первым ворвавшийся в эмирский дворец: «Приходилось из командиров и комиссаров устраивать разъезды, чтобы разгонять нагайками мародеров. 39 сабель были пожалованы для раздачи командирам частей самим ревкомом. Эшелоны же с ценностями при строгом учете их были сформированы мною и Фрунзе, чтобы спасти их от грабежа, и по решению Бухревкома отправлены на хранение в Нарбанк. Нужно сказать, что части здесь вообще очень мародерские... Вся эта солдатская анархия была результатом чудовищной слабости местных революционеров. Сколько ни пытался я собирать из них отряды, охрану и т. п., всякий раз [они] оказывались еще более худшими грабителями, чем наши»⁵⁶. В связи

с вопросами предсовнаркома РСФСР Сокольников обратился к Куйбышеву, назначенному новым полпредом в Бухаре, с просьбой выяснить, что в телеграмме Машицкого правда, а что — нет? Куйбышев отвечал: «Если ограничиться фактической стороной..., то пришлось бы признать все сообщенные факты, имевшие место»⁵⁷. Грабежи в Бухаре длились, по-видимому, до середины сентября⁵⁸.

6 октября Сокольников сообщал в Совнарком РСФСР: «В Ташкент, согласно постановлению Бухревкома и БухЦеКа... отправлена была часть казны эмира, которая в абсолютно безупречных условиях хранится в Нарбанке в Ташкенте. Часть бухкоммунистов задним числом повела агитацию против вывоза ценностей... Считаю, что оставлять ценности в Бухаре небезопасно (не только вследствие возможных попыток возвращения эмира, в руках которого еще треть бухарской территории — недоступный горный район, фактически бывший независимым от эмира, но также и вследствие опасности расхищений)»⁵⁹. Но и Ташкент покажется вскоре тоже недостаточно надежным местом для хранения бухарских богатств. В шифротелеграмме от 24 сентября 1921 г. в ЦК РКП(б) на имя И. В. Сталина новый председатель Турккомиссии М. П. Томский заявит: «Повторяю: ставлю вопрос о переводе в Москву бухарского серебра и других ценностей. Охрана хранилищ весьма слаба, при местных условиях [ее] крайне затруднительно осуществить»⁶⁰. «Дал ряд категорических приказов для прекращения безобразий,— писал Сокольников Ленину.— ...Вы спрашиваете «каковы итоги»? Итоги те, что с гор. Бухарой обошлись, как, к несчастью, обходятся со всяким «освобождаемым» городом наши части, когда они «вырываются из рук». Не лучше было и в Персии. А Ростов? А Харьков? Будем политически залечивать, елико возможно»⁶¹.

8 октября 1920 г. I Всебухарский курултай народных представителей провозгласил создание Бухарской Народной Советской Республики, а 26 декабря в Бухару приехал Сафаров, выступивший в тот же день на заседании актива республики. Как сообщали в Наркоминдел РСФСР председатель Всебухарского ревкома А. К. Мухитдинов и председатель Совета назиров (народных комиссаров.— В. Г.) Ф. У. Ходжаев, Сафаров обвинил их в том, что ничего не делается для ликвидации остатков эмирских войск, причем допустил такие выражения, как «кучка советских разбойников» и «бухарская революция есть революция беспаспортная», угрожал присутствующим: «Мы вас всех расстреляем!», и в заключение обозвал их «сволочью». Естественно, что подобное «барско-диктаторское обращение с высшими учреждениями Бухарской республики» было воспринято ее руководителями как тяжкое оскорбление, дающее «возможность усилению гнусной агитации агентов контрреволюции, считающих Бухару завоеванной русскими», а ее правительство — «марионеткой в руках представителей Советской России».

Выражая категорический протест против поведения Сафарова и считая невозможным продолжение совместной с ним работы, бухарское руководство просило Наркоминдел РСФСР немедленно дать ответ по радио на свое заявление, утверждая, что в противном случае «не считает возможным для себя оставаться далее у власти». Характерно, что в упомянутой ноте правительство Бухары, искренне не желавшее выглядеть марионеткой в руках большевиков, но уже самой логикой событий в нее превращенное, доказывало, что неуспех военной экспедиции, посланной в Восточную Бухару, не является виной революционной власти, так как руководство операциями изъято из ее ведения. «К тому же,— подчеркивалось в ноте,— поведение красноармейцев с командным составом в Восточной Бухаре, выразившееся в оскорблении религиозного чувства мусульман (сжигание мечетей, употребление листов Корана для естественных надобностей, попираНИЕ семейных традиций мусульман) является серьезным препятствием к ликвидации фронта»⁶².

Хотя к апрелю 1921 г. войска эмира потерпели поражение, а сам он бежал в Афганистан, кровь в Бухаре литься не перестала. «Восстание жителей, — докладывал 25 июня бывший военком 1-й Туркестанской кавдивизии Спасский,— началось в первых числах мая и охватило Гармский,

Бульджанский, Файзабадский, Кулябский и Кара-Тегинский районы. Причин, послуживших поводом к восстанию, много, но более яркими выделяются следующие: бессистемный сбор припасов с населения, неуплата деньгами за взятое, а расписками, и неумелое проведение мобилизации милиции. Восставшие примкнули к появившимся из Ферганы басмачам, которые ими и руководят». Обращаясь к члену Реввоенсовета Туркфронта П. И. Баранову, военком писал о сложности проведения какой-либо просветительской работы среди «оборванной, грязной, голодной красноармейской массы, усталой и издерганной, прошедшей при невероятно тяжелых условиях всю Восточную Бухару. Благодаря таким условиям боевые полки превратились в партизан или хуже — бандитов... После двухдневного боя в Кулябе красноармейцы бросились грабить город, расстреливая оставшихся жителей, причем до 50 женщин изнасилованы и 140 женщин прибежали спасаться в крепость. Попытки комиссаров предотвратить это зло не дают результатов»⁶³.

«Положение сейчас в Восточной Бухаре крайне плачевно, теоретически мы здесь закрепляли Советскую власть, а практически рубим бедноту тысячами,— дополнял Спасского сменивший его на посту военкомдива Н. И. Винокуров.— ...Ревкомы частенько переходят к восставшим, население запугано провокацией, которая основана на наших действиях. Говорят: «Видите, русские, которые убивают вас из пулеметов. Это только предвещенье Советской власти. Вот теперь знаете, что будет с вами, если придет самая настоящая Советская власть»... Я теперь совершенно не представляю, какие нужны колоссальные труды для того, чтобы примирить с нами население. Восстание охватывает целые районы, правда, оно через неделю будет подавлено, но гарантий невозможности нового выступления нет. Получены сведения о насилиях красноармейцев над женщинами и самовольных обысках. Командиры и комиссары не особенно препятствовали этому»⁶⁴.

Выступая в сентябре 1920 г. на IX Всероссийской партконференции, Ленин, упомянув об обстоятельствах, при которых было принято решение ЦК РКП(б) «помочь советизации Польши», в частности, говорил: «Перед нами встала новая задача. Оборонительный период войны со всемирным империализмом кончился, и мы можем и должны использовать военное положение для начала войны наступательной»⁶⁵. «Красная интервенция», всемерное развязывание мировой революции и распространение социализма на штыках Красной Армии — таков был политический рецепт большевистского экстремизма, кульминация которого пришлась именно на 1920—1921 годы. Принесла ли счастье народам древней Бухары экспортированная тогда революция? Не она ли отзывается искаженным эхом с конца 80-х годов?

Примечания

1. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), ф. 2, оп. 1, д. 14345 л, 13.
2. Там же, д. 14785, л. 4.
3. ИШАНОВ А. И. Бухарская Народная Советская Республика. Ташкент. 1969, с. 21.
4. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 14785, л. 1.
5. САФАРОВ Г. И. Колониальная революция (опыт Туркестана). М. 1921, с. 80; ФОТЕЕВ И. Возникновение басмачества. В кн.: Три года: 1918 — февраль 1921. Ташкент. 1921, с. 18.
6. ХОДЖАЕВ Ф. Избранные труды. В 3-х тт. Т. 1. Ташкент, 1970, с. 139.
7. САФАРОВ Г. И. Ук. соч., с. 83.
8. Война в песках. Л. 1935, с. 250.
9. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 14785, л. 3.
10. Там же, д. 14345, л. 8.
11. Там же, л. 12.
12. ХОДЖАЕВ Ф. Ук. соч., с. 155.
13. Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Док. и м-лы. Т. 2. Алма-Ата. 1964, с. 503.

14. ЩЕРБАКОВ Н. М. Таким было начало... Ташкент. 1964, с. 36.
15. Иностранная военная интервенция, с. 495.
16. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 14345, л. 17.
17. Годовой отчет НКВД к IX съезду Советов (1920—1921). М. 1921, с. 140, 142.
18. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 14345, л. 31; д. 14785, л. 2.
19. Там же, ф. 79, оп. 1, д. 161, л. 2.
20. Там же, ф. 2, оп. 1, д. 14345, лл. 13, 29.
21. Там же, ф. 5, оп. 1, д. 2054.
22. Цит. по: ИШАНОВ А. И. Ук. соч., с. 164—165.
23. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, л. 81.
24. Иностранная военная интервенция, с. 520.
25. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 14785, л. 6.
26. Там же, ф. 17, оп. 2, д. 661, лл. 82, 25—26.
27. Иностранная военная интервенция, с. 508.
28. РЦХИДНИ, ф. 544, оп. 1, д. 5, лл. 5—6.
29. Иностранная военная интервенция, с. 513.
30. ХЕЙФЕЦ А. Н. Советская Россия и сопредельные страны Востока (1918—1920). М. 1964, с. 242.
31. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 83, л. 1.
32. Годовой отчет НКВД к IX съезду Советов, с. 72.
33. Документы внешней политики СССР. Т. 3. М. 1959, с. 318.
34. ВОЛКОГОНОВ Д. Троцкий. Политический портрет. В 2-х кн. Кн. 1. М., 1992, с. 10—11.
35. Известия ЦК КПСС, 1991, № 3, с. 164.
36. РЦХИДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 2116, лл. 11, 17; д. 2059, л. 5.
37. Там же, ф. 2, оп. 1, д. 14884, л. 1.
39. Там же, ф. 122, оп. 1, д. 44, лл. 204—221.
40. Там же, ф. 79, оп. 1, д. 161, л. 4.
41. Там же, ф. 2, оп. 1, д. 14345, л. 13.
42. Там же, д. 24441, лл. 1—3.
43. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.). Т. 3. М. 1974, с. 543.
44. Там же, с. 544.
45. РЦХИДНИ, ф. 122, оп. 1, д. 44, л. 220.
46. Там же, ф. 79, оп. 1, д. 161, л. 4.
47. Там же, ф. 17, оп. 3, д. 103, л. 1.
48. Директивы командования фронтов Красной Армии. Т. 3, с. 553.
49. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 1273, л. 2.
50. Там же, д. 16000, лл. 2, 4.
51. Война в песках, с. 303.
52. РЦХИДНИ, ф. 79, оп. 1, д. 169, л. 3; ф. 5, оп. 1, л. 2131, л. 3.
53. Там же, ф. 17, оп. 12, д. 661, лл. 9—10.
54. Там же, ф. 2, оп. 1, д. 1273, л. 2.
55. Там же, ф. 61, оп. 1, д. 10, л. 8.
56. Там же, ф. 2, оп. 1, д. 16000, л. 4.
57. Там же, ф. 79, оп. 1, д. 169, л. 5.
58. Там же, д. 167, лл. 1—3.
59. Там же, ф. 2, оп. 1, д. 16000, лл. 2—3.
60. Там же, ф. 5, оп. 1, д. 2922, л. 32.
61. Там же, ф. 2, оп. 1, д. 16000, л. 3.
62. Там же, ф. 79, оп. 1, д. 196, л. 1.
63. Там же, ф. 122, оп. 1, д. 250, лл. 30—31.
64. Там же, л. 29.
65. Исторический архив, 1992, № 1, с. 16.

Исторические альтернативы для Европы 40—70-х годов XIX века

В. А. Дьяков

Нидерландская, Английская и Французская буржуазные революции XVI—XVIII вв., казалось бы, предопределили скорое торжество капитализма на всем европейском континенте. Однако и в первой половине XIX в. на территории Центральной и Восточной Европы, если не полностью господствовали, то еще довольно прочно удерживались феодальные порядки в экономических отношениях и политическом строе. Для этой части Европы (прежде всего — для остэ debateского региона) переломным стал период от созревания революции 1848 г. до первых последствий франко-прусской войны 1870—1871 гг. и Парижской коммуны. Изучение этого времени, с одной стороны, подтверждает общность закономерностей исторического процесса, с другой — дает богатейший материал, подтверждающий, что едва ли не в каждой из такого рода ситуаций наличествует несколько объективно обусловленных, но по-разному оцениваемых современниками альтернатив дальнейшего хода событий.

До середины XIX в. некоторая степень альтернативности сохранялась даже на формационном уровне, ибо объективная перспектива победы капитализма не была до конца осознана ни владельцами земли и душ, ни правящими кругами крупных монархий Восточной Европы. Тесно сотрудничая друг с другом, им еще удавалось блокировать сколько-нибудь серьезные попытки реформирования феодально-крепостнических порядков, а также подавлять военной силой антифеодальные и национально-освободительные движения. Многозначительным событием стал «венгерский поход» войск царской России в 1849 г., который спас монархию Габсбургов, но оказался неспособным избавить ее от социально-политических реформ, уничтоживших основные препятствия для развития капитализма.

Революция 1848—1849 гг. серьезно изменила ситуацию в немецких землях, хотя происшедшие перемены значительно уступали завоеваниям классических буржуазных революций 1648 г. в Англии и 1789 г. во Франции. Прусская революция в марте 1848 г., по мнению К. Маркса и Ф. Энгельса, «не была даже национальной, германской, она с самого начала была провинциально-прусской»¹. Революция в немецких княжествах, а тем более освободительные движения угнетенных народов Габсбургской монархии имели в большей или меньшей степени антифеодальную направленность, но весьма значительную, а иногда и решающую роль в них играло стремление,

Дьяков Владимир Анатольевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

если не к ликвидации, то к осязательному ослаблению национального гнета². То же можно сказать о затронутых революционным брожением частях Российской и Османской империй³.

«Весна народов», как известно, началась на улицах Парижа, но по своему социально-политическому характеру революция 1848 г. во Франции существенно отличалась от последующих событий в Центральной и Юго-Восточной Европе. Главной движущей силой этой революции стал пролетариат, который в феврале 1848 г. не захотел останавливаться на замене Июльской монархии демократической республикой и провозглашении декрета о «праве на труд», а в июне решился на первую в истории рабочего класса попытку вооруженной борьбы за политическую власть в стране. Июньское восстание в значительной мере было спровоцировано буржуазией и закончилось полной неудачей, не получив поддержки ни со стороны народных масс Франции, ни от зарубежных пролетариев, прежде всего английских. Мелкобуржуазная политическая группировка во главе с А. Ледрю-Ролленом не играла сколько-нибудь заметной роли в парламенте, буржуа-республиканцы, постоянно идя на уступки реакции, потеряли завоеванные сначала позиции, и все кончилось установлением военно-монархического режима Второй империи.

В целом революция 1848—1849 гг. значительно усилила позиции капитализма в Европе, продвинула на восток границы зоны, благоприятной для его развития. Защитники феодальной формации в последний раз продемонстрировали свою силу и способность к согласованным действиям при подавлении польских и венгерских повстанцев. Однако соотношение сил оказалось таким, что назревшие задачи социально-политического развития решались в Центральной и Юго-Восточной Европе преимущественно не революционными, а реформистскими методами. Под знаком реформ, непосредственно связанных с «Весной народов» или являющихся их более отдаленными последствиями, и шел исторический процесс в Европе на протяжении двух последующих десятилетий. Он включал ряд крестьянских реформ, общественно-политические столкновения и войны за освобождение Италии и Германии, превращение Габсбургской монархии в дуалистическую Австро-Венгрию.

Военное поражение в крымской войне 1853—1856 гг., подъем антифеодального движения крестьянства, брожение в образованном обществе России привели к революционной ситуации 1859—1861 гг. и начавшемуся затем польскому восстанию 1863—1864 годов. Был до основания потрясен, если не последний, то самый сильный оплот феодализма в Европе, что вызывало социально-экономические и политические преобразования, открывшие путь развитию капитализма и в Российской империи. Эпицентр процесса перехода от феодализма к капитализму продвигался в восточном направлении, причем не только на востоке, но также в центре и в юго-восточной части Европы социальный аспект этого процесса теснейшим образом переплетался с национальным.

Завершающий этап рассматриваемого периода связан с франко-прусской войной и Парижской коммуной. События 1870—1871 гг. отразили существенные изменения не только в международной, но и в социально-политической ситуации в Европе. Капиталистический мир в целом укрепил свое положение, но внутреннее соотношение в нем осязательно изменилось в пользу Германской империи. Успехи возникшего в 1864 г. I Интернационала и героические, хотя и кратковременные деяния Парижской коммуны, подтвердили быстрый рост организованности рабочего движения. Пролетариат Западной Европы довольно весомо заявил о своем стремлении к политической власти, но ход событий не оставлял сомнений в том, что объективные условия для реализации этих стремлений еще далеко не созрели. И дело не в том, что коммунары допустили много частных ошибок, а в том, что не было исторической почвы для победы французского пролетариата, невозможной без тесного союза с другими социальными силами, без реальной поддержки со стороны международного рабочего движения.

До последнего времени наша историография почти однозначно

исходила из убеждения в том, что на рассматриваемом этапе будущее Европы было связано с более или менее близкой победой пролетарской революции. Между тем непредвзятая оценка имеющегося фактического материала позволяет говорить о наличии нескольких альтернативных вариантов исторического развития региона, которые не только объективно существовали, но и отразились в общественно-политическом сознании эпохи. Ниже рассматриваются некоторые из этих вариантов в сопоставлении их друг с другом.

Ориентация на общеевропейскую пролетарскую революцию. Свою оценку социально-политической ситуации, сложившейся в 40-х годах XIX в. в Европе, а также формулировку назревших к этому времени задач исторического процесса Маркс и Энгельс дали в «Манифесте Коммунистической партии». Это наиболее известный современникам программно-теоретический текст сводного характера, отражавший мнение не только основоположников марксизма, но и большинства их сторонников из Союза коммунистов. Авторы «Манифеста» исходили из убеждения, что он должен на долгие годы стать идеологической платформой и руководством к действию для рабочего движения.

Середину XIX в. Маркс и Энгельс отнесли к «эпохе буржуазии»; она, по сравнению с феодализмом, «упростила классовые противоречия: общество все более и более раскалывается на два большие враждебные лагеря, на два большие, стоящие друг против друга, класса — буржуазию и пролетариат». Буржуазия, по их мнению, сыграла «чрезвычайно революционную роль» при сломе феодальных отношений собственности, переставших соответствовать развившимся производительным силам. Но со временем буржуазные отношения становятся слишком узкими, чтобы вместить созданное ими богатство, и начинаются кризисы перепроизводства, сокрушительно действующие на социально-экономическую сферу. Буржуазия сама порождает своего могильщика — пролетариат ⁴.

Рабочий класс, говорится в «Манифесте», рекрутируется из всех слоев населения, в том числе и из «среднего сословия»; мелкие промышленники и торговцы, ремесленники и крестьяне, разоряясь, «спускаются в ряды пролетариата». В период становления капиталистических отношений пролетарии борются с врагами своих врагов, то есть с абсолютизмом и феодальными крепостническими порядками, а каждая одержанная при этом победа является победой буржуазии. Но после утверждения капитализма расстановка сил меняется: «Из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, только пролетариат представляет собой действительно революционный класс. Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности, пролетариат же есть ее собственный продукт». Что касается «средних сословий» (мелкие промышленники и торговцы, ремесленники, крестьяне), то, по убеждению Маркса и Энгельса, их борьба с буржуазией в условиях капитализма утрачивает прежнюю прогрессивность; они на этом этапе якобы «не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории» ⁵.

Утвердить свое господство, говорится в «Манифесте», пролетариат может лишь посредством насильственного ниспровержения буржуазии, которое невозможно осуществить без предварительно создаваемой организации. Система наемного труда держится на конкуренции рабочих между собой, но развитие крупной промышленности создает условия для их революционного объединения. Это делает гибель буржуазии и победу пролетариата одинаково неизбежными. С падением буржуазного общества на место классовых противоположностей придут ассоциации, в которых «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» ⁶. Маркс и Энгельс заявили в «Манифесте», что ближайшая цель коммунистов состоит в формировании пролетариата в класс, ниспровержении господства буржуазии, завоевании политической власти пролетариата ⁷.

В заключительном разделе «Манифеста» определено отношение коммунистов к различным оппозиционным партиям. Во Франции, заявляли

Маркс и Энгельс, «коммунисты примыкают к социалистическо-демократической партии» (т. е. к республиканцам и демократам во главе с Л. Бланом и А. Ледрю-Ролленом), в Швейцарии они поддерживают радикалов, среди поляков — «партию, которая ставит аграрную революцию условием национального освобождения». В Германии коммунистическая партия борется против абсолютной монархии, феодальной земельной собственности и реакционного мещанства, действуя при этом «вместе с буржуазией». Авторы «Манифеста» высказали убеждение, что назревшая в Германии буржуазная революция «может быть лишь непосредственным прологом пролетарской революции»⁸.

В датируемом мартом 1850 г. «Обращении Центрального комитета к Союзу коммунистов» Маркс и Энгельс признали, что их вера в революционность немецкой буржуазии оказалась необоснованной, и высказали предположение, что новая революция будет вызвана либо восстанием французского пролетариата, либо «вторжением Священного союза в революционный Вавилон». А в ноябре 1850 г. они выразили убеждение, что в ближайшее время «о действительной революции не может быть и речи»⁹. Осенью 1857 г. Марксу и Энгельсу казалось, что начавшийся торгово-финансовый кризис приведет к крупным социально-политическим потрясениям, но таковых не последовало¹⁰. В 1859—1861 гг. они связывали свои надежды с революционной ситуацией в России и выражали уверенность, что на европейском континенте революция «примет сразу социалистический характер»¹¹; аналогичные надежды вызвало у них польское восстание 1863—1864 годов.

Буржуазные порядки в Европе продолжали укрепляться и расширяться преимущественно реформистским путем, рабочие развитых стран учились добиваться повышения своего жизненного уровня мирными средствами, тогда как основоположники марксизма продолжали ориентироваться главным образом на руководимую пролетариатом общеевропейскую революцию. Об этом свидетельствует, в частности, Учредительный манифест I Интернационала и его Временный устав от октября 1864 года¹².

Анализируя уроки революции 1848—1849 гг. и последующих событий, Маркс и Энгельс не закрывали глаза на то, что во многих странах Европы, особенно в ее центральной и восточной частях, мелкобуржуазная демократия на некоторое время получила преобладающее влияние. Это заставляло их признать необходимость сотрудничества рабочей партии с мелкобуржуазными демократами. Однако осуществлять его Маркс и Энгельс считали возможным только не допуская какого-либо организационного слияния. «На случай борьбы против общего врага,— заявляли они,— не нужно никакого особого объединения», достаточен временный «союз, рассчитанный лишь на данный момент».

По убеждению основоположников марксизма, главными врагами рабочих на прошедшем этапе борьбы была либеральная буржуазия, а в дальнейшем ее место должна занять мелкобуржуазная демократия, которая «для рабочих много опаснее, чем прежние либералы». Аналогичными соображениями определялось их отношение к той части рабочего движения, которая оказывалась под влиянием мелкобуржуазных демократов. Наставив на проведении рабочей партией собственной политики, Маркс и Энгельс считали, что требования членов этой партии должны всегда «сообразовываться с уступками и мероприятиями демократов». Понимали они это следующим образом: деятели рабочей партии должны «доводить до крайних пределов предложения демократов, которые, конечно, будут выступать не революционно, а лишь реформистски; они должны превращать эти требования в прямые нападения на частную собственность»¹³.

Общий подход основоположников марксизма к национальным движениям в странах Европы после «Весны народов» практически не изменился: они рассматривали эти движения главным образом в качестве некоего резерва общеевропейской социалистической революции, возглавляемой пролетариатом. Особое, а временами исключительное внимание уделялось польскому освободительному движению. Подтверждением этому может

служить, в частности, одно из писем Маркса Энгельсу 1856 г., в котором оценивается книга Л. Мерославского «О польской национальности и системе европейского равновесия»¹⁴. Известие о начале польского восстания 1863 г. привело Маркса к мысли, что в Европе «снова широко открылась эра революций», а узнав о налаживающемся союзнестве повстанцев с русскими революционерами, он выразил надежду, что «на сей раз лава потечет с востока на запад»¹⁵. Широкая кампания европейских рабочих в поддержку польского восстания содействовала созданию Международного Товарищества Рабочих. 29 ноября 1864 г. МТР по предложению Маркса и других членов его руководящего органа приняло резолюцию по польскому вопросу: «Признать, что польская война за независимость велась в общих интересах народов Европы и что ее поражением нанесен жестокий удар делу цивилизации и прогресса человечества»¹⁶.

Обострение национальных противоречий вызвало в центральноевропейском регионе ряд взаимосвязанных династических войн и народных движений. Стремясь усилить свои позиции внутри страны французский император Наполеон III заключил тайное соглашение с премьер-министром Пьемонта К. Б. Кавуром и в 1859 г. ввязался в войну за североитальянские владения Австрии. Франция одержала победу, но Наполеону III пришлось удовольствоваться лишь отторжением Ломбардии от Габсбургской монархии, а Венеция осталась под ее властью. Объединение Италии ее народ завершил собственными силами в ходе революции 1859—1860 годов. Одним из препятствий на пути к объединению немецких земель стало соперничество между Австрией и Пруссией, которые претендовали на лидирующую роль в будущей единой Германии. В 1864 г. Пруссия победила в войне с Данией за Шлезвиг-Гольштейн, что существенно усилило ее позиции в соперничестве с Австрией. В 1866 г. оно вылилось в прямое военное столкновение, закончившееся победой Пруссии, которая и встала во главе объединенной Германии.

Маркс и Энгельс считали процесс консолидации наций и образование национальных государств исторически прогрессивным явлением. Их конкретные позиции определялись двумя общими факторами: во-первых, они все происходящее рассматривали с точки зрения интересов пролетариата и грядущей социалистической революции; во-вторых, они были убеждены, что в борьбе за объединение Германии лидирующая роль должна принадлежать Австрии, а не Пруссии, и потому не всегда объективно оценивали перипетии борьбы двух тенденций. Ход истории показал, что в данном вопросе более близкими к исторической реальности были представления не основоположников марксизма, а их оппонентов, в частности Ф. Лассалья¹⁷.

Стремлением использовать любые обстоятельства прежде всего для борьбы за освобождение пролетариата обуславливается и отношение Маркса и Энгельса к франко-германской войне 1870—1871 годов. Войну, как известно, готовили обе стороны, но начал ее Наполеон III. На первом этапе она была оборонительной для немецкой стороны; лассальянцы в северогерманском рейхстаге голосовали за военные кредиты, эйзенахцы (В. Либкнехт и А. Бебель) воздержались от голосования. В подготовленном Марксом воззвании Генсовета I Интернационала от июля 1870 г. признавался оборонительный для немцев характер войны и в то же время делалось важное предупреждение: «Если немецкий рабочий класс допустит, чтобы данная война потеряла свой чисто оборонительный характер и выродилась в войну против французского народа,— тогда и победа и поражение будут одинаково губельны»¹⁸.

После победы немецкой армии при Седане и провозглашения Французской республики ситуация коренным образом изменилась: французская сторона просила мира и выразила готовность выплатить репарации, а Бисмарк настоял на продолжении войны с целью завоевания Эльзаса и Лотарингии. Немецкие социал-демократы резко выступили против аннексии этих территорий. Во втором воззвании Генсовета Интернационала, также подготовленном Марксом в сентябре 1870 г., ответственность за изменение

характера войны возлагалась на правящие круги Пруссии и немецкую либеральную буржуазию. Воззвание отвергало правомерность территориальных претензий с немецкой стороны, призывало французских трудящихся к обороне родины и одобряло немецких рабочих, требующих почетного для Франции мира и признания Французской республики. Французским рабочим воззвание рекомендовало не допускать реставрации монархии, английскому пролетариату — усиливать борьбу за признание Англией Французской республики ¹⁹.

Такова та модель общественного устройства, на основе которой Маркс и Энгельс высказали свои соображения о перспективах его развития. Эта модель имела существенные недостатки с точки зрения ее привязки к конкретно-исторической действительности. Претендуя на универсальность, она не полностью соответствовала даже условиям Англии, где буржуазные отношения были самыми развитыми, а пролетариат наиболее многочисленным. Жестко трактуемая марксистская модель оказалась еще менее соответствующей историческим реалиям тогда, когда она применялась к странам Центральной и Восточной Европы.

Реформистская альтернатива борьбы за интересы рабочего класса и всех трудящихся. Рядом с марксистской, но отдельно от нее развивалась другая идейно-политическая система взглядов, связанная с основным социальным конфликтом эпохи и более широко отражавшая интересы большинства населения. Она не отвергала в принципе социалистический идеал и революционные средства борьбы, но исходила из того, что очень многого можно добиться мирным путем — постепенными реформами экономического и политического характера. Ныне данное направление общественной мысли представляют социал-демократические партии и объединяющий их Социалистический интернационал. В середине прошлого века, когда это направление только зарождалось, его виднейшим представителем стал Ф. Лассаль (1825—1864).

Имя его по праву занимает видное место в истории прогрессивной общественной мысли. Об этом свидетельствует, в частности, довольно многочисленная литература о нем, выходящая в нашей стране до 1917 г. и в первые годы советской власти. Указывая на то, что мирозерцание и политическая программа Лассалья складывались главным образом под воздействием Маркса и И. Родбертуса, И. М. Майский писал в 1923 г., что обработка их мыслей, обоснование, доказательства были «свои собственные, чисто лассалевские» ²⁰. Со второй половины 20-х годов, в связи со сталинской установкой на «беспощадную борьбу против социал-предателей», специальные работы Лассалья практически перестали у нас выходить, а едва ли не каждое упоминание его имени сопровождалось негативными эпитетами и оценками ²¹.

Говоря словами Меринга, в Берлинском университете Лассаль «прошел школу Гегеля и вполне усвоил метод своего учителя» ²². Познакомившись в 1848 г. с Марксом, Лассаль много лет вел с ним переписку ²³. В августе 1862 г., когда эти связи уже были разорваны, Маркс писал Энгельсу: «В политическом отношении мы ни в чем не сходимся, кроме некоторых весьма отдаленных конечных целей» ²⁴. Речь шла, очевидно, о том, что и Маркс, и Лассаль стремились к социалистическому переустройству существующего общества, но расходились в выборе средств, наиболее подходящих для достижения этой цели. Первый из них рассчитывал главным образом, если не исключительно, на пролетарскую революцию, тогда как второй основные надежды возлагал на социально-экономические и политические реформы, которые можно было бы осуществить после введения всеобщего избирательного права.

В эпоху активности реакционных сил, последовавшую после «Весны народов», Лассаль, по словам Э. Бернштейна, «все время оставался преданным партии, помогая многим членам ее в нужде и от всего сердца старался содействовать сохранению движения» ²⁵. Однако, когда осенью 1850 г. Маркс рекомендовал Лассалья в Центральный комитет Союза коммунистов, большинство его отрицательно оценило эту кандидатуру ²⁶. Написанная

в 1859 г. статья Лассалья «Итальянская война и задачи Пруссии» вызвала у Маркса и Энгельса ряд резко критических замечаний, связанных с оценкой перспектив объединения Германии.

Расхождения по этой проблеме между основоположниками марксизма и Лассалем в нашей историографии зачастую отождествляются со спорами «великогерманцев», то есть сторонников объединения немецких земель Габсбургами, с «младогерманцами», то есть сторонниками руководящей роли в этом процессе Гогенцоллернов. Однако, по мнению Меринга, тогдашний спор Маркса и Энгельса с Лассалем не касается антитезы «младогерманцы против великогерманцев». Лассалю, как и основоположникам марксизма, казалось, что объединение всех немецких государств возможно только путем революции. Лассаль судит об этом с точки зрения немецкой, а Маркс и Энгельс — с позиций европейской революции. Первый видел врага в Австрии, последние — в ее восточной соседке.

Противоречие сводилось, по мнению Меринга, к трем вопросам: существовал ли между Наполеоном III и Александром II союз, конечной целью которого было завоевание Константинополя и Рейна; поднималось ли против этого союза сколько-нибудь сильное движение в Германии; были ли правительства готовы начать войну немедленно. На все эти вопросы Маркс и Энгельс отвечали положительно, а Лассаль — отрицательно. «Суждение Лассалья о фактических условиях, при которых в 1859 году было можно вести революционную политику в Германии, — утверждал Меринг, — было совершенно правильно... Лассаль ограничивался лишь немецкими делами, но... все же умел безошибочно отличать точки опоры, на которых можно было утвердить рычаги революционного движения на тогдашней ступени развития Германии»²⁷.

Философский радикализм и социалистические убеждения Лассалья нашли выражение в его работе о мировоззрении Гераклита Эфесского и в драме о деятеле периода Крестьянской войны в Германии XVI в. Франце фон Зиккингене. Оба сочинения во многом перекликались с современностью. Маркс в письме Энгельсу от февраля 1859 г., говоря об авторе «Гераклита», выражал уверенность, что «при умелом обращении с ним человек этот будет наш с руками и ногами»²⁸. О коллизии же, послужившей основой «Зиккингена», Маркс в апреле 1859 г. писал автору, что «она есть именно та самая трагическая коллизия, которая закономерно привела к крушению революционную партию 1848—1849 годов». В то же время Маркс не соглашался с причислением главного героя драмы к революционному лагерю²⁹.

Политическая программа Лассалья и предлагаемые им практические рекомендации в отношении немецкого рабочего движения нашли отражение в трех его речах, произнесенных в Берлине в 1862 году. В первой из них давалось актуализованное толкование философии И. Г. Фихте, во второй — говорилось о сущности прусской конституции, а третья гласила «Об особой связи современного исторического периода с идеей рабочего движения». Предлагая свое понимание задач и способов борьбы рабочего класса, Лассаль исходил, во-первых, из уверенности, что надежды на близкую революцию в Европе необоснованны, во-вторых, из убеждения, что в объединенной Германии, добившись всеобщего избирательного права, можно будет значительно усилить социальную защищенность рабочего класса и создать условия для его политической и культурной эмансипации.

Со своей третьей речью 1862 г., вышедшей отдельным изданием под заглавием «Программа работников», Лассаль выступал непосредственно перед пролетарской аудиторией. Он рассматривал в ней значение рабочего класса в тогдашнем обществе и доказывал, что вследствие изменений в условиях производства, вызванных совершенствованием машинной техники, развился такой общественный класс, который своим положением поставлен в необходимость бороться за понимание общества как единого целого, за принцип полного равенства всех его членов перед законом, за ликвидацию всех привилегий. Из этого, заявлял Лассаль, вытекает требование всеобщего равного и прямого избирательного права, на которое народ

всегда должен смотреть как на необходимое средство борьбы, как на самое основное и важное из своих требований ³⁰.

Считая, что реализация такой программы требует надежного организационного оформления, Лассаль и его единомышленники добились создания Всеобщего германского рабочего союза, который конституировался в Лейпциге в мае 1863 года. Важно, что почти за год до этого Лассаль ездил в Англию и предлагал Марксу сотрудничество в создании такой организации. Признавая создание Союза бессмертной заслугой его организатора, пробудившего рабочее движение Германии после 15-летней спячки, Маркс считал одной из крупных ошибок Лассалья то, что несогласие «с таким пигмеем, как Шульце-Делич, он сделал центральным пунктом своей агитации: государственная помощь в противоположность самопомощи». В письме И. Б. Швейцеру от октября 1868 г., где говорится об этом, Маркс писал: «Большую часть того, что я говорю теперь *post factum*, я говорил Лассалю заранее, когда он в 1862 г. приехал в Лондон и приглашал меня стать вместе с ним во главе нового движения» ³¹.

Учитывая отсутствие революционного подъема в стране и стремление прусского правительства укрепить свои внутривластные позиции, Лассаль вступил в переговоры с Бисмарком, чтобы пообещать ему определенную поддержку со стороны рабочей партии взамен на обещание всеобщего избирательного права. В конечном итоге, это соглашение в той или иной мере осуществилось, в результате чего немецкий рабочий класс смог улучшить свои жизненные условия и расширить возможности открытой политической борьбы за права трудящихся. Маркс и Энгельс в конечном счете не оспаривали это, признавая, что в тогдашней Германии отстаивать их точку зрения политически и полемически возможности не было. Лассаль же, по словам Меринга, «гораздо правильнее оценил всеобщее избирательное право в качестве рычага пролетарской классовой борьбы, чем это сделали... Маркс и Энгельс» ³².

Думается, что такое утверждение ближе к истине, чем негативная оценка Лассалья, содержащаяся в написанном с позиций марксизма-ленинизма коллективном труде, где говорится: «Согласно Лассалю, рабочие должны были добиваться своего социального освобождения путем завоевания всеобщего избирательного права и создания производительных ассоциаций с государственной помощью, иными словами с помощью прусского юнкерства. Эта программа не открывала перед рабочим классом никакой революционной перспективы и сеяла в его рядах иллюзии о возможности достижения социализма без революционной классовой борьбы» ³³.

С помощью всеобщего избирательного права Лассаль рассчитывал трансформировать существовавшие государственные структуры настолько, чтобы их можно было использовать для борьбы за освобождение трудящихся. «Назначением государства,— говорится в «Программе работников»,— является... развитие рода человеческого в направлении к свободе... Государственная идея рабочего сословия, выраженная таким определением, столь же далека от буржуазного понимания цели государства, как далеки принцип... участия всех в определении воли государства, т. е. всеобщее избирательное право, от соответствующего принципа буржуазного ценза» ³⁴. Касаясь желательных перемен в буржуазной государственной системе в речи «О сущности конституции», Лассаль заявил: «Следовало прежде всего создать не писанную, а действительную конституцию, т. е. изменить существующие в стране реальные отношения силы, изменить их в пользу граждан» ³⁵.

Осуществленное при активном участии Бисмарка объединение Германии и связанную с ним деятельность Лассалья последующие поколения оценивали по-разному. Русский либеральный историк, проанализировав факты, касающиеся «кратковременной близости» Бисмарка с Лассалем, и сделав вывод, что со временем именно она «подарила Германии всеобщее избирательное право», писал: «Бисмарк и чада его... открыли объятия Лассалю... Лассаль... не побрезговал и пошел навстречу Бисмарку, но пошел затем, чтобы продвинуть свое дело, чтобы доставить торжество

своим идеям... Лассаль и никто иной внушил Бисмарку идею целесообразности для всей Германии всеобщего избирательного права»³⁶. Близкий к социал-демократам автор, напротив, критиковал Лассаля за возвеличивание роли государства: «Государственный социализм есть эклектическое учение, рисующее возможность примирения классовых противоречий... с помощью правительства, в рамках ныне существующего государственного порядка»³⁷.

Односторонне негативная оценка сотрудничества Лассаля и Бисмарка в борьбе за объединение Германии нашла отражение и в статьях, написанных В. И. Лениным в годы первой мировой войны. «Объединение Германии,— говорится в одной из них,— было необходимо, и Маркс... признавал это. Энгельс... прямо звал немецкий народ на войну ради объединения. Когда не удалось объединение революционное, Бисмарк сделал это контрреволюционно, по-юнкерски. Антибисмаркизм как единственный принцип стал нелепостью, ибо завершение необходимого объединения стало фактом». В другой статье Ленин напоминал, что Маркс «назвал лассальянцев королевско-прусскими социалистами» и категорически возражал тем, кто, ссылаясь на историческую прогрессивность объединения Германии, вздумал бы «оправдывать социалистическую помощь Бисмарку»³⁸.

Революционно-демократические программы общественного переустройства. В отличие от Нидерландов, Англии или Франции, буржуазия стран, расположенных к востоку от Эльбы и даже к востоку от Рейна, не отличалась сколько-нибудь устойчивой оппозиционностью. Буржуазная демократия была в этих странах слабой и немногочисленной, охотно идущей на компромиссы с осознающей их неизбежность частью феодальной верхушки. Поэтому буржуазно-демократический вариант установления капиталистических порядков в его чистом виде оказывался для либеральных деятелей данного региона невозможным, и чаще всего они осуществляли этот переход с помощью династически-буржуазных альянсов вроде тех, которые связаны с именами Бисмарка и Кавура. Такого рода альянсам содействовали национальные движения, что с особой наглядностью подтверждается перипетиями борьбы за объединение Италии.

В исторических реалиях Центральной и Восточной Европы отчетливо зафиксировано также наличие хотя и не воплотившейся в жизнь, но реально существовавшей революционно-демократической альтернативы общественного развития. Ее главной базой была антифеодальная борьба основной массы населения данного региона, то есть крестьян, ремесленников, предпролетариата; она отражала также национальные движения, большинство участников которых представляло те же социальные силы. Имелся весьма значительный набор существенно отличающихся друг от друга революционно-демократических планов общественного переустройства. От буржуазно-демократических программ они отличаются общей ориентацией на социалистическое будущее, трактуемое чаще всего в утопической форме, а от марксизма их отделяет прежде всего неверие во «всеспасительную» якобы роль диктатуры пролетариата³⁹. Одну из наиболее известных и детально разработанных доктрин революционно-демократического характера создал М. А. Бакунин (1814—1876), который долгие годы пытался реализовать ее в борьбе с жизненными обстоятельствами и многочисленными идейными противниками, включая и основоположников марксизма.

Идейно-политические позиции Бакунина и его революционная деятельность затрагиваются во множестве работ⁴⁰. В большинстве случаев речь идет о том времени, когда он разрабатывал и пытался реализовать свою анархическую программу. Но этому предшествовал весьма продолжительный и не менее важный для характеристики Бакунина период, когда его взгляды являлись едва ли не наиболее полным и разносторонним выражением той революционно-демократической альтернативы, которая, по всей вероятности, существовала для значительной части европейских стран в 40—70-х годах XIX века. Недооценка, а то и полное игнорирование указанного периода в деятельности Бакунина, свойственные едва ли не всей марксистской историографии, существенно искажают наши представления

о его взглядах и деятельности. Вместе с убеждением, что история могла развиваться только так, как предсказывали Маркс и Энгельс, это зачастую толкало многих авторов к необоснованным обвинениям Бакунина и его последователей в «революционном инфантилизме» и «словесной революционности», в вероломстве, аморальности и прочих грехах ⁴¹.

Свою оценку ситуации, сложившейся в центре и на востоке Европы, Бакунин изложил в ряде статей, речей и воззваний. Еще в 1846 г. он провозгласил главной целью своей деятельности русскую революцию и создание после ее победы республиканской федерации всех славянских земель. Для осуществления этой цели он добивался сотрудничества между польскими и русскими революционерами, к которому он впервые призывал еще 29 ноября 1847 г. на банкете в годовщину польского восстания 1830—1831 годов. Взгляд Бакунина на историческую роль славянских народов приобрел более четкие очертания в ходе революции 1848 года. К этому времени относятся его «Воззвание к славянам», «Основы новой славянской политики», «Основы славянской федерации», «Внутреннее устройство славянских народов».

В них Бакунин призывал к разрушению российской, прусской, турецкой и особенно австрийской монархий, на развалинах которых, по его убеждению, должна была сложиться «великая славянская федерация». Входящие в нее народы объединялись друг с другом на принципах всеобщего равенства, свободы и братской любви, уничтожения крепостного права и сословных различий, предоставления каждому из граждан права на получение земельного участка на любой из славянских территорий. Мир, рассуждал Бакунин, разделен на два лагеря — революционный и контрреволюционный; славяне, защищая собственные интересы, должны вместе с немцами и венграми добиваться всеобщей федерации европейских республик; вообще, утверждал он, славянам следует быть друзьями и союзниками всех народов и партий, сражающихся за революцию.

В то же время Бакунин предостерегал южных и западных славян от подогреваемых русскими славянофилами надежд на помощь со стороны царского правительства, подчеркивая, что поддержку в освободительной борьбе они могут ожидать только от революционной России. К реакционному панславизму он относился резко отрицательно. Не противопоставляя национально-освободительные стремления зарубежных славян интересам других европейских народов, Бакунин верил в особый исторический путь славянства в целом. Исходя из этого он заявлял: «Последние пришельцы в развитии европейского образования славяне чувствуют себя призванными к осуществлению того, что другие народы Европы приготовили через свое развитие, то есть к осуществлению... гуманности, свободы и счастья всех» ⁴².

На Славянском съезде 1848 г. в Праге Бакунин горячо ратовал за то, чтобы его участники меньше занимались обсуждением сепаратных нужд отдельных славянских народов, а сосредоточились на решении общеславянских задач, связывая их с прогрессом всего человечества. В «Исповеди» он следующим образом воспроизвел содержание одной из своих речей: «Зачем вы съехались в Прагу? Для того ли, чтобы толковать здесь о своих провинциальных интересах, или для того, чтобы слить все частные дела... в один нераздельный, великий славянский вопрос? Начните же заниматься им и покорите все частные требования славянскому делу. Наше собрание есть первое славянское собрание; мы должны положить здесь начало новой славянской жизни, провозгласить и утвердить единство всех славянских племен, соединенных в одно нераздельное и великое политическое тело» ⁴³.

В одном из номеров «Колокола» за 1862 г. Бакунин опубликовал первую часть воззвания «Русским, польским и всем славянским друзьям», в котором провозгласил свое намерение потратить оставшиеся годы на борьбу «за русскую волю, за польскую волю, за свободу и независимость всех славян», то есть повторил славянскую программу, выдвинутую им в годы революции 1848 года. Вторая часть воззвания не получила одобрения издателей «Колокола», и Бакунин опубликовал его в том же

1862 г. отдельной брошюрой под заголовком «Народное дело. Романов, Пугачев или Пестель».

В ней от имени русских революционеров, борющихся за свержение самодержавия и демократические преобразования в своей стране, он призывал к сотрудничеству прогрессивные силы других народов. При этом он заявлял: «Вместе с Польшей, с Литвой, Украиной мы хотим подать руку помощи братьям славянам, томящимся ныне под гнетом Прусского королевства, Австрийской и Турецкой империй... Мы будем искать тесного союза с Италией,.. маджарами,.. румынами и даже греками. Мы будем стремиться вместе со всеми племенами славянскими к осуществлению заветной славянской мечты: к созданию Великой и вольной федерации Всеславянской». Рассуждая о способах осуществления своей мечты, Бакунин выражал готовность пойти на политические компромиссы ради бескровной революции. Он считал даже возможным сохранить власть правящих династий, «если бы Романов мог и хотел превратиться из петербургского императора в царя земского». В случае его отказа сделать это Бакунин грозил бунтом и заявлял: «Неизвестно что лучше — самозванец Пугачев или диктатор Пестель; а может и не они, а Земский собор спасет Россию?!»⁴⁴.

Что касается Маркса и Энгельса, то они идею славянского единства фактически отождествляли с панславизмом, который считали идеологическим и политическим оружием реакционных сил и прежде всего царизма. «Панславизм,— по словам Энгельса,— это союз всех малых славянских наций и национальностей Австрии и, во вторую очередь, Турции для борьбы против австрийских немцев, мажар и, возможно, против турок... Панславизм по своей основной тенденции направлен против революционных элементов Австрии, и потому он заведомо реакционен... Непосредственной целью панславизма является создание славянского государства под владычеством России от Рудных и Карпатских гор до Черного, Эгейского и Адриатического моря... А какие нации должны стать во главе этого большого славянского государства? Как раз нации, рассеянные и расплывенные в продолжении тысячелетия... Эти остатки нации, безжалостно растоптанной, по выражению Гегеля, ходом истории, эти обломки народов становятся каждый раз фанатическими носителями контрреволюции и остаются таковыми до момента полного их уничтожения или полной утраты национальных особенностей...»

Ныне полная несостоятельность оценок, высказанных Энгельсом в 1849 г., стала очевидной. Недостаточно обоснованным представляется и то, что революционно-демократическую концепцию Бакунина Энгельс счел возможным отнести в разряд прекраснодушной болтовни, далекой от истинной революционности. «В Восточной Европе,— писал он,— все еще существуют фракции, якобы демократические, революционные фракции, которые продолжают ... проповедывать евангелие братства европейских народов». Говоря это, Энгельс имел в виду А. Ламартина и «некоторых невежественных мечтателей-немцев, например, А. Руге и др.» и заявлял, что жизнь полностью дезавуировала их мечты, доказала необходимость не всеобщего братства, а осуществляемого на поле сражения союза революционных народов против народов контрреволюционных⁴⁵.

Ход политической борьбы 1848—1849 гг. в Австрии и биография Бакунина не оставляют сомнений в том, что относящиеся к нему выводы и оценки Энгельса основаны главным образом на недостоверном материале. В начале 60-х годов XIX в. обстоятельства заставили Бакунина сосредоточить свои силы на помощи левому крылу организаторов польского восстания 1863—1864 гг., то есть партии красных, а также тем революционным силам в России, которые вступили в союз с польскими повстанцами. Последовавшее после ареста Н. Г. Чернышевского в 1862 г. наступление реакции в России, разгром польского восстания, создание I Интернационала в 1864 г. оказали определенное воздействие на мировоззрение Бакунина. При этом удельный вес национального аспекта в его социально-политической концепции на какое-то время заметно снизился, хотя стремление к демократическому решению славянского вопроса оставалось одной из

важнейших составных частей его планов будущего общественного переустройства ⁴⁶.

В речи, произнесенной в 1867 г. на конгрессе Лиги мира и свободы, Бакунин заявил: «Мы должны поставить человеческую, всемирную справедливость выше всех национальных интересов. Мы должны раз и навсегда покинуть ложный принцип национальности, изобретенный в последнее время деспотами Франции, России и Пруссии для вернейшего подавления верховного принципа свободы... Всякая национальность, большая или малая, имеет право быть сама собою, жить по своей собственной натуре. Это право есть лишь вывод из общего принципа свободы». Увлечение идеями анархизма трансформировало политические идеалы Бакунина, выдвинувшего проект создания единого общеевропейского государства. «Всеобщий мир,— утверждал он,— будет невозможен пока существуют нынешние централизованные государства. Мы должны, стало быть, желать их разложения, чтобы на развалинах этих единств, организованных сверху вниз деспотизмом и завоеванием, могли развиваться в единстве свободные, организованные снизу вверх: свободные федерации общин — в провинцию, провинции — в нации, нации — в Соединенные штаты Европы» ⁴⁷.

Свое отношение к царской России Бакунин изложил в 1868 г. на очередном конгрессе Лиги мира и свободы. Он говорил: «Мы хотим совершенного разрушения Российской империи, полного уничтожения ее могущества и ее существования. Мы хотим этого столько же во имя человеческой справедливости, как и во имя патриотизма». Поясняя свой подход к этому понятию, Бакунин заявлял, что «патриотизм, стремящийся к единству помимо свободы, является дурным патриотизмом». Вместе с тем он не отвергал государственного, народного и национального патриотизма, связывая его со специфическими качествами, присущими различным народам ⁴⁸.

В 1872 г. Бакунин подготовил «Программу славянской секции Интернационала в Цюрихе». По его словам, программа создавалась со специальной целью пропаганды принципов революционного социализма и организации народных сил в славянских странах. «Славянская секция,— говорилось в программе,— стремясь к освобождению славянских народов, вовсе не предлагает организовывать особый славянский мир, враждебный из чувства национального народам других рас. Напротив, она будет стремиться, чтобы славянские народы также вошли в общую семью человечества, которую Международное общество рабочих призвано осуществить на началах свободы, равенства и всеобщего братства». В другом месте Бакунин так охарактеризовал задачи Славянской секции: «Она будет бороться с одинаковой энергией против стремлений и проявлений как панславизма, т. е. освобождения славянских народов при помощи русской империи, так и пангерманизма, т. е. при помощи буржуазной цивилизации немцев, стремящихся теперь организовать в огромное мнимо-народное государство» ⁴⁹.

Это была вполне понятная современникам, хотя и чуть-чуть завуалированная полемика с трактовкой славянской идеи, свойственной Марксу и Энгельсу. Рядом в «Программе славянской секции» есть и прямое несогласие с уставом I Интернационала: «Славянская секция не признает ни официальной истины, ни однообразной политической программы, предписанной Главным советом или общим Конгрессом». В некоторых пунктах бакунинской программы анархистские идеи провозглашались единственно спасительными для всех народов Европы. Доказывая необходимость уничтожения всех и всяческих государств, Бакунин утверждал: «Для славянских народов в особенности это уничтожение есть вопрос жизни и смерти, и в то же время единственный способ примирения с народами чуждых рас, например, турецкой, мадьярской или немецкой» ⁵⁰.

* * *

Споры основоположников марксизма с Лассалем и Бакуниным были отражением трех реально существовавших альтернатив исторического развития Европы на завершающем этапе ее перехода от феодализма к капита-

лизму. Все три альтернативы так или иначе выражали интересы трудящихся слоев населения, их стремление к ликвидации социального и национального гнета, но расходились в выборе путей, ведущих к желательному переустройству существующего общественного строя. Соответствующие альтернативам идейно-политические доктрины уходили корнями в реальную жизнь, каждая из них в большей или меньшей степени опиралась на последние достижения общественнознания и не без оснований претендовала на научность.

Марксисты делали ставку на европейскую социалистическую революцию, ориентированную главным образом, если не исключительно, на политическую активность рабочего класса высокоразвитых стран Запада, выше всего ставили лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Победа на этом пути должна была завершиться революционной войной против государств Священного союза, установлением марксистского варианта социальной справедливости и демократических порядков. Бакунисты собирались двигаться к социализму и демократии иным путем — через буржуазно-демократические и национальные революции, а диктатура пролетариата, как и любая другая форма государственности, казалась им чем-то неприемлемым и вредным. Что касается лассальянцев, то они, не отрицая в принципе революционных методов борьбы рабочего класса против буржуазии, ориентировались главным образом на более или менее радикальные реформы, осуществления которых надеялись добиться в рамках парламентского государства с помощью всеобщего избирательного права.

Марксистский анализ прошлого, настоящего и будущего человечества, в особенности — капиталистической формации, привлекал многие поколения новизной подхода и теоретической стройностью. Но настал момент, когда стало ясно, что созданная основоположниками марксизма модель прогресса в отдельных составных частях является логической абстракцией. Она охватывала не все многообразие конкретных исторических условий, учитывала в полном объеме лишь одну из тенденций развития и безоговорочно отдавала предпочтение одной из существовавших в то время исторических альтернатив. Анализ развития капитализма, осуществленный Марксом и Энгельсом, основывался на изучении буржуазных отношений, сложившихся в первой половине XIX в., а оценка перспектив общественного развития исходила из еще недостаточного к тому времени исторического опыта человечества, формировалась под воздействием тех идейно-политических позиций, которые они занимали.

Накопившийся за полтора века исторический материал позволяет констатировать, что практически все страны Европы с 1848 г. развивались в соответствии с различными вариантами реформистской или революционно-демократической программы. 1917 год ознаменовался резким поворотом в сторону пропагандируемой марксизмом альтернативы, хотя вопреки первоначальным прогнозам Маркса и Энгельса активно участвовала в этом повороте не западная, а восточная половина Европы. После 1945 г. в начатый Октябрьской революцией эксперимент были вовлечены страны Центральной и Юго-Восточной Европы. Однако к началу 90-х годов стало очевидным, что он оказался неудачным.

Исторические альтернативы, сложившиеся в 40—70-х годах XIX в. не исчерпывают всей картины социально-политических противоречий той эпохи. Современники и участники событий тех лет считали единственно правильным и осуществимым путь, соответствующий их социальным интересам и идейно-политическим позициям. С высоты сегодняшнего дня ясно, что каждая из альтернатив порождала у ее выразителей немало сбывшихся и еще больше несбывшихся надежд. Важнейшие выводы из сопоставления трех альтернатив заключаются в том, что ни одна из них не была лишена социальной и идейной обусловленности, хотя каждая содержала изрядную дозу оторванных от жизни утопий, а потому борьба между ними чаще ослабляла, чем усиливала революционный потенциал общества.

С точки зрения реализации тех исторических задач, выражением которых являлись эти альтернативы, особенно выделяется период с 1917 по 1923 год. Это было время, когда апогей активности по всем трем направлениям

совпал, результатом чего стали, в частности, Октябрьская революция в России и появление на карте Европы независимых государств: польского, чехословацкого и югославского, а также существование Веймарской и Венгерской республик. Понимание необходимости планомерного и тесного сотрудничества между партиями трех направлений никогда не достигало сколько-нибудь высокого уровня. В этой сфере вместо практических шагов преобладали, как правило, взаимные обвинения в сектантстве, идейной нетерпимости, политических интригах, которые выдвигали все партии, но более всего марксистские.

В заключение хотелось бы обратить внимание на методологическую сторону изучения конкретно-исторических проявлений альтернативности исторического процесса. Оно очень важно для осознания необходимости того серьезного пересмотра теоретического арсенала исторической науки, который сейчас начался. Общее направление и масштаб необходимых изменений охарактеризовал, в частности, И. К. Пантин. Обоснованно отметив, что в XIX в. «существовала принципиальная грань, которая отделяла возможное от действительного, идеальное от реального, и философский ум не имел права эту грань преступить», он пишет: «XX век заставил эту грань преступить... он продемонстрировал несостоятельность ходячей идеи эволюции, концепций прямолинейного прогресса, о чем догадывались наиболее проницательные умы прошлого. Не закономерность плюс индивидуальные отклонения, вызванные историей и деятельностью людей, а закономерность как конфликт и равнодействующая тенденций, заключающая разные возможности исторического движения — вот что становится предметом объективного анализа социальной реальности»⁵¹.

Примечания

1. МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 6, с. 115.
2. См. Освободительные движения народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. Конец XVIII в.— 1849 г. М. 1980.
3. См., в частности: МИЛЛЕР И. С. Историография польского революционного и национально-освободительного движения в 1848 году. В кн.: Революция 1848—1849 годов. Т. 2. М. 1952; БЕРЕЗНЯКОВ Н. В. Революционное и национально-освободительное движение в Дунайских княжествах в 1848—1849 гг. Кишинев. 1955.
4. МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 4, с. 424—430.
5. Там же, с. 431—434.
6. Там же, с. 435—436, 444—445, 447.
7. Там же, с. 437—438.
8. Там же, с. 458—459.
9. Там же, Т. 7, с. 259, 467.
10. Там же, Т. 29, с. 167, 171—172.
11. Там же, с. 295.
12. Там же, Т. 16, с. 3—15.
13. Там же, Т. 7, с. 259—262, 267.
14. Там же, Т. 29, с. 61.
15. Там же, Т. 30, с. 266.
16. Генеральный совет Первого Интернационала. 1864—1866. Протоколы. М. 1961. с. 19.
17. См., в частности, МЕРИНГ Ф. Карл Маркс. История жизни. М. 1957, с. 300.
18. МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 17, с. 4.
19. Там же, с. 275, 279, 281.
20. МАЙСКИЙ И. Фердинанд Лассаль. М. 1923, с. 5, 19, 21, 23, 26—27.
21. Именно с таких позиций написана статья о Лассале в Советской исторической энциклопедии (Т. 8, ст. 430—432).
22. МЕРИНГ Ф. Ук. соч., с. 202.
23. См. Письма Фердинанда Лассалья к К. Марксу и Ф. Энгельсу. 1849—1862. СПб. 1905.
24. МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 30, с. 222.
25. БЕРНШТЕЙН Э. Фердинанд Лассаль. СПб. 1905, с. 15.
26. МЕЙЕР Г. Переписка между Лассалем и Марксом. Берлин. 1923, с. 13.

27. Письма Фердинанда Лассаля, с. 208, 211—214.
28. МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 29, с. 326, 328.
29. Там же, с. 438—484. Оценивая отношение Маркса и Энгельса к лассалевскому «Зиккин-гену», Меринг справедливо констатировал, что они «только говорили ему: для развития твоей трагической идеи ты выбрал совершенно неподходящий пример» (Письма Фердинанда Лассаля, с. 202).
30. ЛАССАЛЬ Ф. Сочинения. Т. 1. СПб., 1908, с. 24—34.
31. МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 32, с. 474—475.
32. МЕРИНГ Ф. Ук. соч., с. 336.
33. Карл Маркс. Биография. М. 1968, с. 415.
34. ЛАССАЛЬ Ф. Сочинения. Т. 1, с. 31—32.
35. Там же. Т. 2, с. 22.
36. ДЖИВЕЛЕГОВ А. Бисмарк и Лассаль. М. 1906, с. 5, 24, 39.
37. БЕРНАЦКИЙ М. В. Теоретики государственного социализма в Германии и социально-политические воззрения князя Бисмарка. СПб. 1911, с. 142, 149, 292.
38. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 26, с. 120, 109.
39. Об идейном содержании и типологии революционно-демократических движений см., в частности, статьи Р. А. Ульяновского и О. В. Мартышина в книге «Революционная демократия и коммунисты Востока» (М. 1984); ДЬЯКОВ В. А., ФРЕЙДЗОН В. И. Основные этапы развития и типология общественной мысли славянских народов в XIX в. К кн.: Славянские культуры и мировой культурный процесс. Минск. 1985; статьи В. Я. Гросула, В. Г. Карасева, Л. Б. Соколовой, Я. Г. Шемякина в «Новой и новейшей истории» (1977, № 6; 1988, №№ 1, 3; 1989, № 5).
40. См., в частности, СТЕКЛОВ Ю. М. Михаил Александрович Бакунин. Его жизнь и деятельность. Тт. 1—4. М. 1926—1927; ПИРУМОВА Н. М. Социальная доктрина М. А. Бакунина. М. 1990.
41. См., напр., ДЮКЛО Ж. Бакунин и Маркс. Тень и свет. М. 1975, с. 7, 19, 21, 25, 165, 214 и др. Признаю, что некоторые прежние работы с моим участием также не лишены подобного рода передержек, на что указала Пирумова (ПИРУМОВА Н. М. Ук. соч., с. 121, 135, 144).
42. БАКУНИН М. А. Избранные сочинения. В 4-х тт. Т. 1. Лондон. 1915, с. 40.
43. Исповедь Бакунина. В кн.: ДЮКЛО Ж. Ук. соч., с. 346.
44. БАКУНИН М. А. Избр. соч. Т. 3. М. 1920, с. 89—90.
45. МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 6, с. 181—183, 290.
46. Разочарование в преобразовательных возможностях национальных движений отразили, в частности, датируемые 1864 г. тексты Бакунина, связанные с созданием Тайного интернационала (см. РУДНИЦКАЯ Е. Л., ДЬЯКОВ В. А., Рукопись М. А. Бакунина «Международное тайное общество освобождения человечества». В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 г. М. 1974).
47. БАКУНИН М. А. Избранные сочинения. Т. 1, с. 54—55.
48. Там же, с. 64, 74—75, 91—92.
49. Там же, с. 47—49.
50. Там же, с. 48—49. Эволюция отношения Бакунина к славянской идее нашла отражение в его книге о государственности и анархии (см. БАКУНИН М. А. Философия, социология, политика. М. 1989).
51. ПАНТИН И. К. Россия в мире: историческое самоузнавание (Размышления в связи с книгой М. Я. Гефтера «Из тех и этих лет»).— Вопросы философии, 1992, № 12, с. 26.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Александр Иванович Гучков

А. С. Сенин

Отвечая на реплику одного из лидеров правых в III Государственной думе В. М. Пуришкевича, обвинившего А. И. Гучкова в «хлопчатобумажном патриотизме», тот заметил: «Хлопчатобумажный патриотизм» — это то, чего мне не хотят простить эти господа, что я купеческого происхождения. Чтобы дать им материал для новых острот и подогреть их оскудевшее остроумие, я им еще добавлю: я не только сын купца, но и внук крестьянина, крестьянина, который из крепостных людей выбился в люди своим трудолюбием и своим упорством. В моем «хлопчатобумажном патриотизме» вы, может быть, найдете отзвук другого патриотизма, патриотизма черноземного, мужицкого, который знает цену таким барчукам, как вы»¹.

Александр Иванович Гучков родился 14 октября 1862 г. в Москве. Его прадед, Федор Алексеевич, из крепостных крестьян Малоярославецкого уезда Калужской губернии, в 1770-е годы в раннем возрасте был отправлен помещицей в Москву учеником на ткацко-прядельную фабрику. Он быстро овладел мастерством и, накопив денег, выкупил на волю себя, свою семью и в 1789 г. основал собственное ткацкое предприятие в с. Семеновском. По отзывам современников, его продукция по красоте и умеренным ценам не имела себе равных. В 1825 г. еще при жизни он передал предприятие в распоряжение своего старшего сына Ефима. Постепенно Гучковы стали известны в русском коммерческом мире. Они внимательно изучали зарубежный опыт, извлекая все полезное для совершенствования мануфактурного производства, внедряли у себя на фабрике новую технологию и в результате выпускали продукцию высокого качества, не боявшуюся конкуренции.

Наследниками Е. Ф. Гучкова стали его сыновья Иван, Николай и Федор, основавшие торговый дом «Гучкова Ефима сыновья», контора которого находилась в Лефортово, а главный склад — на Никольской улице. Среди предпринимателей старой столицы наибольшую известность приобрел Иван, в 60-е годы XIX в., — гильдейский староста Московской купеческой управы, с 1872 г. член Московского коммерческого суда, во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. член Комитета по устройству и содержанию городских госпиталей для больных и раненых воинов. Ему в Москве принадлежало два дома. Продолжили его дело сыновья Николай, Федор, Александр и Константин².

Сенин Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент Историко-архивного института РГГУ.

Александр окончил 19-ти лет 2-ю Московскую гимназию на Разгуляе. Еще гимназистом он часто посещал один из госпиталей, попечителем которого был его отец и где лежали воины, раненные в русско-турецкой войне. Уже тогда в юноше зародилось уважение к вооруженным силам и интерес к военной истории. Продолжил обучение Александр на историко-филологическом факультете Московского университета, успешно окончив его в 1885 г., а воинскую повинность отбывал вольноопределяющимся 1-го лейб-гвардии Екатеринославского полка. Выдержав экзамены, в октябре 1885 г. был произведен в унтер-офицеры и 28 октября 1887 г., после выслуги установленного срока службы, — в прапорщики запаса армейской пехоты. В конце 1888 г. Гучков отправился за границу, в течение трех лет слушал лекции и посещал семинары в Берлинском, Тюбингенском и Венском университетах, изучая историю, государственное, международное и финансовое право, политэкономия и трудовое законодательство. Когда в 1891 г. значительные районы России поразили неурожай и голод, он вернулся на родину, где вместе с литераторами И. Ф. Анненским и В. Г. Короленко помогал жителям Нижегородской губернии.

В 1893 г. Гучкова избрали членом Московской городской управы на четырехлетний срок. При его участии была закончена постройка мытищинского водопровода и проведена первая очередь канализации. В 1894 г. Александр Иванович получил первую награду — орден св. Анны III степени. Как старший член управы в 1896—1897 гг. исполнял обязанности товарища городского головы и в 1896 г. был награжден орденом св. Станислава II степени. В 1898 г., уйдя из управы, он поступил младшим офицером в Оренбургскую казачью сотню в составе недавно образованной Особой охранной стражи Китайско-Восточной железной дороги. Однажды он вызвал на дуэль одного из инженеров-строителей этой дороги, а когда тот отказался драться, оскорбил его действием. Узнав о происшествии, министр финансов С. Ю. Витте (пограничные войска тогда подчинялись ему) издал приказ об увольнении Гучкова. Но, пока приказ дошел до Маньчжурии, Александр Иванович успел написать прошение об отставке и был уволен 10 апреля 1899 года³. И в том же году со своим братом Федором, служившим на Дальнем Востоке, он совершил 6-месячное путешествие по Китаю, Монголии и Средней Азии, преодолев верхом свыше 12 тыс. верст.

Осенью 1899 г. вспыхнула англо-бурская война. Александр и Федор отправились волонтерами сражаться с англичанами. Братья обратили на себя внимание ловкостью, смелостью и меткой стрельбой, причем Федор отличался храбростью, даже некоторой свирепостью в бою, а Александр — хладнокровием и выдержкой. В мае 1900 г., в двухдневном бою близ Линдлея (Оранжевая республика), Александр был тяжело ранен в бедро, вынесен с поля боя другим русским добровольцем и помещен в госпиталь немецкого Красного Креста в Фурисбурге. После взятия города британскими войсками Гучков оказался в плену и несколько месяцев лечился в английских госпиталях, а когда поправился настолько, что мог выдержать морской переезд, был отпущен «под честное слово». По возвращении Александр Иванович был избран в 1901 г. директором, затем управляющим Московского учетного банка и председателем наблюдательного комитета страхового общества «Россия», вновь начал работать в городской думе, стал членом нескольких ее комиссий. Но, когда в 1903 г. в Македонии вспыхнуло антитурецкое восстание, Гучков не смог усидеть дома и за несколько недель до намечавшейся женитьбы⁴ уехал сражаться за независимость славян.

В годы русско-японской войны он состоял помощником главноуполномоченного Красного Креста при Маньчжурской армии, уполномоченным Москвы и Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны. Весной 1905 г. попал в плен к японцам после того, как русские войска отступили от Мукдена, ибо не посчитал возможным покинуть находившихся в госпитале раненых. Этот поступок произвел большое впечатление на современников. Московская городская дума 8 марта постановила «выразить глубочайшее

уважение перед самоотверженным подвигом А. И. Гучкова», «возбудить ходатайство» о возвращении его в ряды русской армии и выразить его супруге и братьям глубочайшее почтение, отметив, что его подвиг оставит «неизгладимый след в благодарной памяти Москвы»⁵.

В ту пору значительная часть российской интеллигенции находилась под влиянием либеральных взглядов. Сделав в экономике ставку на неограниченную свободу торговли и предпринимательства, либерализм столкнулся с проблемой социальной справедливости, которую разрешить не смог. В идеологическом же плане либерализм, провозглашая культ индивидуализма, натолкнулся на традиционные общинные настроения. Не способствовала распространению либеральных взглядов и православная церковь как влиятельная составная часть самодержавного государства. Либералам не удалось привить свой образ мыслей и действий широким народным массам, и властителем многих умов стала радикальная интеллигенция. На другом полюсе общественной жизни формировалось консервативное течение. Оно стремилось избежать радикализма, но было готово сотрудничать с прогрессивно настроенными представителями царской бюрократии. Эта линия ярко проявилась в деятельности Гучкова, который не скрывал своих взглядов в пользу сохранения исторической преемственности власти и сотрудничества с правительством при осуществлении реформ, обещанных Манифестом 17 октября 1905 года.

Умеренное крыло либералов решило организовать новую партию. По свидетельству видного деятеля земского движения Д. Н. Шипова, эта идея возникла у него и Гучкова в октябре — ноябре 1905 года. 4 и 5 ноября в Петербурге состоялось их совещание с единомышленниками, был обсужден проект программы, подготовленный Гучковым. Во время работы V съезда земских и городских деятелей в Москве 10 ноября было подписано воззвание об образовании партии «Союз 17 октября»⁶. Позднее (на конференции октябристов в 1913 г.) Гучков говорил: «Ядро октябристов, положивших в ноябре 1905 года начало Союзу 17-го октября, образовалось из того меньшинства общеземских съездов, которое примыкало к общим требованиям широких либеральных реформ во всех областях нашей жизни и перехода от переживших себя форм неограниченного самодержавия к конституционному строю, но в то же время боролось против увлечений безудержного радикализма и против социалистических экспериментов, которые грозили стране тяжелыми политическими и социальными потрясениями»⁷.

В последний день работы съезда Гучков говорил, что народ устал от хаоса и будет вскоре «приветствовать каждую нагайку»: «Пора остановиться. Мы своими руками подкладываем хворост в костер, который сожжет всех нас». Октябристы выступили с резким осуждением вооруженных выступлений в армии и на флоте, организовали сбор денежных средств в пользу солдат, пострадавших во время борьбы с революционным движением. Гучков 2 декабря внес на эти цели в благотворительный отдел Московской городской управы 650 рублей⁸. В дни Декабрьского вооруженного восстания Московская дума рассмотрела вопрос о выдаче жалованья рабочих и служащих за время забастовки. Городской голова Николай Гучков сообщил гласным мнение управы: так как трудно определить, какая часть рабочих и служащих бастовала сознательно, а какая оставила работу вследствие угроз, нужно уплатить всем и вычетов не делать. Александр не согласился с братом: по его мнению, в таком случае стачка приобретала характер «беспроектной лотереи». Однако большинство думы поддержало точку зрения управы⁹.

Ноябрь — декабрь 1905 г. были временем становления партии октябристов. Ее ЦК был образован из отделов Петербургского и Московского. Первый возглавил барон П. Л. Корф, второй — Д. Н. Шипов (до осени 1906 г. одновременно председатель ЦК). Ядро ЦК составляли представители высших слоев интеллигенции и чиновничества, помещики, деятели торгово-промышленного мира. В их числе: князь крупный землевладелец Н. С. Волконский, губернский предводитель дворянства граф

В. В. Гудович, директор компании Петербургских металлургических заводов Ф. Е. Енакиев, председатель правления Общества московских электротехнических и машиностроительных заводов И. А. Лихачев, московский профессор К. Э. Линдеман, адвокат Ф. Н. Плевако, председатель Московского биржевого комитета Г. А. Крестовников, председатель правления Северного пароходного общества Г. Г. Лерхе, крупный землевладелец М. В. Родзянко, публицист А. А. Столыпин, директор правления Русского нефтепромышленного общества П. С. Чистяков, крупный землевладелец Н. А. Хомяков.

I съезд партии октябристов состоялся в феврале 1906 года. В принятой им программе была дана высокая оценка Манифеста 17 октября, четко сформулированы идеи единства и неделимости России, ограждения «единства ее политического тела», сохранения «за ее государственным строем исторически сложившегося унитарного характера». Это обязывало октябристов противодействовать любым попыткам, направленным «к расчленению империи и к замене единого государства государством союзным или союзом государств», хотя подчеркивалось стремление к широкому развитию местного самоуправления и признанию за отдельными национальностями права на удовлетворение и защиту своих культурных нужд «в пределах, допустимых идеей государственности». Лишь за Финляндией признавалось право на автономное устройство «при условии сохранения государственной связи с империей».

Октябристы выступили за признание всеобщего избирательного права, за участие народных представителей, наряду с монархом, в законодательной деятельности и в управлении страной. «Союз 17 октября» был сторонником всеобщего начального образования, бессловного и не зависящего от администрации суда, строгого подчинения администрации законам, более рациональной и справедливой налоговой системы, содействия ради подъема народного благосостояния развитию производительных сил, распространению технических знаний, расширению сети железных, водных, шоссейных и грунтовых дорог. Октябристы стремились занять на политической арене место между правыми и кадетами. С последними Гучкова помимо множества тактических вопросов разделяло и то, что кадетское движение «принимало, очевидно, слишком космополитический характер»¹⁰.

Александр Иванович был кандидатом в депутаты Государственной думы 1-го созыва, но потерпел на выборах поражение¹¹. Несмотря на активную предвыборную борьбу, октябристам удалось провести в Думу лишь 16 депутатов, избранных главным образом по землевладельческой курии. Естественно, они не могли существенно влиять на выработку и принятие решений. В 1906 г. завязалось знакомство Гучкова с председателем Совета министров П. А. Столыпиным (первая их встреча произошла на приеме у А. А. Столыпина, брата премьера). Возможно, их сблизила позиция Гучкова, одобрявшего введение военно-полевых судов для борьбы с революцией. «Я понимал,— писал позднее Гучков,— что во время гражданской войны власть должна прибегать к скорым и суровым репрессиям, производящим впечатление на население. Иначе она ослабит самое себя»¹².

Личные встречи Гучкова и Столыпина выявили сходство их взглядов в оценках действительности. В интервью корреспонденту «Нового времени» 27 августа 1906 г. Гучков заявил: «Я глубоко верю в Столыпина. Таких способных и талантливых людей еще не было у власти... Я верю в чистоту его намерений и в его горячую любовь к нашей пострадавшей родине». Александр Иванович пообещал премьеру и правительству поддержку от имени своей партии. А Столыпин обязался помочь октябристам при выборах в Государственную думу 2-го созыва. В результате они провели 42 депутата и стали третьей по численности фракцией после левого блока и кадетов. Однако лидеру опять не повезло: он баллотировался в Москве и не набрал необходимого количества голосов; Москва послала в Думу преимущественно кадетов. Орган октябристов «Голос Москвы» писал 30 января 1907 г.: «Опьянение свободой, которая охватила городские классы русского общества после тяжкого заключения, в котором держал их бюро-

кратический режим, разумеется, не могло пройти так быстро. Эта не столько политическая, сколько стихийно-психическая реакция и выносит во второй раз наверх партию, которая пока проявила одну только способность — задерживать обновление нашего исстрадавшегося отечества».

Осенью 1907 г. Гучков решил попытаться счастья в третий раз и активно повел избирательную кампанию. 1 октября он выступил в Замоскворечье и на Хлебной бирже. Обращаясь к избирателям, он говорил: «Цементом, связывающим нашу партию, являются национально-либеральные идеи». 5 октября на встрече с избирателями в театре «Студия» Гучков выразил надежду на то, что «третья Дума явится выразительницей русского национального чувства», и призвал окончить «ту междоусобную войну, среди которой мы живем вот уже два года... Озлобление ведь достигло крайнего напряжения. Я был два раза на войне и, поверьте, там не видел такой злобы среди противников»¹³. Выборы состоялись 17 октября. До победы в первом туре Гучкову не хватило 55 голосов. 23 октября при повторном голосовании Гучков стал депутатом Думы. После этих выборов, как писал «Голос Москвы», давших в Думу правых «больше, чем нужно», Столыпин и Гучков решили расколоть правое крыло, выделив из него умеренных, что им и удалось. Октябристы обдумывали программу центристов. Она предусматривала «охранение прав монарха и народного представительства» от покушений справа и слева, проведение аграрной реформы и реформы местного самоуправления, постепенное расширение прав Думы¹⁴.

«Союз 17 октября» имел в III Думе 110 мест. Теперь октябристы составляли самую внушительную фракцию. Но организовать ее работу было сложно, ибо, по словам их представителя Н. В. Савича, фракция «с точки зрения внутренней своей спайки заставляла желать многого. Главная ее масса состояла из земцев, много поработавших на общественной ниве, игравших в своих углах первенствующую роль местных лидеров, привыкших вести других, а не быть ведомыми. Дисциплина явно хромала, приходилось по каждому мелкому поводу убеждать, уламывать, сколачивать большинство внутри партии». Гучкову, проявлявшему умение ладить с людьми и искусство подбирать сотрудников, удалось сплотить фракцию, для чего он работал за десятерых. В Думе он возглавил комиссию по государственной обороне и одновременно был избран в различные общественные организации. 8 ноября 1908 г. он стал действительным членом Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества, 17 января 1909 г. — действительным членом Галицко-Русского благотворительного общества¹⁵. Оба этих общества имели славянофильскую и антиавстрийскую направленность.

Характер Гучкова не изменился: он по-прежнему не прощал оскорблений и готов был доказывать свою правоту всеми доступными средствами. 2 мая 1908 г. в Думе разгорелся спор по процедурным вопросам. Лидер кадетов П. Н. Милюков заявил, что Гучков достаточно вольно обращается со смыслом «Наказа Государственной думе», вольно толкует думские прецеденты и предполагаемые намерения различных партий и что он часто говорит неправду. Председатель Думы заметил, что слово «неправда» можно истолковать как слово «ложь», а это недопустимое в Думе выражение. Однако Милюков настаивал на своем, и Гучков вызвал его на дуэль. Пять дней четыре секунданта утрясали конфликт, переговоры эти нашли отражение в семи протоколах. Было признано: Гучков мог считать себя оскорбленным, но Милюков не имел желания оскорбить его. Дуэль не состоялась.

Главной задачей деятельности в Думе Гучков считал возрождение военной мощи России. У Думы была возможность выделять дополнительные кредиты или отказывать в них. Пока во главе Военного министерства стоял А. Ф. Редигер, его отношения с Гучковым и его комиссией были доброжелательными, часто Военное министерство вносило инспирированные Гучковым законопроекты в Думу. Но в марте 1909 г. Редигер был отстранен от работы в связи с тем, что публично заявил об имеющихся в русской армии недостатках. Гучков приветствовал мужество военного

министра, однако правым депутатам оно не понравилось, и Николай II заменил Редигера В. А. Сухомлиновым¹⁶.

Выступая 27 мая 1908 г. при обсуждении сметы Военного министерства на тот год, Гучков заметил: «Армия не виновата, по крайней мере не виновата в первую голову — и в наших военных неудачах, и в проигранной кампании, и в похороненной нашей военной славе. Кто же виновники?». Он считал, что в будущем историки, ознакомившись с архивами, записями очевидцев и воспоминаниями, сделают вывод о виновности правительства, вообще допустившего русско-японскую войну, а затем, когда она началась, легкомысленно к ней относившегося, и отметил, что в России за последние 20—50 лет ни школа, ни жизнь не способствовали подготовке «сильных самостоятельных характеров... Мы бедны выдающимися самостоятельностью, энергией и инициативой людьми»; такие люди не только не выдвигались, но даже преследовались; положение не изменилось и после революции.

Гучков говорил о некомплекте офицеров в армии (в пехоте и артиллерии — 17%, так что такие полки были пригодны лишь для парадов), призвал покончить в армии с хамством в обращении с подчиненными, ибо оно не нужно для сохранения дисциплины и только вредит ей, так как оскорбляет людей и уничтожает в них чувство самолюбия — один из главных стимулов в армейской среде; благотворное воздействие на офицерский корпус оказала бы иная психологическая атмосфера, ощущение, что везде кипит работа и что вооруженные силы возрождаются; только в этом случае офицеры армии и флота в минуту опасности смогут «оказать величайшую, а иногда последнюю услугу своему отечеству»¹⁷.

Злобную реакцию правых вызывали выступления Гучкова против «темных сил», придворной камарильи. Скандальную славу уже тогда приобрела близость к царской семье авантюриста Распутина, и Гучков, не стесняясь в выражениях, поднимал эти вопросы в Думе: «Вдумайтесь только, кто же хозяйничает на верхах, кто вертит ту ось, которая тащит за собою и смену направлений, и смену лиц, падение одних, возвышение других?.. Григорий Распутин не одинок; разве за его спиной не стоит целая банда, пестрая и неожиданная компания, взявшая на откуп и его личность и его чары? Ненасытные честолюбцы, тоскующие по ускользнувшей из их рук власти, темные дельцы, потерпевшие крушение журналисты... Антрепренеры старца! Это они суфлируют ему то, что он шепчет дальше. Это целое коммерческое предприятие, тонко ведущее свою игру». Все чаще подвергал Гучков критике правое крыло Думы, а особенно его лидеров, не скрывая своей неприязни: «Я должен сказать члену Государственной думы Маркову: я всегда радуюсь, когда я вижу его своим противником, и я усомнился бы в своей правоте, если бы когда-нибудь увидел его своим союзником»¹⁸.

8 марта 1910 г. Гучков 221 голосом против 68 был избран председателем Думы, причем кадеты и трудовики отказались от участия в голосовании, а 12 марта изложил свою программу, призвав к конструктивной работе всех депутатов. Он высказался за утверждение «культурных парламентских нравов» и охрану того порядка, «без которого немислима серьезная законодательная работа»; указал на возможность злоупотребления парламентской трибуной, но отметил, что «лучше погрешить в сторону излишнего расширения свободы, нежели в сторону слишком нетерпимого или боязливого ее стеснения. В борьбе со словом неправды сильнее слово правды, нежели председательский звонок и применение соответствующих статей Наказа». В политической карьере Гучкова это был, пожалуй, звездный час. Но силы, на которые он опирался, не оказали ему должной поддержки. По словам Милюкова, в октябристской партии «тип оппортуниста преобладал над типом серьезного политика», а Столыпин пытался спасти свое пошатнувшееся положение при помощи правых.

Серьезным испытанием для правительства и Думы стал законопроект о земстве в западнорусских губерниях. Он был принят Думой весной 1910 г., а весной 1911 г. провален в Государственном совете. Тогда Столыпин настоял на трехдневном роспуске с 12 по 15 марта Думы и Госсовета

и провел законопроект о земстве, использовав 87-ю статью Основных законов Российской империи¹⁹. Октябристы выразили протест против его действий. В заявлении фракции отмечалось: «Такой прецедент является чрезвычайно опасным для представительного строя и низводит законодательные учреждения на уровень законосовещательных». Гучков в знак протеста ушел с поста председателя Думы.

В 1917 г., давая показания в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, он сказал: «Я еще до физической смерти Столыпина изверился в возможности мирной эволюции для России. По мере того, как он политически мало-помалу умирал, для меня становилось все яснее, что Россия ходом вещей будет вытолкнута на второй путь — путь насильственного переворота, разрыва с прошлым и, как бы сказать, скитания без руля, без компаса, по безбрежному морю политических и социальных исканий». Крах столыпинской политики нанес удар и по октябристам. Они проиграли выборы в IV Думу. Потерпел поражение в Москве и Гучков, вместо него прошел правый кадет М. М. Новиков. Газета «Утро России» охарактеризовала происшедшее так: «Москва сказала свое слово, Москва первой курии, Москва крупной буржуазии, лишила А. И. Гучкова своего доверия»²⁰.

Публичная критика Александром Ивановичем Распутина и его окружения, великих князей, занимавших ключевые должности в военном и морском ведомствах, высокопоставленных чинов корпуса жандармов в связи с убийством Столыпина вызвала неудовольствие царя. За Гучковым устанавливается с 19 октября 1912 г. наблюдение. Филерам так описали приметы поднадзорного: 50 лет, выше среднего роста, телосложения полного, шатен, лицо полное, продолговатое, нос прямой, умеренный, французская бородка слегка с проседью, носит пенсне в белой оправе, одет в зимнее драповое пальто с барашковым воротником, черную барашковую шапку и черные брюки, вероисповедания православного. Филеры дали ему кличку «Санитарный» в Питере и «Балканский» в Москве. В дневнике наружного наблюдения фиксировался каждый шаг Гучкова. Лишь изредка, когда он пользовался автомобилем или своим экипажем, ему удавалось ускользать от филеров²¹.

В октябре 1912 г. Гучков отправился на Балканы. На обеде, данном московскими октябристами перед его отъездом, он напомнил, что еще в годы русско-турецкой войны, будучи гимназистом, «горячо сострадал несчастьям братьев-славян» и порывался убежать из дома добровольцем. Поездка Гучкова была связана с начавшейся войной между Балканским союзом (Болгария, Сербия, Греция, Черногория) и Турцией. Своим визитом Гучков выражал моральную поддержку южным славянам²². Любопытно, что до середины ноября агенты охраны дежурили на вокзалах Москвы, надеясь перехватить вернувшегося на родину Гучкова, но лишь 8 декабря полицейский надзиратель опознал «Балканского», приехавшего к брату Николаю. А 30 декабря состоялось собрание октябристов, на котором Гучков рассказал о поездке. На Балканах его не забыли, и в 1913 г. он был награжден сербскими орденом св. Савы I степени и «Друштвеним крестом». А болгарский царь наградил его орденом «За гражданские заслуги» II степени²³.

Весной 1913 г. Гучков проходил у филеров в Питере под кличкой «Первый». Он вел тогда интенсивные консультации с военными. Среди них — помощник начальника Главного морского штаба генерал-майор С. И. Зилоти, вице-адмирал А. И. Воеводский, командир Читинского полка Забайкальского военного округа К. Н. Холоденков, генерал-адъютант А. Н. Куропаткин, генерал-лейтенант пограничной стражи Е. И. Мартынов, командир 1-й бригады 52-й пехотной дивизии генерал-майор С. А. Добронравов, член Государственного совета генерал от инфантерии А. А. Поливанов, член Государственного совета генерал от инфантерии А. Ф. Редигер, военный инженер чиновник особых поручений при министре финансов Н. В. Герасимов, начальник мастерской Петербургского арсенала полковник гвардии В. М. Родзевич и мн. др.

В сентябре того же года Гучков выступил в Киеве на Всероссийском

съезде представителей городов, где говорил о параличе государственного организма, застое в законодательном творчестве, расстройстве управления, отрицательном отношении правительства к органам самоуправления. Представитель полиции сделал ему предупреждение. Но Гучкова это не остановило, и он предложил собравшимся принять резолюцию такого содержания: «Дальнейшее промедление в осуществлении необходимых реформ и уклонение от начал, возвещенных Манифестом 17-го октября, грозит страшно тяжким потрясением и губительными последствиями», после чего представитель полиции закрыл съезд ²⁴.

23 сентября около станции Двинск потерпел крушение поезд, на котором Гучков возвращался в Петербург. Лишь чудо спасло лидера октябристов. ЦК партии направил ему телеграмму: «Благодарим провидение, многократно охранявшее и ныне спасшее Вашу жизнь на благо Родины» ²⁵. В ноябре 1913 г. в Петербурге состоялся всероссийский съезд «Союза 17 октября», причем, чтобы не раздражать власти, съезд пришлось назвать совещанием. С докладом на нем выступил Гучков. Он дал оценку политике партии с момента ее создания и подчеркнул, что «октябризм явился молчаливым, но торжественным договором между исторической властью и русским обществом, договором о лояльности, взаимной лояльности». Общество поверило власти, а она нуждалась в поддержке общества. Фигурой, которая олицетворяла этот процесс, стал Столыпин. Гучков считал, что после революции 1905—1907 гг. создалась обстановка для нормальной созидательной работы и в истории страны открылась эпоха мирного строительства, так как «с исчезновением эксцессов революции лишались прежнего оправдания и эксцессы власти». Но в обществе, по мнению Гучкова, имелись люди, страдавшие короткой памятью. В годы революционных потрясений они, казалось, исчезли в смертельном страхе «с лица Русской земли», а с замиранием страстей вновь «выползли из всех щелей... Возрождавшаяся реакция рекрутировала свои ряды среди дворцовой камарильи, среди тех темных элементов, которые в прежнее время копошились и грелись около старых гнойников нашей русской жизни» ²⁶.

Правительство не смогло противостоять реакционным силам и постепенно теряло контроль над государственной жизнью, страна стала возвращаться к «традициям личного режима с его худшими аксессуарами». Борьба Столыпина с этими силами окончилась поражением, и «глубокий паралич сковал правительственную власть: ни государственных целей, ни широко задуманного плана, ни общей воли». На первый план вышли борьба ведомств и личные интриги. «Никогда авторитет правительственной власти не падал так низко». Гучков резко критиковал внешнюю политику правительства, которая была бездарной, малодушной и не сумела использовать выгоды, открывавшиеся перед Россией. Более того, она «потеряла все прежние позиции, которые были завоеваны в прежние царствования неисчислимыми жертвами русского народа».

Взятый теперь правительством курс, считал Гучков, приведет к катастрофе, а в России есть силы, радостно ее ожидающие. Но ошибутся те, кто рассчитывает «на развалинах повергнутого строя» водворить порядок, отвечающий их мировоззрению; скорее всего страна попадет «в полосу длительной, хронической анархии, которая приведет государство к распаду... Не переживем ли мы опять смутное время, но уже при иной, более опасной внешней политической обстановке?». Перед возможной катастрофой именно октябристы должны сделать последнюю попытку «образумить власть, открыть ей глаза», вселить в нее тревогу, которой полны представители буржуазных классов, ибо их жизненные интересы связаны с мирной эволюцией. Именно на них ведь обрушится первый удар, если наступит всеобщий хаос ²⁷.

Главная опасность, по мнению Гучкова, таилась не в проповеди социализма, анархизма, не в антирелигиозной пропаганде и не в заговорщиках: «Историческая драма, которую мы переживаем, заключается в том, что мы вынуждены отстаивать монархию против монарха, церковь против церковной иерархии, армию против ее вождей, авторитет правительственной

власти — против носителей этой власти». Выступление Гучкова неоднократно прерывалось аплодисментами, а когда он завершил свою речь, все встали и «устроили ему шумную, длившуюся несколько минут овацию»²⁸.

Первая мировая война застала Гучкова на лечении в Ессентуках. Он поспешил в столицу, и 25 июля 1914 г. под его руководством в Петербурге прошло экстренное заседание ЦК Союза 17 октября с участием членов столичного комитета партии. По инициативе Гучкова было принято воззвание с призывом встать на защиту государственной чести России, ее лучших исторических традиций. Одной из практических задач выдвигалась организация помощи больным и раненым воинам. 30 июля статский советник Гучков стал особоуполномоченным Российского общества Красного Креста на Северо-Западном фронте²⁹. Как известно, по инициативе буржуазии создавались Всероссийский земский союз и Всероссийский городской союз, которые занимались военно-хозяйственными вопросами. Гучков был избран товарищем главноуполномоченного Всероссийского городского союза.

Неспособность самодержавия и царской бюрократии вести войну подтолкнула буржуазию на организацию военно-промышленных комитетов. Первоначально эта идея была высказана на IX съезде представителей торговли и промышленности в мае 1915 г., а 25—27 июля состоялся I съезд представителей военно-промышленных комитетов, образовавших Центральный военно-промышленный комитет (ЦВПК) во главе с Гучковым. 13 августа газета «Утро России» опубликовала список того Комитета обороны, в который, по мысли оппозиции, Гучков должен был войти как министр внутренних дел; 14 августа газета сообщила о наличии и другого списка, в котором Гучкова прочили на пост премьер-министра.

23 августа в «Утре России» было опубликовано интервью с Гучковым. Оценивая положение страны как тяжелое, он настаивал на создании «сильной власти во главе с сильным человеком»; намекая на нерешительность царя, дал такую оценку работе государственной машины: «У нас идут по пути спасения с постоянным опозданием. Один умный октябрист сказал, что А. В. Кривошеина дадут только тогда, когда нужен будет М. В. Родзянко, М. В. Родзянко — когда нужен будет Гучков, Гучкова — когда потребуется П. Н. Милюков, а П. Н. Милюкова — когда придется призвать А. Ф. Керенского. У нас все будет, но все не вовремя»³⁰.

К тому же времени относится документ, датированный 8 сентября: «Диспозиция № 1 Комитета народного спасения». В ее 12 пунктах излагалась программа, нацеливавшая на борьбу с дворцовой камарильей. Нет оснований приписывать авторство документа именно Гучкову, но бросается в глаза сходство диспозиции Комитета со взглядами, неоднократно высказывавшимися Гучковым: «Все для народа, но не через народ». В Комитет вошли Г. Е. Львов, А. И. Гучков и А. Ф. Керенский, которые должны были составить «Штаб верховного командования» из 10 человек, подобранных «исключительно по признакам: а) ясность мышления, б) честность слова и в) твердость воли». 16 сентября 1915 г. Гучков был избран от представителей торговли и промышленности в Государственный совет. На следующий день царица писала мужу: «Как противно, что Гучков выбран в Гос. Совет всеми этими скотами». В тот же день Гучкова видел генерал Куропаткин, его знакомый еще по русско-японской войне. Он в своем дневнике оставил следующую запись: Гучков «доволен, бодр физически, но настроен крайне пессимистически»; говорил, что Россию даже после победоносной войны «ожидает революция».

В стенах Думы росли оппозиционные настроения. В августе 1915 г. сложился Прогрессивный блок, объединивший многих деятелей Думы и Государственного совета. Программа блока включала в себя требование полного обновления состава Совета министров, создание правительства, «сильного доверием общества», и предлагала осуществить новые мероприятия в сфере национальной политики, предоставить свободу вероисповедания, восстановить в правах профсоюзы и рабочую печать. Для руководства

блоком избрали бюро под председательством барона В. В. Меллер-Закомельского. 25 октября Гучков, первый и последний раз, участвовал в заседаниях президиума Прогрессивного блока. Он призвал пойти на прямой конфликт с властью, ибо «все равно обстоятельства к этому приведут... Молчание будет истолковано в смысле примирения». «Режим фаворитов, кудесников, шутов» — так охарактеризовал Гучков правящие круги России на втором году мировой войны ³¹.

Все высказывания лидера октябристов мгновенно становились известны правительству, окружению Романовых и царской чете. Александра Федоровна в письмах царю не стеснялась в выражениях: «скотина Гучков» — не самый сильный эпитет в ее устах. За Гучковым было установлено круглосуточное наблюдение, агенты Департамента полиции следили за каждым его шагом. Гучков вел тогда интенсивную переписку с генералами и офицерами, чтобы понять их настроение и привлечь на свою сторону. Имелись сведения о его связях с начальником штаба верховного главнокомандующего генералом М. В. Алексеевым, а некоторые его письма генералу распространились по стране. Но взгляды и образ действий Гучкова были чужды большинству деятелей Прогрессивного блока ³². Когда Савич рассказал ему о тайном заседании, на котором предполагалось обсудить политическое положение в стране, Александр Иванович решил пойти туда.

Совещание (в нем участвовали И. В. Годнев, Н. В. Некрасов, М. И. Терещенко, С. И. Шидловский, А. И. Шингарев и др.) состоялось в сентябре 1916 г. на квартире председателя Центрального комитета общественных организаций по продовольственному делу М. М. Федорова. Участники совещания сошлись во мнении о возможности революционного взрыва. Большинство считало, что при успехе народного восстания страна пройдет через анархию, но затем буржуазия установит нормальную власть. Лишь Гучков выразил сомнение в таком развитии событий: «Мне кажется, господа, что мы ошибаемся, когда предполагаем, что какие-то одни силы выполнят революционное действие, а какие-то будут призваны для создания верховной власти. Я боюсь, что те, кто будут делать революцию, сами станут во главе этой революции» ³³. Следовало либо плестись в хвосте событий, либо перехватить инициативу. Гучков предпочитал второй вариант. 30 декабря 1916 г. под его председательством в Москве состоялось заседание ЦК «Союза 17 октября». Гучков изложил свои взгляды на положение в стране после убийства Распутина и призвал поддерживать буржуазную оппозицию более решительно. Но в его выступлении проскальзывали и нотки растерянности.

Продолжая работать над планом дворцового переворота, он рассчитывал с помощью армейских офицеров арестовать царя по пути из Ставки в Царское Село и заставить его отречься от престола в пользу наследника. В воспоминаниях он писал, что результатом переворота должна была стать смена правительства. Конкретного списка членов кабинета министров у заговорщиков не было. Гучков считал, что у буржуазии нет достаточного количества подготовленных к управлению государственными делами лиц, и желал видеть в правительстве наиболее толковых из отставных чиновников типа Кривошеина или Сазонова (А. В. Кривошеин до 26.X.1915 г. — министр земледелия, С. Д. Сазонов до 7.VI.1916 — министр иностранных дел. — А. С.). Позднее Гучков подвел итоги своей «заговорщической деятельности» так: «Сделано было много для того, чтобы быть повешенным, но мало для реального осуществления, ибо никого из крупных военных к заговору привлечь не удалось» ³⁴.

Серьезный конфликт с властью произошел у Гучкова в связи с арестом в ночь на 27 января 1917 г. большинства созданной при ЦВПК «рабочей группы», руководимой меньшевиком К. А. Гвоздевым. 29 января состоялось расширенное заседание Бюро ЦВПК, где присутствовали члены Думы и Государственного совета. Было решено сообщить областным и районным военно-промышленным комитетам материалы, касающиеся ареста «рабочей группы», организовать их защиту в суде и оказать материальную помощь их семьям. 31 января газета «Земщина», поддерживая

правительство, высказалась за арест Гучкова «вместе со всей ордой». Позднее в ответах на вопросы Чрезвычайной следственной комиссии бывший министр внутренних дел А. Д. Протопопов отмечал причастность Гучкова к действиям «рабочей группы», но подчеркнул, что его арест мог бы только увеличить популярность лидера октябристов.

Департамент полиции усилил наблюдение. Филеры сообщили о посещении Гучковым английского посла Дж. Бьюкенена (последний в своих воспоминаниях указывал, что от одного участника заговора, ставшего потом министром во Временном правительстве, он узнал о возможной революции в России). В донесениях охраны отмечались контакты Гучкова с высокопоставленными военными, включая исполняющего обязанности начальника штаба верховного главнокомандующего генерала В. И. Гурко ³⁵.

Когда грянула Февральская революция, буржуазная оппозиция растерялась. Ее настроение охарактеризовал в своих воспоминаниях В. В. Шульгин: «Мы были рождены и воспитаны, чтобы под крылышком власти хвалить ее или порицать... Но перед возможным падением власти, перед бездонной пропастью этого обвала — у нас кружилась голова и немело сердце» ³⁶. Растерянность, видимо, передалась и Гучкову. Во всяком случае, не сохранилось сведений о какой-либо его активной деятельности

в те дни. 2 марта в Таврическом дворце Милюков, окруженный солдатами, рабочими и студентами, зачитал новый состав правительства, сопровождая краткими комментариями каждую кандидатуру.

Вот что он сказал о военном министре: «Гучков был моим политическим врагом в течение всей жизни Госдумы. Но, господа, мы теперь политические друзья, да и к врагу надо быть справедливым, ведь Гучков в Третьей думе приступил к переустройству русской армии, да еще дезорганизованной маньчжурской неудачей. И он заложил первый камень в той победе, с которой наша обновленная и возрожденная армия выйдет из настоящей великой борьбы. Мы с Гучковым люди разного типа. Я — старый профессор, привыкший читать лекции, а Гучков — человек действий. И вот теперь, когда я в этой зале говорю с вами, Гучков на улицах столицы организует победу... Пост морского министра, пока мы не подыщем достойную кандидатуру, мы также оставили в руках Гучкова»³⁷.

Обстоятельства назначения Гучкова на посты военного и морского министра и его первые дни в новом качестве были драматичны. Александр Иванович не был убежденным республиканцем. После возвращения из Пскова, где царь вручил ему и Шульгину акт об отречении, Гучков застал в доме князя М. С. Путятина спор, вызванный решением великого князя Михаила Александровича не принимать верховную власть до созыва Учредительного собрания. По словам французского посла М. Палеолога, Гучков стал уговаривать царского брата не делать поспешного шага: «Если Вы боитесь, Ваше Высочество, немедленно возложить на себя бремя императорской короны, примите, по крайней мере, верховную власть в качестве регента империи на время, пока не занят трон... В то же время Вы могли бы дать народу торжественное обязательство сдать власть Учредительному собранию, как только кончится война». Большинство присутствовавших не поддержало Гучкова и стоявшего на аналогичных позициях Милюкова. И когда Михаил Александрович отказался от престола, Гучков заявил: «Господа, вы ведете Россию к гибели; я не последую за вами на этом гибельном пути». И в знак протеста решил выйти из Временного правительства. Французский посол в дневнике записал, что уход Гучкова знаменует «ни больше, ни меньше, как банкротство Временного правительства и русского либерализма. В скором времени Керенский будет неограниченным властелином России... в ожидании Ленина»³⁸. Правда, 3 марта Временное правительство все же провело первое заседание в полном составе.

4 марта начался первый рабочий день нового военного и морского министра. В его доме на Мойке, № 67, он застал беспорядок и посторонних людей. В рабочем кабинете оставались следы последних часов пребывания там прежнего министра М. А. Беляева: сожженные в камине документы. Гучков отдал распоряжение привести дом в порядок и сохранить прежний режим работы. 20 марта он написал начальнику канцелярии министерства: «Уведомляю Вас, что я отказываюсь от получения содержания и прочих видов денежного довольствия, установленных по должности военного министра, почему предлагаю не требовать мне таковых вовсе, если же содержание или какой-либо иной вид довольствия были уже истребованы, то прошу сдать обратно в доход государственного казначейства». Вопреки некоторым утверждениям, он был далеко не бедным человеком, почему и мог позволить себе отказаться от оклада ежегодно в 15 тыс. руб. и 12 тыс. руб. на представительство³⁹.

Новому министру пришлось сразу же столкнуться с проблемой сохранения боеспособности армии в условиях революционных потрясений. 5 марта генерал Алексеев телеграфировал ему: аресты командиров «требуют немедленных самых энергичных правительственных мер для своего искоренения, дабы зараза разложения, начавшаяся в тылу, не перекинулась в армию». Стремясь овладеть инициативой в ходе неизбежных преобразований, Гучков 5 марта подписал приказ, согласно которому отменялось понятие «нижний чин» с заменой на «солдат», при обращении к солдатам требовалось говорить «Вы», отменялось титулование офицеров, вводилась формула обращения «господин» (полковник, генерал и т. д.), военным

разрешалось участие в союзах и обществах, «образованных с политической целью».

6 марта Гучков говорил с Алексеевым по прямому проводу и поставил вопрос о замене Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, поскольку такой пост в армии не может находиться в руках представителя семьи Романовых. Алексеев попросил военного министра приехать в Могилев и переговорить с Николаем Николаевичем, на что Гучков заявил: «Положение столь серьезно, что все вопросы о деликатности должны быть навсегда устранены. Великий князь поймет всю необходимость того шага, который мы рекомендуем». Он поставил также вопрос о замене главнокомандующего армиями Западного фронта генерала А. Е. Эверта, «полная неспособность которого известна всем, начиная от Вас и кончая последним солдатом»; Алексееву было предложено подумать и о других заменах: «Лучше сделать эти шаги добровольно, чем под принуждением. Никогда не был я так уверен в своей правоте, как давая Вам эти советы»⁴⁰.

8 марта в Петроградской городской думе собрались представители ЦВПК, Совета съезда торговли и промышленности, других буржуазных общественных организаций. Перед ними выступил Гучков и проанализировал причины революции, отметив, что «заговорщиками были не мы — русское общество и русский народ, заговорщиками были представители самой власти». Он в шутку предложил избрать бывшего министра внутренних дел Протопопова «почетным членом русской революции». Революцию Гучков считал «зрелым плодом, упавшим с дерева»: она была подготовлена всем ходом исторического развития, явилась результатом действия сил, которые «выросли из русской разрыхленной почвы». Гучков призвал использовать любые средства, которыми располагала буржуазия, для внедрения в общественное сознание твердого и глубокого убеждения, что ее положение прочно, как никогда⁴¹.

В марте 1917 г. по инициативе Гучкова или с его согласия были отменены ограничения сословного и вероисповедного характера при приеме в военно-учебные заведения, на технических артиллерийских заведениях введен 8-часовой рабочий день с учреждением заводских комитетов, избираемых из рабочих на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, отменены звания генерал-адъютантов и флигель-адъютантов, а 77-ми воинским частям, «в коих шефами состояли государь, государыня, наследник и прочие здравствовавшие члены дома Романовых, 19 марта установлено впредь именоваться без упоминания титулов и имен означенных шефов», отменена приставка «лейб» при поименовании частей, введенная Петром I в качестве поощрения их за особые заслуги перед престолом.

Весь март и апрель работала комиссия во главе с бывшим военным министром генералом А. А. Поливановым. Гучков вспоминал: «Я надеялся, что такая комиссия, состоящая из военных специалистов, даст мне материал для мотивированного отклонения требований Совета (рабочих и солдатских депутатов.— А. С.), а кроме того, выигрывал этим время для принятия тех или иных мер противодействия». Комиссия рассмотрела и вопрос о возникавших в армии явочным порядком войсковых комитетах, после чего Гучков подписал приказ о введении в действие «Положения о ротных, полковых и армейских комитетах». Позднее Гучкова обвинили в разрушении армии. М. И. Терещенко заявил членам Временного совета республики: «Будущие историки, знакомясь с историей нашей революции, действительно с изумлением увидят, что в течение первых ее месяцев в то время, когда во главе военного ведомства стоял человек, который, вероятно, более всех других штатских людей в России и думал, и мыслил об армии и желал ей успеха, поставил свою подпись под рядом документов, которые, несомненно, принесли ей вред».

Александр Иванович оценивал происходившее весной 1917 г. по-другому: «Перед Ставкой и Военным министерством стал вопрос не о том, вводить ли в армию это революционное новшество, а о том, в состоянии ли мы их распустить. Все мы хорошо видели, что в этом отношении мы

бессильны. Конечно, было бы лучше, если бы комитетов не было, но раз они фактически возникли, нам оставалось только пытаться легализовать их, прибрать их к рукам»⁴².

11 марта Гучков выехал в Псков в сопровождении молодых офицеров Генштаба и юнкеров Павловского военного училища. В вагонах на ходу вывинчивали портреты царя и царицы, закрывали двуглавых орлов, а военный министр готовился произнести речь, которая вдохновила бы солдат на продолжение войны. Большинство генералов на совещаниях, устроенных военным министром, требовало решительных мер против Петроградского Совета и комитетов. Участвовавший в поездке генерал-майор П. А. Половцов писал: «Он отбивается, говоря, что до них революция по-настоящему не дошла, что нельзя идти против течения, ни к чему, что в Питере мы власти не имеем,.. что если удастся удержаться и укрепиться, то тогда можно будет понемножку навести порядок, но сейчас никаких крупных мер провести нельзя». По результатам поездки на фронт Гучков направил Алексееву 19 марта письмо, в котором указал на лиц, занимающих в армии высокие должности, но не подготовленных к высшему командованию, и подчеркнул, что решающим в их продвижении по службе были родство и протекции, «всякие личные и корыстные побуждения».

22 марта Гучков направил аналогичные письма командующим фронтами, армиями и командирам корпусов. Предлагалось прислать список лиц с личным мнением о всех начальниках дивизий, командирах корпусов и командующих армиями. Вскоре в руках Гучкова имелся сводный документ, в пяти графах которого содержались оценки генералов, данные собеседниками министра или полученные им в письмах и донесениях. В шестой графе он вписывал вывод. Оценок было три: «достоин выдвижения», «может остаться», «подлежит изгнанию». По указанию министра начальник Главного штаба телеграфировал в штабы фронтов, что «увольнение чинов, вынужденных оставить службу, должно совершаться с быстротой, причем в случае ходатайств об увольнении по болезни установленных медицинских свидетельств не требовать». Было уволено и смещено со своих постов до 60% высших офицеров, среди них 8 главнокомандующих войсками фронтов и командующих армиями, 35 командиров корпусов из 58 и 75 начальников дивизий из 240⁴³.

5 апреля Гучков вновь выехал на фронт для завершения операции по омоложению высшего командного состава. Многие генералы обсуждали тогда вопрос о вступлении в партию социалистов-революционеров. «Такая готовность капитулировать перед Советом даже со стороны высших военных, делавших карьеру при царе,— писал позднее Гучков,— парализовала всякую возможность борьбы за укрепление власти Временного правительства»⁴⁴. В те дни Гучков решал также множество других вопросов: председательствовал как военный министр в Особом совещании по обороне государства, подписал представление об образовании межведомственного комитета пограничному снабжению и соответствующего управления в министерстве с подчинением начальнику управления всех пограничных органов снабжения, приказ о пересмотре плана строительства новых заводов и мастерских военного и морского ведомств, образовал комиссию по боевому снабжению армии в целях объединения и согласования действий отдельных министерств, ходатайствовал перед правительством о выделении дополнительных средств для завершения строительства главных артиллерийского и морского полигонов, обсуждал вопросы внешней политики, обращался к войскам с воззваниями, в которых призывал их сражаться до победы, осуждал дезертирство и отказы выполнять приказы командования.

Выступая 10 апреля перед делегацией офицеров и солдат Румынского фронта, Гучков говорил им о необходимости исполнить до конца свой долг перед Родиной: война не может окончиться вничью, она непременно должна завершиться полным разгромом австро-германского блока⁴⁵. Уступая Петроградскому Совету, он дал распоряжение возвратить с фронта квалифицированных рабочих, мобилизованных по политическим причинам; под давлением матросов Балтийского флота издал приказ, отменявший погоны на

флоте и разрешавший закрасить середину кокарды в красный цвет. Но он осознавал, что есть черта, за которую ему переходить нельзя, и отказался подписывать одобренную комиссией Поливанова «Декларацию прав солдата», а затем стал постепенно отстраняться от дел. Управляющий делами правительства В. Д. Набоков так охарактеризовал настроение Гучкова: «Ни у кого не звучала с такой силой, как у него, нота глубокого разочарования и скептицизма, поскольку вопрос шел об армии и флоте. Когда он начинал говорить своим негромким и мягким голосом, смотря куда-то в пространство слегка косыми глазами, меня охватывала жуть, сознание какой-то полной безнадежности»⁴⁶.

Во второй половине апреля Гучков решил покинуть Временное правительство. В качестве главных факторов такого шага он называл нарастающий кризис и анархию, вызвавшие «разложение моего ведомства», а также свое одиночество среди министров, ибо кроме Милюкова и Шингарева ни у кого не мог получить поддержки в решительных действиях. В ночь на 30 апреля Александр Иванович написал письмо главе правительства князю Г. Е. Львову, заявив в нем о желании уйти в отставку ввиду условий, «в которые поставлена правительственная власть в стране» и которые «грозят роковыми последствиями армии и флоту, и свободе, и самому бытию России»; он подчеркнул, что не может больше «разделять ответственность за тот тяжкий грех, который творится в отношении Родины»⁴⁷.

4 мая Гучков выступил на частном совещании депутатов Думы и отверг упрек, прозвучавший в заявлении правительства в связи с его отставкой, поскольку задолго до того предупредил Львова о своем решении. Кто-то из бывших коллег сказал, что Гучков подобен крысе, бегущей с тонущего корабля. Он ответил, что представители власти ведут корабль, будучи связанными по рукам и ногам; при таких условиях корабль неизбежно пойдет ко дну, ибо грандиозное переустройство внутренней жизни в условиях войны и нарастающей анархии как никогда требует всей полноты власти наверху и такой же полноты повиновения внизу; «на началах непрекращающегося митинга управлять государством нельзя... А мы ведь не только свергли носителей власти, мы свергли и упразднили самую идею власти, разрушили те необходимые устои, на которых строится всякая власть»⁴⁸.

Гучков вернулся на пост председателя ЦВПК и одновременно возглавил созданную в мае новую общественную организацию, в которую вошли такие представители буржуазии, как А. И. Путилов, Н. Н. Кутлер, Н. А. Белоцветов, Б. А. Каменка, А. П. Мещерский, А. И. Вышнеградский. Гучков писал впоследствии: «Чтобы официально оправдать наше существование, мы назвали себя Обществом экономического возрождения России. На самом же деле мы поставили себе целью собрать крупные средства на поддержку умеренных буржуазных кандидатов на выборах в Учредительное собрание, а также для работы по борьбе с влиянием социалистов на фронте». Быстро собрали 4 млн. рублей. «Подготовкой Учредительного собрания, конечно, не занимались,— уточнял Путилов,— а Гучкову «на пропаганду» дали 500 000 рублей».

Среди авторов брошюр, статей и листовок, печатавшихся на эти деньги, преобладали правые социалисты Г. В. Плеханов, В. И. Засулич, Л. Г. Дейч, В. Н. Фигнер, В. Л. Бурцев, Б. В. Савинков, К. А. Гвоздев и другие. Однако речь шла только о тактике, поскольку отношение к социализму у Гучкова и его коллег было отрицательным. 20 мая на съезде представителей военно-промышленных комитетов он заявил: «Так называемые национализация и социализация — это невиданный в мире эксперимент, при помощи которого можно в корне убить всякую промышленность». На II Всероссийском торгово-промышленном съезде П. П. Рябушинский высказался более определенно: «Революция была революцией буржуазной... Те лица, которые управляют государством, должны буржуазно мыслить и буржуазно действовать»⁴⁹.

Гучков ездил по фронтам, участвовал в совещаниях и съездах, вел переговоры с промышленниками и лидерами политических партий. В его

личном фонде сохранилось командировочное удостоверение на имя прапорщика 1-го Екатеринодарского полка Кубанского казачьего войска А. И. Гучкова, направляющегося с разрешения командующего армией в Киев, Москву и Петроград. Оно в условиях безвластия и самоуправства всевозможных комитетов, советов, комиссаров, уполномоченных и комендантов должно было как-то обезопасить 54-летнего председателя ЦВПК, ибо отношение к «буржуям» на фронте и в тылу ухудшалось с каждым днем⁵⁰. Новая расстановка политических сил заставляла буржуазию переформировывать свои ряды. На базе октябристской партии в Петрограде летом 1917 г. образовалась Либеральная республиканская партия во главе с Гучковым и Родзянко. Однако буржуазия не смогла найти приемлемый для большинства населения путь вывода страны из кризиса, приостановить радикализацию масс и усиление влияния левых партий. Отразилось это и на Гучкове.

О его деятельности после Октябрьской революции нам известно немного. Осенью 1917 г. он уехал на Северный Кавказ, поселился в Кисловодске. В ноябре генералом Алексеевым стала формироваться в Новочеркасске Добровольческая армия. Гучков был одним из первых, давших на нее деньги — он переслал Алексееву 10 тыс. рублей. Летом и осенью 1918 г. он помогал наладить материально-техническое снабжение Добровольческой армии, восстанавливал работу военно-промышленных комитетов. А ЦВПК выделил для снабжения Добровольческой армии 3 млн. рублей. Вскоре Александр Иванович сближается с главнокомандующим Добровольческой армией А. И. Деникиным и в январе 1919 г. пишет ему записку «Борьба с большевиками в России и ее перспективы», в которой пытается объяснить «ту глухую непопулярность Добровольческой армии, а частью то ожесточение и озлобление против нее, которое замечается в народных массах Юга России».

Эту непопулярность Гучков видел в том, что армия пока «не в состоянии выйти из существующих рамок офицерской, буржуазной, интеллигентской войсковой части и стать народной армией». Причину же объяснял тем, что народные массы «не переболели еще большевизмом и не созрели... до сознательной борьбы с ним». По наблюдениям Александра Ивановича, даже офицерский корпус далеко не в полном составе примкнул к «белому делу» вследствие усталости, разочарования, «душевной надломленности, охватившей большинство офицеров». Считая победу над Красной Армией достижимой, Гучков надеялся на помощь со стороны Антанты. По его мнению, прежде всего нужно было оккупировать Украину. Но союзники «не склонны расходовать сколько-нибудь значительную живую силу на поход в Россию», хотя только их помощь «в форме большой живой силы, брошенной на активную борьбу с большевиками, могла бы изменить это положение»; в силу «государственного эгоизма» страны Антанты были готовы давать деньги, технику, снабжение, моральную поддержку и только «в минимальной доле и с минимальным риском человеческих жертв свою вооруженную силу»⁵¹.

Деникин был согласен с такой оценкой происходящего и попросил Гучкова поехать в Западную Европу для установления связи с руководителями стран Антанты. 15 января 1919 г. в Одессе ему был выдан заграничный паспорт, и он вместе со своим бывшим помощником по Военному министерству генерал-лейтенантом Д. В. Филатьевым покинул Россию. За рубежом он встретил настроения, которые отразил, в частности, посол Великобритании в Париже лорд Ф. Берти: «Нет больше России! Она распалась, и исчез идол в лице императора и религии, который связывал разные нации православной веры. Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией на Востоке, т. е. Финляндии, Польши, Эстонии, Украины и т. д., и сколько бы их ни удалось сфабриковать, то по мне остальное может убираться к черту и вариться в собственном соку. Российская республика не была бы в состоянии управлять магометанскими ханствами в Средней Азии и кавказскими княжествами»⁵².

Летом 1919 г. Антанта делала ставку на войска генерала Н. Н. Юдени-

ча, готовившиеся нанести удар по Петрограду. Гучков в Лондоне вступил в переговоры с британским военным министром У. Черчиллем. 19 сентября в письме Юденичу Гучков сообщил о готовности Англии привлечь ему в помощь вооруженные силы Финляндии и восточноприбалтийских государств. «Как вы вообще относитесь к вопросу о независимости этих государств? — задал мне вопрос Черчилль. — На это я ответил, что эта независимость под давлением представителей Англии признана тем с.-з. правительством, которое вызвано к жизни теми же представителями Англии, но что я лично против этого признания, так как этим нарушаются наиболее жизненные интересы России»⁵³.

Гучков сыграл немалую роль в организации перевозок из Англии в Прибалтику оружия и боеприпасов для белых армий, нашел и зафрахтовал несколько судов для этого. Можно представить его возмущение, когда ему стало известно, что грузы перехвачены эстонскими властями. Гучков писал Черчиллю: «Не столько со стороны самого населения, сколько со стороны местных балтийских правительств и их агентов установилось неизменно враждебное и чрезвычайно грубое отношение к Русскому Северо-Западному правительству, и Русской Северо-Западной армии, и вообще ко всему русскому... Народы и правительства молодых балтийских государств совершенно опьянены вином национальной независимости и политической свободы... Страх перед вновь восстановленной сильной Россией определяет собой политику балтийских государств в отношении России».

В августе 1920 г. Гучков приехал в Севастополь к барону П. Н. Врангелю, с которым до самой его смерти поддерживал деловые отношения и состоял в дружеской переписке⁵⁴. После того, как врангелевские войска покинули Крым, Гучков предпринимал большие усилия для сохранения их в качестве военной силы.

Когда вспыхнул Кронштадтский мятеж, Гучков писал Врангелю 8 марта 1921 г.: «В интересах как этого революционного движения, так и репутации «белого» дела необходимо, чтобы Вы и мы, Ваши единомышленники, не отождествлялись с руководителями движения. Тот демократический, рабочий, солдатско-матросский характер, какой носит Кронштадтская и Петроградская революция, должен быть сохранен без примеси белогвардейского и буржуазного элемента: только в таком случае это движение окажет то разлагающее влияние на оставшиеся в руках советской власти части Красной Армии, которое окончательно подточит устои этой власти. Всякая чужеродная примесь способна лишь повредить делу»; русские финансовые и торгово-промышленные круги, по словам Гучкова, внимательно следят за развитием событий в России и готовы «пойти на довольно значительные жертвы».

Как только в России замаячил проблеск надежды для эмиграции, сразу в ней возникли прежние партийные разногласия. Гучков резко высказывался против социалистов-революционеров, подчеркивая, что «для этих господ мало шансов», а в письме Врангелю от 22 марта писал о негативном отношении Милюкова к русской армии⁵⁵. Несмотря на желание не упустить ни один шанс для борьбы с советской властью, Гучков проявлял хладнокровие при выборе попутчиков или союзников по борьбе. Это хорошо видно на примере его отношения к событиям на Дальнем Востоке. 26 мая 1921 г. во Владивостоке был совершен переворот, во главе которого стояли братья С. Д. и Н. Д. Меркуловы, опиравшиеся на семеновцев и каппелевцев. Отряды атамана Г. М. Семенова были известны зверствами в отношении мирного населения. В эмиграции знали, что семеновцы похитили часть золотого запаса страны, отправленного А. В. Колчаком во Владивосток. Между каппелевцами и семеновцами шла вражда.

Врангель думал о переброске части своих войск на Дальний Восток, и Гучков в письме ему от 5 июня 1921 г. рекомендовал: «Боже Вас упаси проявлять сейчас какую-либо солидарность с ним [Семеновым]: это окончательно похоронило бы возможности связаться со здоровыми элементами Дальнего Востока и Сибири». Информировал Гучков Врангеля и о С. Д. Меркулове: «Я его знаю давно. Делец дальневосточного типа, аферист,

неглупый, ловкий, оборотистый, он в течение долгих лет исправлял должность неофициального представителя и ходатая по дальневосточным делам в Петрограде... Политически, не будучи особенно строго принципиален, он принадлежал к моей октябристской партии. Чем он сделался теперь, не знаю. Говорят, он сдвинулся далеко вправо. Во всяком случае, к социалистическим партиям он несомненно не примыкает. Думается, что он временный, даже кратковременный жилец у власти»⁵⁶.

В июне 1922 г. Меркуловы передали власть монархисту генералу М. К. Дитерихсу, который провозгласил себя земским воеводой и переименовал белоповстанческую армию в Земскую рать. С этими людьми Гучкову было не по пути. Во второй половине 1922 г. он настойчиво предлагает перенести центр тяжести борьбы с большевизмом внутрь России, «проникнуть индивидуально, группами, в виде предприятий, торговых, промышленных, издательских и т. п. Это даст белому движению деятелей на местах, которые в нужную минуту могут сыграть важную, быть может, решающую роль». Одновременно он делал ставку и на террор, чтобы дезорганизовать советскую власть.

10 мая 1923 г. в Лозанне был убит советский посол в Италии В. В. Воровский. Швейцарский суд оправдал убийц. В закулисной возне вокруг судебного процесса активное участие принимал Гучков. Через посредничество члена ЦК кадетской партии А. В. Тыркову-Вильямс он собирал денежные средства: «Подсчитано, что для всей этой инсценировки требуется до 50 тыс. французских франков». Швейцарский адвокат Т. Обер, «видный создатель швейцарского фашизма», должен был выступить с обвинительным актом против советской власти. Этот документ по указанию Гучкова составляла группа эмигрантов. После окончания процесса, вдохновленный его итогами, Гучков писал Питириму Сорокину: «Никогда еще в истории вообще и, в частности, в истории нашего отечества не был в такой степени указан террор, как средство борьбы с властью, как именно в настоящий момент в России»⁵⁷.

Анализируя события начала XX в., Александр Иванович с грустью признавался: «Зависть берет! Каким первоклассным человеческим материалом располагала Революция в своей борьбе против Власти! И притом в неправом деле. Ибо Власть, при многих своих недостатках, была права, а Революция, при многих своих достоинствах, была неправа»; почему же мы так «беспомощно-немощны», почему «не можем найти в нашей среде того идейного горения и той жертвенной готовности..., которыми были так богаты те?» — задавал он вопрос. Ответ на него пытались найти многие представители эмиграции. Ближе других к пониманию происшедшего подошел, вероятно, Н. А. Бердяев, считавший, что «максималистический характер русской революции» соответствовал «максимализму русского характера». Великие цели вдохновили людей, придали смысл их повседневному труду: «на энтузиазм коммунистической молодежи к социалистическому строительству пошла религиозная энергия русского народа», — отмечал Бердяев.

Между тем мировоззренческие разногласия развели в 30-е годы Александра Ивановича с его единственной дочерью Верой, отдавшей дань леворадикальным настроениям. Как стало известно позднее, она сотрудничала с НКВД и встречалась в Москве с наркомом внутренних дел СССР Н. И. Ежовым. Ее отец не знал об этом.

Его сердце остановилось 14 февраля 1936 года. 17 февраля в храме Александра Невского в Париже состоялась панихида, на которой присутствовали видные представители эмиграции. По воле Александра Ивановича его тело было сожжено, а урна с прахом замурована в колумбарии на кладбище Пер-Лашез⁵⁸.

Примечания

1. А. И. Гучков в третьей Государственной думе, 1907—1912 гг. Сборник речей. СПб. 1912, с. 111.
2. Николай, окончив в 1886 г. юридический факультет Московского университета, работал в учебных заведениях Министерства народного просвещения, в 1893 г. избран в гласные Московской городской думы. С 1905 по 1913 г.— московский городской голова. Федор окончил Александровское военное училище, служил в 1-м лейб-гвардии Екатеринославском полку. Во второй половине 90-х годов XIX в. участвовал в охране Китайско-Восточной железной дороги. С 1907 г. редактор газеты «Голос Москвы». Константин окончил реальное училище, с 1896 г. гласный Московской городской думы, член правления Московского частного коммерческого банка и Московского городского общества взаимного от огня страхования (Российский государственный исторический архив (РГИА) г. Москвы, ф. 179, оп. 1, д. 197, лл. 1—13).
3. В послужном списке прапорщика Гучкова, составленном в 1903 г., записано: «В службе сего офицера не было обстоятельств, лишающих его права на получение знака отличия безпорочной службы или отдалающих срок выслуги к сему знаку» (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 555, оп. 1, д. 1, л. 3об.). Иначе описывает характер происшедшего Витте (ВИТТЕ С. Ю. Избранные воспоминания, 1849—1911 гг. М. 1991, с. 550—551).
4. Женой Гучкова стала М. И. Зилоти (1871—1938). Ее отец, Илья Матвеевич — предводитель дворянства в Старобельском уезде Харьковской губернии. Мать, Юлия Аркадьевна — тетка композитора С. В. Рахманинова. Свадьба Марии и Александра состоялась в сентябре 1903 г. (Исторические силуэты. М. 1991, с. 72—75).
5. Журналы Московской городской думы за 1905 год. М. 1906, с. 30.
6. Воззвание подписали: граф П. А. Гейден, Д. Н. Шипов, А. И. Гучков, М. В. Красовский, М. А. Стахович, князь Н. С. Волконский, С. И. Четвериков, Г. А. Крестовников, Н. А. Хомяков, М. В. Родзянко, С. Н. Маслов, Н. И. Гучков (ЛАВЕРЫЧЕВ В. Я. По ту сторону баррикад. М. 1967, с. 42; СТАРЦЕВ В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1917 гг. Л. 1977, с. 19).
7. ГУЧКОВ А. И. Речи по вопросам государственной обороны и об общей политике, 1908—1917. Пг. 1917, с. 897.
8. Русские ведомости, 14.XI.1905; ШЕЛОХАЕВ В. В. Партия октябристов в период первой российской революции. М. 1987, с. 76.
9. Русские ведомости, 21.XII.1905.
10. Политические партии в России: страницы истории. М. 1990, с. 104, 112—113; Последние новости, 15.II.1936.
11. А. И. Гучков являлся председателем избирательного бюро Лефортовского участка, но и это не помогло (Речь, 29.III.1906; Московские ведомости, 28.III.1906).
12. Последние новости, 12.VIII.1936.
13. Голос Москвы, 2,6,19,25.X.1907; ДЯКИН В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. Л. 1978, с. 89, 90.
14. Возрождение, 20.II.1936; ГАРФ, ф. 555, оп. 1, д. 3, лл. 4, 5.
15. ГАРФ, ф. 555, оп. 1, д. 4, лл. 2—13; Государственная дума, третий созыв, стеногр. отч., сессия I, ч. II. СПб. 1908, стб. 2633, 2666, 2667; ЗЫРЯНОВ П. Н. Как работала Государственная дума.— Политическое образование, 1989, № 5, с. 85, 86.
16. РЕДИГЕР А. Ф. История моей жизни.— Военно-исторический журнал, 1990, № 6, с. 84.
17. А. И. Гучков в третьей Государственной думе, с. 49, 57—62, 64.
18. Там же, с. 177.
19. Государственная дума, третий созыв, стеногр. отч., сессия 3, ч. III. СПб. 1910, стб. 132—134, 450—452. Эта статья разрешала в случае прекращения или перерыва деятельности Думы и Государственного совета рассмотреть законопроект в Совете министров с последующим утверждением императором в форме «высочайшего указа».
20. Падение царского режима. Т. VI. М.-Л. 1926, с. 253; ЛАВЕРЫЧЕВ В. Я. Ук. соч., с. 92; АВРЕХ А. Я. Распад третьиюньской системы. М. 1985, с. 163.
21. ГАРФ, ф. 111, оп. 1, д. 958, лл. 2—4, 7—28.
22. Отчет Центрального комитета Союза 17 октября о его деятельности с 1 сентября 1912 по октябрь 1913 г. М. 1913, с. 77—78.
23. ГАРФ, ф. 555, оп. 1, д. 2, лл. 6—8.
24. Там же, ф. 102, оп. 1913, д. 144, лл. 119—120; д. 23, ч. 9, лл. 33, 35, 42об., 43, 56, 92об.; д. 59, ч. 57, л. 37об.

25. Отчет Центрального комитета, с. 145. Возможно, то был несчастный случай. Но вот что писала царица Александра Федоровна супругу в сентябре 1915 г. о Гучкове: «Тяжелое железнодорожное несчастье, от которого он один бы пострадал, было бы заслуженным наказанием от Бога» (Исторические силуэты, с. 97).
26. ГУЧКОВ А. И. Ук. соч., с. 99, 100.
27. Там же, с. 105, 106.
28. Там же, с. 111—112.; ГАРФ, ф. 102, оп. 1913, д. 147, л. 98.
29. Отчет Центрального комитета, с. 138; ГАРФ, ф. 555, оп. 1, д. 1, л. 10.
30. Там же, ф. 102, оп. 1915, д. 20, ч. 20, лит. Б, л. 21; Утро России, 23.VIII.1915. Гучков заметил: «Когда кормчий слаб духом, он может быть терпим при штиле, но в момент бури, когда гибнет корабль, власть должна быть взята из неумелых рук».
31. СТАРЦЕВ В. И. Ук. соч., с. 183—184, 188; ДЯКИН В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. Л. 1967, с. 124.
32. СТАРЦЕВ В. И. Ук. соч, с. 190; ГАРФ, ф. 102, оп. 1916, д. 5, ч. 57, л. 80; д. 5, ч. 88, л. 151об.; д. 59, ч. 46, лит. Б, л. 35об.; д. 59, ч. 69, лит. Б, л. 10об.; д. 307, лит. А, т. 1, лл. 128, 136, 166; оп. 1906, д. 702, т. 2, л. 50.
33. Последние новости, 9.IX.1936.
34. Цит. по: СПИРИН Л. М. Россия 1917 год. М. 1987, с. 44.
35. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 13251, оп. 1, д. 54, лл. 3, 4; ГАРФ, ф. 102, оп. 1913, д. 144, л. 167; оп. 1917, д. 20, ч. 33, лит. Б, л. 1; д. 20, ч. 57, лл. 10, 19; д. 343, ч. 57, л. 11; д. 347, ч. 20, лл. 8, 9, 11об., 13—14; д. 437, ч. 46, лл. 11, 15, 17об., 18, 24об. и др.; Падение царского режима, с. 261.
36. ШУЛЬГИН В. В. Дни. Л. 1926, с. 124.
37. Известия революционной недели, 2.III.1917.
38. ПАЛЕОЛОГ М. Царская Россия накануне революции. М. 1991, с. 365, 466.
39. АВРЕХ А. Я. Ук. соч., с. 243—244; РГВИА, ф. 29, оп. 3, д. 5726, лл. 49—50. Этот политик «стоил» к 1917 г. до 700 тыс. руб. (Исторические силуэты, с. 92).
40. Красный архив, 1927, № 3, с. 51, 63.
41. ГУЧКОВ А. И. Ук. соч., с. 114—115.
42. РГВИА, ф. 2000, оп. 2, д. 2186, л. 19; д. 2279, лл. 9—36; Крах керенщины. Л. 1982, с. 174; Последние новости, 20.IX.1936.
43. ПОЛОВЦОВ П. А. Дни затмения. Париж. 1928, с. 37—43; РГВИА, ф. 29, оп. 3, д. 223, лл. 6, 15—19; д. 372, оп. 1, д. 48, л. 397; КИЗРИН И. Г. Распад старой армии. Воронеж. 1931, с. 35; КАВТАРАДЗЕ А. Г. Июньское наступление русской армии в 1917 году.— Военно-исторический журнал, 1967, № 5, с. 113.
44. Последние новости, 23.IX.1936.
45. ВОРОНКОВА С. В. Материалы Особого совещания по обороне государства. М. 1975, с. 79; ГАРФ, ф. 1779, оп. 1, д. 339, л. 1; д. 340, л. 6об.; ф. 892, оп. 1, д. 108, л. 1; ВАСЮКОВ В. С. Предыстория интервенции. М. 1968, с. 71.
46. НАБОКОВ В. Д. Временное правительство: воспоминания. М. 1924, с. 68—69.
47. Последние новости, 30.IX.1936; Революционное движение в России в апреле 1917 г., с. 835—836.
48. Буржуазия и помещики в 1917 году: стенограмма частных совещаний членов Государственной думы. М.-Л. 1932, с. 5.
49. Последние новости, 30.IX. 1936, 20.I.1937; Революция 1917 года (хроника событий). Т. 2. М.-Пг. 1923, с. 181; Утро России, 4.VIII.1917.
50. ГАРФ, ф. 5868, оп. 1, д. 1, л. 1.
51. СПИРИН Л. М. Россия, с. 144; ГАРФ, ф. 5868, оп. 1, д. 64, л. 7.
52. Там же, д. 1, л. 5; Гудок, 5.I.1992.
53. ДУМОВА Н. Г., ТРУХАНОВСКИЙ В. Г. Черчилль и Милюков против Советской России. М. 1989, с. 145—146.
54. ГАРФ, ф. 5868, оп. 1, д. 1, л. 22; д. 10, лл. 69—71.
55. Там же, д. 14, лл. 19—20, 23.
56. Там же, лл. 28, 29.
57. Там же, л. 235; д. 15, л. 28.
58. Там же, л. 30 (орфография оригинала); БЕРДЯЕВ Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М. 1990, с. 119—120; БРОССА А. Групповой портрет с дамой.— Иностранная литература, 1989, № 12, с. 226—247; Patriote Russe, 11.XI.1944; Последние новости, 18.II.1936.

ВОСПОМИНАНИЯ

Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева

Карибский кризис

Хотел бы рассказать, что такое Карибский кризис. Эти события 1962 г. возникли при следующих обстоятельствах. Когда Фидель Кастро добился победы и вступил со своими войсками в Гавану, мы в СССР, собственно говоря, еще не знали, какое политическое направление будет принято победителями. Знали, что в движении, возглавляемом Кастро, участвуют отдельные коммунисты-одиночки, но Компартия Кубы в целом не контактировала с ним, и секретарь ЦК Компартии Кубы даже вышел из партии, чтобы уйти партизанить в горы вместе с Кастро. Когда повстанцы заняли Гавану, мы пользовались материалами только газет и радио. Слушали, что передавалось из самой Кубы и что говорили о ней другие. Положение было неясным.

Фидель оставил тогда одного из известных ему деятелей юридическим главой Республики Куба. Это президент нам был совершенно не известен. Кроме того, Куба официально прежде наше государство не признавала, и долгое время у нас с нею никаких дипломатических связей не существовало. Наши люди, которые занимались Латинской Америкой, начали теперь выезжать на Кубу. Раньше они знали лишь некоторых кубинских деятелей, в частности, брата Фиделя — Рауля Кастро. Как-то случайно один наш товарищ плыл вместе с ним в Мексику на одном корабле. Этот товарищ потом мне рассказывал, как они познакомились, беседовали, а потом Рауля в Мексике, на глазах у нашего товарища, задержали и арестовали. Основываясь на данных, полученных по разным каналам, мы знали, что Рауль Кастро — коммунист. Но считалось, что он свои убеждения якобы скрывает от брата; тот вроде бы о них не ведает. Гевара тоже был коммунистом, как и некоторые другие сподвижники Фиделя. Но все это были слухи, а официальные связи с ними у нас еще не наладились.

Дальнейшие события развивались быстро. Мы решили в ту пору послать в США Микояна, в качестве «гостя нашего посла», для установления неофициальных связей с американским деловым миром. Анастас Иванович бывал там еще до войны, и у него сохранились какие-то личные связи. Мы верили, что, когда Микоян появится в Вашингтоне, там найдутся люди из деловых кругов, которые захотят установить с нами контакты. В любом случае мы хотели почувствовать, какие там существуют веяния. Главное, хотели выяснить перспективы развития торговли с США. А когда Микоян

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 2—12; 1991, №№ 1—12; 1992, №№ 1—3, 6—9, 11—12; 1993, №№ 2—6.

находился в США, Фидель пригласил его посетить на обратном пути Кубу. Микоян поехал туда, посмотрел, поговорил. Но и только. Ведь у нас дипломатических отношения с Кубой не было, и Кастро пока притерпелся в отношении нас осторожной политики.

Характерным для обстановки на Кубе в то время и для роли Фиделя был, например, такой анекдот. Кубинское революционное руководство попало на небо. Вышел к ним апостол Петр и велел всем построиться, затем сказал: «Коммунисты, три шага вперед!» Вышел Гевара, вышел Рауль, еще кто-то, а все остальные стоят на месте. Тогда Петр крикнул Фиделю: «Эй, ты, большой, а ты не слышишь, что ли?» То есть считали, что Фидель — коммунист, а на небесах он себя вовсе не считал коммунистом и полагал, что услышанная команда к нему никакого отношения не имеет. Вот характерное явление для Кубы того времени.

Однако вскоре у нас были установлены дипломатические отношения с Кубой, и СССР направил туда свою делегацию. Кубинцы вынуждены были обратиться к нам за помощью: американцы лишили их нефти, их главного источника энергии. Жизнь на острове едва не замерла, и нам пришлось срочно организовать доставку нефти на Кубу. По тем временам это была довольно трудная задача: у нас не имелось достаточного количества танкеров или других подходящих морских судов, и нам пришлось срочно мобилизовывать из числа действующих в ущерб уже шедшим перевозкам, а также закупать и заказывать танкеры, чтобы обеспечить Кубу нефтепродуктами. Тогда итальянцы продали нам много танкеров. На этой почве возник даже конфликт Италии с США: американцы обвинили Италию в том, что она «не проявила солидарности». Этот случай свидетельствует и о взаимоотношениях между капиталистическими странами: если можно заработать, то никакая солидарность особенно во внимание не принимается.

Когда у нас установились дипломатические отношения с Кубой, мы направили туда послом одного старого дипломатического работника (я его фамилию сейчас не помню). Кроме того, там находился в качестве советника посольства Алексеев, особый сотрудник. Фидель и особенно Рауль Кастро сразу увидели, что это не просто сотрудник, а представитель определенного ведомства. Они установили с ним доверительные отношения. Когда им что-либо было нужно, то они чаще обращались прямо к Алексееву, чем к послу. Алексеев сейчас же связывался с Центром и сообщал нам о нуждах Кубы. Посол же повел себя нескладно. Обстановка на Кубе накалялась, начали уже «постреливать», и он потребовал, чтобы ему предоставили особую охрану. Кубинское руководство — бывших партизан — это удивляло и раздражало: они-то представляют собой, пожалуй, более выгодную мишень для врагов революции, а ходят без охраны; наш же аристократ-коммунист требует для себя каких-то особых условий, которые абсолютно исключили бы для него возможность неприятностей.

И когда мы увидели, что этот эпизод ведет к ухудшению наших взаимоотношений, то отозвали оттуда посла. Такой человек не годился для революционной Кубы. Новым послом решили утвердить Алексеева, к которому кубинские товарищи уже привыкли, хорошо его узнали и которому доверяли. Он в их глазах был «своим». Значит, выбор окажется удачным. Дальше — больше! Кастро повел себя завзятым коммунистом. Так он себя еще не именовал, но коммунистов стали привлекать к управлению страной.

К тому времени президент, которого назначили после освобождения и занятия Гаваны, сбежал в США. Причиной послужила начавшаяся национализация предприятий и конфискация имущества американских богатеев. Затем стали ограничивать помещиков. Там имелись очень крупные латифундии. Тут сразу многие из тех, кто прежде боролся вместе с Кастро и приветствовал его как человека, который возглавил борьбу за независимость и изгнание Батисты, отвернулись от революции, ибо многие, сражавшиеся рядом с Кастро, не хотели больших социальных перемен на острове. Им надоел продажный режим Батисты, и они выступили против него, но у них и в мыслях не было изменить общественный строй на Кубе. Им нужен

был новый «свой человек», будь то Батиста, Кастро или кто-либо еще, безразлично кто.

Американцы на первых порах тоже рассматривали Кастро именно так и считали, что капиталистические устои на Кубе будут нерушимы. Если бы они заранее знали, кем станет Фидель и какого направления у него мысли, то, безусловно, он не одержал бы победы. Я так думаю потому, что у него сил было значительно меньше, чем у Батисты. Однако режим Батисты разложился, американцы потеряли веру в него, поэтому Фидель так легко разгромил Батисту с его танками, артиллерией и авиацией. Естественно, если бы США почувствовали, какая назревает угроза для них и что в Латинской Америке зародится первое социалистическое государство, они бросили бы туда нужные силы, поддержали Батисту и не допустили бы победы Кастро. А когда он заявил, что Куба стала на путь строительства социализма, время было уже упущено и организованных сил, которые дрались бы за интересы США на Кубе, не существовало. Поэтому для них оставался теперь единственный выход — вторжение извне.

Между тем кубинцы попросили у нас вооружения для себя. Мы передали им танки, артиллерию, послали своих инструкторов. Кроме того, отправили зенитные пушки и несколько самолетов-истребителей. В результате Куба довольно солидно вооружилась. Главным недостатком кубинской армии было отсутствие у нее должного боевого опыта. Танками они вообще не умели пользоваться, а использовали лишь личное оружие: карабин, автомат, гранату, пистолет.

Как известно, когда состоялось вторжение на Кубу, мы услышали об этом сначала по радио. Какими силами и кто вторгся, мы еще не знали. Кубинские ли это заговорщики или сами американцы? Мы считали, что при всех случаях и под любой маркой, но вторжение обязательно должно быть с участием американцев.

Фидель, быстро мобилизовав свои силы, довольно легко отделался и разгромил контрреволюционеров. Американцы слишком доверились заговорщикам, полагая, что при помощи их оружия эти кубинцы справятся с Кастро, но просчитались. После победы Фиделя мы усилили помощь Кубе: давали ей столько вооружения, сколько кубинцы могли освоить. Вопрос стоял тогда не о количестве или качестве оружия, а о наличии кадров, которые могли бы владеть современным оружием.

Когда еще не были разгромлены силы вторжения, Кастро выступил с декларацией, что Куба пойдет по социалистическому пути. Нам это было не совсем понятно. Ведь это не способствовало использованию в тот момент более широкого круга сил против вторжения и сразу отбрасывало от Кастро людей, которые лично выступали против социализма. Тогда раздавались отдельные голоса, что Кастро сделал это заявление потому, что, видимо, сам не очень-то верил, что одержит победу над вторгшимися контрреволюционерами, и ему хотелось, если уж погибнуть, так «с музыкой». Конечно, с точки зрения личной храбрости его действия были правильными. Но с точки зрения тактики этого не следовало делать. И все же он победил, разбил контрреволюционеров, взял часть их в плен.

Мы приветствовали эту победу, но были уверены, что тут — только начало, что американцы не успокоятся. Американцы доверились кубинским эмигрантам, эмигранты были разбиты. Они не откажутся от повторения агрессии, но это станет повторением на новой основе. Они учтут уроки поражения и переорганизуются.

Между тем, в Европе разразился Берлинский кризис. А в 1962 г. возникло новое серьезное напряжение в международной обстановке. Наши отношения с США сильно накалились. Однако президент Кеннеди предпринимал со своей стороны шаги, чтобы нам как-то договориться. Правда, договориться на американской договорной основе. Он считал, что в такой основе наших отношений должен лежать, как он говорил мне в Вене, статус-кво. Но и мы тоже стояли на позициях статус-кво (имею в виду наше правительство и Центральный Комитет партии). Дело заключалось в том, что понимание этого статус-кво у нас различалось.

Я, например, считал, что статус-кво распространяется только на нерушимость границ при военном вмешательстве одного государства в дела другого. А президент Кеннеди распространял статус-кво и на внутренние порядки в каждом государстве. Я ему сказал, что это просто невыносимо: «Вы хотите, чтобы мы с Вами, договорившись, обеспечили всюду господство эксплуататоров? Политическое устройство — это же внутренний вопрос. Вы же сами, США, освободились войной от колониальной зависимости и воевали с Англией довольно упорно. А теперь Вы хотите, чтобы как раз в таких случаях, в каком Вы вели войну против Англии за свое освобождение, мы выступали на стороне реакции? Это же невыносимое дело».

Уже имелись исторические примеры несостоятельности такого подхода. Возник когда-то Священный союз, но он ничего не смог предотвратить и потом распался. Нас же больше всего беспокоил тогда Берлин, а также Куба. Это были основные точки, где мы чувствовали возможность столкновения. В Берлине возможно было только прямое столкновение. Нужно сказать, что там американцы вели себя довольно лояльно при выполнении своих договорных обязательств. Но они требовали, чтобы и мы не нарушали их. Это было вызвано тем, что там они были более уязвимы, чем мы, потому что связь с Западным Берлином должны были держать через территорию, занятую советскими войсками, на которой образовалось новое немецкое государство — ГДР, развернувшее строительство на социалистических началах.

Мы все делали, что было в наших силах, чтобы не допустить войны, но и чтобы Западный Берлин одновременно высвободить из-под военного влияния западных стран, чтобы не находились там их гарнизоны. Наша цель — сделать Берлин вольным городом. Об этом мы говорили в своих выступлениях и открыто, и дипломатическим путем, предлагали соответствующие переговоры. Но Запад отверг наши предложения. Поэтому мы делали тогда все, что в наших силах, чтобы принудить его к этому. А особенно боролись мы (еще и сейчас продолжается эта борьба) против претензий Западной Германии на Западный Берлин, включения его в состав ФРГ. Это противоречит Потсдамскому соглашению и всему сложившемуся пониманию послевоенной ситуации, и мы делали все, чтобы помешать этому. То есть, в данном конфликте, если он возник бы, больше мы являлись зачинщиками. Зачинщиками же стали потому, что хотели устранить опухоль, которая там существовала, да и сейчас существует и грозит разрастись, вылиться в военное столкновение. Запад противостоял нам и не соглашался с нами.

Вот один пункт остроты, я еще буду об этом говорить дополнительно. Второй пункт — Куба. Когда кубинские контрреволюционеры организовали нападение на Кубу и высадили там десант, здравомыслящему человеку было ясно, что это было сделано с благословения США. Иначе и быть не могло. Высадка оказалась возможной только при поддержке военными средствами США. Мы ожидали, что там со стороны США будет оказана также прямая поддержка их военными силами, но этого не произошло. Однако была все же предпринята акция, которая могла стоить потери завоеваний кубинского народа, утраты возможности строительства социализма на Кубе.

Хотя контрреволюционеры потерпели поражение при высадке своего десанта на Кубе, надо было оставаться совершенно нереалистичным человеком, чтобы считать, что на этом все кончилось. То было лишь начало, хотя и неудачное начало. Но неудачное начало ведет к желанию взять реванш. Соответственно и печать начинала уже обрабатывать и готовить общественное мнение в том духе, что надо ожидать новую акцию со стороны контрреволюции. Но теперь будет не такое вторжение, которое предпринималось и которое Фидель Кастро легко разбил. Урок, который получили США, будет учтен. Поэтому, если будет новая акция, то ее организуют большими силами и с лучшей подготовкой. Даже если США и не станут прямо участвовать, а опять полезут контрреволюционеры, то вместе с ними туда поедут организованные, хорошо вооруженные и в большом количестве

войска США, но в форме кубинцев. Пока разберутся, что это действуют не кубинские контрреволюционеры, а вооруженные силы США, дело уже будет сделано. А, как говорится, победителей не судят. Судить, собственно, будет и некому, потому что судит ООН. А где этот суд ООН? Мы уже знали много примеров, как судят в ООН США и какой результат от такого суда. Остается моральный суд. Но, когда вопрос решается оружием, мораль отбрасывается.

Надо было что-то предпринять, чтобы обезопасить Кубу. Но как? Какими-то вооруженными силами с нашей стороны? Или какими-либо заявлениями, которые мы можем сделать в виде ноты или предупреждений ТАСС? Все это не очень-то подействует на американских агрессоров, не произведет на них даже впечатления, если они не увидят за этими предупреждениями реальной силы и каких-то реальных акций. Подобные действия иной раз приносят даже вред. Об этом хорошо сказано в давнем рассказе: предупреждали для видимости — вон волк, волк, волк, а волка-то и не было; когда же волк взаправду напал, опять закричали — волк, волк! Однако уже никто не обратил внимания, и волк сделал свое дело.

Таков теперь «классический» китайский способ действий. После тысячи строгих предупреждений, которые они сделали американцам, как говорится, американский Васька слушает, да ест. Такой метод был опасным раньше и остается опасным сейчас. Мы предусматривали такую опасность и считали, что подобным способом надо пользоваться только в меру. Если предупреждаешь, то продумай, что ты можешь реально сделать, коль скоро предупреждения не возымеют действия. Если предупреждать впустую, то приучишь противника, что ты болтун, делаешь пустые заявления, за которыми никаких реальных акций не следует, поэтому не следует и обращать на них внимания. Следовало поэтому предпринять что-то реальное. Должен признаться, что меня очень занимала эта проблема.

Потеря революционной Кубы, которая первой из латиноамериканских стран, ограбленных США, встала на революционный путь, понизит у народов других стран волю к революционной борьбе. Наоборот, сохранение революционной Кубы, которая идет по пути строительства социализма, в случае успешного развития ее в этом направлении и повышения жизненного уровня кубинского народа до такой степени, чтобы он стал как бы прожектором, желанным маяком для всех обездоленных и ограбленных народов латиноамериканских стран, оказалось бы в интересах марксистско-ленинского учения. Это соответствовало стремлению народов СССР освободить мир от капиталистического рабства для перестройки общественной жизни на марксистско-ленинских, социалистических, коммунистических началах.

Но как это сделать, имея в виду территориальное расположение нашей страны, удаленность Кубы от нас, близость Кубы к США и наличие к тому же на территории Кубы военной базы США? Сложилась тяжелая ситуация. США всегда рассматривали Кубу как свой штат, только юридически не оформленный таковым. Кубинский диктатор Батиста был подставным лицом и выполнял волю США: он сам грабил свой народ и давал возможность грабить его империалистам США. США были убеждены в незыблемости своей власти на Кубе. Они считали, что правительства могут там меняться, но реальная власть, власть американских монополий, всегда сохранится.

Как-то в дружеской беседе я сказал Фиделю: «Вы ведь победили потому, что тут получился первый такой случай среди латиноамериканских стран». Обычно у них один диктатор уступает место другому диктатору, который приходит к власти любыми доступными средствами, в том числе военными. США при этом сохраняют нейтралитет, занимают позицию невмешательства. Всем известно, на чем это невмешательство основано. Одно имя уже использовано империалистами США, они уже пограбили Кубу и дали Батисте возможность грабить и нажить себе капитал. Потом диктатор уходит, потому что изжил себя и далее нетерпим. Его выгоняет другой, который поднимает восстание и приходит к власти, а США при

этом не страдают. Был прежде Батиста, пусть теперь будет на Кубе другой, к примеру, Кастро. Главное, чтобы положение США было сохранено на Кубе. Они так и считали.

Если бы они допускали, что с изгнанием Батисты, с разгромом его войск Фиделем Кастро они потеряют Кубу, лишатся своих капиталов и Куба перейдет на позиции социалистического строительства, то очень мало потребовалось бы средств со стороны США, чтобы помочь Батисте и не допустить его разгрома. Они имели эту возможность. Во-первых, сам Батиста обладал войсками и вооружением лучшим, чем Фидель. У него были и танки, и авиация, и артиллерия. Что, народ его не поддержал? США могли найти достаточное количество наемных лиц, которых можно было бы послать на Кубу в виде кубинских танкистов, летчиков и даже простой пехоты, чтобы поддержать Батисту и не допустить его свержения. И США сделали бы это. Но они думали, что здесь налицо просто смена имен, а социально-политическое положение, установившееся на Кубе, незыблемо, как и в других латиноамериканских странах, в которых господствует американский капитал и где правительства прямо или косвенно служат США и прикрывают грабеж своих стран американскими монополиями.

Когда я это высказал Фиделю Кастро, он запротестовал: «Нет! Нет! Нет! Мы разбили бы их». Я сказал: «Давайте на этот счет не будем вести дискуссию, останемся каждый при своем мнении». Ведь за примерами недалеко ходить: панамский кризис, интервенция в Доминиканской республике и пр. Там тоже для прогрессивных сил сложились очень благоприятные условия. Но американцы бесцеремонно высадили свои войска, когда местные правители уже не могли справиться, и нашли даже какие-то юридические оправдания для себя. Я уже не говорю о Бразилии. Можно упомянуть и Венесуэлу, и Гватемалу. Таких примеров очень много. Поэтому надо было ожидать, что агрессивные силы США сделают вывод из урока, который они получили. А им нанес, если не военный, так моральный удар, нанес пощечину Фидель, разгромив контрреволюционные силы, которые были высажены на Кубе. Тут был нанесен и военный ущерб США, потому что все догадывались, что США вооружали эти силы.

Я был уверен, что новая высадка неотвратима, что это лишь вопрос времени и что в очень недалеком будущем американцы повторят ее. Зачем им терять много времени? Надо действовать под шумок, пока еще не улеглось возбуждение общественного мнения, подогретого вторжением контрреволюционеров.

Можно было опять использовать контрреволюционеров, но при другой их организации, при другом соотношении сил или даже прямом вмешательстве США. Тем более, что от нас до Кубы 11 тысяч километров, а США от Кубы отстоят в нескольких десятках миль. А если принять во внимание мощную американскую базу на Кубе, то можно сказать, что США уже находятся на Кубе. Они могли организовать вторжение и оттуда. Всегда можно будет объявить: вот, кубинцы напали на военную базу, нарушили договор, и мы должны защищаться, а теперь в порядке самозащиты наказали тех, кто напал на нас. Иди потом, разбирайся! Каждому мало-мальски опытному человеку будет ясно, что это ложь и клевета. Но дело-то сделано, и судить некого. А главное, что некому судить, пока империализм в целом еще сохранился.

В 1962 г. я возглавлял делегацию Советского Союза, которая ездила в Болгарию по приглашению болгарских ЦК Компартии и правительства. Там проходили хорошие, дружеские беседы, встречи с народом. Какие еще могли быть встречи в Болгарии? Я и не знаю, что вообще может быть теплее, искреннее, чем эти встречи. Нас с Болгарией связывает давняя история. Она берет свое начало еще в те времена, когда турки оккупировали Болгарию. Наша дружба хорошо описана, в частности, у Тургенева. Помните его героя Инсарова? Болгарина, который жил и учился в России, а потом уехал бороться за свободу своей родины? Очень хорошо написано. Каждый, кто следит за общественной жизнью Восточной Европы и нашими отношениями с болгарями, сам все это видит и чувствует. А те из нас, кто

побывал в Болгарии и встречался с болгарским народом, особенно в деревнях, хорошо это знают лично. С руководителями Болгарии, Живковым и другими членами Политбюро и правительства, разговоры велись откровенные, прямые, без всяких там задних мыслей. Каждый определял сразу свою позицию, и этот наш взаимный обмен мнениями выливался в единое понимание дела. Думаю, что такое же положение вещей существует и сейчас.

И вот ездил я по Болгарии, а мой мозг неотвязно сверлила мысль: «Что будет с Кубой? Кубу мы потеряем!» Это был бы большой удар по марксистско-ленинскому учению, и это отбросит нас от латиноамериканских стран, понизит наш престиж. И как на нас потом будут смотреть? Советский Союз — такая мощная держава, а ничего не смог сделать, кроме пустого заявления, кроме протеста и вынесения вопроса на обсуждение ООН, как это случается. На все такие протесты, которыми пользуются в подобных случаях, США и другие империалистические страны почти не обращают внимания. Идет, конечно, дуэль через печать, через радио и потом кончается, все стирается временем и остается так, как сделал агрессор. Это для меня было совершенно ясно.

Надо было что-то придумать. Что? Очень сложно найти вот это что-то, чтобы можно было противопоставить США. Естественно, сразу напрашивалось такое решение: ведь США окружили Советский Союз своими базами, расположили вокруг нас ракеты. Мы знали, что ракетные войска США стоят в Турции и Италии, а про Западную Германию и говорить нечего! Мы допускали, что, возможно, есть они и в других странах. Они нас окружили военно-воздушными базами, и их самолеты находятся на расстоянии одного радиуса действия от наших жизненных промышленных и государственных центров. А самолеты эти вооружены атомными бомбами. Нельзя ли противопоставить им то же самое?

Но я как Председатель Совета Министров СССР и Первый секретарь ЦК партии должен был так решить вопрос, чтобы не вползти в войну. Ума-то никакого особого не требуется, чтобы начать войну. Требуется больше ума кончить ее. Дураки легко начинают войну, а потом и умные не знают, что делать. Существовала и другая трудность. Очень просто поддаться крикам со стороны США и перейти на словесную дуэль, которая в вопросах классовой борьбы мало чего стоит.

А когда Даллес объявил свою политику скальвания, то есть постепенного отрыва страны за страной от социалистического лагеря или же стран, которые находятся с нами в дружеских отношениях, то он нацелился подчинять их своему влиянию. Но так как капиталистическая идеология не является сейчас уже особо привлекательной для большинства народов, то здесь больше всего Даллес рассчитывал именно на силу, на военную силу. И я подумал: а что, если бы мы, договорившись с правительством Кубы, тоже поставили там свои ракеты с атомными зарядами, но скрытно, чтобы от США это было сохранено в тайне? Надо будет поговорить с Фиделем Кастро, обсудить нашу тактику и цели, которые мы преследуем. Когда все будет обговорено, можно начинать такую операцию. Я пришел к выводу, что если мы все сделаем тайно и если американцы узнают про это, когда ракеты уже будут стоять там на месте, готовыми к бою, то перед тем, как принять решение ликвидировать их военными средствами, они должны будут призадуматься.

Эти средства могут быть уничтожены США, но не все. Достаточно четверти, даже одной десятой того, что было бы поставлено, чтобы бросить на Нью-Йорк одну-две ядерные ракеты, и там мало что останется. Атомная бомба, сброшенная США на Хиросиму, имела мощность в 20 тысяч т взрывчатки. А нашу бомбу в миллион тонн еще никто не проверил на себе. Но по нашим испытаниям было известно, что разрушения производятся колоссальные. Я не говорю, что все бы там погибли. Нет, не все бы погибли, но трудно сказать, сколько не погибло бы. Одним словом, ученые и военные, которые имеют отношение к атомному оружию, хорошо себе все это представляют. Думалось, что это сможет удержать США от военных

действий. Если бы сложилось так, то было бы неплохо: получилось бы в какой-то степени «равновесие страха», как Запад это сформулировал.

Они окружили нас военными базами и держат под возможностью ударов нашу страну. А тут американцы сами бы испытали, что означает такое положение. Мы-то уже привыкли к этому. Мы за последние полвека провели на своей земле три большие войны: первую мировую, гражданскую и вторую мировую, а США войн на своей территории давно не имели. Они во многих войнах участвовали, но при этом обогащались, затрачивая минимальное количество крови своих людей, а наживали миллиарды и грабили весь мир... Я ходил, думал, и все это постепенно созревало во мне. Никому я свои мысли не высказывал, потому что это было мое личное мнение, мои душевные страдания. Я тогда просто ни с кем не мог поделиться ими. В Болгарии с Живковым я поделиться ими тоже не мог, потому что я со своими товарищами по партии еще ничего не обсуждал. Как же я могу обмениваться мнениями даже с самой дружеской страной и дружеским руководством, не обговоривши у себя и не заручившись согласием своих товарищей по Центральному Комитету КПСС и правительству?

Когда я вернулся в Советский Союз, то продолжал обдумывать этот вопрос. Потом мы собрали заседание, и я сказал на нем, что хотел бы изложить свои взгляды по вопросу о Кубе, и произнес то, что обдумал. Сказал, что иначе Куба будет разгромлена, что нельзя надеяться на то, что во второй раз вторжение будет организовано так же плохо, Фидель Кастро уже не сможет добиться победы, ибо опыт разгрома десанта Фиделем будет учтен, и поэтому сразу будет брошено туда большее количество оружия и людей, и не в одной точке. Остров Куба растянулся на значительно больше тысячи километров, а в поперечнике имеет в отдельных местах лишь около 50 километров. Поэтому Куба очень уязвима для морских десантов. США, которые имеют огромный воздушный и морской флот, ничего не стоит организовать высадку десанта в любой точке и таким образом заставить рассредоточить оборонительные силы Кубы, сделав их фактически неэффективными. И вообще для армии США разбить армию Кубы больших трудностей не составит.

Товарищи меня слушали. А я сразу же, как закончил изложение своей точки зрения, сказал: «Давайте сейчас этого не решать. Я только высказал вам свои соображения. Вы не подготовлены к решению такого вопроса, должны все обдумать. И я тоже еще подумаю с тем, чтобы через неделю нам снова собраться и еще раз все обсудить. Мы должны очень хорошо все взвесить. Я считаю своим долгом предупредить, что эта акция повлечет за собой много неизвестного и непредвиденного. Мы, конечно, хотим сделать все, чтобы обезопасить Кубу и чтобы Кубу не раздавили. Но мы можем втянуться в войну. Это тоже надо иметь в виду. Если, к примеру, Куба будет ликвидирована как социалистическая страна, а Советский Союз останется, то народ Кубы через какое-то время опять нарастит свои силы и она вновь будет свободной, станет социалистической. Но это — в будущем. Если же Куба будет сейчас разбита, то такая историческая возможность отодвинется надолго не только для Кубы, но и для других латиноамериканских стран. Но еще хуже, если Советский Союз потерпит поражение, будет разрушен, опять должен будет восстанавливаться. Это нанесет куда больший ущерб международному коммунистическому движению, чем потеря одной Кубы.

Значит, нам надо так сделать, чтобы сохранить свою страну, не допустить войны, но и не допустить, чтобы Куба была разгромлена войсками США. Нужно добиться, чтобы сохранилось то положение, которое существует сейчас, и способствовать дальнейшему его развитию в сторону укрепления и развития социалистического строительства на Кубе. Нужно сделать Кубу факелом, притягательным магнитом для всех обездоленных народов латиноамериканских стран, которые ведут борьбу против эксплуатации их американскими монополиями. Подогревающий огонь социализма со стороны Кубы будет ускорять процесс борьбы этих стран за независимость».

Прошла неделя. И я опять поставил этот вопрос. Спрашиваю: «Ну, как, товарищи, подумали?» «Да, подумали». «Ну, и как?» Первым слово взял товарищ Куусинен. Он сказал: «Товарищ Хрущев, я думаю так. Если Вы вносите теперь такое предложение и считаете, что нужно принять такое решение, то я Вам верю и я голосую вместе с Вами. Давайте делать дело». Мне с одной стороны было лестно слышать это, а с другой — и слишком тяжело. Его ответ возлагал всю ответственность на меня, но я очень уважал Куусинена, знал его честность и искренность и поэтому по-хорошему воспринял его слова. Товарищ Микоян выступил с оговорками. В таких вопросах без оговорок, конечно, нельзя. Но его оговорки заключались в том, что мы решаемся на опасный шаг. Однако это я и сам сразу высказал. Я даже так заявил, что этот шаг, если грубо сформулировать, стоит на грани авантюры. Авантюризм заключается в том, что мы, желая спасти Кубу, сами можем ввязаться в тяжелейшую, невиданнейшую ракетно-ядерную войну. Этого надо всеми силами избежать, а сознательный вызов такой войны есть действительно авантюризм.

Я-то был против войны. Но если жить только под давлением боязни и в том смысле, что всякая наша акция в защиту себя или в защиту наших друзей вызовет ракетно-ядерную войну,— это, следовательно, означает парализовать себя страхом. В таком случае война возникнет наверняка. Враг сразу почувствует, что ты боишься, если он придет с войной. Или же ты без войны станешь уступать постепенно свои позиции и дашь возможность врагу достичь его целей. Или же ты своей боязнью и уступчивостью так разохотишь врага, что он потеряет всякую осторожность и уже не будет чувствовать той грани, за которой война станет неизбежной.

Такая проблема стояла раньше и стоит сейчас. Надо не желать войны и делать все, чтобы не допустить войны, но не бояться войны. Если создастся невыгодная ситуация, то ты должен отступать. Однако если отступление есть начало конца твоего сопротивления, так лучше уж рискнуть. На миру и смерть красна! Попытаться сокрушить своего врага, а если война будет навязана им, сделать все, чтобы выжить в такой войне и добиться победы. Вот, собственно, как мы все понимали сложившуюся ситуацию. Я и сейчас много об этом думал. Сейчас я вот уже сколько лет нахожусь на положении неработающего пенсионера: особых дел у меня нет, в настоящем и будущем у меня особых вопросов не возникнет, поэтому я и живу анализом пройденного пути. А путь, пройденный мною, хороший, и я его не только не стыжусь, а горжусь им.

Карибский кризис является украшением нашей внешней политики, в том числе моей как члена того коллектива, который проводил эту политику и добился блестящего успеха для Кубы, не сделав ни единого выстрела.

Как далее развивался кризис, когда мы приняли решение о том, что целесообразно поставить ракеты с атомными зарядами на территории Кубы и таким образом поставить США перед фактом, что если они решатся вторгнуться на Кубу, то Куба будет иметь возможность нанести сокрушительный ответный удар? Это был бы, конечно, не разгром США. Но им были бы нанесены очень большие разрушения. Отсюда мы сделали вывод, что эта перспектива удержит власть имущих в США от вторжения на Кубу. К такому выводу все мы пришли после двукратного или трехкратного обсуждения моего предложения. Я предлагал не форсировать это решение, чтобы оно выкристаллизовалось в сознании каждого и каждый бы, понимая его последствия, знал, что оно может привести нас к войне с США. Но решение было принято единодушно.

Разработка операции была поручена товарищу Малиновскому, причем к этому делу был допущен узкий круг людей. Подсчитали мы наши ресурсы и пришли к выводу, что можем послать туда 42 ракеты с миллионным по мощности зарядом каждая. Дальность полета этих ракет была, по-моему, у большинства из них две тысячи километров, а 4 или 5 ракет могли лететь и четыре тысячи километров. Были выбраны точки размещения стартовых позиций; примерились, с какой точки могут быть поражены какие-то

объекты. То есть, была проведена проработка использования ракет в целях нанесения максимального урона противнику. Получалось грозное оружие, очень грозное! Но этого было мало.

Мы считали, что если уж ракеты ставить, то их следует охранять, защищать. Для этого нужна пехота. Поэтому решили послать туда также пехоту, что-то около нескольких тысяч человек. Кроме того, были необходимы зенитные средства. Потом решили, что нужны еще и танки, и артиллерия для защиты ракет в случае высадки врагом десанта. Мы решили направить туда зенитные ракеты класса «земля — воздух», хорошие ракеты по тому времени. У нас имелись зенитные ракеты разных калибров и образцов. Первые из них уже устарели, и мы решили послать самые последние модели, которые были запущены в производство и поступали на вооружение Советской Армии.

Естественно, с этим оружием мы посылали туда и свой командный состав, и службу. Мы не могли привлекать кубинцев к этому делу потому, что они еще не были подготовлены к эксплуатации ракет. Потребовалось бы большое время, пока они подготовятся. Кроме того, на первых порах мы хотели сохранить абсолютную секретность и считали, что чем больше людей привлекается, тем больше возможность утечки информации. В результате набиралось несколько десятков тысяч человек наших войск. Для управления ими надо было создать штаб. Малиновский как министр обороны предложил утвердить руководителем Плиева. Вызвали осетинского генерала Плиева, и я с ним побеседовал. Он был человек уже больной, но знающий свое дело. Прошел Отечественную войну, да, по-моему, и в гражданской войне поучаствовал. Я его более или менее знал по второй мировой войне в качестве командира кавалерийского корпуса. Умный человек. Плиев сказал, что если будет утвержден, то посчитает для себя за честь поехать на Кубу и выполнить задание, которое на него возлагается.

Когда затем точно подсчитали, что необходимо перебросить на Кубу, было дано задание подумать, какое количество кораблей понадобится, чтобы в максимально короткое время перевезти всю эту технику. Это было поручено работникам армейского и флотского тыла в Министерстве обороны и Министерству морского флота. Они должны были обеспечить выполнение операции. Затем мы решили направить на Кубу нашу военную делегацию. Основная ее задача — проинформировать Фиделя о наших предложениях и заручиться его согласием. При наличии его согласия наши люди должны были осмотреть местность, выбрать точки для расположения ракет и изучить места расположения остальных войск. Одним словом, машина завертелась.

Больше всего нас беспокоило, чтобы наша операция не была раньше времени раскрыта с воздуха. Американцы непрерывно летали над Кубой. А Кубу можно разведывать не только прямыми полетами, но и летать параллельно берегу над нейтральными водами, делая снимки почти всей территории острова. Куба ведь длинная и узкая, поэтому можно так летать и фотографировать ее. Американцы часто проводили наглую политику, бесцеремонно вторгаясь на территорию соседей, да и не только соседей. Они летали там, где считали это выгодным для обороны США, игнорируя суверенитет соседних стран. Нас интересовало, на сколько можно сохранить секретность в таких условиях? Разработали план: что надо сделать, чтобы не допустить преждевременного выявления с воздуха наших замыслов.

Послали туда для переговоров Маршала Советского Союза Бирюзова. С ним я познакомился еще под Сталинградом, когда к нам после окружения войск Паулюса прибыла в подкрепление 2-я Гвардейская армия, чтобы организовать должное сопротивление, если Гитлером будут посланы войска на выручку Паулюса. Эту армию мы тогда поставили на юге, и правильно сделали. Гитлер как раз с юго-запада и двинул туда группу войск под командованием Манштейна. Основной нашей силой на том участке фронта была как раз 2-я Гвардейская армия. Она приняла на себя основной удар врага и нанесла сокрушительный контрудар Манштейну. Гитлер вынужден был вернуть Манштейна назад, тем самым Паулюс был обречен на гибель.

Вот там-то я и познакомился с Бирюзовым, который являлся начальником штаба 2-й Гвардейской армии. Потом он стал начальником штаба Южного фронта, когда я был там членом Военного совета, а Малиновский — командующим войсками. Одним словом, Бирюзова я знал и высоко ценил.

Когда мы договорились о необходимости установки ракет с ядерными головками на острове Куба и заручились согласием Фиделя Кастро, то послали, как я уже сказал, туда военных для продолжения переговоров с Фиделем и для изучения на местности возможностей расположения ракетного вооружения. Мы хотели скрытно поставить ракеты, чтобы США через свою агентуру и воздушную разведку не смогли их обнаружить. Это было очень важное обстоятельство. То есть, мы хотели сосредоточить ракеты на Кубе тайно от США. Нужно было, чтобы США не смогли предупредить нас и высадить прежде того свой десант под американским флагом или флагом кубинских контрреволюционеров. Форма не имела значения, нас интересовала суть: чтобы Куба оставалась при своих революционных завоеваниях и чтобы стала флагманом социалистических стран на Американском континенте, вела бы свое развитие под марксистско-ленинским знаменем. Вот наше желание.

Итак, мы послали туда Бирюзова с соответствующим штатом штабных работников ракетных войск, чтобы они смогли оценить, как лучше расположить ракеты. Они приехали оттуда и доложили нам, что, по их мнению, размещение ракет можно скрыть. Тут проявились невысокие качества этих разведчиков: они наивно считали, что пальмы будут маскировать установку ракет. Дело в том, что мы имели в виду установку ракет только в наземном варианте. Чтобы сделать для них шахты и лучше замаскировать, а самое главное — повысить их устойчивость в боевом отношении, чтобы взрыв бомбы вблизи поставленной ракеты не разрушил бы ее, такого мы, конечно, и в мыслях не имели. Для этого требовалось большое время, а времени у нас не было. Поэтому решили провести работу в два этапа. Сначала поставить ракеты в наземном варианте. Это — простая вещь, потому что все оборудование уже было заготовлено. Надо было только перевезти ракеты и средства установки, а там их, буквально за несколько дней, можно будет поставить. Даже сами ракетные команды могли это сделать.

И вот привезли посланцы такие ободряющие впечатления, что тогда же мы приняли решение о реализации замысла. Большую работу возложили на министра морского флота. Он блестяще справился с этой задачей. Нужно было мобилизовать флот, и только собственный, советский флот. У нас имелись обязательства, как внутренние, так и договорные, по торговым соглашениям о перевозке грузов. Нужно было помимо этого выделить флот, который обеспечил бы своевременную перевозку ракет. Установили сроки (сейчас не помню, какие), и то были максимально короткие сроки. Следовало договориться и с иностранными судовладельцами, чтобы частично зафрахтовать их корабли для перевозки наших обычных грузов. В общем, сложная работа, и эта работа была блестяще выполнена. Все мы заслуженно хвалили за нее министра морского флота.

Наши грузы потекли на Кубу. Корабли шли без отдельного сопровождения. Сопровождающие лица размещались на тех же кораблях. Когда грузили ракеты, то грузилась туда же и команда в штатском, никто в военной форме туда нами не посылался. Но еще раньше мы послали туда войска, которые должны были охранять ракеты, когда они будут поставлены. Эти войска сразу встречали грузы и разгружали их в особых портах, в которые мы не допускали никаких посторонних глаз. Там должны были находиться только глаза советских людей. Мы об этом заранее договорились с Кастро, потому что боялись, что среди кубинцев существует много ненадежных людей. В обычных портах, где скапливается много народа, американские разведчики, безусловно, наблюдают за проходящими грузами. Поэтому первый же корабль был бы засечен и было бы расшифровано, какие прибыли грузы. Мы этого не хотели, и все делалось нашими людьми. Установка ракет на месте проводилась тоже нашими людьми. Охрана

в районах, где устанавливались ракеты, главным образом состояла из наших людей. Одним словом, максимально хотели обезопасить себя от утечки информации, чтобы она не стала достоянием американской разведки.

По-моему, на первом этапе мы с поставленной задачей справились. США не знали, что мы завозим на Кубу ракеты. Потом это стало трудно скрывать. Регулярно потянулись гуськом корабль за кораблем, и эти корабли не заходили в обычные порты, разгружались скрытно. Естественно, разведка должна была сразу же засечь ненормальные явления с транспортировкой и разгрузкой грузов. Если такая секретность соблюдается, следовательно, тут какие-то особо секретные, военные грузы. Американцы стали усиленно работать, чтобы выяснить, какие это грузы. Когда ракеты встали на место, уже не представляло особой трудности узнать, что там были за грузы. И когда мы получили снимки с воздуха, которые были опубликованы американской печатью, то явно было видно, что стоят ракеты класса «земля — земля», то есть для удара с Кубы по США. Американцы правильно расшифровали их. Пресловутые пальмы ничего не прикрыли, и наши «разведчики» постыдно оскандалились.

Кроме того, на Кубу приехало довольно много войск. Хотя эти войска и не появлялись в населенных пунктах, но все же налицо люди, и в населенной местности. Куба ведь не пустыня, не джунгли, а обжитой остров. Видимо, присутствие наших войск не было секретом для населения Кубы, и это тоже демаскировало нашу работу. Но самое главное, поток кораблей. Кроме ракет мы послали туда довольно значительное количество танков, ракеты класса «земля — воздух» и для усиления ракетной техники самолеты Ил-28. То были старые бомбардировщики. Мы уже давно сняли их с производства и постепенно снимали с вооружения. Они считались нами непригодными. Но мы считали, что в условиях Кубы, в условиях простой обороны, они смогут сыграть свою роль. Их можно использовать для береговой охраны. Зато эти самолеты обладали довольно большой скоростью, что-то около 900 километров в час, и несли приличную бомбовую нагрузку. Одним словом, в целом то были хорошие самолеты. Но мы их туда послали немного, лишь несколько штук.

Мы послали туда также катера, вооруженные ракетами, тоже сильное оружие. Потом ракеты береговой охраны. Фактически береговую артиллерию, но более сильную, более прицельную, поражающую цель с одного выстрела: ракеты класса «земля — корабль». С ними тоже прибыли наши команды. Естественно, на Кубе скопилось большое количество наших людей. Очень сложно было переправить атомные заряды. Они шли не вместе с ракетами, потому что атомные заряды, как заявили нам атомщики, нуждаются в особых условиях транспортировки. И мы их отправили на последнем этапе операции. Наш замысел был уже раскрыт, и мы боялись, не проявит ли дерзости военно-морской флот США, не сможет ли он остановить наши корабли и разоблачить нас? Мы даже думали сопровождать корабли, перевозящие атомные заряды, подводными лодками, но все же в конце концов от этого отказались: посчитали, что корабли пойдут под нашим флагом, а этот флаг гарантирует их неприкосновенность. Действительно, такую неприкосновенность американцы соблюдали все время.

Когда американцы разгадали наш замысел и узнали, что мы устанавливаем ракетную технику на Кубе, поднялся невероятный шум в печати. Сразу подняла шум республиканская печать, заговорили деятели республиканской партии, потом к ним присоединились демократы. Они сразу же стали требовать от своего правительства каких-то решительных действий, чтобы не допустить установки ракетно-ядерного оружия на Кубе, дабы русские не угрожали США с Кубы. Приводились и прочие аргументы. Я не буду их сейчас повторять, потому что для этого я должен был бы вернуться к печати того времени, а я такой возможности не имею. Накал дискуссии был очень высокий. Нас запугивали, что США не потерпят этого и будут вынуждены вмешаться, применить оружие и использовать свое военное превосходство в сравнении с Кубой.

Надо иметь также в виду, что мы были очень уязвимы на Кубе

в военном отношении, особенно в то время. Флот у нас был тогда еще не такой, как сейчас. Мы тогда почти не имели подводных лодок с атомными двигателями, да и вообще 11 тысяч километров удаления — это такое расстояние, с которым надо считаться. Кроме того, подплыв наших подводных лодок к острову Куба, как нам докладывали, затруднен. Там множество островов, подводных мелей, рифов, где подводным лодкам трудно проходить. Им надо было плыть в довольно узком пространстве, так что американцы могли, имея сильный надводный и подводный флот, хорошо организовать контроль. Это не такое простое дело, вести военное сражение против США у берегов Кубы. Да мы, собственно говоря, никогда этой цели и не ставили, потому что такая цель просто была чужда нам. Ведь цель установки ракет с ядерным оружием, как я уже говорил, заключалась не в нападении на США, а исключительно ради обороны Кубы. Мы хотели, чтобы США не напали на Кубу, вот и все.

Но политические деятели США, конечно, могли допустить, что мы имеем и крайне агрессивные цели непосредственно в отношении США. А самое главное, им было выгодно вытеснить нас с Кубы. То, что они давно уже сделали в отношении Советского Союза, окружив нас своими военными базами, вооружив их ракетной техникой и построив аэродромы, этого они не принимали во внимание. Империалисты Америки считали, что тут все в порядке вещей, что это их право защищаться от Советского Союза при своем удалении от него в тысячи километров. Но здесь — Куба, буквально у них под носом. И они как бы лишали ее права иметь защиту. Вот их мораль.

Всякая мораль только тогда учитывается империалистической буржуазией, империалистическим лагерем и лишь тогда они придерживаются морали, если мораль подкрепляется силой, возможностью противостоять. Если такой силы нет, то мораль не принимается во внимание. Американцы опирались не на мораль и не искали аналогий в оправдание своих акций. Они это делали и продолжают делать сейчас, но сами никогда за свою историю не переживали подобного, страшно были взволнованы и напуганы. Поэтому они использовали все средства для того, чтобы ликвидировать наши ракеты и устранить угрозу, которую эти ракеты представляли. Причем, довольно серьезную угрозу.

Американцы предупредили нас в неофициальном порядке через каналы, которые у нас тогда имелись с президентом Кеннеди и его доверенными людьми, что они знают, что мы устанавливаем на Кубе ракеты. Естественно, мы всё отрицали. Могут сказать, что это — вероломство. К сожалению, в наше время данная форма дипломатии сохраняется, и мы ничего нового тут не выдумали, а только воспользовались теми же средствами, которыми пользуется противник в отношении нас. Они же нас не предупреждали, что ставят свои ракеты в Турции, что поставили ракеты в Италии и в других странах-членах НАТО. Они отрицали, что ведут против нас разведывательную работу и посылают свои самолеты на нашу территорию.

Когда мы даже сбили один из них, то они и в этих условиях сперва отрицали, что их самолеты летают над нашей территорией. И только когда мы предъявили вещественное доказательство — летчика Пауэрса — и приперли их к стенке, им нечего было сказать, и они вынуждены были признаться. В своем признании они тоже наделали невероятные глупости, усложнили собственную политику. В умах здравомыслящих людей, хотя и буржуазного толка, не укладывалось, как это в мирное время, когда имеются нормальные дипломатические отношения, одна страна явочным порядком заявила о своем праве вести открытую разведку территории другой страны, потому что это служит ее интересам. Именно с таким глупым заявлением выступил президент США Эйзенхауэр, когда мы сообщили, что захватили в плен летчика сбитого американского самолета.

Развернулась большая дуэль посредством печати. Печать США и наша публиковали всяческие заявления и прочее. Этот кризис как раз совпал со временем заседания Генеральной Ассамблеи ООН. Товарищ Громыко, который находился в США, был приглашен государственным секретарем

США Раском, и у них состоялась соответствующая беседа. В том не было ничего необычного. Всегда, когда Громыко бывал на заседаниях Генеральной Ассамблеи, он встречался для бесед с Раском или, ранее, с его предшественниками. Мне потом Громыко докладывал: «Беседа была любезной, но подвыпивший Раск спрашивал: «Наши военные приводят нам данные, доказывающие, что вы ставите на Кубе ракеты. Учтите, что мы не можем вынести это. Создается такое внутреннее положение, мимо которого наш президент не сможет пройти. Здесь складывается опасная ситуация, и поэтому мы хотели бы, чтобы вы ушли с Кубы»».

То было не злобное предупреждение, а в какой-то мере просьба не создавать столь острой ситуации. Потом был обед. За обедом опять изрядно выпили. Дин Раск по время обеда продолжал крутиться с бокалом в руке вокруг да около этой темы. Он допускал такие выражения, что они, дескать, не все пойдут и ни перед чем не остановятся; что у них просто нет другого выхода, и они просят нас все учесть, оценить соответственно ситуацию и принять меры со своей стороны, чтобы не допустить рокового столкновения, которое может состояться, если окажется, что на Кубе действительно установлены ракеты, в чем они убеждены. Ну, тут шла обычная перепалка, когда и тот, и другой собеседник знают о чем говорят, но каждый отстаивает свою точку зрения, ищет моральное и юридическое оправдание своим действиям.

У нас юридических и моральных оснований имелось больше, чем у Раска, в этом не было сомнения. Ведь в то время уже давно стояли американские ракеты с ядерными зарядами и в Турции, и в Италии. Раск понимал это, но усматривал разницу в другом, хотя прямо и не говорил об этом. Он намекал: «Вы-то уже привыкли жить в окружении наших ракет, а мы только что с этим встретились и поэтому получили такой шок. И пока мы не можем выйти из него». Громыко, конечно, все отрицал. На то он и дипломат.

Обо всем этом Громыко доложил нам. Но мы продолжали завершать транспортировку и установку вооружения, продолжали делать свое дело. Тут американцы начали демонстрировать силу. Они сконцентрировали войска у границ Кубы, открыто мобилизовали какие-то резервы, причем довольно солидные резервы. Стали концентрировать авиацию у берегов Кубы, стягивать туда военно-морской флот, наращивать различные военные силы, угрожая нам параллельно все время через печать. А мы продолжали свое дело. Продолжали, основываясь на следующем: во-первых, одно дело — угрожать, другое дело — воевать. Потом, с точки зрения морального и юридического права, они обвинить нас не могли: мы ничего не сделали большего, чем сделали США. Здесь — равные права и равные возможности.

В иностранной печати ощущался большой накал, мы соответственно отвечали, но не так истерично. Истерический же тон был присущ американской печати, и его поддерживали союзники по НАТО. Мы довольно широко информировали свою общественность, хотя и считались с тем, что, конечно, перспектива столкновения вызывала тревогу у нашего народа.

Особенно острый этап кризиса длился шесть-семь дней. Чтобы как-то смягчить обстановку, я предложил членам советского руководства: «Сходим, товарищи, в Большой театр. Сейчас в мире напряженная обстановка, а мы появимся в театре. Наш народ и иностранцы будут это видеть, и это станет действовать успокаивающе. Если Хрущев и другие лидеры сидят в театре в такое время, то можно спокойно спать». Но сами-то мы очень тогда беспокоились. Не требуется большого ума, чтобы начать войну. Мы не хотели войны, не хотели сами иметь жертвы и не хотели наносить потери Америке. А если начнется война? Тогда, как говорится, попал в драку, не жалея волос. Поэтому я тогда одну самую тревожную ночь провел даже в Кремле.

Шел непрерывный обмен письмами с президентом Кеннеди, и я провел ночь в помещении Совета Министров СССР, ожидая, что могут быть срочно переданы тревожные известия, на которые необходимо немедленно реагировать. Были предупреждены и военные. Мы, насколько возможно.

приготовили наши войска. По-моему, сделали даже какие-то заявления относительно усиления нашей боевой готовности. Должен сейчас чисто-сердечно сказать, что это была только демонстрация в печати, чтобы воздействовать на умы американских агрессоров. Практически же мы ничего серьезного не предприняли, ибо считали, что война не разразится и что мы имеем возможность повлиять на возникший накал, чтобы не допустить войны.

Кульминация наступила, когда нам сообщил советский посол в США Добрынин, что к нему пришел с неофициальным визитом брат президента — Роберт Кеннеди. Он так описывал его внешний вид: Роберт выглядел очень усталым, по его глазам было видно, что он ночь не спал, да и сам он потом сказал об этом. Роберт сообщил Добрынину, что вообще шесть дней не был дома, не видел своих детей и жену, что они с президентом сидят в Белом доме и бьются над вопросом о наших ракетах. И добавил: «У нас напряжение очень сильное, опасность войны велика, прошу передать Вашему правительству и лично Хрущеву, чтобы он учел это. Президент готовит обращение через закрытые каналы и очень просит, чтобы Хрущев принял его предложения». Роберт прямо говорил, что положение угрожающее, поэтому президент лично писал это послание.

Роберт заявил также, что президент сам не знает, как выйти из этого положения, а военные оказывают на него сильное давление, настаивая прибегнуть к военной акции в отношении Кубы, и у президента складывается очень сложное положение. Он добавил: «Вы должны учесть особенности нашей государственной системы. Президенту трудно. Даже если он не захочет, не пожелает войны, то помимо его воли может свершиться непоправимое. Поэтому президент просит: помогите нам решить эту задачу». Роберт оставил нашему послу свой телефон и просил звонить в любое время суток.

Мы изучили документ от президента и ответили. Я сейчас не имею под рукой материалов и описываю все исключительно по памяти, хотя в памяти суть дела выступает рельефно. Я это пережил и все хорошо помню, потому что от начала и до конца отвечал в первую голову за эту акцию, был ее инициатором и формулировал всю переписку, которую мы вели с президентом. Для меня служит сейчас утешением, что мы в целом поступили правильно и совершили великое революционное дело, не побоялись, не дали себя запугать американскому империализму. Вот уже сколько лет прошло, а мы видим воочию и радуемся, что революционное дело, возглавляемое Фиделем Кастро, живет и развивается. США, взяв обязательство не вторгаться на Кубу сами и не допускать вторжения своих союзников, пока выполняют это обязательство.

В результате всей переписки, которая велась по официальным и неофициальным каналам, мы пришли к следующему решению и довели его до сведения президента США. Сказали, что выступим публично и будем настаивать на следующем: чтобы избежать конфликта, ставим перед президентом Кеннеди условие, чтобы он принял обязательство не вторгаться на Кубу, если мы выведем оттуда ракеты и другое вооружение, за исключением обычного.

Американцы и не требовали от нас вывода обычного вооружения. Это и невозможно было требовать, потому что мы бы так не сделали. Это президент США понимал. Мы считали, что бомбардировщики Ил-28 — обычное вооружение, и не хотели их выводить. Но потом вынуждены были согласиться с Кеннеди и их вывели тоже, чтобы не дразнить гусей. В сложившейся обстановке они ведь не имели особого значения. Если говорить о боевых заданиях, которые могли выполнять эти бомбардировщики, то наши современные истребители, которые находились на Кубе, могли с успехом заменить их. Здесь не возникло никакой потери в смысле боевых возможностей, а мы демонстрировали свою добрую волю. Мы знали, что президент заручился перед своими военными, что будет непреклонно настаивать на выводе бомбардировщиков и что добьется этого. И мы пошли на уступки и согласились вывести Ил-28 с Кубы.

Американские корабли начали тоже отходить и очистили воды Кубы. Но их самолеты продолжали облеты острова, и это буквально с ума сводило Фиделя. Когда были опубликованы два послания — наше к Кеннеди и его к нам, в которых говорилось о выводе ракет с Кубы и обязательстве США не допускать вторжения туда как своими вооруженными силами, так и силами их союзников, — Кастро не понял всей глубины дела, которая была заложена в нашей акции, не понял политического маневра. Он даже перестал принимать нашего посла. Когда мы говорили о союзниках США, то имели в виду наемников из латиноамериканских стран. А там имеется много головорезов, которых легко можно завербовать, если США дадут денежные средства и вооружение. Поэтому мы считали, что такое обязательство президент США должен взять лично на себя. Он взял его и опубликовал соответствующее заявление.

Тут сразу началась критика слева, что формулировки Кеннеди недостаточно точны. Печать Китая тотчас же заявила, что это с нашей стороны предательство, трусость, капитуляция. А что было делать? Доводить игру до войны? Китайцы упирали именно на это, но мы, естественно, считали, что это глупость. Чтобы довести до войны, большого ума не требуется. Я уже не раз говорил, что войну и дурак начнет, а вот умному потом трудно ликвидировать войну. Мы не хотели ее. Я и сейчас считаю, что мы поступили абсолютно правильно, уведя наши ракеты с Кубы. И мы стали письменно объяснять Кастро свою позицию. Он очень нервничал, разносил нас, если можно так выразиться.

Тогда я предложил откомандировать на Кубу Микояна. Зная Микояна много лет, я считал, что его дипломатические качества в этом случае будут очень полезны. Он обладает хорошими нервами, спокоен, многократно может повторять одну и ту же аргументацию, не повышая тона. Это имеет большое значение, особенно в переговорах с таким горячим человеком, как Фидель. Кроме того, Микоян уже бывал на Кубе, и его там немножко знают. Одним словом, мы послали Микояна к Фиделю. Через несколько дней Микоян вернулся и доложил, что Кастро очень взволнован, что с ним трудно вести любые переговоры. Любая аргументация не доходит до его сознания. В течение всех переговоров он настаивал, что наша акция очень вредна, что она принесет вред всему социалистическому лагерю. Кроме того, Фидель требует, чтобы американцы ушли с их военной базы в Гуантанамо.

Тогда у нас сложилось впечатление, что, несмотря на ясное изложение нашей цели перед Фиделем, он, видимо, не понял ее. Потом, во время новых бесед, когда он дважды приезжал в Советский Союз, это подтвердилось. Тогда он приезжал настроенным уже по-другому, и обстановка у нас была исключительно теплой. Она позволяла нам откровенно обмениваться мнениями. То был уже пройденный этап, мы могли оглянуться, разобрать и проанализировать прежний инцидент. И когда мы разговаривали с ним, я видел, что теперь Кастро нас понимает.

Мне хотелось бы здесь вернуться назад и сказать еще несколько слов о драматическом дне, когда принимались самые ответственные решения за весь период Карибского кризиса. В самый разгар событий, после получения доклада Добрынина о визите к нему Роберта Кеннеди, я продиктовал вариант телеграммы президенту Кеннеди, в которой мы выражали готовность пойти на уступки (в смысле вывода наших ракет). Только я продиктовал эту телеграмму, ее отпечатали, и мы должны были обсудить ее в коллективе руководства, чтобы принять текст и отправить ее, как мы получили телеграмму от нашего посла, в которой он передавал послание нам Кастро. Фидель сообщал, что по достоверным сведениям, полученным им, США вторгнутся на Кубу через несколько часов.

Нужно сказать, что и мы имели аналогичные сведения: наша разведка сообщила, что подготовлена такая высадка и вторжение неизбежно, если мы не договоримся с президентом Кеннеди. Возможно, эти сведения были подброшены нам американской разведкой. Они ведь часто знают наших разведчиков. Поэтому нередко случается подбрасывание тех данных, кото-

рые той или другой стороне хотелось бы довести до сведения противной стороны. Самым главным в сообщении Фиделя было не то, о чем ему сообщили, а его вывод: он считал, что раз нападение неизбежно, то необходимо упредить его, и предложил, чтобы не дать вывести нашу ракетную технику из строя, немедленно нанести первыми ракетно-ядерный удар по США.

Когда нам это прочитали, мы, сидя в молчании, долго смотрели друг на друга. Тут стало ясно, что Фидель совершенно не понял нашей цели: он полагал (а когда позже я разговаривал с ним, он это подтвердил), что мы ставим там ракеты не в интересах Кубы, а преследуем военные цели именно в интересах Советского Союза и всего социалистического лагеря, то есть хотим использовать территорию Кубы как базу под боком у США, поставить ракеты и нанести по США удар этими ракетами. Верно, конечно, что это — очень хороший плацдарм для внезапного удара ракетами. Но мы-то совершенно не хотели такого удара, вообще не хотели начинать войну. Такой удар — это начало войны, мы же хотели только исключить вторжение на Кубу со стороны США и ликвидацию ими нового общественного строя, который установился на острове после свержения Батисты. Вот что было нашей целью, а вовсе не начало войны. Если бы на Кубу вторглась хорошо вооруженная армия США, а не разрозненные силы кубинских контрреволюционеров, то Фидель не смог бы устоять.

После того, как Микоян вернулся с Кубы, я сказал, что надо послать Фиделю письмо. И я приготовил большое письмо, в котором откровенно изложил все свои мысли. Там я писал: главный смысл Карибского кризиса состоит в том, что он, собственно говоря, сам собою благословил существование социалистической Кубы. Если бы Куба не прошла через такой кризис, то маловероятно, чтобы американцы не организовали нового вторжения для ликвидации социалистического строя. А сейчас США сделать это очень трудно. Пронесся сильный накал страстей, мы обменялись обязательствами, и вдруг после этого Америка вторгается? В этом случае у Советского Союза остается право напасть в ответ на США. (Так там и было написано.) Поэтому Кеннеди не пойдет на это. Сейчас мы добились существования социалистической Кубы еще на следующие два года, пока Кеннеди сидит в Белом доме. Но у нас складывается мнение, что Кеннеди будет избран и на второй срок. Следовательно, это еще четыре года. Итого: шесть лет. Шесть лет прожить в наше время — немалый срок. Тогда уже сложится иное соотношение сил. Оно все больше меняется в пользу социализма.

Потом я рассказывал Фиделю, о чем я спросил министра обороны СССР Малиновского: «Как Вы считаете? Зная вооружение и численность вооруженных сил Кубы, если силы вторжения туда будут иметь вооружение, которое имеют США или мы, сколько времени надо будет затратить, чтобы разгромить силы Кубы?» Малиновский, подумав, ответил: «Двое суток». Когда я сказал об этом Фиделю, он очень разгорячился и стал доказывать, что это неправильная оценка и что Советский Союз не допустил бы этого. Я остановил его: «Это Вы так говорите. А я согласен с Малиновским. Он правильно оценил соотношение сил. Пусть не двое суток, а трое или четверо. Во всяком случае, за это время основные очаги сопротивления были бы подавлены, а Вы ушли бы в горы, потом продолжалась бы партизанская война. Возможно, она тянулась бы годы, но главное-то было бы сделано: было бы создано буржуазное, контрреволюционное правительство, которое занялось бы подавлением очагов революции, если бы они сохранились, и охотой за носителями марксистско-ленинских идей. Вот какое возникло бы положение. Поэтому мы и хотели не войны, а хотели мира, чтобы Куба могла использовать мирные условия для углубления революции, развития хозяйства и перестройки его на социалистических основах, закладки фундамента коммунистического строительства».

Мы исходили только из этих позиций и ставили свои ракеты не для нападения на США и не для того, чтобы через Кубу вмешаться во внутренние дела США. Если здраво разбираться, это просто нереально. Для тех,

кто хоть немного смыслит в военных делах, известно, что мы могли бы нанести удар, и он оказался бы очень сильным. Но и США, конечно, нанесли бы ответный удар, и не менее сильный, а может быть даже более сильный. Мы отлично знали, что в то время США превосходили нас в количестве единиц ядерного оружия и бомбардировочной авиации. У них имелось еще мало ракет, особенно межконтинентальных. Но и у нас межконтинентальных ракет тоже было тогда немного. Мы имели достаточное количество стратегических ракет с дальностью действия 2 тыс. километров. У нас их имелось столько, что мы, согласно своему оперативному плану, покрывали все вражеские объекты, по которым нужно было бы в первые дни войны нанести удар. Да, мы имели такую возможность. Но я опять говорю, что мы не преследовали цель начала войны, а Фидель нас просто не понял.

Когда я с ним встретился позже и мы с ним беседовали на берегу Черного моря, он мне говорил: «Вы знаете, меня рассердило и обидело, почему Вы дали согласие президенту вывести свои бомбардировщики и ракеты, не посоветовавшись с нами». Я ответил: «Неверно, товарищ Кастро. Мы с Вами советовались». «Как? В чем выразился этот совет?» «Вы прислали нам телеграмму, что через столько-то часов начнется вторжение США на Кубу. Вы предложили упредить вторжение нанесением ракетно-ядерного удара по городам США. Но мы не хотели начинать мировую войну. Час начала вторжения был Вами указан. Так что не имелось времени направить Вам наше послание и получить ответ. Мы должны были принять решение сразу. Так как Вы категорично заявили, что у Вас есть неопровержимые сведения и что состоится вторжение, мы были вынуждены предпринять немедленные шаги, которые исключили бы это вторжение. Мы их сделали и получили ответ президента США.

Трудно говорить, насколько вообще можно верить людям. Но я считаю, что слову, данному президентом США Кеннеди, можно верить, что он свое слово будет держать и его не нарушит. Ваши и наши враги подогревают атмосферу, сталкивают нас с США. Конечно, мы с США — антагонисты. США — капиталистическая страна, мы — социалистическая. Борьба между нами, конечно, будет продолжаться. Это естественный процесс. Каждая страна будет делать со своей стороны все, чтобы ее идеология победила. Но в этой борьбе мы стоим не на военных позициях, а на позициях соревнования, завоевания умов людей на основе борьбы идей. Мы должны привлекать к себе сторонников перспективой лучшей жизни для трудового народа, а не путем войны, истребления, военного подчинения. Мы против этого.

Мы твердо стоим на ленинских позициях, китайцы же занимают сейчас другую позицию, поэтому они и подогревают нас, хотят столкнуть с США. А я, товарищ Фидель, заявляю Вам и утверждаю с тою лишь оговоркой, с какой можно ручаться за человека других политических взглядов, что верю Кеннеди как человеку и как президенту. Он сдержит слово, которое дал нам. У нас есть в запасе, по крайней мере, два года, которые ему осталось еще провести в Белом доме. Конечно, когда в США придет другой президент, он может нарушить такое обещание. Но это уже другой вопрос. Думаю, что по истечении первого президентского срока Кеннеди вновь выставит свою кандидатуру, и она будет поддержана народом. Народ его изберет вторично, потому что из всех президентов США, которых я знавал, Кеннеди — человек с наиболее высоким интеллектом, умница, резко выделяющийся на фоне своих предшественников.

Я никогда не встречался лично с Франклином Рузвельтом. Может быть, Рузвельт превосходил его. Считаю, что Кеннеди будет переизбран еще на четыре года. То есть, будет не два, а шесть лет, шесть лет гарантии мирного сосуществования и развития Кубы в мирных условиях, шесть лет ее государственного и экономического строительства на социалистических началах, роста хозяйства, военного и культурного, упрочения всех других благ. Через шесть лет положение изменится, и следующему президенту, который придет на смену Кеннеди, будет очень сложно что-либо пред-

принять в этой плоскости. Вторжение не будет уже безнаказанным. Думаю, что тогда никто и не посмеет пойти на него. В то время появится совершенно иное соотношение сил в мире между странами социализма и капитализма».

Кастро улыбнулся: «Ну, если нам дадут шесть лет, тогда другое дело. Но я-то думаю, что Кеннеди не выдержит, и нарушит свое слово». Я ответил: «Конечно, за президента США дать ручательство я не могу и не исключаю, что в конечном итоге, может быть, я ошибаюсь в оценке и понимании этого человека, что он способен на вероломство. Однако думаю, что все-таки этого не случится». Кастро повеселел. Тогда я добавил: «А что получилось бы, если бы мы этого не сделали? Война, вторжение на Кубу. Вот Америка шумела, что мы отступили; что русские струсили; что персонально Хрущев струсил. Американцев поддерживали в этом албанцы, а особенно китайцы. Товарищ Кастро, надо же реально оценить, кто выиграл и кто проиграл в ходе акции, о которой мы договорились с президентом. Нужно проанализировать позицию каждой стороны на такой основе. С одной стороны, мы действительно вроде бы проиграли: отступили. Можно квалифицировать это и такими словами, как трусость и т. п. Но от слова суть дела не изменится.

Факт, что мы привезли ракеты, поставили их, потом возник кризис, пошли переговоры, переписка, и в результате мы эти же ракеты увезли. Зачем же мы везли ракеты, если потом пришлось их увозить? К чему везли? Если мы их туда везли, преследуя лишь свои цели, следовательно, империалисты США нас принудили к тому, запугали и подчинили себе. Для механического мышления тут, казалось бы, несложная схема, чтобы сделать вывод.

Но надо вопрос смотреть в корень, как говорил Козьма Прутков. Корень же заключается в том, что существовала Куба, где ранее президентом был Батиста. Та Куба, которая являлась, собственно говоря, колонией США, где безраздельно господствовал монополистический капитал. Гавана была городом, куда империалисты приезжали проводить свой досуг и давать себе волю в удовлетворении своей похоти. Теперь Батиста свергнут, новые люди пришли к власти, создали революционное правительство. Вы перестраиваете Кубу на социалистических началах, и вот развернулось вторжение. Вы его отбили. Но разве можно думать, что кубинская контрреволюция на этом успокоится? Что с этим примирятся монополисты, которые потерпели поражение и вынуждены оставить Кубу? Вы воспользовались их капиталами и национализировали их. Значит, повторная угроза сохранялась. Вы это признаете?» «Конечно!».

«Рассуждаем дальше. Поставили ракеты, чтобы предотвратить эту угрозу, а затем их вывезли, взяв нужное слово с президента США. Я Вам уже говорил, что верю — он сдержит свое слово и выполнит обязательство, которое взял на себя как президент. Это обязательство не только его личное, но и обязательство страны, правительства США не вторгаться на Кубу и не допускать вторжения их союзников. Лишь в результате такой договоренности мы вывезли ракеты, и я считаю, что получилось очень хорошее решение. Чтобы сохранить революционную Кубу во главе с Фиделем Кастро, мы поставили ракеты, вызвали военный шок у руководства США и вырвали нужное нам обязательство. Под это обязательство мы и вывезли эти ракеты и вместе с ними устаревшие бомбардировщики. Считаю, что уплатили дешевую цену.

Правительства капиталистических стран все оценивают в долларах. Так вот, если рассмотреть вопрос именно в долларах, то налицо выгодная операция. Мы понесли затраты только на транспортировку военной техники и нескольких тысяч наших солдат. Вот Вам стоимость гарантий независимости Кубы. Мы не пролили там крови, ни своей, ни других народов, не допустили войны, не допустили разрушений, отравления атмосферы. Я горжусь этим. Пройдет время, и эта истина станет всем ясна». Некоторые опять могут сказать: «Все-то он якает». И я им отвечаю: да, ибо это я в данном случае взял на себя ответственность, проявил инициативу и провел акцию при поддержке моих коллег, в коллективе

которых я работал. Если бы они были против, я, конечно, не мог бы это осуществить. Но я был как бы двигателем этого дела, брал на себя большую долю ответственности и, возможно, в большей степени, чем другие, переживаю радость от успешного завершения операции.

Я был очень доволен, что Кастро теперь согласился со мной. В те дни, когда он находился в СССР и мы с ним беседовали, в США выступил руководитель контрреволюционного кубинского отребья, которое, видимо, и сейчас подкармливается в США. Он открыто выступил с критикой действующего правительства США, критиковал Кеннеди за то, что тот, дав слово поддержать вторжение, не сдержал его, а вместо того дал обязательство Хрущеву не поддерживать и не допускать нового вторжения на Кубу. Кастро хорошо знал этого выступавшего и сказал мне: «Я лично с ним знаком. Он наш непримиримый враг, но говорит правду. Если он сказал, что такое обязательство было взято США, а потом не выполнено, следовательно, Вы правы в своих рассуждениях, потому что выполнению этого обязательства помешал Советский Союз своевременной установкой ракет. Слово президента — это все равно, что договор».

Между прочим, любопытной была и другая часть нашего диалога. Я ему говорю: «Вы хотели начать войну с США. Зачем? Ведь если бы началась война, то мы бы еще выжили, но наверняка не существовала бы Куба. Она была бы стерта в порошок. А Вы предложили нанести превентивный атомный удар!» «Нет, я не предлагал». «Как не предлагал?» Переводчик говорит: «Фидель, Фидель, ты мне лично сам говорил об этом». Он опять настаивает: «Нет!» Тогда мы начали сверять документы. Счастье, что Фидель заявил это нам не устно, а послал документ. Переводчик ему показывает: «Как понимать вот это слово? Это — война? Удар?» Он растерялся. Да, Фидель в то время был очень горяч. Мы поняли, что он даже не продумал очевидных последствий своего предложения, ставившего мир на грань гибели.

У нас тогда установились хорошие отношения с президентом Кеннеди. Я ему доверял в том смысле, что взятое слово он сдержит. Вот это я и говорю теперь о Карибском кризисе. Повторяю, это был с нашей стороны правильный ход. Правильно мы сделали, что поставили ракеты, и потом опять правильно сделали, что не полезли в бутылку, когда кризис назрел и нас наши «друзья» стали упрекать, что мы трусим, вывозя ракеты. Они хотели спровоцировать нас, чтобы мы начали войну. Тем самым они достигли бы своей цели: мы с США взаимно истребляем друг друга и разрушаем экономику. Но мы не струсил в душе, не побоялись таких обвинений, а, трезво оценив обстановку, приняли верное решение. И я горжусь этим.

В процессе переговоров США поставили дополнительно еще некоторые несущественные условия: они хотели, чтобы мы дали право проконтролировать их людям, действительно ли мы вывезли ракеты, то есть побывать там на месте и посмотреть. Мы такое обязательство взять на себя не смогли, потому что там — территория Кубы, и мы не имеем никакого отношения к тому вопросу, кому будет разрешено поехать на Кубу. Мы сказали, что тут не наша компетенция: мы можем распорядиться своим имуществом, ибо мы его завезли и мы же его вывозим, но вопрос о допуске на остров решает правительство Кубы. Фидель же сразу и резко заявил, что ни в коем случае не пустит туда американцев. Тогда У Тан, умный человек, желая облегчить ситуацию и ликвидировать напряженность, чтобы ее острота протекала по затухающей, обратился с просьбой, чтобы лично ему разрешили приехать на Кубу. Однако Фидель не позволил и ему.

Когда я встретился с Фиделем, то сказал: «Хорошо, что Вы непустили американцев. Правильно поступили, потому что они могли бы посчитать, что Вы струсил. Одно дело — обвинять Советский Союз в трусости. Мы-то страна большая, и умный человек правильно поймет, что нам нечего трусить. А Куба страна маленькая. Поэтому думаю, что Вы правильно сделали. Но отчего же Вы не использовали новую возможность и не разрешили прилететь У Тану? Он прилетел бы, Вы бы с ним побеседовали, и он поехал бы посмотреть, как вывозят ракеты. Вы тогда сумели бы использовать Организацию Объединенных Наций в свою пользу, У Тан

стал бы на Вашу позицию и защищал бы Вас в пределах тех возможностей, которые вытекают из его положения как Генерального секретаря ООН. Вы же его оттолкнули, бросили в общую кучу американских империалистов и У Тана. Считаю, что Вы сделали ошибку». Кастро ответил: «Да, я согласен, я просто погорячился. Такое у меня было состояние, что я не учел тех аргументов, о которых Вы мне сейчас говорите».

Главным в описываемых событиях оказалось то, что мы не дали себя одурачить, не отступили в столь нервной, горячей обстановке далее положенного, не переступили грань дозволенного. Тут сказалась выдержка обеих сторон. Ведь этот кризис дошел до высшей точки кипения. Мы были близки к войне, стояли на грани войны. Все могло случиться. Хочешь ты или не хочешь, а раз один выстрелил, то другой ответит. Но мы не допустили катастрофы. Помимо обязательства не вторгаться на Кубу президент США дал также слово, что когда мы вывезем свои ракеты с Кубы, то США уберут свои ракеты из Турции и Италии. Кеннеди просил нас, чтобы мы пока никому не говорили об этом. Мы-то хотели, чтобы это как-то было зафиксировано в документах. Он ответил, что он по своему положению каких-то письменных обязательств дать не может. Более того, сказал следующее: «Если Вы не удержите в секрете это мое заявление и оно просочится в печать, то я дам опровержение. Но я даю Вам честное слово!» И он действительно убрал ракеты из Турции и Италии, хотя вывез их не только потому, что мы согласились вывезти свои ракеты с Кубы, но главным образом потому, что ракеты, которые стояли в Турции и Италии, устарели.

Если бы не произошло Карибского кризиса, США все равно бы увезли оттуда ракеты, потому что к тому времени отпала необходимость иметь такие ракеты в данных точках Земного шара. США уже имели тогда достаточное количество межконтинентальных ракет, которые стояли на собственной территории. Там они лучше охраняются, имеют лучше оборудованные позиции и лучше замаскированы. Их команды тоже находятся дома. Все это дает большие гарантии. Во-вторых, появились атомные подлодки, вооруженные ракетно-ядерным оружием, то есть подвижные установки. В Средиземном море находится 6-й флот США, там курсируют их подлодки, как и в других морях и океанах. Зачем же держать ракеты на чужой территории, когда есть своя команда и свой подвижной старт? Он менее уязвим и всегда готов к бою. Техника развивается, и она дала теперь лучшие решения взамен того, что США имели прежде, когда располагали ракетами в Турции и Италии.

Мы тоже располагаем сейчас такими возможностями, и у нас имеется достаточное количество межконтинентальных ракет. У нас есть также подводный флот, вооруженный ядерным оружием. Сейчас я уже много лет не нахожусь у руля руководства страной, но знаю, что оставалось в СССР, когда я уходил на пенсию. И я предполагаю, сколь высокого уровня достигла сейчас наша техника в этой области. Поэтому с точки зрения США они правильно поступили, что вывезли свои ракеты из Турции и Италии. Здесь в стратегии США ничего не изменилось. Теперь они угрожают нам с подводных лодок, вооруженных ядерными ракетами. Но и мы сейчас имеем подводный флот с атомными двигателями, вооруженный ядерными ракетами. Поэтому если нам нужно угрожать какой-то точке в США, то мы всегда имеем возможность послать к тому берегу подлодки с атомными двигателями и ракетами с ядерными зарядами. Этим мы не только сполна компенсируем мощь, которую представляли ракеты, вывезенные из Кубы, но и во много раз превосходим ее.

Я читал в журнале «За рубежом» за 1968 г. статью, в которой зарубежный автор вспоминает о Карибском кризисе. В этой статье описывается убийство президента Кеннеди. Статья, кажется, называется «Шесть секунд». В ней прямо ставится вопрос: кто убил президента? Кто эти люди? Там указывается на то, что в ходе разрешения Карибского кризиса президенту США надо было дать заверение в том, что вторжение на Кубу не будет допущено ни силами США, ни их союзниками. Это, как пишет автор, озлобило кубинскую контрреволюцию, и она стала участницей заговора

и убийства Кеннеди. Следовательно, в статье дается ответ на вопрос, кто же потерпел поражение в споре о том, быть Кубе революционной или вернуть ее на капиталистические рельсы, на которых она стояла при Батисте.

Тогда некоторые говорили, что потерпел поражение Советский Союз. А теперь результаты наших действий оцениваются уже правильно. Войны не возникло. Происходило сражение за право кубинского народа устраивать свою жизнь так, как он считает нужным, без вмешательства извне. Мы стояли на этой позиции и стоим сейчас. В интересах сохранения революционных завоеваний на Кубе поставили там ракеты, стремясь, чтобы контрреволюционные силы трезво оценивали обстановку и понимали, что если они позволят себе вмешательство в дела Кубы, то наши ракеты могут быть приведены в действие. А когда мы договорились, что президент США дает слово, если мы вывезем ракеты, не допустить вторжения, получился хороший пример на будущее. Мы разрешили мирным путем такой кризис, который мог разразиться войной.

Подобные кризисы могут возникнуть и в будущем, потому что сейчас существуют в мире две противоположные системы: капиталистическая, базирующаяся на частной собственности, частном капитале, и социалистическая. Эти системы антагонистичны, и приходится это учитывать. Сейчас для империалистических стран прошли времена диктата, когда они могли безнаказанно вторгаться куда угодно и подавлять революционные восстания. Если это еще не осознали все те, кому следует осознать, то их действия могут привести к трагическим последствиям, и тогда столкновение станет неизбежным.

Если же будет признана всеми формула мирного сосуществования, а это означает не вмешиваться во внутренние дела других государств ни с какой стороны и признать, что вопросы внутреннего политического устройства решаются только народом данной страны, то это станет святой святых. И если такая формула внедрится в сознание тех, кто определяет в мире политику, это может сохранить надолго мир на Земле. Иначе мы всегда будем жить, как на вулкане, и станем чувствовать себя, как жильцы дома, в котором заложены мины замедленного действия. Сейчас наше правительство, а я убежден в этом, стоит на тех же позициях, которые мы занимали, когда я находился во главе него: политика мирного сосуществования, мирного соревнования, невмешательства в дела других стран.

В нынешнем обострении международного положения я виню в первую голову капиталистические страны. Видимо, это неизбежно, раз существуют антагонистические отношения между классами и между странами с разными социально-политическими устройствами, странами социализма и странами капитализма. Правительства капиталистических стран никак не могут трезво оценить сложившуюся ситуацию, понять, что народились новые силы; что во всем мире бушуют социально-политические бури, с которыми невозможно бороться средствами подавления. Все устаревшее, отжившее неизбежно обречено на гибель. История скажет здесь свое слово, и она неумолимо шествует в этом направлении.

На этом я должен закончить рассказ о Карибском кризисе. Это были очень интересные, весьма показательные события, потому что тут две крупнейшие страны как бы столкнулись лбами. Казалось, неотвратима военная развязка. И мы уже поставили на старт свои боевые средства, а США окружили остров боевыми кораблями, сосредоточили пехоту и авиацию. Но мы показали, что если руководствоваться разумными целями и желанием не допустить войны, решать спорные вопросы путем компромисса, то можно найти такой компромисс. Победил разум. Поэтому в моей памяти сохраняются наилучшие воспоминания о покойном президенте США. Он проявил трезвость ума, не дал запугать себя, не позволил опьяниться мощью США, не пошел ва-банк. Не требовалось большого ума, чтобы развязать войну. А он проявил мудрость, государственную мудрость, не побоялся осуждения себя справа и выиграл мир. Вот это я и хотел рассказать. Думаю, что верное понимание позиций друг друга, из которого мы исходили, было единственно разумным в сложившейся ситуации.

(Продолжение следует)

Российская монархия, реформы и революция

А. А. Искендеров

Глава третья. *Первый российский парламент*

Теплым ранним утром 27 апреля 1906 г. мать Николая II Мария Федоровна прибыла из Гатчины в Петергоф, чтобы вместе с августейшим семейством отправиться на яхте «Александрия» в Санкт-Петербург, где в этот день проходили торжества по случаю начала работы Государственной думы — первого российского парламента. По прибытии в столицу члены императорской семьи пересели на паровой катер «Петергоф», который доставил их в Петропавловскую крепость. Здесь в усыпальнице императоров российских была отслужена литургия, после чего августейшие особы направились в Зимний дворец.

Тем временем к дворцу начали стекаться многочисленные гости, приглашенные отметить столь знаменательное для России событие. На фоне великосветской публики, заполнившей просторные залы дворца и блиставшей своими нарядами и драгоценностями, народные избранники выглядели более чем скромно. Простые поддевки и скромные пиджаки явно выпадали из общей картины праздничной торжественности и всеобщего великолепия.

В два часа пополудни в Георгиевском тронном зале, где собрались высшие сановники и члены императорской фамилии, в сопровождении высоких придворных чинов появился государь. Торжественно вынесли императорские регалии: корону, скипетр, державу, государственный меч, государственное знамя и государственную печать. Российское знамя нес известный монархист граф А. П. Игнатьев, который до конца дней своих так и не мог примириться с мыслью, что Россия по примеру западных стран может пойти по пути становления конституционного строя, что, по его мнению, противоречило самой природе и историческим традициям российского государства. Николай II был в парадном мундире лейб-гвардии Преображенского полка, к которому он был приписан в звании полковника. Широкая Александровская лента через плечо и орден св. апостола Андрея Первозванного на цепи еще более подчеркивали торжественность момента. За императором проследовали вдовствующая императрица Мария Федоровна, на которой было светлое платье и соболя, и государыня Александра Федоровна в светлом русском платье, расшитом золотом. Великие князья и великие княжны завершали шествие.

Слева от трона расположились депутаты Государственной думы, справа — члены Государственного совета. Здесь же стояли премьер-

Продолжение. См. Вопросы истории, 1993, №№ 3, 5.

министр И. Л. Горемыкин, члены его кабинета, сенаторы, другие высокие гражданские и военные чины, а также представители романовской династии. В своей тронной речи император сказал: «Всевышним Промыслом врученное мне попечение о благе отечества побудило меня призвать к содействию в законодательной работе выборных от народа. С пламенной верой в светлое будущее России я приветствую в лице вашем тех лучших людей, которых я повелел возлюбленным моим подданным выбрать от себя. Трудная и сложная работа предстоит вам. Верю, что любовь к родине, горячее желание послужить ей воодушевят и сплотят вас. Я же буду охранять непоколебимыми установления, мною дарованные с твердою уверенностью, что вы отдадите все свои силы на самоотверженное служение отечеству для выяснения нужд столь близкого моему сердцу крестьянства, просвещения народа и развития его благосостояния, памятуя, что для духовного величия и благоденствия государства необходима не одна свобода,— необходим порядок на основе права. Да исполнятся горячие мои желания видеть народ мой счастливым и передать сыну моему в наследство государство крепкое, благоустроенное и просвещенное. Господь да благословит труды, предстоящие мне в единении с Государственным советом и Государственной думою, и да знаменуется день сей отныне днем обновления нравственного облика земли русской, днем возрождения ее лучших сил. Приступите с благоговением к работе, на которую я вас призвал, и оправдайте достойно доверие царя и народа. Бог в помощь мне и вам»¹.

После официального приема народные избранники прямо из Зимнего дворца направились в Государственную думу на свое первое заседание. На всем пути следования к Таврическому дворцу их приветствовала ликующая многотысячная толпа. Отовсюду неслись громкие возгласы ободрения, народных депутатов призывали проявить твердость и решимость в отстаивании прав и свобод народа. Когда пароходы с членами Государственной думы на борту проплывали мимо «Крестов», из окон этой мрачной тюрьмы, где содержались преимущественно политические заключенные, тянулись десятки рук, размахивавшие белыми платками. Казалось, что в петербургское небо вдруг взметнулись сотни белых голубей. Из уст в уста передавалось объединявшее всех слово: «амнистия». Этим призывом многочисленная толпа встречала народных избранников, когда они сходили на берег. Многих из них узнавали. Особенно популярны были такие видные земские деятели, как И. И. Петрункевич и Ф. И. Родичев. Последнего толпа несла на руках до самого здания Государственной думы². А между тем это их имел в виду Николай II, гневно осуждавший в своей речи 17 января 1895 г. «бессмысленные мечтания» об изменении существующих в стране порядков.

Политическая активность улицы была столь велика, что существовала реальная опасность, как бы волнения толпы и ее революционный натиск на Думу не опрокинули демократический корабль еще до того, как он начнет свое трудное плавание по беспокойному морю российской политической жизни. Сами депутаты, наэлектризованные настроениями масс, нередко даже не замечали грани между митингом и нормальной, кропотливой думской работой. Многие депутаты видели в этом серьезную угрозу демократии, которая, едва зародившись, могла погибнуть в самом своем зародыше. Как отмечал член I Государственной думы М. М. Винавер, все планы, связанные с нормальной работой Думы, 27 апреля чуть было не оказались дотла уничтоженными. «И случилось это,— писал он,— не под влиянием тронной речи, содержание которой, если и не внушало радостных надежд, то и не внесло, во всяком случае, раздражения. Фактором, грозящим опрокинуть вверх дном все сооружение, оказалась улица,— крики, которые неслись к плывущим на пароходах депутатам с набережных и с мостов, белые платки, развевавшиеся из окон «Крестов», наконец, этот густой шпалер людей, стискивавший депутатов на коротком расстоянии

между пристанью и Думою, лобызавший их, жавший им руки, прижимающий их к сердцу и оглашавший воздух стоном: «амнистия». Кулуары Таврического дворца, когда мы в них оказались наконец, представляли картину необычайного волнения: обычно спокойные люди бегали, размахивали руками, отмахивались от всяких спокойных увещаний»³.

К открытию I Государственной думы были завершены все необходимые приготовления в Таврическом дворце, который отныне становился местом проведения ее заседаний и деятельности всех ее учреждений. Этот роскошный дворец, воздвигнутый по повелению Екатерины II и подаренный ею Потемкину за его активное участие в покорении Крыма и присоединении его к России вместе с пожалованием ему титула светлейшего князя Таврического, по форме напоминал римский пантеон, этакую величественную ротонду, перекрытую полусферическим куполом. Несмотря на свою грандиозность, здание не выглядело слишком помпезным, очевидно, благодаря тому, что зодчим удалось удивительно точно и гармонично определить его пропорции.

Некоторое время спустя Екатерина II решила выкупить понравившийся ей Таврический дворец, заплатив его владельцу почти полмиллиона рублей. Однако в 1791 г., когда русско-турецкая война шла к завершению, Потемкин, который был главнокомандующим русской армии, победителем въехал в Петербург, императрица наряду с другими высокими почестями возвратила князю и Таврический дворец. По этому случаю было устроено грандиозное пиршество с участием самой императрицы.

После смерти Потемкина дворец перешел в собственность государства, которое распоряжалось им по своему усмотрению. Один из флигелей был предоставлен Н. М. Карамзину, которому покровительствовала супруга Павла I — императрица Мария Федоровна. Здесь он прожил несколько лет, работая над последними томами «Истории государства Российского». Здесь же и скончался 23 мая 1826 года.

Постепенно кулуары дворца, никогда прежде не знавшие столь шумных дебатов, опустели, и депутаты перешли в зал заседаний, где расположились по фракциям, в строгом соответствии со своими взглядами и политическими позициями. Места в центре зала с первого до последнего ряда были отведены самой многочисленной фракции — членам партии народной свободы — кадетам и выступавшим в блоке с ними трудовикам. Скамьи, расположенные справа от президиума, предназначались для депутатов право-консервативного блока, а места слева от президиума заполнили депутаты, придерживавшиеся левых убеждений.

Исходя из партийного и сословного состава депутатского корпуса I Государственную думу нередко называли кадетско-либеральной, или дворянской. Однако это вряд ли отражало действительное положение дел. Партия народной свободы и в самом деле была представлена в Думе достаточно широко. Много было и представителей дворянства, составлявших более трети всех депутатов⁴, что явно не соответствовало его удельному весу, не превышавшему и 2% в составе населения Российской империи. Монархия по-прежнему возлагала на дворянство особую надежду как на самую прочную опору существующего строя. Соответствующим образом был составлен и избирательный закон.

Власти не замечали или не хотели замечать серьезных изменений в имущественном и социальном положении дворянства, его эволюции, происшедших за десятилетия после отмены крепостного права. С одной стороны, резко сократилась численность поместного дворянства, которое владело землей или пользовалось ею на основании еще старых, феодальных прав, а с другой — столь же резко увеличилась прослойка тех, кого лишь по происхождению можно было причислить к дворянам. И хотя значительная часть дворянства сохраняла свою приверженность самодержавию, а в ряде случаев была теснейшим образом связана с высшими эшелонами власти,

тем не менее многие дворяне не склонны были поддерживать старые порядки и нередко выступали за решительное обновление российского общества. Кстати, то же можно сказать и о некоторых других привилегированных слоях.

На эту особенность обратил внимание князь Н. П. Урусов, который, выступая в Думе, справедливо заметил: «Здесь много лиц, живущих доходами от имений, а много ли вы слышали возражений против принудительного отчуждения земли в интересах трудового земледельца? Здесь много лиц, принадлежащих к привилегированному сословию, занимающих привилегированное положение в обществе, а много ли мы слышали здесь слов, которые раздавались бы против идеи всеобщего гражданского равенства и против широких реформ в демократическом народном духе и не эта ли Государственная дума, которую так легко и охотно называют революционной, с самого начала своей деятельности и до последнего дня бережно старается поднять царскую корону, поставить ее выше наших ошибок и оградить ее от ответственности за эти ошибки? Какую еще, казалось бы, Думу нужно в то время, когда наступила пора неотложных реформ, как не такую, в которой личные интересы и классовая борьба уступили место идее единого народного и государственного блага»⁵.

Среди депутатов I Думы было немало представителей интеллигенции — адвокатов, профессоров, приват-доцентов, учителей, врачей, литераторов, публицистов и других. Если к этой категории присоединить и тех, кто находился на службе в земском самоуправлении, то окажется, что в составе Думы интеллигенция едва ли не преобладала. В этом состояла существенная особенность первого российского парламента. Это была его сильная сторона, которая обеспечивала высокий профессионализм в работе Думы, давала ей возможность не только осуществлять законотворческую деятельность на высоком уровне, но и находить при этом такие подходы, которые снимали бы напряженность в обществе, содействуя постепенному его переходу к более цивилизованным формам и методам управления государственной жизнью.

К сожалению, столь высокий интеллектуальный потенциал Думы в конечном счете оказался невостребованным. Вместе с тем представители интеллигенции, чутко, иногда излишне эмоционально реагируя на события, происходившие в стране, острее, чем другие социальные группы, осознавая свою ответственность перед трудовой и обездоленной частью общества, нередко приносили в стены парламента настроения улицы, превращая заседания Думы в политические митинги, что крайне осложняло ее работу⁶. И все же, несмотря на свою «революционность», в чем ее часто, хотя далеко не всегда справедливо упрекали, I Государственная дума стремилась к тому, чтобы, не втягиваясь в нескончаемые столкновения с правительством, заниматься своим прямым делом — законотворческой работой⁷.

К этому призывал Думу ее председатель С. А. Муромцев, заслуги которого перед российской демократией по-настоящему еще не оценены. Единодушно избранный на этот важный пост, он делал все от него зависящее, чтобы не допустить превращения Думы в арену острых политических конфликтов как между различными фракциями, партиями и группами внутри Думы, так и между Думой и правительством. Это был человек огромного таланта, обширнейших знаний и большого политического опыта. Принимая активное участие в освободительном движении и будучи искренним сторонником обновления России, Муромцев был глубоко убежден в том, что старые порядки не могут сохраняться в неизменном виде, что недалеко то время, когда не одни только чиновники будут вершить государственные дела, но и сам народ получит возможность участвовать в них. К этому времени, полагал он, надо тщательно готовиться. «Пусть оно не застанет нас врасплох,— говорил Муромцев.— Необходимо заблаговременно составить те самые законы, которые мы

стали бы предлагать и поддерживать, когда явились бы по выбору народа в законодательное собрание»⁸.

К моменту избрания Муромцева депутатом первого российского парламента он имел уже солидный опыт разработки важнейших документов, с которыми он и его единомышленники обращались в правительство. Еще в период царствования Александра II он направил правительству, которое возглавлял тогда М. Т. Лорис-Меликов, записку с изложением своих взглядов на ситуацию в России, неустроенность русской жизни, ратуя за преобразование всей государственной жизни. Главным условием успешного осуществления процесса обновления он считал призвание выборных представителей народа к участию в управлении государством и предоставление свободы развитию и выражению русской общественной мысли. Вместе со своими коллегами Ф. Ф. Кокошкиным, Н. Н. Львовым и Н. Н. Щепкиным, впоследствии избранными, как и он, депутатами Думы: Кокошкин — первой, а двое других — III Думы, Муромцев подготовил и опубликовал проект российской конституции. Он был непременным участником земских съездов, как профессор Московского университета и крупный специалист в области римского права вел большую научно-преподавательскую деятельность, издавал журнал «Юридический вестник». За свои свободолюбивые идеи, которые многим казались тогда крамольными, он подвергался остракизму, был отстранен от должности университетского профессора.

Среди депутатов Думы он был одним из лучших законников, глубоко и профессионально разбиравшимся во всех тонкостях юриспруденции. Почти единогласно избранный председателем первого российского парламента, Муромцев в своей краткой речи удивительно емко и четко изложил свое понимание роли и места Думы в обновляющемся российском обществе, отметив ее исключительно важное предназначение как постоянно действующего законодательного учреждения, способствующего переходу страны на путь конституционного развития. Всегда спокойный, тактичный, уравновешенный и величественный он обратился к членам Думы со следующими словами:

«Кланяюсь Государственной думе. Не нахожу в достаточной мере слов для того, чтобы выразить благодарность за ту честь, которую вам, господа, угодно было мне оказать. Но настоящее время — не время для выражения личных чувств. Избрание председателя Государственной думы представляет собою первый шаг на пути организации Думы в государственное учреждение. Совершается великое дело, воля народа получает свое выражение в форме правильного, постоянно действующего, на неотъемлемых законах основанного, законодательного учреждения. Великое дело налагает на нас и великий подвиг, призывает к великому труду. Пожелаем друг другу и самим себе, чтобы у всех нас достало достаточно сил для того, чтобы вынести его на своих плечах на благо избравшего нас народа, на благо Родины. Пусть эта работа совершится на основах подобающего уважения к прерогативам конституционного монарха и на почве совершенного осуществления прав Государственной думы, истекающих из самой природы народного представительства»⁹.

Это была единственная речь Муромцева в Государственной думе. Как отмечали многие его друзья и коллеги, в частности член Думы второго созыва профессор А. А. Кизеветтер, Муромцев был убежден в том, что председателю ее не следует участвовать в дискуссиях, разворачивавшихся на ее заседаниях и нередко принимавших довольно острый характер. Его обязанности ограничиваться поддержанием порядка, не позволять никому из депутатов пренебрегать предусмотренными законом регламентом и правилами. Он никогда никому не мешал свободно высказывать свои мысли, но в то же время решительно не допускал никаких грубых выражений, брани, насмешек. Он останавливал всякого, у кого хотя бы случайно срывалось с языка бранное или даже просто насмешливое слово. Все

депутаты, полагал он, должны уважать друг друга и самую Думу, в которую они посланы народом и потому должны держать себя там «вежливо, чинно и благоговейно, как в церкви. Вот чего требовал Муромцев. Он был при этом глубоко беспристрастным. Он не смотрел на лица. Всем одинаково делал он строгие замечания, если это было нужно: своим друзьям точно так же, как и своим противникам»¹⁰.

Именно поэтому он пользовался огромным уважением и авторитетом среди депутатов независимо от их политических пристрастий и идеологических убеждений. Муромцев, возможно, лучше, чем кто-либо другой, понимал, сколь важной и значительной может и должна быть роль Государственной думы в процессе обновления России. По его мнению, I Дума, несмотря на то, что ей не суждено было решить многие стоящие перед нею задачи, «впервые придала неорганизованному, наполовину стихийному движению народа формы организованные», содействуя тому, что политические партии, встретившись в ее стенах, «впервые поняли, что пора сойти с почвы митинга и встать на почву организованного собрания»¹¹. Он считал, что Дума послужила «некоторому сближению общества и правительства», наметила определенную «возможность уменьшения той пропасти, об уничтожении которой мечтал даже такой государственный человек, как Плеве, который вопрошал всех обращавшихся к нему общественных деятелей: как бы уничтожить пропасть, отделяющую общество от правительства»¹².

После роспуска I Думы Муромцев как один из участников совещания ее депутатов в Выборге и авторов так называемого Выборгского воззвания (10 июля 1906 г.) был арестован. Ему приписывали слова, которые он якобы произнес, открывая совещание в Выборге: «Заседание Думы продолжается»¹³. Конечно, Муромцев не мог произнести таких слов хотя бы потому, что был глубоко убежден в необходимости добиваться решения всех вопросов исключительно законным, конституционным путем. Об этой черте его характера, наложившей отпечаток на всю его деятельность, говорили многие ораторы на панихиде по Муромцеву, скончавшемуся 4 октября 1910 г., через четыре с лишним года после роспуска I Думы. Все, что произошло с I Думой и после ее роспуска, подорвало его силы. Муромцев умер в возрасте шестидесяти лет. Хоронила его — без преувеличения — вся Москва¹⁴.

Окончательное решение о роспуске Думы было прерогативой монарха. Однако, как правило, к принятию такого решения его подталкивало правительство, а точнее, премьер-министры. С первых же дней работы Государственной думы она вызывала раздражение, если не сказать злобу, у высоких правительственных чинов, и прежде всего премьер-министра Горемыкина. Нередко виновником этого была сама Дума, обрушивавшая на членов правительства град тяжких обвинений. В самом деле, могло ли правительство, каким бы оно ни было, спокойно выслушивать и тем более соглашаться с тем, что говорил, например, депутат от Тверской губернии кадет Ф. И. Родичев: «Если правительство будет ответственно только перед монархом и не ответственным перед Думой, ничего не будет, и процесс обновления невозможен»¹⁵; или заявление другого члена Думы тоже кадета князя Д. И. Шаховского, депутата от Ярославской губернии, о том, что «подчинить министров Думе — только в этом наша задача, в этом главная потребность страны»¹⁶.

Еще более резко эта мысль прозвучала в ответном адресе Думы на тронную речь императора, в котором говорилось, в частности, и о том, что «обновление жизни возможно лишь на основе свободы, самодеятельности и участия самого народа в осуществлении власти законодательной и в контроле над властью исполнительной» и поэтому никакое умиротворение страны невозможно, пока «все министры не будут ответственны перед народным представительством и сообразно с этим не будет обновлена администрация на всех ступенях государственной службы»¹⁷.

В. Н. Коковцов, в ту пору министр финансов, называл такое давление Думы на правительство «штурмом власти», усматривая в этом главный лозунг, под которым развивалась деятельность I Думы. В своих воспоминаниях он пишет: «Все мы были совершенно солидарны в том, что уступка натиску Думы просто недопустима, и в этом отношении самые убежденные противники нового строя по складу своих убеждений, как Ширинский-Шихматов и Стишинский, так же как и поборники идеи полной готовности правительства идти навстречу новым течениям, если только они не находятся в непримиримом несогласии с только что дарованными России основными законами и обеспеченными ими прерогативами верховной власти,— а в числе их был, пожалуй, на первом месте покойный Столыпин, не говоря о мне самом, потому что я никогда не имел в мыслях отступить в чем бы то ни было от изданных новых законов и был полон самой широкой готовности идти навстречу честного выполнения их,— все мы ясно сознавали, что борьба неизбежна и что никто из нас, не нарушая своего долга перед Государем и перед страной, не имеет права отойти от тех трех основных положений, разрушение которых было поставлено задачей первых думских выступлений»¹⁸ (Коковцов имел в виду такие требования Думы, как отмена права собственности на землю в порядке принудительного ее отчуждения и передачи крестьянам; переход власти из рук правительства, ответственного перед монархом, к правительству, ответственному перед народным представительством и назначенному из его состава; захват всей власти управления народным представительством)¹⁹.

С первых же дней работы Думы правительство и прежде всего его глава Горемыкин пытались убедить царя в необходимости ее роспуска. В конце концов это удалось сделать, и 8 июля 1906 г. был подписан указ о роспуске I Думы. Боясь, как бы царь не передумал и не отказался от принятого решения, Горемыкин, если верить П. Г. Курлову, вернувшись от царя домой и имея при себе подписанный им указ, лег спать, сославшись на переутомление, приказав, чтобы ни в коем случае его не будили, даже если за ним пришлют из дворца. За ним действительно присылали, но никто не решился его потревожить²⁰.

Конечно, I Дума, просуществовавшая всего лишь 72 дня, не могла за столь короткий отрезок времени решить даже малую часть тех задач, которые перед нею ставила совершенно новая эпоха, открывавшаяся перед Россией. Очевидна и ничем неоправданная поспешность Думы в постановке и решении ряда ключевых проблем развития российского общества без учета всей сложности политической ситуации в стране. Не избежала Дума и излишней революционности, что нередко мешало созданию спокойной рабочей обстановки. Все это верно, как справедливо и то, что оценивать I Думу необходимо с учетом реальной обстановки, в которой она появилась и которая не могла не оказать влияния на всю ее деятельность.

Не так уж был неправ товарищ председателя I Государственной думы Н. А. Гредескул, утверждавший, что «пройдет время, и мы всенародно увидим и признаем, что первое русское народное представительство это — во всем ее значении — непереходимая грань, отделившая старую, уже отжившую Россию от России новой, предназначенной к подъему и расцвету. Конец старой России наступил под громы и ужасы японской войны; он сопровождался небывалым для России историческим унижением. Вследствие этого в России началось широкое народное движение. Но это движение не перешло во всеразрушающую революцию, потому что оно превратилось в факт народного представительства. Подсознательный гений народа не разметался, не разбросался в разрушении,— он, наоборот, сосредоточился в созидании, и ясный, продуманный, всенародно одобренный план этого будущего созидания начертан первым русским парламентом»²¹.

Уже в силу того, что российский парламент появился на гребне массового народного и революционного движения он не мог не испытывать на

себе этого мощного наступательного порыва, не впитать в себя чувства и настроения борющегося народа. По своему настрою он, очевидно, не мог быть другим. Можно говорить лишь о том, в какой степени соответствовала подобная революционность нормальной работе Думы, каковы были политические рамки ее деятельности, за пределы которых она не должна была переступить.

Развитию российского парламентаризма были присущи особенности, наложившие заметный отпечаток как на работу Государственной думы, так и на общественно-политическое развитие страны. Во-первых, эволюция Думы шла по линии ее постепенного сползания вправо: чем больше набиралась она опыта, чем совершеннее и профессиональнее была ее деятельность, тем более консервативной становилась она и по своему составу и по господствовавшим в ней идеям. В этом смысле первая и вторая Думы были значительно левее, чем третья и особенно четвертая. Во-вторых, оказавшись под сильным давлением властей и общей чрезвычайно сложной и крайне противоречивой ситуации в стране, Дума так и не стала в достаточной мере независимым и по-настоящему законотворческим учреждением. Противостояние между Думой и правительством не только не спадало, но постоянно нарастало. В-третьих, влияние Думы на общественные процессы в стране и особенно на ход реформ было явно недостаточным.

Все это, вместе взятое, привело к тому, что в российском общественном мнении, да и среди самих думцев нередко проявлялось крайне негативное отношение к этому представительному учреждению, мало кто из серьезных общественных и государственных деятелей связывал судьбу страны с деятельностью Думы.

В этом отношении показательны высказывания представителей различных слоев населения России, содержащиеся в переписке, которую вели депутаты Думы со своими избирателями и которая тщательно изучалась властями. Существовал специальный аппарат с достаточно большим штатом, так называемый Темный кабинет, сотрудники которого занимались перлюстрацией практически всей почты, поступавшей в Думу и исходившей из нее. Подвергшиеся перлюстрации письма отражали те мнения о Думе и те оценки ее деятельности, которые были широко распространены в обществе. В одном из писем председателю III Государственной думы Н. А. Хомякову от 28 июня 1908 г. говорилось: «Год прошел, а дарованная государем Государственная дума почти ничего не сделала. А между тем стоит только осуществиться Манифесту 17 октября полностью, как обновленная Россия во главе всего славянства скажет свое могучее слово миру»²². А вот выдержка из письма члена II и III Государственной думы фабриканта и земского деятеля М. В. Челнокова: «Я теперь с Москвой оборвал всё и иногда меня берет сомнение, правильно ли я сделал, уничтожив возможность почти всякого проявления личной жизни из-за радости сидеть в 3-ей Думе, работоспособной, законопослушной, но, увы, бесплодной. Мы все устали, многие поддаются расстройству нервов, раздражительность растет, и в результате бестолковые заседания со скандалами в конце»²³.

25 июня 1908 г. Н. Г. Высотский из Москвы пишет члену III Думы Н. Н. Евреинову: «Если бы теперь какая-либо газета вздумала напечатать текст Манифеста 17 октября, ее сейчас конфисковали бы, а может быть, и совсем закрыли бы. Теперь мне ясно, что сила сплоченной бюрократии так велика и настолько сильнее воли самодержавного монарха, что все будет идти не так, как благоугодно государю, а как выгодно власть имущим, и то, что обещано Манифестом 17 октября, мы получим разве лет через сто»²⁴. Несколькими днями раньше, 19 июня, Высотский писал тому же адресату о состоянии дел в Думе и в стране:

«Ты прописал мне хороший рецепт, ты указал на превосходное средство, чтобы излечить меня от удручающей меня болезни — пессимизма. Средство это — смерть; средство довольно радикальное. Действительно,

когда-нибудь умрут Гершельман и Коковцов, Думбадзе и Столыпин и им подобные господа. Но, во-первых, еще очень гадательно, кто их заменит, а, во-вторых, я могу умереть раньше, чем они. Я не столько критикую, сколько скорблю и болею душой. Скорблю по поводу того, что при конституционном строе у нас стало гораздо хуже жить, чем при абсолютизме. Тогда дело было на чистоту: просвещение угнетали всеми средствами, цензура неистовствовала, людей гоняли сквозь строй и т. д. Теперь объявлено изменение режима, но это только на словах, а на деле неограниченная власть генерал-губернаторов упразднила законность на Руси. Ты говоришь, что второго графа Д. А. Толстого не найти; а я тебе скажу, что Шварц сыплет циркулярами, которые всецело восстанавливают в гимназиях толстовский режим. Греческого языка, правда, не вводят, но то, что было ненавистного в воспитательных приемах, рекомендованных Толстым, ныне снова восстанавливается.

Ты разумно ссылаешься на историю и справедливо указываешь, что для полного водворения конституционного строя нужны не только десятилетия, но и столетия. Но я не могу утешаться тем, что моим внукам будет легче житься. Меня огорчает то, что министры полны дикой злобы и неприимимой ненависти даже по отношению к такой Думе, какова третья. Шварц обзывает депутатов мальчишками (буквально), которые дела не понимают, сами не зная, чего хотят, вмешиваются туда, куда их не просят, и только портят все дело. Речь его, проникнутая таким презрением, представляет собой крупный скандал. Это что-то неслыханное в странах с представительным образом правления²⁵. Бострем в Государственном совете презрительно отзывался о «непрощенных критиках». Столыпин, у которого при обсуждении в Государственной думе отпуска денег на броненосцы был мед на языке, в Государственном совете, при обсуждении того же вопроса, сурово и резко отозвался о постановлении Думы и раскрыл свою душу, на дне которой — ненависть к Думе. А ведь он иногда прикидывался конституционалистом»²⁶.

Неизвестный автор пишет члену III Государственной думы октябристу А. Д. Протопопову 20 июня 1908 г.: «18-го Хомяков был у царя. Это устроил Столыпин, так как прошел слух о роспуске Думы из-за речи Булата. Царь встретил Хомякова со стеногр[аммой] речи Булата. Там было сказано, что после речи Шварца Булат сказал, что слова Шварца говорил и Боголепов, но нашлись Карповичи, Сазоновичи и известно чем кончил Боголепов. После этих слов в стенограмме отметка: «смех, аплодисменты». Царь сказал Хомякову: «Пусть один Булат одобряет террор, но ведь и Дума ему аплодирует». Хомяков объяснил, что Дума смеялась потому, что Булат ошибочно сказал вместо Сазонов — Сазонович. Оказывается царя кто-то натравливает на Думу и это скрыл»²⁷.

Вот письма, относящиеся к более позднему периоду, когда Дума, казалось, уже набралась опыта и заработала в полную силу. Но и тогда проблемы оставались практически те же. Уже упоминавшийся Высотский в письме от 7 апреля 1912 г. на имя Н. Н. Евреинова поднимает важный, но не новый вопрос: «Бюрократия проникнута ненавистью к конституционализму. Этот принцип задавлен и законодательная Дума фактически превращена в законосовещательную. Министры очень восхищаются такою своею победой, не понимая, что когда-нибудь за такую их близорукость последует расплата. Не дают конституционной жизни, последуют революционные выступления»²⁸.

В письме от 18 ноября 1912 г. Г. Алексеев сообщает А. С. Алексееву: «Вчера Родзянко был у государя и сейчас же после приема вызвал Глинку и меня, чтобы поделиться своими впечатлениями. Основной минус всего приема, — небывалый прецедент: государь не посадил Родзянку и сам не сел, так что вся длившаяся 25 минут беседа прошла на ногах. Содержание же беседы знаменательно. Государь сказал: «Очень Вам благодарен за вашу

речь. Так должны думать все русские люди». При этом государь отозвался неодобрительно о поведении правых и националистов, покинувших заседание. Государь обратился к Родзянко с просьбой, чтобы комиссия государственной обороны не носила этого названия. Родзянко имел мужество сказать, что выборы прошли под сильным давлением не только со стороны правительства, но, что всего печальнее, при вмешательстве в политику духовенства, которое порой вело агитацию даже с амвона. Государь заметил, что даже в республиках правительство влияет на ход выборов. На это Родзянко ответил, что там правительство обыкновенно остается в рамках законности, а у нас все законы были отброшены»²⁹.

3 декабря 1912 г. Н. А. Хомяков пишет члену III Думы А. Н. Баратынскому: «Правительство в унынии. Дан приказ Крупенскому составить центр, ибо государь недоволен выборами, а роспуска Гос[ударственной] думы не хочет. Но есть другие силы,— где они, что они, не знаю, но они есть, которые ведут свою линию помимо государя и правительства»³⁰. С. Ольденбург пишет С. С. Ольденбургу в Швейцарию 6 декабря 1912 г.: «Сообщение Коковцова, судя по газетам, бледное, верно вполне намеренно: правительству, уклоняющемуся по симпатиям вправо, и видящему, что этот уклон, несмотря на всю его значительность, не удовлетворяет правых, приходится очень балансировать. Я полагаю, что в этом — трагизм правительства; ему следовало бы решительно стать на вполне для него приемлемую позицию правого центра. С этой позицией могут, кроме крайне левых и крайне правых, столкнуться все, а ведь с крайними все равно не станешь работать: это люди слова и теории»³¹. В тот же день об этой речи писал и член III Думы Н. Н. Щепкин: «Вся речь Коковцова, говоря словами Шекспира, дань порока добродетели, т. е. сплошное лицемерие. Но важно и то, что эти люди считают необходимым хоть внешним образом быть вежливыми с Думой. Правые грызли ногти от гнева, когда Коковцов упоминал о необходимости реформ в духе 17 октября»³².

Член IV Государственной думы С. Несжмаков 13 января 1914 г. в письме князю Ю. И. Шаховскому отмечает: «Положение очень серьезное, и нужна напряженная работа всех, а у нас какие-то сумерки, но перед рассветом или перед ночью, сказать трудно. Главное, не видно людей, которые могли бы вывести на дорогу, а правительство само себя не понимает. Теперь время разброда, никто не знает, куда итти, некоторых при этом толкают извне силы, стремящиеся к тому, чтобы погубить Россию»³³. Неизвестный адресат, скорее всего один из членов IV Думы, обращается к Б. А. Велихову в Одессу 14 января 1914 г.: «Никто не верит в будущее. Одним словом, нудно, серо и скверно. Около сотни депутатов взяли отпуска еще на 2—4 недели. Многие хотят уходить. Паралич в правительстве, паралич в Гос[ударственной] думе, паралич у земцев. Все валится из рук. И ни одного бодрящего луча. Таково сейчас всеобщее настроение. Это — вовсе не реакция. Реакция все же сила, а теперь — туман, болото, всеобщее недоумение, всеобщее бессилие и всеобщий сон. Все проваливается в какую-то бездонную, мягкую, склизкую массу»³⁴.

Член IV Государственной думы помещик, прогрессист А. И. Савенко в письме от 16 января 1914 г. замечает: «Вчера весь день провел в Таврическом дворце. Знакомился с положением дел. Впечатления неважные. Октябристы — в маразме, в маразме и вся Дума. По-видимому, весной Дума будет распущена и осенью состоятся новые выборы. Это ужасно будет утомительно. Я тогда в следующую Думу не пойду: все равно она будет левая и очень недолго будет существовать. Сегодня сижу весь день в бюджетной комиссии. Много спорил с националистами, а теперь спорю с октябристами. Ужасно безмозглый народ. Настроение у меня эти два дня очень плохое: из Думы ничего не выходит»³⁵. Г. Алексеев 22 января 1914 г. пишет А. С. Алексееву: «Настроение в Думе самое безнадежное. Полный маразм во всех партиях. Ни один из депутатов, с которыми мне довелось беседо-

вать, не высказал оптимистических взглядов. Большинство говорило: «Вот проведем бюджет, а там и лето». О каком-нибудь плане работы, об общем направлении думской деятельности нет и помина. Родзянко чувствует, что в Думе все разваливается и понимает, что следовало бы ему отказаться, дабы или передать руководство делами другому лицу, способному объединить Думу, или подвергнуться переизбранию, поставив определенные условия. Вчера Родзянко определенно говорил, что хочет уйти, но я как-то плохо верю, что он осуществит свое намерение. Его может подтолкнуть его нездоровье. Волнения последнего времени очень плохо на нем отозвались, и доктора требуют полного покоя»³⁶.

Это, конечно, лишь ничтожная часть той переписки, которая подверглась перлюстрации и, возможно, благодаря этому сохранилась. Из этих писем видно, что авторитет Думы в глазах российской общественности был явно невысок. Все более очевидным становится неверие в то, что она в состоянии преодолеть присущие ей недостатки и болезни роста и превратиться в полноправное, жизнедеятельное учреждение наподобие парламента в западноевропейских странах. Конечно, авторы приведенных писем раскрывают далеко не все причины того положения, в каком оказался российский парламент, однако одну из главных причин многие из них называют. Это — открытое и достаточно мощное противодействие властей и тех сил, которые пытались не допустить перехода России на путь обновления и глубоких социально-политических преобразований.

Разумеется, существовали объективные и субъективные причины, которые не позволили российскому парламенту выполнить отведенную ему историей роль, а России — превратиться в конституционную монархию.

Вот еще одно свидетельство о той острейшей политической борьбе, которая пронизывала все российское общество и оказывала сильнейшее влияние на деятельность Государственной думы.

Это речь А. И. Гучкова на совещании октябристов 8 ноября 1913 г., в которой излагались программные установки и характеризовалась тактика Союза 17 октября. В ней содержатся важные оценки и выводы, касающиеся общей политической ситуации в России, высказываются прогнозы и предположения, многие из которых оказались пророческими. Гучков в этой речи предстает как в высшей степени трезвый, умный, рассудительный и независимый политик, способный точно и объективно оценить положение в стране, а также и роль Государственной думы.

Гучков, в частности, говорил: «История оценит с бóльшей справедливостью, чем современники, значение 3-й Думы, отметит ее заслуги и в том, что она провела целый ряд серьезных законодательных мер в области государственного хозяйства, землеустройства, народного образования, суда, государственной обороны, и в том, что она заложила практически первые фундаменты, казалось прочные, под молодой конституционный строй, и прежде всего в том, что своей уравновешенностью, своей спокойной работой, своим реализмом она оказала глубокое воспитательное влияние на русское общество. В том процессе умиротворения и отрезвления, который характеризует общественные настроения истекшего пятилетия, Государственная дума 3-го созыва сыграла выдающуюся роль.

История оценит и те затруднения, и внутренние, и внешние, с которыми встретилось молодое народное представительство. Создавалась, как будто, небывало благоприятная обстановка для проведения намеченных преобразований, обещавших обновление во всех областях нашей жизни. Тяжелый урок недавнего прошлого, казалось, бесповоротно осудил тот курс, который привел Россию к катастрофе, почти на край гибели. Революционное движение и сопровождавший его политический террор раздавлены; от них отхлынули те общественные симпатии, которые раньше составляли их питательную почву. С исчезновением эксцессов революции лишились прежнего оправдания и эксцессы власти. Власть, думалось, созрела и в своей

преобразовательной работе могла рассчитывать на поддержку широких и влиятельных общественных кругов. Словом, открылась новая эра.

А между тем, рядом с этим течением, параллельно ему, но в обратном направлении шла эволюция иного порядка. По мере того, как наступало успокоение, по мере того, как общество разоружалось и уходила в даль опасность переворота, поднимали голову те элементы, которые во все эпохи и во всех странах отличались короткою памятью. Это были те силы, которые держали в своих руках судьбы России в доосвободительное время и определили тот государственный курс, который привел великое государство к небывалому унижению. В минуту грозной опасности, перед, казалось, неизбежно наступившей тяжелой расплатой за их грехи и преступления, они одно время стушевались, как бы исчезли с лица русской земли, в смертельном страхе за себя бросив свой пост. Теперь они выползли из всех щелей — эти «спасители отечества», — а где они тогда были? Не среди правительства, по крайней мере, правительства времен Столыпина, приходилось их искать. Среди бывших людей отжившего государственного строя, среди дворцовой камарильи, среди тех темных элементов, которые в прежнее время копошились и грелись около старых гнойников нашей русской жизни, среди всех тех, кого новый политический строй беспощадно выбрасывал за борт, — среди них рекрутировала свои силы возрождавшаяся реакция.

И среди этих давно знакомых, примелькавшихся персонажей появились новые, неожиданные, странные фигуры, точно выходцы из совсем другой культурной эпохи, появились на ролях важных факторов нашей современной государственной жизни. Эти безответственные, неправительственные и сверхправительственные, а в данном случае и антиправительственные течения, органически связанные с формами русского абсолютизма, быстро захватили вновь, уже в условиях нового политического строя, прежние, отвоеванные у них и покинутые ими позиции. Человек, который мужественно с ними боролся и пал, ими сверженный, П. А. Столыпин, в беседе с одним русским журналистом сделал следующее меланхолическое признание: «Ошибочно думать, — говорил он, — что русский кабинет даже в его современной форме есть власть. Он — только отражение власти. Нужно знать ту совокупность давлений и влияний, под гнетом которых ему придется работать»...

Официальными оплотами реакции стали, как вы знаете, правое крыло Государственного совета и организация объединенного дворянства. Было бы ошибочно думать, что эти органы являются сколько-нибудь верными показателями господствующих настроений среди русского дворянства и высшей русской бюрократии. Потребовался последовательный, искусственный подбор, чтобы придать им их современную физиономию. Русское дворянство, выполнившее своими руками великую культурную миссию нашего земства, в своем преобладающем большинстве есть, несомненно, элемент прогресса. Значительно преувеличена также легенда об оторванности русской бюрократии, ее отчужденности от общественных настроений и народных нужд. В те редкие моменты просветления, когда власть становилась на путь широкого творчества, она в составе своей бюрократии находила немало даровитых людей, которые с радостью несли свой громадный государственный опыт на служение открывающимся перед ними великим задачам. Так, новый русский суд, в счастливую минуту нашей истории, явился продуктом творчества нашей бюрократии.

3-я Государственная дума в момент своего созыва застала в Государственном совете в роли преобладающей группы так называемую группу центра. Группа эта, далеко не однородная по своему составу, объединилась, однако, общностью признания Манифеста 17 октября и других актов верховной власти освободительной эпохи, как предустановленных основ предстоящей преобразовательной работы.

На эту группу, составляющую, вместе с левым крылом, решающее большинство, правительство могло опереться при проведении своей программы реформ. Между этой группой и тем думским центром, тоже пестрым по своему составу, который представлял большинство в Государственной думе, при всем различии политических оттенков, был известный контакт, была общая почва, общий язык, возможность взаимными уступками создавать соглашения. Ряд новых назначений, последовательно, из года в год, проведенных в однородном направлении, постепенно, но решительно передвинул центр тяжести в Государственном совете в сторону правого крыла. Происходило не только механическое, численное усиление правого крыла, самый характер назначений был показателем, какое политическое направление было в данный момент в милости. А это, естественно, должно было влиять на те неустойчивые элементы, которые издавна привыкли сообразовать свой курс с господствующим направлением атмосферных течений.

Получилось тяжелое впечатление какой-то двойственности: с одной стороны, все оставалось как будто по-старому. Манифест не был отменен, обещания не были взяты назад, правительство, с соизволения власти, продолжало разрабатывать и вносить законопроекты, носившие определенную печать этой эпохи; с другой стороны, с соизволения той же власти, последовательно усиливались те элементы, которые несколько не скрывали своей непримиримой вражды к новому политическому строю и к тем представителям правительства, которые были на его стороне, элементы, учитывавшие и Манифест 17 октября и другие однородные акты верховной власти как легкомысленные или малодушные уступки, вырванные либо силой, либо обманом, элементы, которые поставили своей задачей толкать власть к государственному перевороту и охотно предлагали свои к тому услуги...

Борьба Столыпина с этими реакционными течениями, которые он считал гибельными для России и для монархии, окончилась его поражением. Еще задолго до его физической смерти наступила его политическая предсмертная агония. И киевская катастрофа вызвала чувство радости, во всяком случае, облегчения не в одних только революционных кругах, откуда был направлен выстрел; не в одном только лагере русских радикалов смерть этого крупного борца была учтена как успех, ибо выбыл из строя опаснейший противник. Несомненно, что если были люди, которые направляли предательский выстрел, то были и другие, которые ему не мешали. Сенаторская ревизия и ее исход только подтвердили подозрения и догадки.

Борьба, в которой изнемог такой исполин, как Столыпин, конечно, оказалась уже совсем не по плечу его преемникам. Вряд ли даже с их стороны были сделаны к тому серьезные попытки: слишком грозным и предостерегающим примером стояла перед ними судьба их предшественника. Надо съежиться, надо казаться маленьким, опасно противодействовать, избави Бог — заслонять. Только этой ценой можно удержаться у власти, — ценою самоунизания. И правительство упразднило себя, правительство капитулировало по всей линии.

Всем памятно, при каких условиях проходила избирательная кампания в четвертую Думу. Правительством был составлен и приведен в исполнение грандиозный план фальсификации выборов. Правда, план этот в некоторых своих частях потерпел неудачу, и поэтому к нему принято относиться с некоторой снисходительной иронией. При этом забывают, что, с другой стороны, неудачу плана приписывают непоследовательности исполнителей, отклонениям от намеченной системы. Правительственная избирательная кампания обнаружила с полной очевидностью, куда клонился правительственный курс. Нередко именно против октябристов было направлено острие административных воздействий: сводились счёты и с партией, которая

и в моменты сотрудничества с правительством держалась вполне независимой позиции, сводились счеты и с отдельными членами партии, неугодными центральной власти или местной администрации. Борьба правительства против октябристов на выборах в 4-ю Думу была во всяком случае характерным эпизодом в этой истории одной попытки со стороны русского общества к совместной работе с правительством.

Результаты успеха, одержанного реакцией, сказались очень скоро. Иссякло государственное творчество. Глубокий паралич сковал правительственную власть: ни государственных целей, ни широко задуманного плана, ни общей воли. На их место выступили борьба личных интриг и домогательств, личные счеты, ведомственные трения. Государственный корабль потерял свой курс, потерял всякий курс, зря болтаясь по волнам. Никогда авторитет правительственной власти не падал так низко. Не вызывая к себе ни симпатий, ни доверия, власть не способна была внушить к себе даже страха...

Развал центральной власти отразился, естественно, и полной дезорганизацией администрации на местах. Осуществилась, действительно, какая-то административная децентрализация, но в карикатурной форме. На почве этой своеобразной автономии местные власти, в расчете на безнаказанность, как бы угадывая виды центрального правительства, довели свой произвол до невероятных пределов, переходя подчас в озорство.

Вполне естественно, что при таких условиях власть очутилась совершенно одинокой, брошенной всеми: ведь реакция, во всех своих видах, лишена всяких корней в стране, если не считать тех, вскормленных за счет казенного пайка, политических организаций, которые декоративными стягами стараются прикрыть свое бессилие и ничтожество. Общественные симпатии и доверие, бережно и с трудом накопленные вокруг власти во времена Столыпина, вмиг отхлынули от правительства его преемников. Кончился медовый месяц.

Но паралич власти сказался не только внутренним развалом. Разыгрались мировые события громадной, исторической важности. Перед Россией открывались широкие горизонты, создавались небывало благоприятные новые международные комбинации. Исторические заветы России, ее реальные политические интересы, ее честь и ее польза требовали, чтобы она, как великая славянская держава, сыграла решающую роль в этом мировом кризисе. Россия, бодрая, сильная, здоровая Россия, верная своей истории и верящая в свою будущность, такая Россия выполнила бы свой долг. Но то же состояние протрации и маразма, которое вызвало внутреннее омертвление нашего государственного организма, сковало наши действия, обессилило нашу волю и извне.

Наша внешняя политика, бездарная и малодушная, не только упустила все те выгоды, которые, помимо нас, чужими усилиями, волей, наконец-то, благоприятной нам судьбы, открывались перед Россией, но и потеряла все прежние позиции, которые были завоеваны в прежние царствования неисчислимыми жертвами русского народа. Не следует от себя скрывать, что те бескровные, но все же постыдные поражения, поражения, которые Россия понесла в течение Балканского кризиса, имели громадное влияние на формирование общественных настроений, особенно в тех общественных кругах и народных массах, для которых великодержавная роль России является центральным пунктом их политического символа веры, отодвигая на второй план вопрос о недочетах нашей внутренней жизни.

Каков же будет исход того тяжелого кризиса, через который мы ныне проходим? Что несет за собой надвигающаяся реакция? Куда ведет нас правительственный курс или, вернее, отсутствие всякого курса? К неизбежной, тяжелой катастрофе. На таком общем прогнозе сходятся все, люди самых противоположных политических верований, самых разнообразных общественных групп, с редким, небывалым единодушием. К этому

прогнозу готовы присоединиться и сами носители власти, той власти, на которую падает главная вина перед русским народом, и их официальный, обязательный для них оптимизм плохо скрывает их внутреннюю тревогу.

Когда обрушится эта катастрофа? В каких формах она явится? Кто может это предсказать? Одни с радостным ожиданием, другие с жуткой тревогой вглядываются в эти горизонты. Но ошибутся те, которые рассчитывают, что на развалинах повергнутого строя водворится тот порядок, который отвечает их политическому и социальному мировоззрению. В тех стихиях, которые могут взять верх в надвигающейся борьбе, я не вижу тех устойчивых элементов, которые могли бы обеспечить какой бы то ни было прочный государственный порядок. Не рискуем ли мы скорее попасть в полосу длительной, хронической анархии, которая приведет государство к распаду? Не переживем ли мы опять смутное время, но уже при иной, более опасной, внешней политической обстановке?.. Если раньше, при всех недочетах преобразовательной деятельности правительства страна могла быть спокойна по крайней мере за основное приобретение освободительной эпохи, за народное представительство, с которым связана вся будущность России, то в современном политическом строе мы должны признать прямую угрозу конституционному принципу и начало полной ликвидации эры реформ. Мы знаем, что вопрос о строе поставлен, как очередной вопрос, если не самую правительственную властью, то в тех неправительственных кругах, которые сильнее самого правительства. Сановники, делающие карьеру, наперерыв угодливо предлагают свои планы государственного переворота, а себя — в их исполнители.

Будет ли это открытый и крутой переворот с изменением самого характера народного представительства и его компетенции? Или это будет роспуск Думы, не сопровождающийся новым созывом? Не остановятся ли на более робком и мелком, но и осторожном решении вопроса, — путем частичных разъяснений, установления прецедентов от случая к случаю, мало-по-малу сузить права народного представительства? Может быть, не отваживаться пока на нарушение основных законов, а созвать Государственную думу еще раз на почве существующего избирательного закона, но с применением, на этот раз последовательным и неуклонным, всего того грандиозного аппарата, которым располагает правительство для массовой фальсификации выборов.

Что же должно делать русское общество перед лицом этой опасности, угрожающей уже не тем или иным реформам, а самой реформе, ее жизненному центру, идее народного представительства? Что должны делать политические партии, поставившие себе задачей обновление России на тех началах политической свободы и социальной справедливости, которые нашли себе выражение в актах верховной власти освободительной эпохи? Что может и должна делать Государственная дума, поставленная доверием народа на страже целостности государственного строя?..

Перед Государственной думою, которая верна своему долгу перед государем и государством, есть только один путь. Если другие органы власти являются малодушными попустителями, а может быть и преступными соучастниками, то Государственная дума должна взять в свои руки защиту дела русской свободы и незыблемости нашего государственного строя. Все орудия своей власти, всю силу своего авторитета должна она отдать этому делу. Как ни ограничены, казалось бы, те боевые средства, которыми располагает наше народное представительство, все же и они не все и не в полной мере нашли себе применение. Во имя долгожданной политической свободы, в защиту конституционного принципа в борьбе за реформы должны быть использованы все легальные средства парламентской борьбы: свобода парламентского слова, авторитет думской трибуны, право запросов, право отклонять законопроекты, и прежде всего бюджетные права, право отклонять кредиты.

На поддержку со стороны народного представительства должно рассчитывать только такое правительство, которое явилось бы прежде всего надежной порукою, что оно не станет орудием государственного

переворота и что оно возьмет на себя выполнение той широкой программы либеральных реформ, которая нашла себе выражение в важных государственных актах освободительной эпохи.

В этих актах именем верховной власти утверждались принципы конституционного строя, правового порядка, провозглашалась неизбежность основ гражданской свободы, обещались гарантии неотъемлемости дарованных благ этой свободы, высказывалась забота о поддержании престижа Государственной думы и об обеспечении подобающего ей значения, проводилась правильная мысль, что правительство не должно являться элементом противодействия решениям Думы, признавалась важность установления нормальных отношений между Думою и Государственным советом путем преобразования Совета на началах видного участия выборного элемента, внушались властям на всех ступенях прямота и искренность в утверждении гражданской свободы и в установлении гарантий этой свободы, намечались, наконец, основные линии экономической политики, направленной ко благу широких масс.

Сравните эти прекрасные, возвышенные слова, целиком выхваченные из важного правительственного акта, сопровождавшего Манифест 17 октября, с современною действительностью и современным правительственным курсом, и вы увидите ту кривую падения, которую описала за истекший короткий промежуток времени русская правительственная власть. Подобрать эту брошенную авторами программу, «принять ее», как значилось на подлинном в Высочайшей отметке, «к руководству», понудить правительство к ее выполнению, — такова очередная задача и важнейший долг Государственной думы»³⁷.

Авторы приведенных выше писем, как и Гучков в своей речи, при всем различии их взглядов и подходов в оценке политической ситуации в стране, роли и деятельности Думы в той или иной мере касаются главного вопроса — о взаимоотношениях общества и власти. Это действительно был стержневой вопрос всей политической жизни России того времени. От его понимания и решения зависело очень многое, и прежде всего ход и исход реформ.

В историографии давно и прочно утвердился тезис, что реформистский путь для России изначально был обречен на неуспех, что иной альтернативы, кроме революции, у этой страны не было. При этом утверждалось, будто вся история Думы, равно как и все, что происходило в ней и в связи с нею, неопровержимо доказывает, что уже в силу объективного хода вещей буржуазия не могла стать законным наследником царизма и вывести страну из тупика. Единственный путь к обновлению и подлинному прогрессу России сторонники этого тезиса видели в «великой революции».

В этой связи высказывалось несогласие с теми историками, главным образом западноевропейскими и американскими, которые не исключали возможности модернизации России, ее перехода на парламентский путь развития при сохранении конституционной монархии. И если этого не произошло, считали они, то вовсе не потому, что в России не было для этого необходимых объективных условий, а в силу субъективных ошибок и просчетов тех, кто стоял во главе обновленческого процесса, но не смог довести его до успешного завершения.

Тезис, что в России могла победить лишь модель общественного развития, связанная исключительно с революционным взрывом, ведущим к социалистическим преобразованиям, и полностью отрицающая эволюционный путь, фактически не оставлял места для беспристрастного, объективного и всестороннего рассмотрения деятельности первого российского парламента, как и открывавшихся в связи с его возникновением возможностей постепенного превращения страны в современное цивилизованное государство.

Перед Россией XX в. реально стояли не один, а два возможных пути развития: путь революционного свержения существующего строя и путь мирного преобразования общества и государства. Появление и деятель-

ность Государственной думы отвечали настроениям той части российского общества, которая ориентировалась на мирный путь общественного развития, каковой должен был существенно изменить социальный и политический облик страны, при этом не разрушая ее многовековых традиций и уклада, в том числе не уничтожая, а модернизируя монархию в соответствии с современными требованиями, освобождая ее от совершенно архаических черт и институтов.

Как бы ни относиться к Думе и сколько бы ни критиковать ее деятельность, нельзя не признать, что это первое в России народное представительство стояло на почве общественного прогресса страны, осуществляемого исключительно в рамках конституционных принципов и норм. Дума стремилась — и немало делала для этого — внести определенное умиротворение в общество, не усугублять, а смягчать отношения между обществом и властью. И если ей не удалось этого добиться, то вовсе не только из-за того, что она плохо работала или, как считают некоторые, с самого начала выступала будто бы против реформ, сознательно мешая их осуществлению. Такой подход не учитывает всей сложности политической ситуации, весьма непростого расклада сил.

Политическая жизнь России в рассматриваемый период представляла собой чрезвычайно пеструю и многоцветную картину, которая к тому же все время менялась, как в калейдоскопе. За событиями, разворачивавшимися в российском обществе и все более усиливавшимися его разобщенность и раскол, современники не всегда могли достаточно четко и с высокой степенью определенности увидеть подлинные интересы и истинные цели общественно-политических сил, партий, организаций и отдельных личностей. Сам «расклад» этих сил нередко оказывался настолько неожиданным, непривычным и непредвиденным, что приводил в замешательство даже тех, кто любой разворот событий пытался объяснить исторической целесообразностью и причинно-следственной обусловленностью.

Российская действительность во многом нарушала привычные схемы, не всегда вписывалась в прокрустово ложе шаблонных подходов и трафаретных оценок. В России как бы происходил невиданный в истории общественно-исторический эксперимент, отличавшийся как своей самобытностью и своеобразием, так и известной таинственностью. Результаты этого эксперимента невозможно было предвидеть. И не было красок, способных передать все оттенки той драматической ситуации, в которой оказалась страна, по существу еще только готовившаяся вступить на путь подлинного обновления и реформирования всех сторон государственной и общественной жизни.

Самое, пожалуй, драматическое состояло в том, что всякий раз, когда в политической борьбе наступало хотя бы небольшое затишье и между обществом и властью устанавливалось хрупкое согласие, позволяющее успешно продвигаться вперед по пути преобразований, так тут же появлялись силы, словно специально предназначенные для того, чтобы не допустить национального единения, вызвать смуту и держать общество в постоянном напряжении. Причем в этих стараниях — и это тоже одно из проявлений специфики политической жизни России — крайне правые нередко смыкались с крайне левыми, силы реакции и силы революции действовали как бы по единому плану, находясь в одной упряжке.

Каким представляется этот расклад сил, каждая из которых выражала определенное направление развития страны? После того как затихли революционные бури 1905—1907 гг., изрядно потрепавшие государственный корабль, и наступило относительное политическое затишье, многие партии, движения и организации всерьез задумались над тем, что же станет с Россией, как пойдет ее развитие дальше, что ожидает ее в ближайшем будущем, какова ее историческая судьба, и, конечно, над тем, что следовало бы предпринять, чтобы остановить процесс разрушения и перейти к созиданию новой России. К этому времени сложились три главных центра, или полюса, сил, от взаимоотношений между которыми зависело состояние дел в государстве. Этими силами были монархия, правительство и Дума.

При всех различиях и даже разногласиях, которые объективно влияли на эти отношения, было и нечто более существенное, что должно было их объединять. При правильном подходе и объективном учете реальных обстоятельств, исходя из интересов государства и народов России, согласие между этими тремя силами было вполне возможно. Оно могло быть достигнуто при условии, во-первых, осознания необходимости перемен в политическом строе в связи с учреждением народного представительства в лице Государственной думы и приданием российской монархии статуса конституционной, а, во-вторых, уверенности в том, что реформирование российского общества будет происходить мирными конституционными методами.

На этой базе вполне возможно было построить эффективное сотрудничество трех сил, в ходе которого постепенно была бы выработана модель политического переустройства общества и программа социально-экономических преобразований, способных придать России новые стимулы для развития и вывести ее на качественно новый виток политического, экономического и социального прогресса. Казалось, что каждая из ветвей власти понимает важность и эффективность такого сотрудничества в интересах России. Председатель III и IV Дум М. В. Родзянко утверждал, что ориентированная на мирный путь развития реформ Дума «основой своей работы положила убеждение в необходимости вести страну путем эволюции, но не революции, к развитию либеральных реформ»³⁸. Председатель Совета министров Столыпин, сменивший на этом посту после роспуска I Думы Горемыкина, прекрасно понимал, что без стабилизации политической обстановки в стране реформы в экономической и социальной сферах не дадут желаемых результатов. А это возможно лишь при условии налаживания отношений между правительством и Думой, чтобы эти отношения носили не конфронтационный, а более или менее конструктивный характер. В этом он стремился убедить и царя. Показательно в этом отношении письмо Столыпина к царю от 9 ноября 1907 г., в котором, в частности, говорится: «Очень благодарен Вашему величеству, что Вы изволили заблаговременно сообщить мне решение Ваше не принимать теперь Государственной думы. Я немедленно через преданных людей принял меры к тому, чтобы во всеподданнейшем адресе просьба об этом была выражена в более общих выражениях, дабы неприем Думы не имел характера отказа в приеме со стороны Вашего величества. Конечно, ни одной душе неизвестно, что мною что-либо докладывалось об этом Вашему величеству. Вместе с тем почитаю долгом своим не скрыть от Вашего величества, что у большинства членов Государственной думы желание видеть своего царя самое горячее и искреннее. Это все люди земли, одушевленные к Вашему величеству лучшими верноподданническими чувствами. Независимо от их будущей думской работы, они сами по себе достойны милостивого внимания Вашего величества.

Простите, государь, что смею высказать свое мнение, но пишу это в надежде, что Ваше величество не изволит, быть может, отказаться от первоначального своего намерения принять членов Думы отдельными группами»³⁹.

Однако и мирный путь развития России, и сотрудничество между указанными силами не получили своего воплощения на практике. Как это ни парадоксально, но в неприятии такого именно — мирного — пути для России фактически сошлись крайне правые и крайне левые силы. Первые боялись утратить свое влияние, положение и престиж в обществе, а позиция вторых объяснялась их историческим нетерпением, нежеланием считаться с объективным и естественным ходом общественного развития, стремлением искусственно форсировать события. Силы, признававшие единственной формой государственности в России абсолютизм, если и допускали народное представительство, то лишь в качестве законосовещательного органа, избирательное же право строили на сословных и классовых началах⁴⁰.

Иногда в исторических сочинениях в качестве особой и даже самостоятельной силы выделяется окружение царя, его многочисленные наставники

и советники, так называемая придворная камарилья, влиянию которой на государственные дела нередко придается преувеличенное значение. Ей иногда отводят чуть ли не такую же роль, как правительству, а то и ставят выше его, утверждая, что при самодержавном режиме существуют как бы два правительства: одно официальное — кабинет министров, другое неофициальное, закулисное — придворная камарилья.

Нисколько не принижая пагубного влияния этих сил, нельзя вместе с тем не видеть и того, что место их в обществе и роль были значимы в той мере, в которой это соответствовало желаниям и устремлениям самого монарха. Группировавшиеся вокруг него лица влияли на развитие событий тогда и постольку, когда и поскольку они отражали и выражали взгляды царя и соответствовали его собственному видению государственных дел и развития событий.

Нельзя не согласиться с Е. В. Тарле, который, критикуя С. Ю. Витте за его традиционно шаблонный подход к объяснению причин, по которым Николай II приближал к себе те или иные фигуры, справедливо заметил: «Все это тот прочно утвердившийся лубок, который, собственно, не в состоянии выдержать даже первого прикосновения критического анализа. Почему на императора Николая всегда «имели влияние» только такие ротмистры или гадалки, или тибетские врачи, которые говорили и были готовы делать, то, чего твердо желал еще до их пришествия сам Николай; почему ни разу не было такого ротмистра или прорицателя, или колдуна, который хоть в чем-нибудь разошелся бы с пристрастиями императора Николая II и хоть один день после этого сохранил бы «влияние»; каким образом «некий отставной ротмистр» мог без малейшего труда побороть Витте, не представляя собою и не имея за собою абсолютно никакой собственной силы, никакого значения, будучи в петербургском свете полным нулем во всех отношениях,— все эти вопросы ничуть Витте не беспокоят»⁴¹.

Отношения между тремя силами все чаще определяли взаимное недоверие и подозрительность. Царь не доверял до конца правительству. Отсюда постоянная перетряска кабинета министров, назначения на ключевые посты людей, малопригодных для ведения государственных дел, а нередко и просто скомпрометировавших себя на прежних должностях. Монарх, часто с подачи своего окружения и правительственных чиновников, крайне настороженно и недоброжелательно, если не сказать злобно, относился к Думе. Определенное недоверие императора к Думе объяснялось еще одним обстоятельством. В позиции многих депутатов, представлявших главным образом либеральные взгляды, он усматривал явное тяготение к Западу и известное пренебрежение к русским историческим традициям и российским ценностям. Его раздражали постоянные обращения к опыту Запада, стремление перенести на российскую почву модели развития, формы и методы управления государством, выработанные в иных условиях и отвечающие интересам и требованиям той цивилизации, которая во многих своих чертах и проявлениях отличалась от того, чем жил и о чем мечтал российский самодержец. У России, считал он, своя судьба, и он верил в эту судьбу.

Правда, к III Думе царь был более снисходителен. Он даже счел для себя необходимым прибыть на ее заключительное заседание и выступить с речью. Это была единственная из четырех Дум, которая просуществовала весь предусмотренный законом пятилетний срок. Первая Дума работала всего 72 дня, вторая чуть больше — 103 дня (обе были распущены), а последняя, четвертая, просуществовав без малого пять лет, формально прекратила свою деятельность 6 октября 1917 года.

Выступая перед депутатами III Думы, монарх высказал свое удовлетворение тем, что Дума, несмотря на то, что ее работы, как он выразился, «часто отличались излишней страстностью», приняла ряд важных законов: о землеустройстве, народном образовании, по вопросам обороны государства⁴². Однако председатель Думы Родзянко полагал, что при прощальной аудиенции перед роспуском III Думы император в своем прощальном слове не проявил благосклонности, и депутаты, не чувствовавшие за собой никакой вины и ожидавшие иного к себе отношения со стороны

верховой власти, разъехались огорченные и оскорбленные⁴³. Очевидно, Родзянко имел в виду ту часть речи императора, где было сказано: «В течение 5 лет я внимательно следил за работами в Государственной думе и не скрою от вас, господа, что некоторые дела получили не желательное для меня направление»⁴⁴. Родзянко понимал, что вслед за III Думой придет четвертая, которая по своему составу будет значительно правее. Именно так и произошло, ибо в ходе избирательной кампании были пущены в ход все средства, чтобы не допустить в Думу прогрессивно мыслящих депутатов.

Неудовлетворенность работой Думы росла и в российском общественном мнении. Это было вызвано, в частности, тем, что не только царь и правительство, но многие представители широких кругов общественности придерживались той точки зрения, что Дума, поставив себя в положение парламента западного типа и пытаясь осуществлять те же функции, по существу не учитывала того важного обстоятельства, что парламентаризм не мог в одночасье вписаться в российскую действительность, что этот процесс требует определенного, скорее всего, длительного времени, в ходе которого должен будет не только обновиться общественный и государственный строй России, но и измениться психология людей, которые могли бы спокойно воспринимать новые и непростые взаимоотношения между различными ветвями власти.

Любое форсирование событий могло лишь затормозить обновленческий процесс. Именно это и произошло. Каждая из политических сил, претендуя едва ли не на исключительную власть, ослабляла другие силы, ослабляла и себя. В этом проявилась определенная недальновидность первого российского парламента, который в значительной мере по собственной вине не использовал того шанса, который дала ему история, и не оправдал всех надежд, которые связывали с Государственной думой подлинно прогрессивные и демократические силы России.

(Продолжение следует)

Примечания

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 579, оп. 1, д. 66, л. 1.
2. См. ЦИТРОН А. 72 дня первого русского парламента. СПб. 1906, с. 6.
3. ВИНАВЕР М. Конфликты в первой Думе. СПб. 1907, с. 17—18.
4. См. БОРОДИН Н. А. Государственная дума в цифрах. СПб. 1906, с. 21.
5. Государственная дума. Созыв первый. Стенографические отчеты. Т. II. СПб. 1906, с. 1132.
6. Депутат первой Думы от Псковской губернии Гейден отмечал: «Когда я слушаю речи с этой кафедры, мне часто представляется, что я не в Думе, а на митинге, так как говорят общие места, очень блестящие, очень пышные, но к делу все как-то не подступают, все ограничиваются одними общими местами, и дают даже иногда справки, совсем не согласные с нашими законами» (там же, с. 1101).
7. По мнению М. М. Винавера, в подобных политических столкновениях между Думой и правительством повинно было правительство, которое, как он пишет, «замыслило дьявольский план: затравить Думу обречением ее на бездеятельность. И если такой демонический план и не был сознательно составлен и исполнен, то, однако, он сам собою классически слагался; история как будто сама демонически издевалась над нами» (См. ВИНАВЕР М. Ук. соч., с. 68).
8. Цит. по: КИЗЕВЕТТЕР А. А. Сергей Андреевич Муромцев, председатель первой Государственной думы. М. 1918, с. 7—8.
9. Государственная дума. Созыв первый. Стенографические отчеты. Т. I. СПб. 1906, с. 3.
10. КИЗЕВЕТТЕР А. А. Ук. соч., с. 13—14.
11. МУРОМЦЕВ С. Статьи и речи. Выпуск V: в области политики и публицистики (1880—1910). М. 1910, с. 120.
12. Там же, с. 121.
13. Бывший командир корпуса жандармов П. Г. Курлов в своих воспоминаниях утверждает,

что роспуск I Думы имел своим последствием лишь эту фразу ее председателя Муромцева и что на Выборгское воззвание население совершенно не реагировало (см. КУРЛОВ П. Конец русского царизма. М.-Пг. 1923, с. 60).

14. См. Венок на могилу Сергея Андреевича Муромцева. М. МСМХ.
15. Государственная дума. Созыв первый. Стенографические отчеты. Т I, с. 79.
16. Там же, с. 157.
17. Там же, с. 239—240.
18. КОКОВЦОВ В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903—1919 гг. Кн. I. М. 1992, с. 163—164.
19. У определенной части депутатов действительно проявлялось стремление немедленно установить контроль Думы за деятельностью исполнительной власти. О наличии таких настроений говорил в своем выступлении депутат от Орловской губернии Стахович: «Будущее себя покажет; тогда мы, может быть, будем иметь убедительные основания ходатайствовать о присвоении нам права верховного управления Россией, но покуда Дума себя не выказала на деле, я считаю эту претензию преждевременной» (Государственная дума. Созыв первый. Стенографические отчеты. Т. I, с. 154).
20. См. КУРЛОВ П. Ук. соч., с. 60.
21. См. Венок на могилу Сергея Андреевича Муромцева, с. 46—47.
22. ГАРФ, ф. 102, оп. 265, д. 308, л. 6.
23. Там же, л. 21.
24. Там же, л. 46.
25. Речь министра народного образования А. Н. Шварца и в самом деле по своей тональности была резкой и неуважительной по отношению к депутатам Думы, которые при обсуждении представленного министерством бюджета высказали массу серьезных критических замечаний как по бюджету, так и самой школьной системе. Обвинив выступивших депутатов в предвзятости и заявив, что они глумятся над школой, ее деятелями и пытаются разрушить устои школы, он сказал буквально следующее: «Но подумайте, пожалуйста, господа! Той «детской резвости», употребляя выражение Пушкина, с которой вы колеблетесь устои этой школы, той нашей русской школы, которую нам Бог послал... Господа, школа и ее развитие — часть нашей истории; что делать, какая была, такая и есть. Вы этим чего-нибудь достигнете? Та критика и разговоры, которые мы так долго здесь слышим, внесут ли они в эту школу элемент оздоровления? Не думаете ли вы, что они внесут в нее скорее смуту, как внесли в нее те разговоры, которые так неосторожно велись во время Боголеповской комиссии? Во всяком случае, дисциплины и порядка, без которого немислимо учение, они в нее не внесут, будьте в этом уверены» (Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Ч. III. СПб. 1908, с. 2739).
26. ГАРФ, ф. 102, оп. 265, д. 308, л. 15об.
27. Там же, л. 57.
28. Там же, д. 566, л. 1024.
29. Там же, д. 583, л. 2732.
30. Там же, д. 585, л. 2935.
31. Там же, л. 2981.
32. Там же, л. 2979.
33. Там же, д. 981, л. 35.
34. Там же, л. 36.
35. Там же, л. 45.
36. Там же, л. 84.
37. Там же, ф. 555, оп. 1, д. 508, лл. 4—18.
38. РОДЗЯНКО М. В. Государственная дума и Февральская 1917 г. революция. Ростов-на-Дону. 1919, с. 8.
39. ГАРФ, ф. 601, оп. 1, д. 1352, л. 3.
40. См. ГУЧКОВ А. И. Речь, произнесенная 5-го ноября 1906 г. председателем Центрального Комитета Союза 17-го октября на общем собрании в С.-Петербурге в зале дворянского собрания. М. 1906, с. 5.
41. ТАРЛЕ Е. Граф С. Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики. Л. 1927, с. 41.
42. ГАРФ, ф. 555, оп. 1, д. 57, л. 1.
43. РОДЗЯНКО М. В. Ук. соч., с. 8.
44. ГАРФ, ф. 555, оп. 1, д. 57, л. 1.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Очерки русской смуты

Генерал А. И. Деникин

Том четвертый. Вооруженные силы Юга России

При составлении последних томов «Очерков Русской Смуты» я получил возможность пользоваться многими официальными и частными материалами — зачастую такими, которые в свое время мне не были известны. Это обстоятельство расширяет осведомленность мою как составителя «Очерков» по сравнению с той, которою я обладал в качестве главнокомандующего.

Читатель примет это во внимание в тех случаях, когда в книгах грань между элементами прошлого и настоящего проведена не достаточно ясно.

А. Деникин

Глава I. Крушение Германии и его ближайшие последствия для России

Эпилог мировой войны вызвал глубокие сдвиги в ходе русской смуты. Падение Центральных держав — неизбежное, намечавшееся давно уже целым рядом зловещих признаков, явилось все же неожиданным по своей стремительности и катастрофическим размерам. Не только реальные последствия его, но и сама грандиозность события ошеломили и победителей, и побежденных, и тех, что стояли уже за сценой мировой трагедии, но были еще связаны прочными цепями с одной из сторон.

В ближайшие месяцы после окончания войны мы станем, поэтому, свидетелями крайней неустойчивости и непонятных на первый взгляд противоречий в политике держав-победительниц. Мы увидим также, что те скрепы, которые в 1914 г. искусственно связали мир в два взаимно враждебных лагеря, начинают понемногу рушиться, и пути народов расходятся вновь. Что, наконец, в нравственный облик человечества конец борьбы не внес умиротворяющего начала, но углубил еще более последствия войны и революций: безбрежную ненависть, разлившуюся по всему свету, и бездонный эгоизм — государственный, классовый и личный. Изменились «театры», средства и способы, но сама борьба не стихла.

Наиболее разительные противоречия в этот период являет собою жизнь Российского государства. В течение 6—8 месяцев от Балтийского моря до Азовского стояла сплошная стена немецких штыков, отделявшая 19 губерний¹ от советских владений. По одной стороне этого рубежа шло неприкрытое расхищение или балканизация российской территории и тяжелая экономическая эксплуатация ее. Но жизнь и достояние населения находились там под защитой чужеземной власти,

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 3—12; 1991, №№ 1—12; 1992, №№ 1—9, 11—12; 1993, №№ 2, 4—6.

поскольку, впрочем,.. полевая юстиция и широкая реквизиция не попирали права. По другой стороне бушевала анархия...

Немецкий кордон, создавая тесную блокаду советской России, отрезая ее от морей, житниц и угля, ставил в весьма тяжелое положение всю политико-экономическую жизнь страны. Но он имел и некоторые положительные стороны для Советов: присутствие немцев и договорные отношения с ними обеспечивали советские пределы от вторжения с запада какой-либо иной враждебной внешней силы ² и, вместе с тем, в районе оккупации не допускали сколько-нибудь серьезной организации противобольшевистских элементов. Австро-немецкая оккупация давала Советам «передышку», столь необходимую ввиду надвигавшейся с Востока и Юга опасности.

Поражение Центральных держав должно было в корне изменить это положение. И по одну, и по другую сторону «стены» возникла продиктованная, где надеждой, где страхом, уверенность в том, что изменятся лишь внешние декорации; что австро-германцев сменят союзники, и военно-экономическая блокада советской России примет огненный характер активной интервенции. Русская общественность видела в такой постановке вопроса естественное продолжение борьбы и морально связывающих союзнических отношений, видела и существенные интересы самих держав Согласия, для которых распространение большевизма представляло прямую и явную угрозу. Так же думали и большевики: «Опасность велика,— говорил Троцкий,— (тем более), что у союзников руки развязаны... Вся история сейчас, как в одном комке, сгустилась для нас в этом вопросе» ³. Но не только мотивы чисто умозрительные поддерживали это убеждение: оно основывалось на письменных актах держав Согласия и, как увидим ниже, на официальных заявлениях ответственных их представителей.

29 октября Германия приняла условия перемирия, продиктованные ей победителями. В части, касающейся России, Согласие потребовало: отхода австро-германских войск Восточного фронта на государственную границу 1914 г., не определяя, однако, срока; эвакуации портов Черного моря с выдачей союзникам всех судов и портовых материалов — германских, нейтральных и русских; аннулирования Брест-Литовского договора; возвращения русского золотого запаса ⁴; обеспечения свободного прохода союзного флота через Каттегат в Балтийское море. Через два дня общие условия перемирия были несколько изменены в пользу Германии, причем очищение областей, «принадлежавших перед войной России», было отложено до того момента, когда союзники признают его возможным, сообразно внутреннему положению этих областей. Немцы обязывались лишь прекратить реквизиции и иные принудительные меры, имевшие целью «добыть вспомогательные средства в России», и открыть свободный доступ союзникам на восток через Данциг и Вислу «для обеспечения населения продовольствием и поддержания порядка».

Насколько серьезны были первоначальные намерения союзников в этом отношении, русская общественность не отдавала себе ясного отчета. Но отовсюду — из западных областей, с Украины, с Юга и из Крыма — от правительственных кругов, общественных и политических групп всеми доступными путями текли просьбы к союзникам об интервенции и, вместе с тем, об оставлении в оккупированных областях германских войск впредь «до смены». Эти пожелания разделялись отчасти и германским командованием на Востоке, хотя бы по техническим соображениям: оно стояло перед стихийным напором солдатской массы, стремившейся вернуться домой, и, вместе с тем, перед полным расстройством — временами параличом — транспорта: на Востоке — от общего неустройства, социальной и экономической распри, повстанчества и бандитизма; в Германии — от первых потрясений революции и хлынувшей с фронта трехмиллионной армии, затопившей всю железнодорожную сеть страны.

В результате главная немецкая квартира в Киеве давала успокоительные заверения делегациям киевского населения, что германская армия «не покинет края, так как явилась она сюда не для завоевания, а по приглашению украинского народа для его защиты». И в то же время в приказе войскам определялся порядок начавшейся уже эвакуации — первоначально Крыма — с требованием сохранения войсками дисциплины и порядка, без чего невозможно благополучное возвращение их на родину... А злополучное украинское правительство, для которого уход немецких войск знаменовал приближение конца, чтобы успокоить возбуждение немецких

солдат и, вместе с тем, снискать расположение союзников, вынуждено было говорить, скрывая свое тяжелое положение: «Слухи, будто правительство преднамеренно задерживает отправку германских войск на родину,.. настолько бессмысленны, что только злонамеренность могла их придумать. Украинская держава ни в каком отношении не может быть заинтересована в удержании на своей территории германских войск»⁵.

Отношения советской власти с официальной Германией долго оставались неопределенными. В октябре берлинская полиция обнаружила в багаже приехавшего советского представителя тюки прокламаций, призывавших немцев к убийствам и террору. Только тогда немецкое правительство решилось наконец принять меры в отношении «русского посольства», где под защитой экстерриториальности вел разрушительную работу тесный комплот русских большевиков, немецких спартаковцев и «независимых»¹. «Большевицкий яд,— говорит Гельферих^{II},— через русское посольство был привит немецкому народному организму. В благодарность за спасительную помощь, оказанную нашим правительством большевизму, он отблагодарил организацией революции в Германии, несомненно способствовавшей нашей катастрофе». Это довольно распространенное мнение страдает, конечно, большой односторонностью: как весной 1917 г. не одно только немецкое золото послужило причиной распространения в России большевизма, так и в конце 1918 г. не одна только агитация Иоффе^{III} и его сподвижников вызвала восстание спартаковцев...

Отношения с Советами были порваны. Германское правительство потребовало отъезда из Германии в 24 часа всех находящихся в Берлине «русских официальных лиц» и одновременно отзывало своих представителей из Москвы. Это выступление побежденной уже Германии все же произвело в Москве известное впечатление, и Чичерин предостерегал «всех военкомов, командиров и Советы»⁶, что «хотя нет признаков, заставляющих ожидать военного выступления германцев, но следует быть наготове, на случай всяких неожиданностей со стороны Германии». В то же время из Москвы по всем направлениям передавались призывы к «немецким товарищам» — свергнуть «правительство принцев (Макс Баденский), капиталистов и предателей... Шейдемановцы с Эрцбергером^{IV} продадут вас... Они договорятся с английскими и французскими капиталистами о разоружении... и тогда обратят вас в рабов. Только с оружием в руках вы захватите власть в свои руки и образуете рабоче-солдатско-матросское правительство с Либкнехтом во главе»⁷.

27 октября разразилась в Берлине революция, и власть в Германии перешла к директории (по 3 члена от социал-демократического большинства и независимых) во главе с Эбертом^V. По образцам, выработанным русской революцией, повсюду в стране — в городах, гарнизонах, на фронте — возникли советы солдатских и рабочих депутатов. В Берлине образовался главный совет, выделивший из своего состава центральный исполнительный комитет из 27 членов. Совет и комитет делали попытки правотворчества и декларирования максималистских принципов, но, тем не менее, признали исполнительную власть директории.

Немецкая революция возбудила в советском стане безграничные надежды. Волны радио несли из Москвы «восторженные приветствия», «оплакивали жертвы, павшие в священной борьбе», и были полны такой плакатной пошлости и такого неприкрытого эгоистического ликования, что произвели, вероятно, гнетущее впечатление в поверженной стране, переживавшей свой национальный траур. Откликнулся берлинский совет рабочих и солдатских депутатов, но с ним невозможно было технически установить прочную связь. Правительство же Эберта — Гаазе, «стоя на основах нормальных правовых взаимоотношений», явно уклонялось от близкого общения с московской властью, под предлогом оскорбления германских консулов Москвы и Петрограда, с которыми совет комиссаров «как с представителями Гогенцоллернов» отказался продолжать сношения. А главное — германское правительство подчеркивало, что оно «не в состоянии устранить те препятствия, которые могло бы встретить на пути своего возвращения русское посольство (Иоффе)»⁸.

И московское радио начало мало-помалу менять ликующий тон своих сообщений. Посыпались жалобы «всем, всем, всем», что «русское правительство стремится вступить в связь с товарищами нового германского государства, но тщетно, несмотря на искренне выраженное желание берлинского рабочего народа». Просьбы, встречаемые с недоверием, «установить прямой провод Ковно — Берлин, во избе-

жание кровавых столкновений в оккупированных областях». Щедрые посулы — в уплату за возобновление дипломатических отношений: «Два поезда с зерновыми продуктами стоят наготове для трудового немецкого народа... И это только лишь начало»⁹. Пресловутые «два поезда» в советской политике считались, очевидно, золотым ключом к сердцу германского народа, так как о них говорится в нескольких телеграммах Чичерина, наряду с предложением другого важного предмета экспорта: Чичерин просил также о пропуске в Берлин «всех представителей московского совета немецких солдатских депутатов» и беспрепятственного распространения в стране «документов, изготовленных в Москве... немецким революционным солдатством». Нетерпение советского правительства было так велико, что уже на 9-й день германской революции московское радио не могло побороть его: «Скорбь, раздражение усиливаются от доходящих до нас сведений, что немецкие революционные рабочие и революционные солдаты не пытаются вовсе проявить свою солидарность перед лицом этой опасности...¹⁰ Правительство обращается с призывом к революционным массам в Германии».

В это время германский народ сам, без содействия московских правителей, вернее, вопреки ему, разрешал вопрос своего бытия. Группа Либкнехта (спартаковцы), поддерживаемая большевистским золотом, в конце декабря произвела восстание, кроваво подавленное войсками, верными правительству; вожди независимых — Либкнехт и Роза Люксембург были убиты; созванное на 6 января 1919 г. Национальное собрание установило новую конституцию германской республики. Первому правительству ее пришлось вскоре (в феврале) напрячь большие усилия к подавлению нового восстания спартаковцев, охватившего Баварию, но это была уже последняя серьезная вспышка воинственного коммунизма.

Революция охватила только страны побежденные. Психология победителей оказалась не восприимчивой к проповеди крушения современного государственного строя. Но и там, в стране побежденных, события протекали иначе, чем в России: Германия, за ней Венгрия, в силу индивидуальных черт народного характера, особенностей социально-экономического строя и не без влияния наглядных результатов русского опыта, избегли участи, предначертанной судьбою русскому народу. Это обстоятельство похоронило надолго надежды московских коммунистов на близкую возможность мирового пожара.

Не достигнув желательных результатов в сношениях с центральной германской властью, советское правительство обрушилось всеми средствами агитации и пропаганды на войска Восточного австро-германского фронта. Делегации, воззвания, телеграммы внушали фронту идеологию и практику русского большевизма, в том числе необходимость «расправиться со своими офицерами и генералами, так как только вступление во власть солдат и рабочих вызовет доверие в пролетариате Англии и Франции, и он заставит свои правительства заключить почетный мир». Ставились общие задачи и более активные: «В России, на Украине, на Дону и в Кубанской области есть хлеб для нас и для вас. Поэтому-то англичане спешат, чтобы помочь генералам Скоропадскому, Краснову и Деникину вырвать хлеб у рабочих. Если вы хотите хлеба, то спешите действовать. Германские рабочие и солдатские и матросские советы должны немедленно по радиотелеграфу приказать находящимся на Украине частям напасть на красновские банды, в то время, как Красная армия атакует (их) с севера... Совместно мы можем в две недели раздавить их».

Все эти призывы, влияя на ускорение общего развала австро-германского фронта, бессильны были, однако, побудить к действиям людей, все помыслы которых были направлены к возвращению на родину, объятую пожаром, к своим очагам, затерянным в его пламени и дыме. Этот момент в психологии оккупационных войск на западе России сыграл такую же решающую роль, как и в чехословацком движении на Востоке.

Не достигнув результата в привлечении на свою сторону германских войск, советская власть вскоре изменила тактику: московское радио стало разносить по свету воззвания новоявленных «рабочих и крестьянских правительств Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии» и проч., возникших на стогнах Москвы и требовавших скорейшего ухода оккупационных войск.

Развал разноязычной, разноплеменной австрийской армии с потерей идеи общей государственности проявился немедленно и окончательно. На пространстве

от Елисаветграда до Одессы и до Новоселиц распущенные банды австрийцев при содействии темных элементов русского населения, иногда при участии крестьян целых деревень, стекавшихся к городам и станциям, жгли, грабили магазины, базисные склады, запасы спирта и в пьяном угаре учиняли погромы. Австрийские офицеры, бросив свой походный скарб, бежали сотнями в зону германской оккупации. Командующий австрийскими войсками в Одессе покончил с собой, не вынеся картины развала. Австрийские оккупационные войска сразу перестали играть роль внешнего военно-политического фактора в «русском вопросе», увеличив лишь собою ряды разбойной вольницы, поддерживавшей в крае анархию.

Германские войска не избежали общей участи, восприняв все внешние формы русской «революционной армии». С разных сторон шли вести о разложении немецких частей, о волнениях, митингах, оскорблениях, убийствах офицеров, самовольном уходе частей из занятых районов и повальном дезертирстве солдат, торопящихся на родину. Одновременно шла широкая спекуляция и распродажа военного имущества, лошадей, оружия и даже пушек. Все это было.

Но было и другое: в мятущейся солдатской массе шла внутренняя борьба анархического мятежного начала с врожденной дисциплиной немецкого ума и духа, не позволившей переступить ту последнюю грань, за которой начинается самоубийство армии и нации. Германская армия перестала существовать, но осталась все же вооруженная сила, хотя и не желавшая больше воевать, но достаточно еще крепкая и организованная, чтобы в минуту отчаяния проложить себе путь на родину. Правительство Эберта — Гаазе — Шейдемана требовало от армии, чтобы, «несмотря на все обстоятельства, военная дисциплина и уголовный кодекс сохранялись в неприкосновенности».

Из Ковно, Киева и других военных центров, из высших советов солдатских депутатов раздавался трезвый голос о поддержании порядка. «Мы твердо решили удалить из своей среды все элементы, могущие вредить социалистической идее солдатских депутатов, но... энергично протестуем против всякого большевистского движения в нашей среде... Мы не допустим над собой насилия никакого террористического меньшинства,— писал в воззвании-приказе Ковенский совет. Словно по внушению, почти все солдатские комитеты выносили резолюции, сводившиеся к трем основным положениям: 1) сохранить организацию планомерного очищения оккупированной территории и правильной отправки войск в Германию; 2) до своего ухода оказывать противодействие наступлению советских войск; 3) в случае внутренних восстаний держать нейтралитет.

В ноябре начался исход. Даже в техническом только отношении это была задача огромной трудности. Ибо на территории пылающей России от Балтийского до Черного морей стояла еще полумиллионная армия — 36 австро-германских дивизий, удаленных от своих государственных границ от 600 ¹¹ до 3 ¹/₂ ¹² тысяч верст.

Глава II. *Внутреннее и военно-политическое положение советской России к концу 1918 года*

К 1919 г. положение советской России во мнении не только врагов коммунистической власти, но и правителей ее представлялось глубоко безотрадным. В стране не было свободной печати, но и казенная, и подневольная ¹³ изо дня в день рисовала картину полного и безнадежного развала всех сторон народной жизни. Советские правители в своих многочисленных выступлениях под маской официального оптимизма не могли скрыть своей жгучей тревоги. Перечитывая теперь, спустя пять лет, все эти поблекшие от времени и «проявленные» в некоторой исторической перспективе страницы — свидетельства наших тогдашних настроений, видишь, насколько далеки были и мы, и они от правильной оценки мощных туков расийской почвы, которую не может обесплодить вконец даже самое варварское, истребительное хозяйничанье; от оценки неисчерпаемых богатств, накопленных веками трудом народа и расточаемых трутнями и хищниками смутного времени; необыкновенной живучести народного организма, противостоящего невзгодам ряда лет войны, голода, мора, морального и физического рабства; наконец, как далеки мы были от понимания того безграничного долготерпения и непротivления русского народа, с которым он несет свое постылое ярмо!..

Все отрасли народной хозяйственной жизни шли к окончательному упадку, ведя к продовольственному и товарному голоду и к параличу транспорта. Государственные финансы держались только мощностью печатных станков¹⁴ и инерцией общественного доверия к государственным денежным знакам старого образца. Достоинно внимания, что с 25 октября 1917 г. до апреля 1919 г. советское правительство не решалось подвергнуть испытанию доверие страны к «рабоче-крестьянской власти» и печатало фальшивые билеты Временного и царского правительства — по старым клише, со старыми годами, дублируя нумерацию, и за подписью «царского» министра и управляющего государственным банком Шипова...

Немногочисленный правящий класс — коммунисты, составлявшие едва 1/2% населения советской России, изображали из себя в стране осажденный лагерь. Московская власть кроила по живому телу страны «новые, небывалые формы организации», издавала и отменяла декреты и одновременно вела борьбу против всех.

Борьбу против самовластия мест, где комиссары, комитеты, советы с их чрезвычайными комиссиями «расхищали власть центра», проявляя нетерпимый областной (местный) партикуляризм... Где, по выражению Ленина, «правила не коммунистическая партия, а просто трехвостка». Откуда, с низов общественной иерархии, из волости доносился вопль: «Члены Советов губят нас, насилуют нашу волю, над нами издеваются, как над бессмысленными скотами»¹⁵.

Борьбу с фабрично-заводскими комитетами, отстаивавшими свои элементарные права против кабальной системы, введенной коммунистической администрацией фабрик и заводов, права на личную свободу, на «вольный труд» и голодный паек, низведенный в первую треть 1919 г. до размеров 30% минимальной потребности...

Борьбу с кооперацией, которая декретом 20 марта 1919 г. была обращена в государственный аппарат, с мертвящей рутинной советского бюрократизма...

Продолжалась борьба — широкая, вооруженная — власти и города против деревни... Вооруженный пролетариат шел походом на деревню не только за хлебом, но и за землей: удержание в руках государства значительной земельной площади (совхозы), официально объяснявшееся соображениями государственного порядка, имело обоснованием чисто классовые соображения: «Надо закреплять и поддерживать движение рабочих на землю без разрыва с фабрикой», — комментировал Ларин^{VI} советский декрет. «Рабочий заинтересован в производительности завода, несущей ему освобождение от невыносимого гнета продовольственной диктатуры деревни». Деревня оборонялась по-своему: пассивно — уменьшением общей запашки до 40% и сокращением посевов технических растений до 75%; активно — «голодными бунтами» в уездах северной и центральной России, непрекращавшимися крестьянскими восстаниями, охватившими Московскую, Тамбовскую, Смоленскую, Рязанскую, Костромскую и другие губернии.

Наконец, борьба жестокая, истребительная продолжалась против русской буржуазии, интеллигенции, людей науки и литературы, служителей церкви, бывшего офицерства. Словом, «борьба против Бога, человека и природы». Террор «Че-ка» по-прежнему не знал границ в числе своих жертв и в жестокости мучителей.

Не избегли гонения советской власти и социалистические партии, бывшие на полуполюгальном положении до февраля 1919 г., когда им был нанесен большой удар многочисленными арестами видных членов. С тех пор прекратилась всякая легальная деятельность в советской России соц[иалистов]-рев[олюционеров] и соц[иал]-дем[ократов] и органы их ушли в подполье. Тем более странным представлялся тот поворот в партийных взглядах и тактике этих партий, который привел их к безрезультатным попыткам соглашения и к отказу от вооруженной борьбы с большевиками.

Официально в постановлении московской конференции соц.-рев., состоявшейся 6—9 февраля 1919 г., мотивы такого решения приведены были следующие¹⁶: «...4. Все более объединяющаяся буржуазно-помещичья реакция, питаясь методами большевистской власти и опираясь на поддержку союзного империализма, стремится восстановить в России дореволюционные порядки и свергнуть страну во власть монархической реставрации. Непримируемая борьба с ней трудящихся классов диктуется их жизненными интересами». «...8. Конференция решительно отвергает попытки свержения советской власти путем вооруженной борьбы, которая при распыленности и слабости трудовой демократии и все растущей силы контрреволюции

служит только на пользу последней и используется реакционными группами в целях реставрации».

Позиция соц.-дем.-меньшевиков в этом вопросе была более туманной, хотя и приводила к тем же результатам. Лидер меньшевиков Дан говорил обратившемуся к нему представителю Национального центра: «Мы не считаем возможным сохранить наш прежний нейтралитет по отношению к той или иной части демократии, которая связывает себя с союзниками, потому что объективно эта часть демократии теперь становится врагом революции... Мы стоим за такое Учредительное Собрание, которое рождено революционной волей. А чтобы создать такую волю, необходимо прекратить, прежде всего, гражданскую войну между двумя частями демократии — крестьянством и пролетариатом. Навязать эту волю силой пролетариату нельзя. Поэтому наша тактика должна быть направляема к тому, чтобы рабочие-большевики сами бы пришли к необходимости соглашения с другими частями демократии. Вот почему, мы являемся решительными противниками свержения большевиков вооруженной силой в союзе с имущими классами».

Без сомнения, такая мотивировка была не искренней. Она прикрывала моральное и политическое бессилие и одиночество революционной демократии. Исторические и социальные процессы привели к созданию на территории России трех разнородных вооруженных сил: Белой, Красной и Зеленой армий. Ни в одной из этих сил революционная демократия не могла создать себе не только политического главенства, но и сколько-нибудь прочного влияния. Ходом событий она была отброшена поэтому в сторону от поля битвы, не переставая, однако, и затем наносить извне удары, направленные по преимуществу в сторону белого движения.

Тяжело было положение советской власти и в области международных отношений: после падения Центральных держав изменился состав внешних фронтов, но блокада — политическая, экономическая, моральная и стратегическая — замкнулась окончательно, отрезав советскую Россию от внешнего мира.

В октябре 1919 г., давая отчет о внешней политике Советов за два минувших года, Чичерин характеризовал ее, как отчаянные попытки «вырваться из изолированного положения». До осени 1918 г., в период полной ненадежности государственного аппарата и армии, это было достигнуто ценою Брест-Литовска, используя противоположение интересов Соглашения и Центральных держав. С тех пор как выяснилось близкое крушение Германии, совет комиссаров начал всевозможные попытки сближения с державами Соглашения, впоследствии и с западными новообразованиями, ценою хотя бы тяжелых материальных и территориальных компенсаций.

Советская власть отнеслась с серьезным беспокойством к новой военно-политической конъюнктуре. В своем докладе 6-му съезду Советов в конце октября Бронштейн говорил: «В связи с зимним временем, на севере нам опасность не грозит, (но) на южном фронте до сих пор дела обстоят плохо... На юге нам грозит объединение немецко-красновских банд с французско-бельгийско-алексеевскими».

В начале октября Чичерин опубликовал в московских «Известиях» свою ноту президенту Вильсону VII, составленную в обычном стиле большевистского лживого пафоса: «Мы готовы... заключить перемирие, если вы намерены удалить войска с Мурмана, Архангельска и Сибири. Мы согласны заключить мир, но ставим следующий вопрос: намерены ли правительства Соглашения перестать требовать крови русского народа, если он согласится уплатить и откупиться от них... Если да, то какую дань требуют союзники концессиями, рудниками, приисками и территориями. Если вы не дадите ответа, то народ русский поймет, что условия Соглашения столь тяжелы, что вы не желаете даже сообщить их русскому правительству».

Нота эта, предназначенная, очевидно, исключительно для агитации, осталась без ответа. 21 октября Чичерин вновь уже в более корректных выражениях обратился по радио к державам Соглашения, «желая положить конец враждебным действиям», с запросом — когда и куда должны прибыть советские представители для переговоров... В то же время (конец октября) всероссийский ЦИК принял резолюцию об аннулировании Брест-Литовского мира...

Наконец, в ноте от 4 февраля советское правительство пошло на полную капитуляцию: оно предлагало за мир «признать свои финансовые обязательства по отношению всех кредиторов (так в тексте.— *Ред.*), как государств, так и отдельных лиц, входящих в состав союзных держав», выражало готовность «предоставить

концессии на рудники, леса и т. д. гражданам союзных держав», и даже... «вести переговоры с союзными державами по вопросу о территориальных уступках».

Эти попытки чередовались, впрочем, с резкими призывами московского радио от имени III Интернационала¹⁷, коммунистической партии и отдельных представителей советской власти — призывами к низложению буржуазных правительств Европы, для которых персонально и огульно в большевистском лексиконе находились самые презрительные определения. В то же время между советом комиссаров и германским правительством, по официальной большевистской терминологии — «социал-предателями и палачами», шли также переговоры: тайно — о политическом и военном соглашении и открыто — о восстановлении экономических отношений обоих государств. Особенности нового «пролетарского» языка и приемов большевиков перестали, по-видимому, смущать реальных политиков Запада, привыкших по традиции облекать в изысканную форму даже тягчайшие акты насилия и теперь искавших безнадежно выхода в игре, небывало запутанной и осложненной грубым политическим и социальным шантажом.

Все эти многократные попытки сближения с державами Согласия оставались без результата, свидетельствуя лишь о том, в каком тяжелом внутреннем и международном положении находилась тогда советская Россия, и какие, поэтому, огромные объективные возможности имели союзники для разрешения русского вопроса. Эти неудачи, по словам Чичерина, поставили перед большевиками вопрос о решении восточной проблемы как единственного способа борьбы с сильными империалистическими державами. «Революция на Западе замедлилась. Мы должны зажечь Восток, поднять бедноту Турции, Персии, Индии, поднять Афганистан!»¹⁸.

Тем временем в начале 1919 г. завершилась и стратегическая блокада советской России. Намерения противников были совершенно не ясны советской власти, силы их оставались невыясненными. В сохранившемся боевом расписании большевистского Генштаба в середине января они определялись следующим образом: 1. Северный фронт (от Мурмана до Печоры) 57 955 штыков. 2. Финляндский фронт 55 800 штыков. 3. Западный фронт (от Финского залива до Риги и до Мозыря) 20³/₄ пех. дивизии и 1 кавал. дивиз., из которых 12 пех. и 1 кав.— германские, прочие — «белогвардейские». 4. Германо-украинский фронт (от Мозыря до Азовск. моря) 17 пех. дивиз. и 4 кав. дивиз. 5. Донской и Добровольческий фронт (по советским границам Донск. обл. и между Азовским и Каспийским морями) 51 пех. див. и 32 кав. дивиз. 6. Восточный фронт (от Верхотурья до Гурьева) 35¹/₂ пех. див., 17¹/₂ к. д.

Число дивизий у врагов советской власти, как увидим ниже, было фактически меньше, внушительные названия «дивизия» нередко на русских фронтах носили части не свыше тысячи штыков... Но, тем не менее, в тесном кольце, сжимавшем со всех сторон Советскую Россию, стояло под ружьем до полумиллиона врагов; все пять морей и два океана находились во власти флота Согласия, а в портах Белого и Черного морей и Великого океана высаживались международные десанты союзников... Предстояла борьба тяжелая, борьба за самосохранение и за власть коммунистической партии, роковым образом ставившая на карту судьбы всего русского народа.

Одно из могучих средств борьбы — пропаганда — велась большевиками в размерах небывало широких. Она проникала всевозможными путями в ряды оккупационных и белых войск и в занятые ими районы. По мнению советских военных авторитетов, эта работа «играла решающую роль в организации победы Красной армии». «Буржуазию мы не находили нужным привлекать на свою сторону,— говорит советский официоз¹⁹.— Правда, делались попытки разложить буржуазию, вернее, тех, кто находился у нее в услужении: части офицерства делались предложения о переходе на сторону советской власти». Весь центр тяжести агитации и пропаганды был перенесен в рабочую и крестьянскую среду.

Отдавая пальму первенства в технике ведения пропаганды буржуазным государствам и, в частности, Франции, перед которой «мы жалкие пигмеи», Бронштейн поясняет: «Дело не в том, что мы выдумали пропаганду,.. дело даже не в методах, которые значительно более совершенны у наших противников, а дело в классовом содержании, в той идеологии, которой мы насытили свою пропаганду». И хотя, по словам Ленина, круто менявшего в 1919 г. крестьянскую политику, «классы нельзя обмануть», хотя суровая действительность стояла в разительном

вопиющем противоречии с обольстительными посулами большевистской пропаганды, но она имела действительно известный успех, не только в силу ошибок, проявленных противниками советской власти, но и потому, что не встречала равноценных по демагогической сущности обещаний с другой стороны, потому, что не улеглась еще вырвавшаяся из берегов народная стихия. Народ жил еще миражами, хотел быть обманутым и поддавался соблазну.

Сфера деятельности большевистской пропаганды выходила далеко за пределы России. В марте 1919 г. во французских и швейцарских газетах появилась «инструкция» советского правительства представителям и агентам советской республики за границей, выработанная в Кремле в начале ноября 1918 года. Она давала указания для революционной работы в грандиозном мировом масштабе. В области международных отношений указывалось поддерживать шовинистические движения и национальные конфликты; в области внутренней политики — вызывать противоправительственные движения; в экономической — поддерживать забастовки, дезорганизовать транспорт, создавать финансовые затруднения — между прочим и наводнением рынка фальшивыми деньгами; в военной области — разлагать армии пропагандой и возбуждением солдат против офицеров. Все эти действия должны были способствовать внутренним переворотам и волнениям в «буржуазных империалистических странах», подготавливая почву для пришествия всемирной революции.

Оставляя в стороне вопрос о подлинности этого документа, нельзя не признать объективной его правды: все его положения соответствуют в полной мере заявлениям советских правителей и служебного органа советской власти — III Интернационала, соответствуют деятельности их, поглощающей огромные средства, — последние финансовые ресурсы обнищавшей страны. Перед миром встала новая угроза, симптомы которой начали вскоре появляться в самых отдаленных уголках Земного шара.

Принимались чрезвычайные меры и к созданию Красной армии. В начале 1919 г. большевистская власть почти окончательно ликвидировала прежние добровольческую и партизанскую системы комплектования, перейдя повсюду к всеобщей воинской повинности и к регулярным нормам организации. К октябрю 1918 г. призваны были уже «все трудящиеся» в возрасте от 18 до 35 лет. Собранный в декабре 1918 г. в Москве «военный конгресс» вынес постановление о «всеобщем военном обучении», которое, по заявлению Подвойского, должно было к весне 1919 г. поставить в ряды Красной армии до 3-х миллионов бойцов. «Конгресс» призывал Россию «бороться с протягивающимися к ней руками черного интернационала трудами непобедимой армии пролетариев красного интернационала». Таким образом, национальный момент в предстоящей борьбе был исключен вовсе. «Наша борьба, — говорит один из советских деятелей, — шла под лозунгом не защиты России как таковой, а защиты власти крестьян и рабочих. Наша борьба была не борьбой против какого-либо государства как такового, а борьбой против буржуазии, где бы она ни находилась»²⁰.

Не раз, впрочем, большевики отойдут от этого принципа, когда это им будет выгодно или необходимо. Так они поведут под национальным лозунгом красные эстонские и латышские полки в Прибалтику, «Повстанческую Украинскую армию» Антонова-Овсеенко против немцев и петлюровцев на Украину; наконец, в 1920 г. в критический момент войны с поляками трагичным и недоуменным диссонансом прозвучит призыв Брусиловым всей нации к патриотизму... Призыв, родившийся по инициативе терявшего почву правительства и командования, «несмотря на борьбу (с этим) руководящей партии»²¹.

Красная армия, в значительной степени, утратила тот сословный характер, который имела Красная гвардия. Но, вместе с тем, она стала слабее морально. В ней не было никогда того пафоса, того энтузиазма, о которых слагают легенды советские историки. Она была скована только силой государственного аппарата, террора и принуждения и до некоторой степени примирена тем привилегированным положением, в котором находился солдат в голодной, нищей стране. В состав ее входили, ведь, в огромном числе, элементы, чуждые коммунистической идеологии: на верхах — старый Генеральный штаб и многочисленные представители «царского» офицерства, внизу — в преобладающей массе крестьянство, по словам советских авторитетов, «в громадном большинстве мелкособственническое, не имевшее ярко сознанных классовых интересов», крестьянство, которое «без большого труда комп-

лектовало и те массы, которые буржуазия направляла против (советской власти)»²².

Красная армия сделала известные успехи в организации, обучении и устройстве технической и материальной части. Потому ли, что не было времени на приискание новых пролетарских форм организации, потому ли, что военная наука таких форм не знает, а во главе армии фактически стоял старый командный состав,— Красная армия строилась всецело по образцу и подобию армии императорской. Исключение представляли лишь коллегиальная форма верховной военной власти, институт комиссаров и комячейки, в руках которых находился надзор за командным составом и политическое воспитание массы. Во главе вооруженной силы поставлен был «Высший военно-революционный совет» с председателем Бронштейном и членами Подвойским, Антоновым[-Овсеенко], Сталиным и другими. Фактически, однако, вся власть была в руках Бронштейна. Центральное управление снабжений, созданное в июле 1918 г., имело также коллегиальный состав — во главе «специалист» и при нем два комиссара. В таком виде управление просуществовало до декабря, когда перешло окончательно к единоличному возглавлению.

К началу 1919 г. вооруженные силы советской России сведены были в 12 армий, состоявших из отдельных пехотных и кавалерийских дивизий, насчитывавших вместе с внутренними резервами номинально до 800 тыс. бойцов. Главнокомандующим был офицер Генерального штаба, латыш Вацетис^{VIII}.

В половине ноября 1918 г. на соединенном заседании Совета народных комиссаров и Совета народного хозяйства было выяснено отчаянное экономическое положение страны, отрезанной от источников питания сырьем. В общих ресурсах государства имелось не более трехмесячной потребности железа, 14% чугуна и почти полностью отсутствовала медь; запасы хлопка на фабриках и заводах определялись к октябрю 1918 г. в 775 тыс. пудов, против 3 миллиардов, имевшихся к октябрю 1917 г.; нефти было всего 30 милл. пудов; каменного угля — треть минимальной потребности, и т. д. Единственное спасение советской России совещание видело в расширении ее пределов и, главным образом, в походе за донецким углем и ташкентским хлопком. Эти основания, наряду с военно-политическими соображениями, в частности, бессилием Украины и стремлением Бронштейна «просунуться между уходящим германским милитаризмом и приближающимся англо-французским», — легли в основу выработанного тогда же советским командованием плана зимней кампании 1919 года.

В феврале²³ и апреле 1919 г. я получил два варианта этого плана, несколько различавшихся в деталях, но по существу тождественных. Красной армии ставилась задача:

1. На северном фронте (VI отд. армия ген. Самойло IX, 16^{1/2} тыс.)²⁴ — активная оборона Архангельского направления.
2. На подступах к Петрограду от Олонца, Выборга, Нарвы и Пскова (40—50 тыс.) — также активная оборона.
3. На Западном фронте (ген. Снесарев: VII и Западн. армии, позднее и XVI, 50—60 тыс.) ставилась задача — захватить важнейшие железнодорожные узлы — Валк, Ригу, Двинск, Ковно, Брест-Литовск и др.
4. На Украинский фронт под командой Антонова-Овсеенко были двинуты только небольшие кадры, сведенные в две регулярных дивизии (16 тыс.), пополнявшиеся исключительно местным элементом по мере продвижения и выросшие затем в «Повстанческую Украинскую армию». Назначение дивизий Антонова — поднять Украину и воссоединить ее с советской Россией.
5. На Южном фронте (ген. Сытин — группа Кожевникова X, позднее XIII армия, VIII, IX, X армии и отряд Терехова, свыше 100 тыс.) указано было первоначально овладеть Донецким каменноугольным бассейном и отбросить Донское войско за Дон, нанеся удар в трех главных направлениях: от Воронежа, Балашова и Царицына.
6. На Восточном фронте (полк. Каменев: I, II, III, IV, и V армии, свыше 100 тысяч) — активная оборона по Уралу и наступление в Ташкентском направлении.

На Кавказе в начале 1919 г. происходила окончательная ликвидация Добровольцами XI и XII советских армий, насчитывавших еще до 75 тыс. штыков.

Таким образом, по распределению сил и стратегическим директивам

советского командования, главный удар заносился на Южном фронте, над много-страдальным Войском Донским, волею судеб стоявшим на путях к углю и нефти и преграждавшим связь центральной России с Северо-Кавказской красной армией, которой угрожала окончательная гибель. «На южном фронте,— говорил Бронштейн,— бьется пульс советской республики. Мы кликнули клич петроградским и московским Советам. Последние дни туда посланы сотни новых работников. Всё на южный фронт: работников, автомобили, винтовки, орудия... Нам нужно занять Дон, Северный Кавказ, Каспий, поддержать Украину... В Донской области мы должны разрубить завязывающийся узел контрреволюции»²⁵.

Глава III. Эвакуация австро-германских войск. Изменение политической карты России и организация противобольшевистских сил на Западе. Финляндия. Северо-Западная область. Эстония. «Северный корпус». Ген. Юденич

По требованию держав Согласия германские войска в середине декабря покинули Финляндию. Уходили они провожаемые сожалениями и добрыми пожеланиями. Но создавшаяся в стране обстановка исключала возможность продолжения германофильской политики: английский флот в конце декабря появился в Финском заливе; разрыв с Россией, являвшейся почти исключительным рынком сбыта финляндской промышленности и, вместе с тем, хлебным источником Финляндии, вызвал глубокий экономический кризис; нужны были свободные руки, новые рынки, кредиты и, прежде всего, хлеб. И реальные политики нового государства легко переменили ориентацию, получая английские товары, американский хлеб и даже французское вооружение, снаряжение и инструкторов для организации своей армии.

Державы Согласия, имея в этот период неограниченное влияние на финляндское правительство, не оказывали на него давления в смысле направления русской политики. От Финляндии требовались лишь лояльность в отношении Согласия и прекращение всяких обязательств в отношении Германии.

Отделение Финляндии от России, не обеспеченное никакими стратегическими гарантиями, ставило в невыносимое положение нашу сухопутную и морскую государственную оборону. Но новая держава с первых же шагов своих проявила настойчивое стремление к дальнейшему округлению своих границ за счет метрополии, по мотивам весьма противоречивым:

Аландские острова, населенные шведами²⁶ и приобретенные Россией по Фридрихсгамскому миру, требовались Финляндией по условиям... географическим — как составляющие естественное продолжение Финского побережья — и историческим — как включенные в состав Финляндии актами императора Александра I в 1809 году. Этот архипелаг является ключом к обладанию Ботническим заливом и преграждает все внутренние шхерные пути к побережью Финляндского залива от Петрограда...

Восточная Карелия²⁷ причислялась к Финляндии по принципу «самоопределения народов», на основании атавистических признаков племенного родства... К тому же захват этой территории, вместе с частью Мурманской жел. дор. и рекой Свирью, отрезал от России единственный выход к незамерзающему порту и лишал ее свободного плавания по северной речной системе...

Печенгская губа, где еще в XII столетии ходили суда Великого Новгорода и где поселения — по преимуществу русские, требовались финляндцам просто по соображениям экономическим — как выход к океану.

Наконец, Финляндия присвоила себе уже без всяких оснований огромное многомиллиардное русское имущество — казенное и общественное, запасы, арсеналы и склады Северного фронта и морских баз, военные и коммерческие суда и т. д., и т. д. Без соглашения, без войны, просто в силу беспомощности или, вернее, отсутствия законной русской власти. Этот вопрос также должен стать неминуемо когда-нибудь на очередь...

Какая же Россия, какое русское правительство могло пойти навстречу всем вождениям финляндцев? Даже советская власть, так легко поступающая и национальным достоинством и экономическими интересами России, противилась им. Но она, по крайней мере, признала безоговорочно независимость Финляндии, дав тем прочную политическую базу для дальнейших переговоров.

Организации, представлявшие в то время противобольшевистскую Россию, поборники национальной идеи, не шли так далеко. Русский посланник в Париже Маклаков выступил с декларацией²⁸ «от имени русского правительства» (?), в которой, между прочим, обещал Финляндии «восстановление Временным правительством конституционных прав (ее) и готовность России идти навстречу стремлениям (Финляндии), при условии соблюдения военных и экономических интересов России». «Русский комитет» в Гельсингфорсе, возглавляемый Карташевым, и военная партия ген. Юденича — эмбрионы будущей гражданской и военной власти на Западе России — «стояли на почве лояльного признания независимости Финляндии», но окончательное решение вопроса ставили и зависимость от Российского Учредительного собрания. Такого же взгляда придерживался Омск, поручавший Сазонову^{XI} содействовать установлению дружественных отношений с Финляндией», но, вместе с тем, «дать понять, что признание независимости должно быть отложено до Национального собрания»²⁹.

Я лично вначале не исключал возможности содействия финляндской армии в противобольшевистской борьбе и вел по этому поводу беседы с полковником Генштаба Энкелем, занявшим впоследствии высокий пост в финляндской армии. Но, под впечатлением финляндских требований, гонений там на русских людей и более чем двусмысленной политики держав Согласия, с конца 1918 г. я стал окончательно на точку зрения, что помощь Финляндии была бы куплена нами слишком дорогой ценой и что поэтому вступление финляндских войск на русскую территорию недопустимо.

По поводу признания независимости Финляндии правительствами Англии и Соединенных Штатов я обратился к этим державам с заявлением: «Россия относится с полным сочувствием к мысли о самостоятельном развитии Финляндии; однако высшие интересы обоих народов повелительно требуют, чтобы будущие их взаимоотношения были основаны на принципах, способных обеспечить обоюдное их преуспеяние и ограждение жизненных потребностей. С этой точки зрения, решение финляндского вопроса, принятое независимо от России и без соображения с ее первостепенными государственными интересами, в первую голову — стратегическими, является для русского народа неприемлемым»³⁰.

Подобное же официальное заявление в твердой и категорической форме было сделано Парижским совещанием. Неофициально, однако, совещание не было так непримиримо. И когда в мае 1919 г. до Парижа дошли слухи, что ген. Юденич ценою безоговорочного признания Финляндии желал купить помощь ее для похода на Петроград, В. А. Маклаков писал на Юг³¹: «В этом вопросе у нас здесь (полное) разнообразие мнений... Мы не благословляем Юденича делать подобное заявление, но и не решаемся его властно и грозно остановить. Грубо я бы сказал, что мы предоставляем ему сделать это для нас, а в случае неудачи сломать себе шею одному».

Таким образом, перед финляндским правительством стояла дилемма: советская власть и перспектива длящейся смуты и бессилия русского государства, дающая время и возможность новообразованию сложиться и окрепнуть — или противобольшевистские силы и вероятность скорого восстановления России... С одной стороны, — безусловное признание самостоятельного бытия Финляндии, с другой — условное, поставленное в зависимость от Всероссийского Собрания, ни политический облик, ни решения которого нельзя было предвидеть.

Была еще одна чисто объективная данная — грозная опасность, вытекавшая из длительного соседства с большевистским очагом... Московское радио уверяло о миролюбии Советов и настойчиво напоминало финляндцам, что «только союз с советской Россией может гарантировать Финляндии ее самостоятельное существование». Тогда как Колчак и руководимые им правительства собираются уничтожить самостоятельность балтийских государств... Но в то же время существовавшая в Москве «Финская коммунистическая партия» проявила оживленную деятельность в деле пропаганды и военной организации. Центральный комитет ее издавал и переправлял через границу две газеты на финском языке, журнал для солдат и агитационную литературу, побуждавшую к вооруженному перевороту в Финляндии и присоединению ее на федеральных началах к советской республике...

Но финляндская власть считала, очевидно, свой народ мало податливым к восприятию коммунистических идей, свою армию, составленную из элементов

городской и крестьянской буржуазии, вполне надежной, а крайние левые группы, после кровавого подавления большевистского восстания ген. Маннергеймом весной 1918 г., совершенно разгромленными. Настолько, что финляндское правительство сочло возможным дать широкую амнистию находившимся в заключении участникам коммунистического выступления.

Что касается стратегического положения в отношении советской России, оно представлялось финляндцам, и было на самом деле, чрезвычайно благоприятным для них. Финляндия владела укрепленным побережьем и шхерными путями Финского залива; ее армия состояла из 3-х, 4-х дивизий, силою в 40—50 тыс. и располагалась передовыми частями в 25 верстах от Петрограда и в 60—80 верстах от Мурманской жел. дороги, западнее Петрозаводска, составляя прямую угрозу русской столице и тылу большевистской армии, стоявшей против войск генералов Айронсайда и Миллера. Против себя финляндская армия имела парализованный русский Балтийский флот и слабые численно красногвардейские части, прикрывавшие столицу и Петрозаводск.

Вся эта совокупность политической и стратегической обстановки предрешала направление русской политики Финляндии: она до конца ³² сохранила «вооруженный нейтралитет», одинаково поддерживаемый и русофобами Свинхувудом и Стольбергом ^{XII}, и русофилом Маннергеймом — тремя главами государства, сменившимися в течение 1917—1919 годов. Только однажды, в правление последнего, в мае 1919 г., когда началось наступление русского Северного корпуса Родзянки ³³ на Лугу, с севера ударил на большевиков, не без ведома правительства, финский «партизанский отряд» Эльвенгрейна.

Отряд считался «повстанческим» и действовал формально по призыву бутфорской «Карельской делегации» ³⁴. От него финляндскому правительству ничего не стоило отказаться при неудаче и, вместе с тем, можно было использовать его в случае успеха. Ибо направление удара Эльвенгрейна на Петрозаводск и Лодейное Поле ³⁵ одинаково соответствовало и отвлечению сил петроградской группы Красной армии и... оккупации восточной Карелии... При отряде находилось, между прочим, и «временное правительство», имевшее целью, кроме управления занимаемой территорией, подготовить созыв «национального собрания» (!), которое должно было объявить присоединение восточной Карелии к Финляндии... Достоинно внимания, что все это предприятие готовилось втайне от русских организаций. Отряд Эльвенгрейна силою не более 1½ тыс. человек имел вначале успех, но вскоре был разбит большевиками и рассеялся.

Период междувластья оказался трагическим для оккупированной немцами Северо-Западной области ³⁶. Так называемая Северная, или Псковская, армия ³⁷, к декабрю 1918 г. достигнув численно 4½ — 5 тыс. человек, не получила дальнейшего развития. В ней не был даже разрешен вопрос о возглавлении. Ненормальность такого положения отзывалась на успехе набора, и поэтому в Пскове временами появлялись плакаты с именами видных генералов, в качестве предполагаемых командующих армией, по-видимому, без их ведома и согласия. Так, военный представитель армии в Киеве в середине октября телеграфировал в Псков: «Бессмысленно ждать командующим Драгомирова, который находится (в) Добровольческой... Точное имя командующего необходимо для вербовки людей... На этой почве много отказов. Вандам не популярен. Келлер в Киеве. Уполномочиваете ли вступить (с ним) в переговоры» ³⁸.

И военное представительство, и псковские общественные организации в лице Дерюгина обратились к ген. графу Келлеру с просьбой принять на себя командование Северной армией, армией без средств, находившейся в полной зависимости от немцев. Гр. Келлер поручил генералу Розеншильд-Паулину отправиться в Яссы просить материальной помощи у союзников. Придавая огромное значение прибалтийскому району и направлениям Ревель — Петроград и Либава — Петроград, он считал необходимыми предпосылками успеха формирования армии и ее операций: 1) Занятие союзным флотом Ревеля и Либавы; 2) отпуск широких кредитов; и 3) передачу немцами армии богатых русских складов Пскова, Двинска, Вильны и друг. городов оккупационной зоны.

И в начале ноября, после крушения Центральных держав, в период расцвета надежд на союзническую помощь, гр. Келлер решил принять командование, поставив Северную армию в зависимость от Екатеринодара. 2 ноября он прислал

мне телеграмму: «Признаете ли Вы меня командующим Северной Псковской монархической армией или мне следует сдать эту должность. Если признаете, то с какими полномочиями. Необходимо разрешение принять меры к охране разграбляемых в Малороссии военных складов, воспользоваться украинскими кадрами и продолжать формирование, для чего необходим немедленный отпуск денег, которые можно добыть в украинском правительстве».

Я ответил принципиальным согласием. Хотя первые шаги нового командующего, политическое окружение и декларативные заявления его вызвали некоторое смущение... Но прошло всего три дня и обстановка в корне изменилась: гр. Келлер телеграфировал ³⁹ мне, что «по настоянию общественных кругов, гетмана Украины и его правительства (он) принял на себя всю полноту военной и гражданской власти на Украине» ⁴⁰.

Северная армия осталась без главы ⁴¹. В силу внутренней распри, за несколько дней до ухода немцев, оставил свой пост заместитель командующего генерал Вандам, и его место занял полк. Неф. Полувооруженные добровольческие отряды начали стягиваться к железнодорожным узлам и Пскову, в надежде при немецкой помощи остановить наступление слабых советских сил. Во Пскове объявлена была мобилизация 12 возрастов (18—30 лет), которая не имела никакого успеха.

В то же время собравшийся вновь в конце ноября в Ревеле Национальный эстонский совет ⁴², правительство ⁴³ и «главнокомандующий» полк. Лайдонер, приступили, в свою очередь, к формированию вооруженной силы: в Ревеле, Пернове, Нарве и др. городах, собирали по мобилизации небольшие отряды, преимущественно из бывших эстонских батальонов, которые Лайдонер начал развертывать в две дивизии.

Южнее, в губерниях Белоруссии, раздавались безнадежно призывы Минской, Виленской и других рад и правительств к формированию «национальной армии для защиты суверенных прав Белорусского народа». Члены их частью остались на местах, частью попали в волну всевозможных эвакуаций, создавая затем «полномочные» и «всенародные» органы белорусской власти в Минске (коммунистич.), в Вильно, Гродно, Ковно, Киеве, Одессе... Все — одинаково немощные и все — враждебных друг другу ориентаций. Одно из таких «правительств» — инженера Бахановича, обосновавшееся в Одессе, в январе — феврале 1919 г. серьезно мистифицировало Екатеринодар. Не зная тогда всех этих деталей и придавая большое значение созданию противобольшевистской организации и вооруженной силы в западной России, я по докладу военного управления согласился поддержать это движение материально и послать туда кадр военного командования. Но вскоре выяснились самозванный и авантюристический характер «правительства» и безнадежность положения в Белоруссии. Кредит был вовремя закрыт, и связь Юга с Западом, в смысле явной или тайной совместной работы, так до конца и не налаживалась.

Делегации ото всех этих правительств появились в Берлине, в Яссах, Париже, и Сазонов ⁴⁴ безнадежно добивался ответа от Екатеринодара — кто же является истинным представителем Белоруссии?..

Эвакуация германскими войсками Эстляндии и Северо-Западной области протекала при совершенно иной обстановке, чем в Финляндии. Немцы уходили, провожаемые сожалением небольшой лишь части немецкой и русской буржуазии, равнодушием широких слоев русского населения и враждебным злорадством эстонцев, безразлично — большевиков и националистов — пасынков немецкого оккупационного режима. Железные дороги были забиты, и потому конница и артиллерия потянулись походным порядком; хлынули беспорядочными толпами и дезертиры.

Уходя, германские войска по частной инициативе и организованно, с ведома высших властей и комитетов, увозили «военную добычу», подводя под это понятие не только всякого рода базисные запасы, казенное русское имущество, но и подвижной железнодорожный состав и частное добро русских граждан — частью беспризорное, частью реквизированное. Ограбление Минска, например, достигло таких размеров, что вызвало серьезные волнения в городе, частную забастовку железнодорожников и протест совета комиссаров. Последний, впрочем, отнес эти события за счет «немецких контрреволюционеров», стремящихся «поссорить между собой революционные народные массы Германии и России» ⁴⁵.

Желание уехать домой и увезти добро доминировало над политическими симпатиями. Германцы относились равнодушно и к большевикам, и к русским,

и к местным национальным формированиям. Временами у немцев происходили с ними столкновения, чаще, однако, — с большевиками, выступление которых в Ревеле, Клинцах и других пунктах окончилось для последних весьма плачевно. Комитеты отменили официально выдачу средств и боевого снаряжения противобольшевистским организациям, затруднив до крайности возможность дальнейшего их формирования. Одновременно неофициально происходила широкая распродажа «по вольным ценам» и русского, и немецкого военного снаряжения, попадавшего, по преимуществу, в руки красногвардейцев...

Большевики силами, первоначально не превышавшими 2—3 слабых дивизий, следовали почти беспрепятственно за немецкими войсками, захватывая один за другим западные города, вводя в них советскую власть и жестоко расправляясь с буржуазией. Почти без сопротивления они прошли по Белоруссии, заняв Вильно, Минск, Лиду, Барановичи. 25 ноября, после краткого боя, пал Псков, и Северная армия стала отходить в двух направлениях — на Валк и Юрьев. Большевики, тесня эстонско-русские отряды, к середине января достигли линии Везенберг — Юрьев — Валк, угрожая Ревелю и отрезав сухопутное сообщение между Эстонией и Латвией. На этом успехи их замерли.

В Эстонии борьба приняла скоро характер исключительно национальный — под лозунгом независимости страны от России... В таком политическом аспекте в борьбе приняли участие и внешние силы: Англия и Финляндия — по расчету и русская Северная армия — в силу роковой необходимости.

Английское правительство проявило большой интерес к прибалтийским новообразованиям. Английский флот появился в Ревеле, английские военные и дипломатические представители приобрели решительное влияние на политику эстонского правительства. Вместе с тем, Англия начала оказывать серьезную экономическую помощь Эстонии и доставлять ей военное снабжение. Цена такой дружеской услуги, помимо установившегося в скрытом виде английского протектората над Эстонией, оказалась немалой: Ллойд Джордж вел настойчивые переговоры с эстонским правительством о долгосрочной аренде островов Эзеля и Даго, и только вмешательство французского правительства остановило возникновение нового Гибралтара в Балтийском море.

В то же время, в середине января, по инициативе Финляндии, начались переговоры между нею и Эстонией об унии этих двух новообразований как «наилучшей гарантии против русской опасности». Обращенная в разгар взаимных конвенансов, просьба Эстонии о помощи нашла широкий отклик: финляндские добровольцы потекли в Эстонию, и сформированные из них отряды под начальством финского генерала приняли в январе и феврале видное участие в боях на юрьевском направлении. Но надменность начальников и бесчинства финских добровольцев в крае, на который они смотрели, как на покоренный, вызвали вражду между народностями и серьезное столкновение между правительствами. К тому же англо-американская комиссия, имевшая большое влияние на эстонское правительство, отнеслась к проекту унии сдержанно, «не находя в таком соединении достаточно серьезной экономической базы». Эти причины похоронили надолго планы военного сотрудничества⁴⁶ и идею политической унии соседних новообразований. Идею, острием своим направленную всецело в сторону будущей России.

Наконец, большую роль в освобождении края от большевиков сыграла Северная армия, переименованная в Северный корпус. Попав при отступлении на территорию «независимой» Эстонии, командир его, полк. Неф, заключил с эстонским правительством договор⁴⁷, в силу которого устанавливались «общие действия, направленные к борьбе с большевиками и анархией». Корпус подчинялся эстонскому военному командованию, поступал на содержание эстонской казны, получал право комплектования незстонскими гражданами, ограниченное, однако, условием, чтобы численность его не превышала 3¹/₂ тыс. человек...

Таким образом, идея борьбы в государственном масштабе временно падала, русские контингенты обращались в служебное начало для частных целей, в которых поражению большевиков неизменно сопутствовало углубление и закрепление разрыва государственной связи окраины с Россией... Естественно, что в психологии командования и офицерства это положение воспринималось только как тягостный этап, на котором за временный приют оно платило честно своею кровью.

Ведя борьбу за свою независимость, эстонцы требовали безоговорочного при-

знания ее. Русское командование не хотело брать на себя такой ответственности... «На одном из заседаний старших чинов в Ревеле,— говорит ген. Родзянко ⁴⁸,— я заявил, что признание является совершенно необходимым, если русские люди хотят в борьбе своей с большевиками опираться на Эстонию, и предлагал объявить... о признании Северным корпусом независимости Эстонии». Командир корпуса полк. Дзержинский ⁴⁹ ответил, что «в принципе он совершенно согласен, но не знает, как посмотрят на это русские люди, и что, поэтому, он сделает эстонскому правительству такое заявление, какое найдет для себя, как для русского офицера, более приемлемым» ⁵⁰.

Такая неопределенность вызывала взаимную подозрительность и недоверие, хотя образ действий Северного корпуса оставался строго лояльным и в политическом, и в военном отношении за все время пребывания его на территории Эстонии.

Как бы то ни было, соединенными усилиями и русских, и финляндских, и эстонских войск большевики были остановлены и отброшены к Чудскому озеру; к концу февраля они начали новое наступление, более серьезными силами, в общем направлении от Пскова на Валк, но были разбиты вновь. И к весне армия Лайдонера прочно занимала оба берега Наровы, западный берег Чудского и далее по границе Псковской губернии на Мариенбург, прикрывая этнографические пределы Эстонии. Английский флот имел небольшое столкновение с советской эскадрой в Финском заливе, но от участия в операциях против большевиков решительно уклонился. А в то же время, начиная с весны 1919 г., Москва настойчиво предлагала Эстонии мир...

Стратегическое значение Северо-Западного противобольшевистского фронта было чрезвычайно велико. Близость Петрограда ⁵¹, возможность организации обеспеченной союзным флотом базы по Балтийскому побережью и боевого содействия флота; удобство морских сообщений с союзными державами и легкость снабжения ими противобольшевистских армий; богатые склады русских и немецких боевых припасов в прифронтовой полосе бывшего театра мировой войны; наконец, огромный запас людских континентов, который представляла из себя миллионная армия русских пленных, собранная в концентрационных лагерях Германии и бывшей Австро-Венгрии ⁵²— масса, подорванная морально и неустановившаяся в политическом отношении, но могшая все же выделить большое число здоровых, пригодных элементов. Воздействие в этом направлении на правительства Согласия, на печать и общественное мнение Европы велось долго и настойчиво частными и официальными русскими организациями, проявившими в этом вопросе полное единомыслие.

Вопрос о военном возглавлении движения прошел с некоторой внутренней борьбой и впоследствии стал роковым на почве столкновения германской и союзнической ориентаций... Одно время на пост главнокомандующего Северо-Западным фронтом выдвигался ген. Вас. Иос. Гурко. С ведома ли английского правительства или по собственной инициативе с ним вступил в частные переговоры по этому поводу английский военный представитель в Прибалтике. Ген. Гурко поставил весьма решительно три основных вопроса, от правильного разрешения которых, по его убеждению, зависел успех предприятия: 1) какие политические или экономические цели преследуют союзники в виде компенсации за помощь? 2) какие средства — денежные и материальные, намерены они предоставить? 3) и будет ли русский главнокомандующий облечен полною мочью? Ответа не последовало, и переговоры прекратились. В дальнейшем на авансцене западно-русских событий фигурировало исключительно имя ген. Юденича. Но, по совокупности различных обстоятельств, движение на Западе, развиваясь совершенно самостоятельно, было поставлено все же в моральную, позже в официальную зависимость от Востока и Юга. Так относилось к вопросу высшего возглавления офицерство, так гласили заявления составных частей фронта — Северного корпуса, отряда кн. Ливена и др.; союзники во время переговоров ставили открытие кредитов в зависимость от согласия адмирала Колчака; так же, наконец, смотрели и прибалтийские новообразования, выражая опасение, чтобы «панрусские правительства Колчака и Деникина и русская Северо-Западная армия, сражающаяся под их знаменами... не нарушили бы (нашей) независимости» ⁵³.

21 января 1919 г. ген. Юденич послал адмиралу Колчаку телеграфный доклад, рисуящий ту первоначальную военно-политическую базу, на которой строился Северо-Западный фронт: «...С падением Германии открылась возможность

образования нового фронта для действия против большевиков, базируясь на Финляндию и Прибалтийские губернии... Около меня объединились все партии от кадет[ов] и правее. Программа тождественна с Вашей. Представители торгового класса, находящиеся в Финляндии, обещали финансовую поддержку. Реальная сила, которою я располагаю в настоящее время,— Северный корпус (3 тыс.)⁵⁴ и 3—4 тыс. офицеров, находящихся в Финляндии и Скандинавии...⁵⁵ Я рассчитываю также на некоторое число — до 30 тысяч — военнопленных офицеров и солдат... Без помощи Антанты обойтись нельзя, и в этом смысле я вел переговоры с союзниками, но положительного ответа еще не имеется. Необходимо воздействие союзников на Финляндию, дабы она не препятствовала нашим начинаниям и вновь открыла границу для русских беженцев, главным образом, офицеров. То же в отношении Эстляндии и Латвии... Необходима помощь... вооружением, снаряжением, техническими средствами, финансами и продовольствием не только на армию, но и на Петроград... Вооруженная сила не требуется — достаточно флота для обеспечения портов. Но, если таковая будет, то это упростит и ускорит решение. Благоволите поддержать мое ходатайство перед Антантой...»⁵⁶

Посылая мне копию этой телеграммы, ген. Юденич писал: «Я обращаюсь к Вам с просьбой — помогите мне. Не можете уделить из имеющихся у Вас средств — я знаю, до последнего времени Вы сами во всем нуждались — убедите наших представителей в Париже, убедите союзников. Если моя личность не угодна адмиралу Колчаку, Вам или союзникам, сообщите — я отойду в сторону, передав дело другому, но не губите самое дело»⁵⁷. Последняя фраза вызвана была, по-видимому, слухами, что южное правительство относится отрицательно к формированиям на Северо-Западе и лично к ген. Юденичу. Английское военное министерство действительно запрашивало мое мнение о ген. Юдениче. Я знал его весьма мало, но, считая, что уклонение от ответа может повредить делу снабжения западных формирований, дал отзыв благожелательный⁵⁸.

Моральная, дипломатическая помощь и отчасти облегчение прохождения вопросов комплектования и снабжений — это все, что мог сделать и делал Юг — непосредственно и через военного представителя в Париже ген. Щербачева.

Время проходило. Прошла зима и весна 1919 года, события шли своим чередом, а ген. Юденич и Русский комитет, возглавляемый Карташевым, все еще оставались в Гельсингфорсе, продолжая малорезультатные переговоры с представителями держав Согласия, с правительствами Финляндии и Эстонии.

Пока, таким образом, в Гельсингфорсе находился в потенциальном виде главнокомандующий Северо-Западным фронтом, полупризнанный англичанами, но не проявляющий своей власти и руководства, Северный корпус жил независимо от него своей жизнью. Под командой сначала полковника Дзерожинского, потом, после мирного переворота, учиненного ген. Родзянко⁵⁹, корпус в середине мая перешел в наступление в Петроградском направлении, разбил 7-ю армию большевиков и при содействии одной дивизии эстляндцев, занявшей Псков, продвинулся к Красной Горке и к востоку от Пскова, серьезно угрожая Гатчине и Луге. Большевицкие войска целыми полками переходили на сторону белых, и корпус, возросши в числе бойцов, был переименован в Северную, потом в Северо-Западную армию, независимую уже в командном отношении от эстонского главнокомандующего Лайдонера.

Между тем в середине июня последовало утверждение адмиралом Колчаком в звании главнокомандующего Северо-Западным фронтом генерала Юденича, которому, вместе с тем, предоставлено было «осуществлять верховную власть именем Верховного Правителя в губерниях, освобожденных (его) войсками»⁶⁰.

Ко времени, когда ген. Юденич переехал со штабом в Эстонию (июль), Северо-Западная армия стояла на фронте от Копорского залива (Пейпия) до станции Молосковицы (в полпути между Нарвой и Гатчиной) и оттуда в сорока верстах западнее Луги и в 20 верстах восточнее и южнее Пскова, до р. Великой. На этом фронте располагалось два корпуса, общию численностью в 12 460 штыков и сабель. Эта армия лишена была самого необходимого, ходила в отрепьях, до осени снабжалась почти исключительно средствами, отбитыми от большевиков, и денежное довольствие, сначала весьма скудное, получала от эстонского правительства, потом, за неимением иных источников,— от перепродажи американской муки, предназ-

наченной для населения западной России. Щедрые в отношении эстонцев, англичане пока ничего не давали армии. А постоянные трения с эстонским правительством и не прекращавшиеся мирные переговоры между Эстонией и Латвией с советской Россией ставили весь тыл армии в положение тяжелой и опасной неопределенности.

Большевики решительно не верили в серьезность угрозы своему западному фронту. Даже майские успехи Родзянко не заставили их переменить свое отношение к нему. Переговоры о мире с эстонцами и латышами, по выражению Бронштейна, «имели характер опиума, поселив уверенность, что война на этом фронте близится к концу... Мы снимали, поэтому, с фронта 7-й армии и хорошие части, и лучших работников, и командиров, и опытных военно-политических работников»⁶¹. Все шло на Юг!..

Только осеннее наступление генерала Юденича вызовет панику в Петрограде — у Зиновьева и Советов — и побудит советское командование «с лихорадочным напряжением» возвращать на Западный фронт и силы, и людей.

(Продолжение следует)

Примечания

1. Не считая Польши и Финляндии.
2. На Западном фронте для наблюдения большевики держали не более 15 тысяч штыков, от Пскова до Минска.
3. Доклад в Воронеже 5/18 ноября 1918 года.
4. 27 ноября 1918 г. 320 миллионов русского золотого запаса поступило в Banque de France. Впоследствии это золото разделено и удержано англичанами и французами «в обеспечение русского долга».
5. Официальное сообщение 26.XI.1918.
6. Радиограмма 24 октября № 1090.
7. Радиограмма от 28 октября.
8. Радиограмма от 1 ноября.
9. Радиограмма от 12 ноября.
10. Начавшиеся столкновения между германскими солдатами и русскими большевиками в оккупационной зоне.
11. Псков — Вержболово.
12. Тифлис — Калиш.
13. «Правда», «Известия», «Северная Коммуна», «Экономическая Жизнь» и т. д.
14. До большевистского переворота всех денежных знаков в обращении страны было до 25 млрд. рублей. В 1917 г. большевики выпустили 29 миллиардов.
15. № 15 «Известий» 1919 года.
16. Позднее, во второй половине июня подтверждено 9-м советом партии.
17. Образовался на съезде в Москве в марте 1919 года.
18. Подвойский.
19. Офиц. сборник «Высш. воен.-революц. совета».
20. Idem.
21. Idem.
22. Idem.
23. От 17 января.
24. Ранее в состав фронта входила и VII армия.
25. Из речи в годовщину октябрьской революции.
26. По переписи 1910 г. — лиц, признававших родным языком шведский, было 96% всего населения.
27. Часть Олонецкой губ. между Ладожским и Онежским озерами.
28. Телеграмма в январе 1919 г. № 137.
29. Телеграмма от начала марта 1919 года.
30. Май 1919 года.
31. Из письма В. А. Степанову.
32. До заключения мира с большевиками.
33. См. ниже.

34. О прибытии ее в Гельсингфорс была широко оповещена европейская пресса.
35. Ж. д. станция Мурманск, ж. д. на берегу Свири.
36. Псковская губ. и Белоруссия.
37. См. т. III, гл. III.
38. Телеграмма Линде от 15 октября.
39. 5 ноября № 1.
40. Как увидим ниже, понятие о предоставлении ему «неограниченной власти» составилось у ген. Келлера ошибочно.
41. Совершенно номинально гр. Келлер в своих приказах именовал себя «главнокомандующим Украинской и Северной армий».
42. Совет образовался в 1917 году. 24 февраля 1918 г. провозгласил Эстонскую республику.
43. Умеренно социалистического состава.
44. Представитель Екатеринодара и Омска в Париже.
45. Нота Чичерина. Радиограмма 7 декабря 1918 года.
46. В конце февраля финляндские добровольцы покинули Эстонию.
47. 6 декабря 1918 года.
48. Впоследствии четвертый командир Северного корпуса.
49. Третий по счету командующий.
50. Родзянко. «Воспоминания о Северо-Западной армии».
51. От Финляндск. района — 25 в., от Нарвского — 136 в., от Псковского — 256 в.
52. Всех пленных, вместе с рассеянными по средней Европе, было до 3-х миллионов.
53. Из меморандума Эстонского правительства в 1919 году.
54. Северный корпус не был еще в то время подчинен ген. Юденичу.
55. Серьезной организации там не существовало.
56. Телеграмма 21 января 1919 г. № 65.
57. Письмо 30 января 1919 г. № 76.
58. Письмо Брит. воен. миссии 22 февраля 1919 г. и ответ штаба 28 февраля № 02947.
59. Ген. Родзянко «уговорил» полк. Дзержинского сдать ему командование, после чего Дзержинский принял командование бригадой и был произведен Родзянкой в ген.-майоры.
60. Телеграмма от 14 июня.
61. Из речи 6 октября 1919 г. в петроградском совдепе.

Примечания редакции

- I. *Спартак*овцы — члены созданной в 1916 г. революционной организации германских левых социал-демократов группы «Спартак», преобразованной 11 ноября 1918 г. в «Союз Спартака». В его ЦК входили К. Либкнехт, Р. Люксембург, Ф. Меринг, Л. Йогихес, В. Пик и др. До конца 1918 г. — в составе Независимой социал-демократической партии Германии (НСДПГ), образованной в апреле 1917 г. на базе левого крыла СДПГ («независимые», «независимцы»). Общегерманская конференция спартаковцев и лево-радикалов, открывшаяся в Берлине 29 декабря 1918 г., конституировалась как Учредительный съезд Коммунистической партии Германии.
- II. *Гельферих К.* — статс-секретарь ведомства финансов Германии, банкир, затем (в частности, в 1916 г.) министр внутренних дел (см. Helferich K. Der Weltkrieg. Bd. I, II. Berlin. 1919; Гельферих К. Развитие народного хозяйства в Германии с 1888 по 1913 г. М. 1920).
- III. *Иоффе Адольф Абрамович* (1883—1927) — в революционном движении с конца XIX в.; член РСДРП(б) с ее VI съезда (1917 г.). Участник Октябрьского переворота в Петрограде, член ВРК. Делегат II Всероссийского съезда Советов, избран членом ВЦИК. В 1918 г. — «левый коммунист». Председатель, затем член, потом консультант советской мирной делегации во время переговоров в Бресте. В марте — апреле — член Петроградского бюро ЦК РКП(б). В апреле — декабре 1918 г. — полпред в Берлине; в 1922—1924 гг. — в Китае; в 1924—1925 гг. — в Австрии. Кандидат в члены ЦК партии в 1917—1919 годах. В 1925—1927 гг. участник троцкистской оппозиции.
- IV. *Макс Баденский* (1867—1929) — рейхсканцлер Германской империи в 1918 г., слыл либералом. Его правительство пало в результате Ноябрьской революции 1918 года. Социал-демократическая верхушка входила в правительство Макса Баденского. *Шейдеман Филипп* (1865—1939) — один из правых лидеров СДПГ. В ноябре 1918 — феврале 1919 г. председатель (наряду с Ф. Эбертом) Совета народных уполномоченных; в феврале — июне 1919 г. глава правительства. *Эрцбергер Маттиас* (1875—1921) — член

германского правительства в октябре — ноябре 1918 года. Подписал от имени Германии Компьенское перемирие 1918 г.; в 1919—1920 гг. министр финансов. Убит членами террористической организации «Консул».

- V. *Эберт Фридрих* (1871—1925) — президент Германии с 1919 г., правый лидер СДПГ. Во время Ноябрьской революции принял от Макса Баденского пост рейхсканцлера (9 ноября), 10 ноября стал одним из председателей Совета народных уполномоченных, заключил тайное соглашение с Генштабом о введении в Берлин войск для подавления революции.
- VI. *Ларин Ю.* (Лурье Михаил Зельманович) (1882—1932) — в социал-демократическом движении с 1900 года, после Февральской революции возглавил группу меньшевиков-интернационалистов. В августе 1917 г. принят в большевистскую партию. После Октябрьского переворота выступал сторонником создания коалиционного правительства с участием меньшевиков и эсеров. Работал в советских и хозяйственных органах. Член ВЦИК, ЦИК СССР.
- VII. *Вильсон Томас Вудро* (1856—1924) — президент США (1913—1921). Инициатор вступления США в первую мировую войну. В январе 1918 г. выдвинул программу мира — «14 пунктов». Участвовал в организации антисоветской интервенции.
- VIII. *Вацетис Иоаким Иоакимович* (1873—1938) — окончил Академию Генштаба (1909 г.). Участник первой мировой войны, полковник. Во время Октябрьского переворота вместе с полком, которым командовал, перешел на сторону советской власти. Был начальником оперативного отдела Революционного полевого штаба при Ставке в декабре 1917 года. В январе 1918 г. руководил ликвидацией мятежа Довбор-Мусницкого, в июле — лево-эсеровского мятежа. В июле — сентябре командовал Восточным фронтом; в сентябре 1918 — июле 1919 г. главнокомандующий Вооруженными Силами Республики. С августа 1919 г. работал в РВСР. С 1921 г. на преподавательской работе в Военной академии РККА командарм 2-го ранга. Автор трудов по стратегии и военной истории.
- IX. *Самойло Александр Александрович* (1869—1963) — советский военачальник. Член ВКП(б) с 1944 года. Из дворян. Окончил Академию Генштаба (1898 г.). В первую мировую войну начальник штаба армии, генерал-майор. Участвовал в переговорах в Бресте — член военной комиссии. В феврале 1918 г. вступил в Красную Армию. В 1918—1919 гг. на командных и штабных должностях, в том числе начальника штаба и командующего 6-й армией. В 1920—1921 гг. начальник Полевого штаба РВСР и временно исполняющий должность начальника Всероглавштаба, затем на военно-административной, штабной и преподавательской работе, генерал-лейтенант (1940 г.), профессор. Автор научных трудов и мемуаров.
- X. *Кожневиков Иннокентий Серафимович* (1879—1931) — член РСДРП(б) с 1917 года. Происходил из крестьян, был рабочим, учился в Харьковском коммерческом институте. В 1917 г. один из организаторов Красной гвардии в Харькове. После Октябрьского переворота комиссар Харьковского почтово-телеграфного округа, нарком почт и телеграфа Донецко-Криворожской советской республики. С мая 1918 г. чрезвычайный комиссар по связи всех фронтов. С сентября 1918 г. на командных должностях, в том числе в качестве командующего 13-й армией. В 1920 г. комиссар отряда кораблей Волжско-Каспийской флотилии. В 1921 г. товарищ министра иностранных дел Дальневосточной республики, с мая 1921 г. организовывал партизанское движение в Приморье. Затем на советской работе.
- XI. *Сазонов Сергей Дмитриевич* (1860—1927) — министр иностранных дел России (1910—1916 гг.). В 1918—1920 гг. член белогвардейских правительств Деникина и Колчака, затем в эмиграции.
- XII. *Стольберг Карл Юхо* (1865—1952) — один из лидеров либерального крыла младофиннов, которое в 1918 г. основало Национальную прогрессивную партию; в 1919—1925 гг. — президент Финляндии.

К вопросу о влиянии монгольской культуры и монгольского права на русскую культуру и право

В. А. Рязановский

Валентин Александрович Рязановский родился 1 января 1884 г. в имении родителей в Костромской губернии. Окончил юридический факультет Московского университета в 1908 г., где учился у профессоров С. Н. Трубецкого и П. И. Новгородцева. Изучал также право в Германии (1911 г.).

В 1914—1915 учебном году он был избран приват-доцентом Демидовского юридического лица в Ярославле по кафедре гражданского права. Одновременно являлся секретарем Общественного комитета по основанию в Ярославле университета. Диссертацию на степень магистра гражданского права защитил в 1917 г. в Донском университете, после чего был избран экстраординарным профессором упомянутого лица. В 1918—1919 уч. г. состоял «исполняющим дела» ординарного профессора Томского университета. В 1920 г.— профессор Иркутского университета. С 1 декабря 1920 по ноябрь 1922 г.— и. д. ординарного профессора Дальневосточного университета во Владивостоке по кафедре гражданского права и процесса; председатель городского Юридического общества.

С падением белой власти в Приморье (1922 г.) Валентин Александрович с семьей официально выезжает в Харбин, где он уже ранее был занят по совместительству работой на местном Юридическом факультете. С 1921 г.— и. д. ординарного профессора русского Юридического факультета в г. Харбине по той же кафедре, где более 14 лет преподавал гражданское право и процесс. 12 лет состоял председателем испытательной комиссии факультета, 5 лет был его деканом. Под руководством Рязановского это высшее учебное заведение достигло своего расцвета. В 1925 г. на факультете было открыто экономическое отделение, в 1926 г.— подготовительные классы для китайских юношей. Число слушателей возросло до 1000 человек. По инициативе Рязановского начали выходить «Известия Юридического факультета» в Харбине (ИЮФ), издаются труды профессоров и преподавателей, создана богатая библиотека.

Русский Юридический факультет в Харбине, основанный русскими профессорами в 1920 г., фактически являлся крупным институтом с тремя отделениями: юридическим, экономическим и ориентальным. Его глава избирался советом профессоров и, исполняя формально должность декана, по кругу своих прав и обязанностей на деле являлся ректором этого высшего учебного заведения. Харбинский Юридический факультет в течение длительного времени был русским центром изучения Китая, выпустившим большое число научных трудов по китайской культуре, праву, экономике, этнографии и языку. Наиболее важным направлением деятельности его научного персонала было изучение права народов Востока, и душой этой исследовательской работы с полным основанием можно назвать Рязановского.

Однако ученый был не только специалистом-теоретиком высокого класса, но

и действующим юристом — в начале в качестве адвоката, вице-председателя суда первой степени, почетного мирового судьи (в бытность свою в Ярославле), позднее — председателя гражданского департамента суда во Владивостоке, во время пребывания в Маньчжурии — начальника юридического отдела Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) ².

О взглядах ученого позволяет судить его выступление по случаю празднования годовичного акта и первого выпуска окончивших факультет 25 января 1924 года. «В России,— сказал он,— с 1918 г. закрыты юридические факультеты и учреждены вместо них факультеты общественных наук, с изменением содержания изучаемых дисциплин: устранено изучение догматических дисциплин, составляющих душу Юридического факультета. Но русская юридическая традиция не замерла, она возродилась за границей: Юридический факультет в Харбине в 1920 г. и в Праге — в 1922 году. Я не сомневаюсь в том, что пройдет еще несколько лет и в России юридическое образование займет приличествующее ему место... На Юридическом факультете мы прежде всего стремимся познакомить слушателей с основными началами права и научить наших слушателей умелому пользованию этими началами, дать им научный метод. Всякий, кто знаком с этим методом, умеет им пользоваться и хорошо усвоил начала юридических наук,— легко ориентируется в положительном материале, будь то германское, французское, русское старое или новое законодательство... Все преподаватели Юридического факультета стремятся ознакомить своих слушателей с состоянием законодательства Советской России. Как бы ни относиться политически к тому, что сейчас происходит в России, мы никогда не уйдем от того факта, что 150-миллионный народ — наша родина — живет своими особыми законами и мы должны ознакомить слушателей с состоянием законодательства там» ³.

В 1929 г. с оставлением Рязановским поста декана в связи с реорганизацией, совет профессоров избирает его почетным членом Юридического факультета в Харбине.

Несмотря на чрезвычайно широкий круг своих общественных и профессиональных обязанностей, Рязановский неизменно уделял серьезное внимание научным исследованиям. Список его работ по истории и теории права и процедуре, обычному праву и сравнительной юриспруденции насчитывает 80 названий только опубликованных статей и монографий. В этих работах Рязановский не боялся идти в науке новыми, непроторенными путями, браться за изучение совершенно не исследованных областей юриспруденции.

Наследие Рязановского может быть условно разделено на три большие части: работы в области российского гражданского права и процедуры, труды в области права народов Востока, исследования по истории русской культуры.

Особый интерес представляют труды Рязановского по гражданскому праву Китая и обычному праву других сопредельных с Россией народов. Они не утратили своего научного значения и поныне. Рязановский фактически был первым из европейских ученых, давшим систематический обзор китайского гражданского права ⁴. Одновременно с изучением китайского права он в конце 20-х годов приступил к исследованию таких в полном смысле слова «белых пятен», какими до него являлись обычное право монголов и других народов в различные эпохи, реконструировав их систему ⁵.

Оценивая вклад Рязановского в изучение монгольского права, М. Н. Луцкий, рецензент последнего его труда «Фундаментальные принципы монгольского права» писал: «Профессору Рязановскому принадлежит несомненная заслуга восстановления системы монгольского права. Он не ограничивал себя задачей изучения собственно монгольского права, но также одновременно изучал и право других крупных монгольских племен — бурят и калмыков. Профессор Рязановский ... взялся за исследование общей картины развития этого права: он осуществил систематический обзор монгольского права, изучил корни этого права, развитие его институтов и его влияние на право других народов. Он не удовлетворился и историко-догматическим изучением монгольского права, но исследовал и эволюцию его институтов с точки зрения сравнительной юриспруденции и социологии» ⁶.

На основании его работ, переведенных на многие иностранные языки, Рязановский был избран членом нескольких научных обществ: юридических обществ — в Ярославле (1915 г.), в Казани (1916 г.), и во Владивостоке (1921 г.), был

председателем последнего (в 1921 и 1922 г.), членом Общества сравнительного правоведения в Париже (1927 г.), Китайской ассоциации общественных и политических наук в Пекине (1931 г.), Института законоведения в Риме (1932 г.), членом-корреспондентом Королевского Азиатского общества в Лондоне (1936 г.), Американского Ориентального общества (1937 г.), и членом Американской Академии политических и общественных наук (1938 г.).

В середине 30-х годов Рязановский с семьей переехал в г. Тяньцзинь, где продолжал исследовательскую деятельность ⁷. Еще с 1923—1924 гг. Валентин Александрович начал изучение обычного права народов Средней Азии и Сибири — киргизов, тунгусов, якутов и других — результатом чего явилась его новая книга ⁸. После этого семья Рязановских выехала в США. «Вскоре после нашего переезда в Америку,— написал мне сын В. А. Рязановского — современный американский историк Николай Рязановский,— отца разбил паралич, что отняло у него возможность преподавать, хотя он до самой смерти продолжал научную работу (его книги по русской культуре, написанные в Америке, переиздание некоторых работ в области востоковедения)».

Русская история и культура разрабатывались Рязановским наряду с изучением монгольского права еще с середины 30-х годов и особенно в последние годы жизни. Среди его работ этого направления две небольшие книжки по древней русской живописи ⁹, очень серьезный и глубокий «Обзор русской культуры» ¹⁰, а также труд «Развитие русской научной мысли в XVIII—XX столетиях (науки о природе)» (Нью-Йорк, 1949).

Культуру России, начиная с Древней Руси, Рязановский рассматривает по трем основным областям: Киевской, Новгородско-Псковской и Владимиро-Суздальской. В Древней Руси он видел большое земледельческое и торговое государство, распадавшееся на ряд областей-уделов с несколькими хозяйственными и географическими центрами и рядом крупных городов с высокой для своего времени культурой, находившейся под влиянием главным образом Запада (Византии и латинского Запада), но также и Востока, в особенности Персии, Кавказа и арабов. Вместе с тем Русь вырабатывала и свою собственную, оригинальную культуру. Столица этого государства — Киев представлял собой большой культурный город с прекрасными деревянными и каменными храмами, палатами, со школами и книгохранилищами, с развитой внутренней торговлей и ремеслами. Кроме Киева и городов Киевской области, в Древней Руси существовал еще ряд культурных центров, где городская жизнь была даже оживленнее, чем на Западе. Скандинавские саги называли Русь «страной городов».

Просвещение, благодаря международным связям Древнерусского государства, особенно с Византией, было развито в стране достаточно сильно. Кроме народной словесности, пишет Рязановский, мы имеем дошедшую от того времени значительную духовную и светскую литературу («слова», проповеди, поучения), описания путешествий — «хождения» в Святую землю и др., исторические сочинения с замечательным летописным сводом, высокохудожественные произведения — «Слово о полку Игореве» и др. От этой же эпохи дошел до нас и ряд значительных юридических памятников. Сюда относятся и договоры с греками и немцами, уставы о церковных судах, первый кодекс Русская Правда, Кормчая книга. В школах преподавались математика и древние языки. Князья и высшие круги знали иностранные языки. Дошедшие до нас памятники (архитектуры, живописи, декоративного искусства) характеризуют высокое развитие культуры. Рязановский особенно подробно останавливается в своих работах на анализе фресковой живописи, декоративного искусства и других вопросах.

Работы Рязановского по истории естествознания в России, значительно опередившие труд Г. В. Вернадского, его книги по истории русской культуры сохраняют свою научную ценность. К сожалению, они остаются неизвестными большинству российских исследователей.

Скончался Рязановский в 1968 г. и похоронен на православном сербском кладбище в городке Колма (пригород Сан-Франциско).

Публикуемая работа представляет собой актовую речь Рязановского 28 июля 1930 г. (ИЮФ, т. IX. Харбин, 1931) и печатается с некоторыми сокращениями. Вводная статья и подготовка текста к печати выполнены Г. В. Мелиховым.

Примечания

1. Тома I—XII. Харбин. 1925—1935. В этом журнале печатались статьи по юриспруденции, праву, истории и культуре России и народов Востока.
2. Профессор В. А. Рязановский. К двадцатипятилетию ученой и практической деятельности (1908—1933 гг.).— ИЮФ, 1933, т. X, с. 359—365.
3. ИЮФ, 1925, т. I, с. 223—224.
4. RIASANOVSKY V. A. Fundamental Institutions of Chinese Civil Law. Harbin. 1926; РЯЗАНОВСКИЙ В. А. Современное гражданское право Китая. Тт. I—II. Харбин. 1926—1927 (эта работа была переведена на английский язык — Civil Law of China. Vol. I—II. Harbin. 1927—1928); е го же. Основные начала земельного, горного и лесного права Китая. Харбин. 1928.
5. Тема эта впервые привлекла внимание ученого еще в 1921 г. (РЯЗАНОВСКИЙ В. А. Обычное право бурят. Чита. 1921). Результатом ее изучения явились работы: RIASANOVSKY V. A. Customary Law of the Mongol Tribes. Pt. I—II. Harbin. 1929 (то же в переводе на японский язык); е го же. Монгольское право (преимущественно обычное). Харбин. 1931 (то же в переводе на яп. яз.); RIASANOVSKY V. A. Fundamental Principles of Mongol Law. Tientsin. 1937 (ed. 2, Bloomington. 1965).
6. The Chinese Social and Political Science Review, Peking, Vol. XXI, 1937, № 3, pp. 391—392.
7. См. Fundamental Principles of Mongol Law; RIASANOVSKY V. Chinese Civil Law. Tientsin. 1938.
8. RIASANOVSKY V. Customary Law of the Nomadic Tribes of Siberia. Tientsin. 1938 (ed. 2, Bloomington, 1965).
9. РЯЗАНОВСКИЙ В. А. Об изучении древней русской живописи. Харбин. 1934 (см. также: ИЮФ, 1934, т. XI); е го же. Основные виды древней русской живописи. Харбин. 1935.
10. РЯЗАНОВСКИЙ В. А. Обзор русской культуры. Т. I. N. Y. 1947; Т. II, кн. 1. N. Y. 1947; Т. II, кн. 2, N. Y. 1948.
11. См.: ВЕРНАДСКИЙ Г. В. Очерки по истории науки в России в 1725—1920 гг.— Записки Русской Академической группы в США, N. Y. 1971—1975, тт. V—IX.

* * *

Представители русской исторической науки (историки, юристы) неоднократно подвергали обсуждению настоящий вопрос, но разрешали его не единообразно. Одни из них (отчасти уже Н. М. Карамзин, а главным образом Н. И. Костомаров и В. В. Леонтович, а также Н. П. Загоскин, В. И. Сергеевич, И. Энгельман и немногие др.) находят, что монголы оказали большое влияние на развитие государства Московского, которое сложилось под влиянием монгольской государственности¹. Другие же — и таких большинство (С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов, Е. Ф. Шмурло, М. Н. Покровский, Д. И. Багалей, М. Ф. Владимирский-Буданов, М. А. Дьяконов и некоторые другие) — находят, что т. н. татарское иго не оказало глубокого влияния на ход нашей истории, не произвело глубоких социальных переворотов в жизни Русского государства. Оно ускорило одни процессы, несколько задержало другие и т. д. Но процессы эти начались без влияния монголо-татарского нашествия и продолжались независимо от этого влияния. Татарское нашествие и его влияние были лишь одним из факторов в этом историческом процессе и притом фактором не основным и не главным².

Приведенный взгляд, разделяемый наиболее видными нашими учеными историками последнего времени (Ключевским, Платоновым, Владимирским-Будановым, Дьяконовым), обладавшими для разрешения его и большим запасом сведений, занял в начале XX в. господствующее положение в науке.

Однако в самое последнее время этот укрепившийся в науке взгляд вновь

Мелихов Георгий Васильевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

подвергнут сомнению. За последнее десятилетие появилось направление научно-публицистической мысли, так называемое евразийство, придающее не только перво-степенное, но исключительное значение для русского народа факту монголо-татарского нашествия и монголо-татарского влияния. Это направление рассматривает удельную Русь как часть великого Монгольского государства, развившуюся в самостоятельное (Московское) государство под непосредственным влиянием монгольской культуры вообще и монгольской государственности в частности. Это государство в своем дальнейшем развитии (петербургская Россия и СССР ныне) представляло и представляет собою особый географический, этнографический и культурный мир, объединяющий народы (арийского и туранского корня) степных равнин Европы и Азии (Евразия), и является естественным наследником великой державы Чингисхана. На Востоке — корни нашей культуры, нашей государственности, на Восток и призывают евразийцы вернуться нас после крушения западного пути ³.

Одни из представителей евразийского направления смотрят на данный вопрос более упрощенно и ограничиваются указаниями почти исключительно на монгольское влияние на русскую культуру и в особенности государственность (Иванов, Хара-Даван), другие значительно расширяют пределы такого влияния и отмечают туранское влияние вообще (как, например, Н. С. Трубецкой ⁴), третьи идут еще дальше и включают сюда и иранское, арийское влияние стран Востока (например, Никитин ⁵). Но все они придают исключительно важное значение монгольскому нашествию на Русь и монгольскому влиянию на последнюю.

Хотя вопрос о влиянии на нашу культуру вообще и правовую в частности Востока и в особенности монголов, как мы видим, неоднократно поднимался и разрешался нашей наукой, однако еще раз подчеркнуть значение этого вопроса, снова поставить его на обсуждение и подвергнуть ревизии представляется в наши дни переоценки различных ценностей вполне уместным и своевременным.

По нашему мнению, культура Востока, несомненно, оказала довольно значительное влияние на русскую культуру, но, конечно, не только культура монгольская или даже туранская вообще, но и иранская, арийская и главным образом эта последняя. Влияние скифо-сарматской культуры, персидской, индийской, угро-финской, тюркской, монгольской и даже отдаленной китайской сказались на русской культуре. Но в этом влиянии элемент монгольский не играл не только исключительной, но и какой-либо особо значительной роли.

Для доказательства приведенного положения позволим себе сделать краткое напоминание о нашей домонгольской культуре и о положении, созданном монгольским нашествием, затем уже перейдем к вопросу о монгольской культуре и ее влиянии на русскую и в особенности о монгольском праве и его влиянии на русское право <...>

Наши летописи красочно описывают нашествие монголо-татар и его результаты. Киев и Владимир подверглись почти полному разгрому, во Владимиро-Волынском не осталось ни одного живого человека, в Переяславле (южном) была перебита половина жителей, а другая отведена в плен, в Торжке истреблены все жители, в Козельске — также и т. д. и т. п. Едва ли есть надобность повторять общеизвестное: об уничтожении огнем и мечом городов и селений, людей, имущества, о тяжком иге, наложенном на Русь в виде подчинения чужой и низшей по культуре народности и возложения тяжелой дани, о произволе послов и баскаков, откупщиков и сборщиков дани, вызывавших неоднократно местные восстания, тонувшие в зареве пожарищ и потоках крови. Все это имеется в наших летописях, все это нам известно. Быть может, в наших летописях есть и преувеличения. Но общая картина тяжкого бедствия, выпавшего на долю государства и остановившего на значительное время его развитие, — верна...

Непосредственным результатом нашествия монголо-татар явилась приостановка культурного развития страны. Закрылся путь из варяг в греки, были прерваны связи юга и центра России с культурным Западом ⁶, были уничтожены или разорены многие очаги культуры. Все исследователи отдельных сторон древнерусской жизни отмечают приостановку в культурном развитии последней вследствие татарского нашествия. Общее понижение культурного уровня страны, общее огрубение нравов было непосредственным результатом этого нашествия.

Конечно, русская культура не погибла: уцелели северо-западные области — Смоленская, Псковская и Новгородская, старые традиции и навыки не все погибли

и послужили основанием для дальнейшего развития и расцвета нашей культуры. Молодой и способный народ вынес испытание, справился со всеми затруднениями. Но на борьбу с этими затруднениями и препятствиями ушло сто-полтораста лет. И на этот срок мы были задержаны в нашем культурном развитии.

Наряду с указанными отрицательными последствиями, что положительного принесло с собой татарское нашествие, какой вклад в нашу культуру внесло оно? Мы знаем, что мавры так же покорили Испанию, но они принесли с собою и высокую культуру и оставили крупный след в науке, литературе, искусстве. Ничего подобного мы не можем сказать о монголах.

Монголы находились на довольно низкой ступени развития. Народ с пастушеской кочевой культурой, не вышедший из родового быта и не знающий оседлой жизни, не мог оказать большого культурного влияния на народ земледельческий, с развитой городской жизнью и культурой. Сами не имея просвещения, монголы не могли оказать какого-либо положительного влияния на русское просвещение. Проводя жизнь в войлочных юртах и кибитках, монголы не могли ничего существенного внести в русскую архитектуру, столь высокую в художественном отношении... Своей живописи они не знали. Наше декоративное искусство испытало на себе влияние Востока... раньше и независимо от монголо-татар. Но возможно допустить, что некоторые мотивы заимствованы не столько от татар, сколько через татар с Востока. Вообще (в отличие от мавров) татары не принесли с собою высокой культуры, а, наоборот, осев в степях юго-восточной Европы, они заимствовали культурные навыки, учились у своих соседей: персов, армян, русских, а по принятии магометанства — главным образом у мусульманских народностей...

Влияние или заимствование у татар сказалось на военном деле, именно на устройстве конницы. Наше войско состояло тогда из конницы и пехоты — ополчения (например, в Куликовской битве участвовали до 150 000 ополчения). На организации конного строя сказалось влияние монголо-татар. Оказали монголо-татары влияние и на быт, но влияние незначительное. Это влияние сказалось в создании обстановки подчинения силе, в раболепстве низших перед высшими и сильными. Далее это влияние отразилось на одежде высших классов населения, на языке, получившем ряд восточных слов в свой состав. Но здесь не нужно забывать, что значительное число восточных слов нашего языка не монгольского корня (персидские, тюркские и другие) и проникли в русский язык до татарского нашествия или независимо от него.

Указывают еще на то, что некоторые русские песни составлены в пятитонной т. н. (индо-китайской) гамме и некоторые танцы представляют собой влияние Востока еще в домонгольскую эпоху и независимо от монголо-татар. Указывают далее на затворничество русских жен, как на влияние монголо-татарского ига. Нужно сказать, что этот обычай, имевший применение лишь в верхах московского общества, совершенно не известен самим монголам (ср., например, Туракину, управлявшую 5 лет империей после Угэдэя, Угул-Гамиш и др.). Он представляет влияние оседлого мусульманского Востока (Персии, Турции), но не монголо-татар непосредственно.

С XV в., когда началось разложение Золотой Орды, ряд татарских князей и мурз стали переходить на службу великого князя Московского, и с падением Золотой Орды, а затем царства Казанского и Астраханского татары сделались подданными Москвы. Тогда началось мирное взаимное сближение и воздействие друг на друга — путем торговли, службы и тому подобных сношений, взаимного влияния обычаев, причем воздействие более развитой культурой было сильнее (переход татар к земледелию, знакомство с русским языком и пр.). Значительная часть татарского дворянства приняла православие, обрусела и вошла в состав служилого сословия Московского государства.

Между прочим, по подсчету профессора Н. П. Загоскина, в среде русского дворянства было происходящих от Рюрика 168 родов, других русского происхождения — 42, польско-литовского происхождения — 223, западноевропейского — 229, татарского — 120, из других восточных народов — 36, неизвестного происхождения — 97 родов⁷. Таким образом, татарского происхождения было у нас около 15% дворянских родов. Однако нужно отметить, что наша народная масса с татарами в общем не смешивалась (посредством браков) благодаря различию вероисповедания.

Итак, с точки зрения общекультурной мы имеем ряд отрицательных последствий нашествия монголо-татар на Русь и очень мало положительных ⁸.

После этих общих замечаний перейдем к вопросу о влиянии монгольского права на русское. Право есть часть культуры. Если не высоко стоит культура, не может высоко стоять и право. Мы знаем, что не только кодекс XIII столетия — Яса Чингисхана, но и монгольские кодексы XVII и начала XVIII столетия — Цааджин Бичик и Халха Джиром — представляют проявления невысокой культуры.

Яса Чингисхана не действовала на Руси, да и не могла действовать, ибо была создана для народа с низшей (кочевой) культурой и не могла удовлетворять потребностей русского народа (земледельца). Какого-либо специального кодекса для Руси (подобного созданному впоследствии Китаем для Монголии), монголы не создали и не могли этого сделать вследствие отсутствия достаточной для этого культурности. В эпоху монгольского нашествия в Северной Руси был создан кодекс, далеко превосходящий по своему содержанию не только Ясу Чингисхана, но и последующие монгольские кодексы. Мы имеем в виду Псковскую судную грамоту.

Таким образом, прямого воздействия монгольского права на русское не было: ни посредством применения монгольского кодекса, ни путем создания специального кодекса. Следовательно, можно говорить только о влиянии косвенном, о влиянии административной практики. Нужно, однако, заметить, что не было ни определенных проводников такого влияния, ни достаточно развитой государственности, которая могла бы оказать такое влияние.

Рассмотрим подробнее вопрос о влиянии монгольского права на русское право — гражданское, уголовное и государственное (со включением административного). Что касается гражданского права, то здесь можно сказать с полной определенностью, что никаких следов монгольского влияния на русское гражданское право установить нельзя. Ни Псковская судная грамота, ни судебники не дают для этого никакого материала. Монгольское право не оказало никакого влияния на русское гражданское право, да и не могло оказать вследствие различия культур (кочевой — скотоводческой и оседлой — земледельческой).

В сфере права уголовного указывают на усиление наказаний в судебниках как результат монгольского влияния: введение смертной казни, наказания кнутом, пыток — чего не было в Русской Правде и почти не было в Псковской судной грамоте. Это явление представляет собою следствие общего огрубения нравов, вызванного монголо-татарским нашествием. Следовательно, последнее представляет лишь косвенную причину этого явления, а влияние собственно монгольского права здесь трудно установить. Нужно заметить, что судебники, как кодексы, представляют собою некоторый регресс по сравнению с Псковской судной грамотой. Этот регресс явился следствием временного общего регресса культуры, вызванного татарским нашествием.

Наконец, в области права государственного мы встречаемся с утверждением, что монгольское государственное право, монгольская государственность оказали прямое влияние на выработку русской государственности, государства Московского. Так ли это? Посмотрим, что представляла собою монгольская государственность и что она могла передать русской. В Средней Азии в течение полутора тысяч лет до выступления на историческую сцену монголов сменили одно другое ряд государственных образований, влияние которых иногда выходило далеко за пределы Средней Азии. Но эти государства вследствие отсутствия единой прочной культуры, внутренней спайки входивших в их состав племен и народностей и возникавших отсюда внутренних неурядиц, а также и давления извне, были недолговечны, и очень быстро распадались. К числу подобных государств, влияние которых не ограничивалось пределами Монголии, которые нередко достигали громадных размеров и включали в свой состав не только Среднюю Азию, но иногда почти всю Азию и даже часть Европы, относилось государство хун-ну (гуннов) — народа турецкого происхождения (с. III в. до Р. X. и по начало христианской эры)...

Монголы создали одно из таких же недолговечных больших государственных образований ⁹. Пока был жив Темучин-Чингисхан, это государство кочевников росло и ширилось на пепле разоренных государств, на костях убитых жителей и очень недолго после него. Уже при ближайших преемниках оно распалось на составные части, в которых господство Чингисидов очень быстро пошло к упадку <...>

Указанное падение главных ветвей рода Чингисхана произошло от того, что монголы не сумели создать прочной государственности. Среди монголов слишком сильно было родовое начало, оно превалировало над государственным, и слишком слаба была общая культурность народа. Между тем некоторые из указанных выше авторов говорят об особой устойчивости государственного сознания Чингисидов, об особой прочности и монолитности государственности монголов в отличие от государственной безыдейности наших удельных князей и безгосударственности удельного периода на Руси вообще. Эта монгольская государственность явилась не только образцом, но и прямым фактором создания прочной государственности московской Руси и петербургской России. Под влиянием первой и благодаря ей создавалась и вторая. Это представление не соответствует историческим фактам.

Монголы переживали такой же и даже более смутный удельный период, как и русские, с той лишь разницей, что не сумели справиться с ним... Мы не останавливаемся подробнее на истории Золотой Орды. Это завело бы нас слишком далеко. Мы позволили себе привести краткую сухую справку из истории Монгольской империи и Золотой Орды лишь для того, чтобы напомнить увлекающимся государственностью монголов и третирующим наши удельные нестроения историческую действительность. Удельный порядок со всеми его дефектами, еще усиленными восточной жестокостью и хитростью, существовал и среди Чингисидовичей. И среди последних появлялись крупные личности — Хубилай, Батый, Берка, Узбек, Тохтамыш, как и среди русских Рюриковичей — Владимир Мономах, Андрей Боголюбский, Всеволод III, Александр Невский, Дмитрий Донской, Иван III и др. Но исторические результаты известны: Рюриковичи сумели справиться с удельными нестроениями и создали прочную государственность, Чингисидовичи не сумели этого сделать и бесславно сошли с исторической сцены.

Теперь обратимся непосредственно к взаимоотношениям Золотой Орды и Руси. Золотая Орда властвовала не только над Русью, но и над Хорезмом, прикаспийскими степями и Крымом; ее влияние распространялось на Великую Булгарию, на узбекские степи, — первоначально и на Балканский полуостров; кроме того, Золотая Орда принимала участие и в жизни монгольских государств Азии. Таким образом, Золотая Орда имела много дел и кроме русских.

Общий характер управления в Золотой Орде был тот же, что и в центре Монгольской империи. Если последнее Елюй Чуцай¹⁰ охарактеризовал как управление с седла, то эта характеристика еще более приложима к ордынскому управлению, где не было Елюй Чуцай и ему подобных администраторов. Управление характеризовалось тем же произволом, продажностью и отсутствием правосудия, как и в великом ханстве. Недаром в свое время было сказано, что ордынское правление «вертится на золотом колесе произвола», и не без основания указал наш источник, что великокняжеский стол был в Орде предметом торга с переторжками¹¹.

В Золотой Орде существовало особое присутственное место по русским делам, во главе которого стоял даруга. Время от времени в тот или иной русский город назначался баскак как орган надзора главным образом за сбором дани. Появление баскаков и послов, обычно в сопровождении вооруженных отрядов татар, сопровождалось насилиями, пожарами, убийствами мирного населения; появление последних русский народ рассматривал как кару небес, посланную за грехи, как батог Божий, вразумляющий грешников. Но систематического управления Русью со стороны татар не было. Русская история сохранила многочисленные свидетельства ордынского управления и суда, деятельности ордынских наместников, послов, баскаков в стране. И русский народ в песне о Щелкане Дудентьевиче сохранил недобрую память о татарском суде.

Монголо-татары не устранили русских князей и не создали своей династии на Руси, как это было, например, в Персии. Не имели они и постоянного наместника или наместников на Руси с определенными функциями, каковых имел, например, Китай в Монголии (Улясутайский цзянцзюнь и амбань). Баскаки назначались sporadически, в отдельные места, не имели определенных функций управления, а наблюдали главным образом за сбором дани и еще до истечения первого столетия монгольского ига исчезли из административной практики. Управление находилось в руках русских князей, а сношения с Ордой — главным образом в руках великого князя. Таким образом, не было специальных проводников монгольского влияния.

В чем же видят сторонники монгольского влияния на русскую государственность

конкретно проявление этого влияния? Указывают, что Орда утверждала великих князей на Руси. Однако это обстоятельство не произвело каких-либо изменений в прежде действовавшем порядке.

Академик Платонов указывает, что «порядок наследования великокняжеского стола при татарах, в первое столетие их власти (1240—1340 гг.) оставался тем же, каким был до татар: это — родовой порядок с нередкими ограничениями и нарушениями. Великое княжение оставалось неизменно в потомстве Всеволода Большого Гнезда, в линии его сына Ярослава. В течение немногим более 100 лет (с 1212 по 1328 г.) пятнадцать князей из четырех поколений было на великокняжеском столе и из них только три князя захватили престол с явным беззаконием, мимо дядей или старших братьев. Если мы обратимся к дотатарскому периоду, в т. н. Киевскую Русь, то увидим там однородный порядок и однородные правонарушения. Очевидно, татарская власть ничего не изменила в старом обычае передачи стола и присвоила себе лишь право санкционировать проявления этого обычая. Мало того, и этим правом своим она как будто не дорожила и не всегда спешила его осуществить: самоуправство князей оставалось подолгу не наказанным... В поколении внуков и правнуков Всеволода Большого Гнезда образовалась даже такая повадка, которая явно изобличает слабость татарского авторитета и власти: удельные князья неизменно враждовали с утвержденным татарами великим князем и старались, в одиночку или все сообща, ослабить его. Они (татары) говорили князю: будешь великим, «оже ты даси выход (т. е. дань) больши», т. е. если его будешь платить больше соперника. Зная это, князья прямо торговались в Орде даже друг с другом»¹².

Татары настолько мало интересовались управлением на Руси и настолько мало вникали в него, что просмотрели усиление великого Московского княжества. Но единственным вопросом, которым они действительно интересовались, был вопрос материальный — выжимание все больших средств от князей и населения. Поэтому-то «великокняжеский стол был предметом торга и переторжки». Поэтому-то мы встречаемся здесь с мероприятиями, направленными на собирание дани и различных налогов и повинностей. Поэтому же в русском языке сохранилось значительное число монгольских слов, относящихся к деньгам и налоговому обложению. Но этот интерес не был интересом культурной государственности, имеющей целью улучшить управление и экономическое положение подвластного государства. Это был интерес победителя-хищника, имеющего целью взять с побежденного (хотя бы последний 50 или даже 100 лет тому назад признал власть победителя) возможно больше и притом только и доступными ему самыми грубыми приемами и средствами.

Далее указывают на следующие элементы монгольского влияния на русскую государственность¹³. Монгольское государство было построено на принципе безусловного подчинения индивидуума коллективу — прежде всего роду, а через него государству. Вот эта монгольская идея послужила тем базисом, на котором развилась сначала на Московском государстве, затем в петербургской монархии всеобщая служба населения государству, его закрепление на службе государству. Подобное представление неправильно.

В многочисленных походах, в особенности первой половины XIII в, у монголов выработалось безусловное подчинение военачальникам, являвшимся обычно и родовыми вождями, которое в гражданской жизни вылилось в деспотизм одних и раболепство других. Но понятия государственности, службы государству здесь не выработалось. Монголы и прежде жили и теперь еще живут родовым строем и в понятиях этого родового строя, выше этого не поднимались¹⁴. Поэтому ни их строй, ни их понятия не могли служить основанием для построения московской государственности, основанной на другом социальном базисе. У нас родовой строй был крепок и значительно раньше (летописи упоминают о нем, как о начальном факте нашей истории); в эпоху же монголо-татарского нашествия родовой строй находился в стадии полного разложения. Из него возникло (и этот процесс начался еще до татар) семейно-вотчинное владение и княжеская власть такого же характера, уступившие место единодержавному господству публично-правового типа. Но закрепление всех слоев населения на службу государству под влиянием чисто внутренних социальных оснований (подобный внутренний процесс не может быть заимствован) лишь началось в Московском государстве, а достигло своего развития в империи Петра. Таким образом, мы находим, что означенное утверждение основано на поверхностной аналогии и должно быть отброшено.

Старые авторы (например, В. В. Леонтович) резко ставили вопрос и утверждали, что и крепостное право заимствовано нами у монголов. Новые — осторожнее. Они не делают такого утверждения ввиду очевидной невозможности заимствования им развития из чужеземной идеи такого социального института, как крепостное право, основанного на сложных социальных процессах. Но и их более осторожная формулировка по существу того же порядка. Оба указанных явления вызваны (и позднее по времени) внутренними социальными процессами. Эти процессы находят себе более близкую аналогию на Западе (а не на Востоке), но также не заимствованы отсюда.

Тот же характер носит и другое утверждение, что самодержавная власть московских князей сложилась под непосредственным монгольским влиянием и по образцу власти монгольских ханов (власть монгольского хана рухнула, но возродилась в лице московского царя, который занял опустевшее место).

Как известно, в государствах континентальной Европы период феодализма под влиянием определенных социальных причин сменился абсолютной монархией. Так же и у нас: под влиянием внутренних процессов (географических, экономических, политических) усилилось Московское княжество и развилось единодержавие московских князей, сменившееся со временем абсолютной монархией¹⁵. Наряду с этими внутренними основными факторами действовали и дополнительные внешние, способствовавшие основному процессу, быть может, ускорившие его: напор со стороны шведов и меченосцев на северо-западе, со стороны Литвы — на западе и со стороны татар — на юге.

Таким образом, татарское воздействие было одним из косвенных факторов образования единодержавия на Руси, наряду с другими внутренними и внешними факторами. И современники также не усматривают здесь прямого монгольского влияния или внутренней связи с последними. Когда внутренний процесс образования единодержавия принял определенные формы, созрел, то идеологическое обоснование его ищут и находят не на Востоке, не в рухнувшей власти монгольского хана, а внутри, в русской старине, в идеалах Владимира Мономаха, Всеволода III и Александра Невского¹⁶ и на Западе, в рухнувшей власти византийского императора, в теории о Москве — третьем Риме¹⁷.

Совершенно неправильно и третье утверждение, будто представление о князе, как собственнике всей территории государства, заимствовано у монголов. На известной ступени общественного развития при наличии патриархально-вотчинных отношений мы встречали приведенный взгляд у самых разнообразных народов: в древней Англии и в древней Германии, в мусульманском мире, у китайцев, у монголов, у славян. Большинство народов давно вышло из этой стадии развития и лишь некоторые из них сохранили ее до XX века. На Руси мы встречаем приведенный взгляд уже до татарского нашествия. И вместе с тем уже с XI в. (и даже раньше) начинает выделяться индивидуальная частная собственность (церковная, княжеская, частных лиц), которая в Псковской судной грамоте находит уже свое полное выражение. Частная собственность князя постепенно выделяется из государственной и образуются имущества фиска, казны и дворцовые имущества. Таким образом, на Руси во время татарского ига происходит процесс, обратный приведенному выше утверждению.

Далее, будто бы монголы установили или под их непосредственным влиянием сложилась налоговая система Московского государства. До татарского нашествия подати взимались у нас со двора (дыма или сохи), т. е. с участка земли, обрабатываемого одним домохозяином. Следовательно, объектом обложения было имущество. Причем государство налагало эту подать на погост, вервь, которые и производили уравнительную раскладку по дворам или сохам. По мнению большинства исследователей, татары ввели поголовную (подушную) подать (дань) в крупных размерах, исчислив все население. К этому были присоединены: торговый налог (тамга) и некоторые другие и ряд натуральных повинностей. Если это и верно¹⁸, то все же надлежит признать, что влияние монголо-татар на налоговую систему Московского государства не было значительным.

Введенную татаро-монголами налоговую систему нельзя рассматривать как финансовую реформу, произведенную в интересах улучшения управления, а как чисто хищническое стремление выжать из населения как можно больше материальных средств. Система обложения носила самый грубый характер: бедняки и богатые

были обложены одинаково. Далее, сбор дани был отдан на откуп «бесерменам». Злоупотребления последних по сбору дани (с помощью татарских отрядов) вызвали уже с 1262 г. народные волнения, повторявшиеся неоднократно и в 1290 г. принявшие размеры целого восстания — что заставило Орду передать сбор дани русским князьям. Последние прежде всего устранили неравномерность грубого поголовного обложения и постепенно вернулись к старому поимущественному обложению по сохам (к половине XV в.). Таким образом, еще до возникновения Московского царства наша налоговая система в своей основе приняла самобытный, а не заимствованный характер.

Наконец, будто бы монголы ввели на Руси систему почт. Это неверно. Почтовая организация для передачи всякой корреспонденции была учреждена у нас по западноевропейскому образцу только во второй половине XVII в. (1663 г. и след.)¹⁹. Здесь вопрос идет о натуральной повинности — снабжении местным населением средствами передвижения служилого люда (предоставлением лошадей, повозок, лодок и т. п.). Такая натуральная повинность существовала еще в домонгольской Руси и называлась «повозом». Она была организована по «станам». Эту тяжелую повинность сделали особенно тяжелой своими требованиями о перевозочных средствах татары и самое название «повоза», «станов» постепенно превратилось в татарские «ямскую повинность» и «ямы». Следовательно, никакого новшества по существу татары здесь не ввели. Они только усилили и без того тяжелую подводную повинность населения, которая и получила татарское название²⁰.

Можно отметить еще ссылку на заимствование у монголов системы приказов (прообраз — монгольские палаты). Но отдаленность во времени, постепенность образования приказов вследствие практических потребностей и малая вероятность знакомства московских администраторов с устройством монгольских палат делают эту поверхностную аналогию совершенно неубедительной.

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Влияние Востока на культуру России несомненно. Оно довольно разнообразно: скифо-сарматские, персидские, индийские, угро-финские, тюркские, монгольские, китайские влияния оставили здесь свой след. Но в этом разнообразном, но всегда не основном влиянии в нашей культуре монголо-татарское влияние не играет не только исключительной, но и особо важной роли.

Монголо-татарское нашествие разорило Русь материально, возложило на население большие тяготы, нанесло тяжелый удар культуре Киевской и Владимирской Руси и задержало примерно на столетие — полтора наше культурное развитие, повело к огрубению нравов и т. п., т. е. задержало развитие, но отнюдь не уничтожило ни русской культуры, ни русской государственности. Не следует и слишком преувеличивать отрицательных последствий монголо-татарского нашествия. Вместе с тем, главным образом мирное сожительство с монголо-татарами оказало некоторое влияние на наш быт, например, на одежду высших классов, на проникновение монгольских слов в язык, на некоторые обычаи и т. п. Орда утверждала великих князей, но не изменила существовавшего до нее порядка и не вмешивалась в управление; татарское иго было одним из косвенных факторов образования единой державы на Руси, оказало некоторое преходящее влияние на налоговую систему княжеской Руси. Оценивая все это, мы должны признать, что влияние монголо-татар на русскую культуру и право носило несущественный, второстепенный характер.

Высказывая все изложенное, мы, конечно, не упускаем из виду различия культур: кочевой — монгольской и земледельческой — русской и тем более далеки от того, чтобы ставить в вину монголам это различие или порицать их за недостатки, связанные с кочевой культурой. Но мы подчеркиваем здесь на основании изучения монгольской истории и права, что не было объективных данных — особенности вследствие различия культур, различия социального развития обоих народов — для того большого, можно сказать, исключительного влияния монгольской культуры вообще и монгольского права в частности на русскую культуру и право, о котором говорили некоторые наши авторы и с большой силой повторяют их современные последователи.

Примечания

1. См. КАРАМЗИН Н. М. История государства Российского. Т. V. СПб. 1852; КОСТОМАРОВ Н. И. Собрание сочинений. Исторические монографии и исследования. Т. XII. СПб. 1904; ЛЕОНТОВИЧ В. В. Монголооиратский или калмыцкий устав взысканий. СПб. 1879; СЕРГЕЕВИЧ В. И. Древности русского права. Т. II. и др. СПб. 1903—1909.
2. См. соответствующие отделы: СОЛОВЬЕВ С. М. История России в эпоху преобразования. Т. 1. М. 1878—1879; КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Курс русской истории. Т. II. М. 1958; ПЛАТОНОВ С. Ф. Лекции по русской истории. СПб. 1909; ПОКРОВСКИЙ М. Н. Русская история с древнейших времен. Т. I. М. 1933, в особенности приложение III: БАГАЛЕЙ Д. И. Русская история. Т. I. М. 1914; ВЛАДИМИРСКИЙ-БУДАНОВ М. Ф. Обзор истории русского права. СПб.—Киев. 1909; ДЬЯКОНОВ М. [А.] Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб. 1912; ШМУРЛО Е. Ф. Русская история. Прага. 1922.
3. См. ТРУБЕЦКОЙ Н. С. К проблеме русского самопознания. Сб. ст. Прага. 1927; е го ж е. Европа и человечество. Прага. Б. г.; САВИЦКИЙ П. Н. Россия — особый географический мир. Париж. 1927; ВЕРНАДСКИЙ Г. В. Начертание русской истории. Прага. 1927; VERNADSKY G. A History of Russia. New Haven. 1929; Исход к Востоку. Сборник. София. 1921; На путях. Сб. Б. м. 1922; Евразийский Временник. Кн. 3—5. Париж. 1923—1927; Евразийство. Б. м. 1926, а также: И. Р. Наследие Чингисхана Б. г. Б. м.; ИВАНОВ Вс. Н. Мы. Харбин. 1926; ХАРА-ДАВАН. Чингисхан как полководец и его наследие. Б. м. 1929.
4. См. его статью: О туранском элементе в русской культуре. В сб.: К проблеме русского самопознания.
5. См. его ст.: Иран, Туран и Россия. — Евразийский Временник. Кн. 5. 1927.
6. Впоследствии наладившиеся пути на Восток (кстати сказать, существовавшие и раньше) не могли заменить связей с Западом.
7. См. ВЛАДИМИРСКИЙ-БУДАНОВ М. Ф. Ук. соч., с 123.
8. К числу таких положительных явлений относятся, между прочим, установление через Орду связей с восточными рынками и восточной культурой. Связь с Востоком, его рынками и культурой мы имели и до монгольского нашествия и всегда будем иметь в силу географического положения. Установленные через Орду связи не были сильнее и прочнее прежде существовавших через Персию и др. и не могли заменить ни торговых, ни тем более культурных связей с Западом, уничтоженных татарским нашествием (прямо или косвенно). См., напр., КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Курс русской истории. Т. I.
9. И монголами это движение не закончилось. Вспомним, например, государство, созданное Тамерланом и некоторые др.
10. *Елюй Чуцай* (1190—1244 гг.) — крупный государственный деятель Юаньской (Монгольской) династии в Китае, ученый и писатель, автор «Записок о путешествии на Запад» (*прим. ред.*).
11. Надо, однако, отметить, что шаманисты по первоначальной религии монголы относились терпимо и даже покровительственно ко всякой религии (ср. фр. 10, 11 Ясы). Не изменили они этого отношения и по переходе к буддизму на Востоке и магометанству — на Западе.
12. ПЛАТОНОВ С. Ф. Ук. соч., с. 107—109.
13. Из новых авторов см. сжатую формулировку у проф. Г. В. Вернадского (*A History of Russia*, p. 46 а. о.).
14. См. нашу книгу «Монгольское право (преимущественно обычное)».
15. Как известно, проф. Н. П. Павлов-Сильванский проводит даже полную аналогию между Западной Европой и древней Русью в данном вопросе (см. ПАВЛОВ-СИЛЬВАНСКИЙ Н. П. Феодализм в древней Руси. СПб. 1907 и др. работы).
16. «Книжники-летописцы, — говорит А. Е. Пресняков, — были по-своему правы, когда выдвигали Александра Невского или Всеволода III, а в более далеком прошлом Владимира Мономаха, как предшественников тех же тенденций сильной великокняжеской власти» (см. ПРЕСНЯКОВ А. Е. Московское царство. Пг. 1918, с. 12).
17. См., напр., МИЛЮКОВ П. Н. Очерки по истории русской культуры. Т. III. Париж. 1930, с. 47.
18. Академик М. А. Дьяконов сомневается в этом, находя, что у татар не было сил и средств произвести подушную перепись, причем ссылается на пример Новгорода, где, согласно летописи, была подворная перепись (Очерки, с. 189). Но большинство наших ученых держится мнения о поголовном обложении.
19. См., напр., МИЛЮКОВ П. Н. Очерки по истории русской культуры. Т. I. СПб. 1909, с. 101; ВЛАДИМИРСКИЙ-БУДАНОВ М. Ф. Ук. соч., с. 84, 208 - 209.
20. Впрочем, на севере остались и старые названия.

Организатор Женского батальона смерти

С. В. Дроков

До недавнего времени факты необычной биографии инициатора формирования в 1917 г. женских батальонов смерти Марии Леонтьевны Бочкаревой были мало известны, а отсутствие достоверной информации приводило к искажению описаний ее жизни. Ее называли и уфимской крестьянкой, и вдовой боевого полковника, а от брака с А. С. Бочкаревым она якобы имела сына Якова ¹. В 1919 г. за рубежом были опубликованы воспоминания Бочкаревой «Яшка. Моя жизнь крестьянкой, офицером и ссыльной». Даже по небольшому фрагменту, помещенному в отчете Овермэнской комиссии сената США, можно догадаться, почему в СССР эта книга была предана забвению: «В городе (Петрограде 1918 г.— С. Д.) свирепствовал красный террор. Река была полна трупов убитых и линчеванных офицеров. Оставшиеся в живых находились в ужасном положении, боясь показаться публично ввиду настроения толпы, а поэтому находились на краю гибели от голодной смерти. Еще ужаснее было положение в провинции» ².

Неординарность жизни Марии продолжает привлекать внимание зарубежных исследователей, да и в отечественной историографии появились публикации о женских воинских формированиях в 1917 году ³. Но в них, как правило, лишь упоминается о роли Бочкаревой. Книга же «Яшка» не является достоверным источником, ибо написана со слов, не подкрепленных конкретными фактами. Нам удалось почерпнуть их из различных малоизвестных источников.

Бочкарева родилась в июле 1889 г. в семье Леонтия Семеновича и Ольги Елеазаровны Фролковых, в селе Никольское Кирилловского уезда Новгородской губернии. В семье росли еще две дочери. Когда Марусе исполнилось шесть лет, родители решают переехать в Сибирь в надежде получить надел земли. 8-летнюю Марусю отдали в прислуги, сначала присматривать за ребенком, затем в лавку. К 16-летней Марии посватались. Сохранилась такая запись в книге Вознесенской церкви от 22 января 1905 г.: «Первым браком Афанасий Сергеевич Бочкарев, 23 лет, православного вероисповедания, проживающий в Томской губернии, Томском уезде, Семилужской волости, деревне Большое Кусково» взял в жены «девицу Марию Леонтьеву Фролкову... православного вероисповедания, проживающую в Томской губернии, Томском уезде, Ново-Кусковской волости, поселке Ксеньевском» ⁴.

Первое супружеское лето она встретила, работая в иркутской конторе по укладке мостовой. Первоначально Мария была рабочей, а через пять месяцев ее назначили помощником десятника. Семейная жизнь складывалась неудачно: Афанасий стал пить, и Мария решила уйти от мужа, однако из-за свалившейся на нее болезни потеряла работу и вынуждена была вновь наняться в прислуги, не подозревая, что хозяйка содержит публичный дом в Сретенске. Вскоре

Дроков Сергей Владимирович — научный сотрудник Российского государственного архива экономики.

Мария познакомилась с Я. Г. Буком, который стал ее гражданским супругом. Он числился крестьянином Читинского уезда Чиронской волости, но основным его занятием был разбой в банде хунхузов. На его деньги открыли мясную лавку, Мария встала за прилавок. Такая жизнь продолжалась недолго: в мае 1912 г. Якова арестовали. Бочкарева добилась свидания с ним в иркутском центральном, решила разделить судьбу любимого человека и в мае 1913 г. вместе с ним отправилась по этапу в Якутск.

Распределительный список на административного ссыльного Янкея Гершева Бука сообщает, что постановлением иркутского генерал-губернатора от 18 августа 1912 г. он был выслан «под гласный надзор полиции в Якутскую область на все время действия в Забайкальской области военного положения. Прибыл в г. Якутск 14 июля 1913 года». В рапорте начальника полиции упоминается и Мария: «Сожительница Бука Бочкарева, в одну из минут откровенности, вызванной временным раздором с ним, открыла целый ряд преступлений, совершенных Буком в Забайкалье, здесь фигурируют крупные и мелкие кражи, сбыт и прием краденого и даже разбойное нападение, при активном его участии, на почту»⁵.

Чтобы Бука не выслали дальше, в Колымск, Мария отдалась якутскому губернатору И. Крафту. Тяжело переживая свою измену, она пыталась отравиться. Крафт выпустил Бука из тюрьмы, но потребовал новой встречи с Бочкаревой. Несчастная рассказала о губернаторе Буку, и тот решил убить его. Осуществить замысел не удалось. Бука арестовали в кабинете губернатора и выслали в якутское поселение Амга. Отправившаяся вслед за ним Бочкарева оказалась там единственной русской женщиной. По воспоминаниям «Яшки» можно понять, что взаимоотношения между Марией и Яковом становятся напряженными, он был способен из-за малейшего повода убить жену.

В августе 1914 г. началась первая мировая война. Мария вспоминала: «Мое сердце стремилось туда — в кипящий котел, принять крещение в огне, закалиться в лаве. Дух жертвоприношения вселился в меня. Моя страна звала меня»⁶. Она решила уйти в солдаты. Прибыв в Томск в ноябре 1914 г., Бочкарева обращается к командиру 25-го резервного батальона с просьбой зачислить ее вольноопределяющейся, но встречает отказ. На последние деньги посылает телеграмму царю и получает высочайшее разрешение. Марию зачислили вольнонаемной в 4-ю роту того же батальона. В феврале 1915 г. сформированный в Сибири полк получил назначение под Молодечно, во 2-ю армию. Бочкарева попала на передний край 5-го армейского корпуса, в 28-й Полоцкий полк 7-й дивизии. Женщине поначалу было там очень трудно. На вопрос сослуживцев, как ее называть, Мария, вспомнив Бука, ответила: «Яшка»⁷.

Яшка оказалась храбрым солдатом: ходила в штыковые атаки, вытаскивала раненых с поля боя, сама несколько раз была ранена, и в госпиталях удивлялись ее живучести. Она получила за боевое отличие полный бант Георгиевских крестов (все четыре степени), ряд медалей. Ей были присвоены звания младшего унтер-офицера и старшего унтер-офицера. В октябре 1915 г. она смогла по слогам впервые в жизни прочитать, а затем и написать свое имя. Книга, по которой она училась, была детективом о похождениях американского сыщика Ника Картера.

Весть о Февральской революции на передовую привезли солдаты, возвращавшиеся из Питера. Митинг шел за митингом, начались массовые братания с немцами. Бочкарева знакомится на одном из митингов с председателем IV Государственной думы М. В. Родзянко, который приглашает ее в столицу. В Петрограде Родзянко представил Яшку солдатским делегатам, собравшимся на сессию в Таврическом дворце. Там ее и осенила идея создать женский батальон. Бочкарева обсуждает свой проект с генералом А. А. Брусиловым, получает аудиенцию у А. Ф. Керенского. 21 мая она выступила в Мариинском дворце с призывом:

«Гражданки, все, кому дороги свобода и счастье России, спешите в наши ряды, спешите, пока не поздно, остановить разложение дорогой нам родины. Непосредственным участием в военных действиях, не щадя жизни, мы, гражданки, должны поднять дух армии и просветительно-агитационной работой в ее рядах вызвать разумное понимание долга свободного гражданина перед родиной... Для всех членов отрядов обязательны следующие правила: 1. Честь, свобода и благо родины на первом плане; 2. Железная дисциплина; 3. Твердость и непоколебимость духа и веры; 4. Смелость и отвага; 5. Точность, аккуратность, настойчивость и быстрота в исполнении приказаний; 6. Безупречная честность и серьезное отношение к делу; 7. Жизнерадостность, вежливость, доброта, приветливость, чистоплотность и аккуратность; 8. Уважение чужих мнений, полное доверие друг другу и стремление к благородству; 9. Ссоры и личные счеты недопустимы, как унижающие человеческое достоинство»⁸.

Желание завербоваться в армию у многих женщин было так велико, что выделенного им помещения в Доме инвалидов не хватало. Бочкарева получила здание Коломенского женского

института, и вскоре около двух тысяч заявлений легло на стол учредителям женского батальона. Начались воинские учения. Жена американского военно-морского атташе П. Кросли вспоминала: «Я часто встречалась с женщиной-«полковником» из широко известного женского батальона. Она полна рвения и искренне надеется, что этим движением женщин-солдат мужчины будут пристыжены, когда бегут с фронта. Я видела обучение женщин-рекрутов в их казарме и во время марширования по улицам, а также наблюдала дезертиров (думаю, что они не были настоящими мужчинами и солдатами, несмотря на то, что носили форму!), смотревших на этих женщин и отпускавших грубые шутки в их адрес»⁹. 21 июня Женскому батальону смерти было вручено знамя. Генерал Л. Г. Корнилов от фронтового командования преподнес Яшке револьвер и саблю с золотым эфесом, Керенский зачитал приказ о производстве ее в прапорщики. 300 женщин из первоначального набора отправились 23 июня на передовые позиции, получив назначение в 172-ю дивизию 1-го Сибирского корпуса. Полковник В. И. Закржевский, в подчинении которого находился этот батальон, отмечал в донесении: «Отряд Бочкаревой вел себя в бою геройски, все время в передовой линии, неся службу наравне с солдатами. При атаке немцев, по своему почину, бросился, как один, в контратаку; подносили патроны, ходили в секреты, а некоторые в разведку; своей работой команда смерти подавала пример храбрости, мужества и спокойствия, поднимала дух солдат и доказала, что каждая из этих женщин-героев достойна звания воина русской революционной армии»¹⁰.

Генерал А. И. Деникин позднее писал: «Что сказать про «женскую рать»?.. Я знаю судьбу батальона Бочкаревой. Встречен он был разнузданной солдатской средой насмешливо, цинично. В Молодечно, где стоял первоначально батальон, по ночам приходилось ему ставить сильный караул для охраны барачных... Потом началось наступление. Женский батальон, приданный одному из корпусов, доблестно пошел в атаку, не поддержанный «русскими богатырями». И когда разразился крошечный ад неприятельского артиллерийского огня, бедные женщины, забыв технику рассыпного строя, сжались в кучку — беспомощные, одинокие на своем участке поля, взрыленного немецкими бомбами. Понесли потери. А «богатыри» частью вернулись обратно, частью совсем не выходили из окопов»¹¹. Бочкарева была контужена и отправлена в петроградский госпиталь. К тому времени относятся ее новые встречи с Керенским, которому она с горечью поведала об анархии в армии, о дезертирах, о роли солдатских комитетов в братании, о нежелании солдат воевать. Яшка плохо понимала расстановку политических сил, но просила передать главное командование Корнилову. Вернувшись на передовую, она во время одного из митингов была объявлена корниловкой.

Но именно в этот момент пришли вести о победе большевиков и левых эсеров. Командующий фронтом приказал женскому батальону срочно отправиться в Красное Село, на поддержку Керенскому. Здесь Бочкарева пошла на тайные переговоры с эмиссарами нового правительства. Было решено расформировать батальон, выдав женщинам документы и белье. В 1919 г. Мария Леонтьевна в интервью томской газете рассказала о своей дальнейшей судьбе: «Когда произошел большевистский переворот, я с женским батальоном находилась в составе 1-го Сибирского корпуса и держала участок [резервной] позиции около Киева, с оставлением же армией фронта должна была распустить свой батальон. И приехала в Петроград. Там, вместе с другими офицерами, я была арестована, причем большевики отняли у меня документы и золотое оружие. Когда я была освобождена из-под ареста, я поехала домой, в деревню Тутальскую, между Тайгой и Новониколаевском, и в пути около Челябинска была выброшена большевиками из вагона и повредила себе ногу»¹².

В начале 1918 г. председатель Георгиевского комитета вызвал ее телеграммой в Петроград и поручил установить нелегальную связь с Корниловым. Одетая в платье сестры милосердия, с подложными документами, Бочкарева через Царицын пробралась в Новочеркасск, а оттуда по поручению Корнилова отправилась в США просить помощи для борьбы против власти Советов. Яшка ступила на американскую землю 13 мая 1918 года. В русской эмигрантской прессе на первых полосах стали появляться заметки о ней. В интервью сотруднице газеты «Русский голос» Мария Леонтьевна, отвечая на вопрос о прошлой своей деятельности, сказала: «Я не хочу говорить о своей деятельности в России. Мне больно, тяжело говорить, вспоминать о созданном мною батальоне смерти. Таких батальонов по всей России было до 15, но они ничего не делали. Мой батальон активно участвовал в сражениях с немцами. Это было в начале его расцвета. А затем... трусость обуяла большинство в батальоне»¹³.

О цели своего визита Бочкарева говорила как о «деле чрезвычайной важности». Перед Марией раскрылись двери домов высокопоставленных лиц. 31 мая она посетила государственного секретаря Р. Лансинга и военного министра Н. Д. Бекера; затем состоялась встреча с президентом В. Вильсоном. Вот протокольная запись: «Среда, 10 июля 1918 года. В 4.30

прибыла миссис Дж. Гарриман с мадам Бочкаревой — командиром Женского батальона смерти... Бочкарева начала свой рассказ довольно сухо; внезапно перешла к описанию страданий русского народа, причем языком, подобным скачущей лошади. Она с трудом дожидалась перевода своих слов на английский. Выражение ее лица постоянно менялось. Вдруг она опустилась на колени и, протянув руки к президенту, стала умолять о помощи, о продовольствии, о присылке войск интервентов против большевиков. Сидевший с мокрыми от слез щеками президент заверил ее в этом. В конце концов короткая встреча в Белом доме завершилась к всеобщему облегчению»¹⁴.

В июне Мария Леонтьевна познакомилась с И. Дон Левином — журналистом, получившим приглашение от суфражисток Э. Панкхерст и Дж. Гарриман написать биографию «русской Жанны д'Арк»¹⁵. К концу лета книга «Яшка. Моя жизнь крестьянкой, офицером и ссыльной» была подготовлена к печати, а в следующем году издана одновременно в Нью-Йорке и Лондоне. Последние известия о пребывании Яшки в США датируются 17 июля 1918 г., когда она встретилась с группой сенаторов, опять настойчиво высказываясь за отправку союзной военной экспедиции в Россию.

На транспортном корабле Бочкарева направилась в Англию. В мемуарах ее попутчика, лейтенанта пехотного полка, отмечалось: «Мадам Бочкарева прибыла с американскими солдатами на транспорте из Америки, а находясь на его борту, красноречиво и трогательно рассказывала солдатам о своей родине и о том, как священная непоколебимая верность союзническому делу, прозвучавшая в ее просьбе к Вильсону, с настаиванием на отправке американских войск в помощь страдающей России убедила президента»¹⁶. В августе 1918 г. Мария Леонтьевна, приехав в Англию, нанесла визит Эмили Панкхерст в Манчестере, затем на деньги этой суфражистки остановилась в Лондоне, где встретилась с британским военным министром. У него Яшка попросила аудиенции с королем Георгом V.

«В половине августа 1918 года,— рассказывала она позднее на допросе в Особом отделе ВЧК 5-й Красной армии,— секретарь короля приехал на автомобиле и вручил мне бумажку, в которой говорилось, что король Англии принимает меня на 5 минут, и я одела военную офицерскую форму, одела полученные мной в России ордена и со своим переводчиком Робинсоном поехала во дворец короля. Вошла в зал, и через несколько минут распахнулась дверь и вышел король Англии. Он имел большое сходство с царем Николаем II. Я пошла навстречу королю. Он мне сказал, что он очень рад видеть вторую Жанну де Арк и как друг России приветствую Вас как женщину, которая многое сделала для России. Я в ответ ему сказала, что я считаю за великое счастье видеть короля свободной Англии. Король предложил мне сесть, сел против меня. Король спросил, к какой партии я принадлежу и кому верю; я сказала, что я ни к какой не принадлежу, а верю только генералу Корнилову. Король мне сказал новость, что Корнилов — убит; я сказала королю, что я не знаю, кому теперь верить, и в гражданскую войну я воевать не думаю. Король мне сказал: «Вы русский офицер», я ему ответила, что да; король тогда сказал, что «Вам прямой долг через четыре дня поехать в Россию, в Архангельск, и я надеюсь на Вас, что Вы будете работать». Я сказала королю Англии: «Слушаюсь!»¹⁷.

В Архангельск Мария Леонтьевна прибыла 27 августа 1918 г., а 29-го выступила на городском митинге. В воззвании, опубликованном 14 сентября, она призвала северян присоединиться к отрядам Антанты для «спасения России от германского ига». В сентябре состоялась ее встреча с генерал-губернатором и командующим местными белыми войсками генералом В. В. Марушевским, предложившим ей организовать мужскую «добровольческую ячейку». Но Яшка заявила, что «боевого дела» в гражданской войне на себя не принимает. Произошло бурное объяснение, в результате которого ее посадили на семь суток под домашний арест.¹⁸

Не получив ожидаемой поддержки в создании женских отрядов, она уехала в Шенкурск, пытаясь привлечь к себе сторонниц из крестьянок. В донесениях офицеров из Шенкурского уезда отмечалось: «Крестьяне этой волости... о митингах Бочкаревой отзываются неодобрительно и говорят, что если она явится вторично, то ее убьют»¹⁹. Спустя некоторое время Мария появилась в союзническом штабе в Шенкурске. Американские и британские офицеры, вспоминая о тех встречах, отзывались о ней нелестно: она курила «пачками сигареты», жевала табак, докучала, показывала всем свои шрамы от ранений, и «напивалась не меньше мужика».

В ноябре 1918 г. Бочкарева добилась аудиенции у командующего вооруженными силами союзников на Севере генерала У. Э. Айронсайда. Со слезами на глазах она рассказала ему, что Временное правительство Северной области отвернулось от нее. Не умея читать и писать, она не может даже обратиться за помощью. Британский генерал посочувствовал романтической даме с «поседевшими волосами, выглядевшей старше своего возраста», чье

«широкое безобразное рябое лицо и коренастая фигура выдавали восточное происхождение», и направил ее в Архангельск ²⁰.

Ставший позднее заведующим правительственными отделами военных, внутренних дел, путей сообщения, почты и телеграфа Марушевский вспоминал: «Были приложены все усилия к ликвидации и расформированию всех учреждений и управлений, не имевших определенных войсковых функций. Чтобы пояснить это — укажу на г-жу Бочкареву, которая явилась ко мне в офицерских погонах и в форме кавказского образца... Нечего и говорить, что результатом этого визита был мой приказ о немедленном снятии военной формы с этой женщины». Возмущенная соответствующим приказом от 27 декабря 1918 г., Мария Леонтьевна обращается к новому генерал-губернатору и главе Временного правительства Северной области Е. К. Миллеру, а в апреле 1919 г. это правительство постановило выдавать ей ежемесячно 750 руб. вплоть «до выезда в Сибирь».

В июле 1919 г. Северным правительством была снаряжена морская экспедиция капитана 1-го ранга Б. А. Вилькицкого в Карское море. Генерал-губернатор приказал предоставить Бочкаревой бесплатный проезд на пароходе до Оби и выдать денежные средства ²¹. 10 августа Яшка покинула Архангельск на пароходе «Колгуев». Уже при подходе к Томску экспедиция встретила с кораблем, на борту которого находился британский офицер, знавший Марию по 1917 году. В его воспоминаниях сохранились строки об этой встрече: «Фактическим руководителем русской экспедиции был военно-морской офицер Котельников, прибывший сюда раньше нас... С ним была известная Яшка Бочкарева — полная энергичная женщина, организатор Женского батальона смерти, в отличие от остальных сохранившая в себе прекрасное настроение и бодрость духа, готовая на любую работу» ²².

19 октября экспедиция прибыла в Томск. Застав своих родителей в бедственном положении, Бочкарева решила поехать к адмиралу А. В. Колчаку, чтобы просить отставку и пенсию. 10 ноября в Омске состоялась ее встреча с Верховным правителем России. Мария так рассказала о ней: «Я вошла в кабинет Колчака и там увидела — Колчак вел разговор с генералом Голицыным — главнокомандующим добровольческими отрядами. Когда я вошла, то Колчак и Голицын оба встали и приветствовали меня и сказали, что обо мне много слышали и предложили сесть. Колчак стал мне говорить: Вы просите отставку, но такие люди, как Вы, сейчас необходимо нужны. Я Вам поручаю сформировать добровольческий женский санитарный отряд (1-й женский добровольческий санитарный отряд им. поручика Бочкаревой). Он говорил, что у нас много тифозных и раненых, а рук, которые бы ухаживали за больными, — нет. Я надеюсь, что Вы это сделаете. Я предложение Колчака приняла» ²³.

Бочкарева за два дня сформировала в Омске отряд из 200 человек, причисленный к добровольческой дружине Св. Креста и Зеленого знамени. Но вскоре Колчак под ударами Красной Армии покинул столицу «белой Сибири». Передав санитаров врачу госпиталя, Мария после безуспешной попытки вновь встретиться с адмиралом возвратилась в Томск.

С восстановлением там советской власти Яшка в декабре 1919 г. явилась к коменданту города, сдала ему револьвер и предложила свои услуги. Комендант, отказавшись от ее предложения, взял с нее подписку о невыезде и отпустил домой. 7 января 1920 г. она была арестована и посажена в тюрьму, откуда в марте переведена в Красноярск. В заключении к окончательному протоколу ее допроса от 5 апреля 1920 г. следователь Поболотин отмечал, что «преступная деятельность Бочкаревой перед РСФСР следствием доказана... Бочкареву как непримиримого и злейшего врага рабоче-крестьянской республики полагаю передать в распоряжение начальника особого отдела ВЧК 5 армии».

21 апреля 1920 г. было вынесено постановление: «Для большей информации дело, вместе с личностью обвиняемой, направить в Особый отдел ВЧК в г. Москву». 15 мая это постановление было пересмотрено и принято новое решение: Бочкареву расстрелять. На старой обложке уголовного дела сделана синим карандашом приписка: «Исполнено пост. 16 мая» ²⁴.

Примечания

1. СОЛОВЬЕВ А. Г. Записки современника. М. 1964, с. 183; BEATTY B. The Red Heart of Russia. N. Y. 1919, p. 90; LAFFIN J. Women in Battle. Lnd. 1967, pp. 57—58.
2. Октябрьская революция перед судом американских сенаторов. Официальный отчет «Овермэнской комиссии» сената. М.-Л. 1927, с. 110.
3. См., напр., UGLOW J. S. The Continuum Dictionary of Women's Biography. N. Y. 1989, p. 74 etc.; СЕНИН А. С. Женские батальоны и военные команды в 1917 году.— Вопросы истории, 1987, № 10.

4. Государственный архив Вологодской области, ф. 496, оп. 13, д. 11, л. 3об.; BOTCHKAREVA M. *Yashka. My Life as Peasant, Officer and Exile*. N. Y. 1919, p. 5; Государственный архив Томской области, ф. 527, оп. 1, д. 304, лл. 116об.—117.
5. Центральный государственный архив Республики Саха (Якутия), ф. 15и, оп. 10, д. 2279, лл. 5об.—6, 8об.—9.
6. BOTCHKAREVA M. *Op. cit.*, p. 66.
7. Министерство безопасности Российской Федерации, Управление по Омской области, уголовное дело № 796 по обвинению Бочкаревой М. Л., арх. № ОУ 45 (далее — Уголовное дело № 796), л. 26об.; BOTCHKAREVA M. *Op. cit.*, pp. 76, 82.
8. Искры, Пг., 1917, № 20, с. 183; BOTCHKAREVA M. *Op. cit.*, p. 157.
9. CROSLY P. S. *Intimate Letters from Petrograd*. N. Y. 1920, p. 72.
10. Русский инвалид, Пг., 1917, № 144; Уголовное дело № 796, л. 27об.; Нива, Пг., 1917, № 30, с. 464.
11. ДЕНИКИН А. И. Очерки русской смуты.— Вопросы истории, 1990, № 10, с. 113.
12. СОМОВ В. Поручик М. Бочкарева в Томске.— Сибирская жизнь, Томск, 26.X.1919, № 227.
13. Американские бюллетени, М., июнь 1918, № 18, с. 6; Г-жа Леония Бочкарева, командир «Батальона смерти», в Нью-Йорке.— Русский голос, Нью-Йорк, № 410, 25.V.1918.
14. Русский голос, № 415, 31.V.1918; BAKER R. S. *Woodrow Wilson: Life and Letters*. Vol. 8. N. Y. 1939, pp. 271—272.
15. DON LEVINE I. *Eyewitness of History: Memoirs and Reflections of Foreign Correspondent for Half a Century*. N. Y. 1973, pp. 52—54.
16. Русский голос, № 455, 17.VII.1918; CUDAHY J. (A Chronicler). *Archangel: The American War with Russia*. Chicago. 1924, p. 148.
17. Уголовное дело № 796, лл. 29—29об.; PANKHURST S. E. *The Life of Emmeline Panhurst*. Lnd. 1935, p. 160.
18. Вестник Верховного управления Северной области, Архангельск, 31.VIII.1918, с. 3; Возрождение Севера, Архангельск, 14.IX.1918, с. 3; Уголовное дело № 796, лл. 29об.—30.
19. Северный фронт: борьба советского народа против иностранной интервенции и белогвардейщины на советском Севере (1918—1920). Док. М. 1961, с. 44.
20. IRONSIDE W. E. *Archangel, 1918—1919*. Lnd. 1953, pp. 76—77; HALLIDAY E. M. *The Ignorant Armies: the Anglo-American Archangel Expedition, 1918—1919*. Lnd. 1960, p. 150; McPHAIL H. *Retreat*. In: GORDON D. *Quartered in Hell: The Story of the American North Russia Expeditionary Force, 1918—1919*. Missoula. 1982, pp. 122—123.
21. Российский государственный военный архив, ф. 39450, оп. 1, д. 136, л. 170; Вестник Временного правительства Северной области, 3.IV.1919, с. 2; Государственный архив Архангельской области, ф. 2834, оп. 2, д. 3, л. 36; МАРУШЕВСКИЙ В. В. Белые в Архангельске. Л. 1930, с. 140—141.
22. Уголовное дело № 796, л. 30об.; PARES W. *My Russian Memoirs*. Lnd. 1931, pp. 558—559; STITES R. *The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism and Bolshevism, 1860—1930*. Princeton (N. J.). 1978, p. 299.
23. Государственный архив Российской Федерации, ф. 7492, оп. 1, д. 12, л. 113; Уголовное дело № 796, лл. 31—31об.
24. Уголовное дело № 796, лл. 35об.—36.

Выстрел у Летнего сада

Н. П. Ерошкин

4 апреля 1866 г. по Летнему саду Петербурга прогуливался мужчина средних лет в военной шинели и белой фуражке с красным околышем. Он шел неторопливой походкой располневшего и страдающего одышкой человека. Рядом, тоже медленно и важно, ступала огромная собака. Немногие в те полуденные часы встречные почтительно застывали на месте: дамы склонялись в реверансе, офицеры отдавали честь, чиновники обнажали головы. Им навстречу шел Александр II. Придворный лейб-медик Енохин рекомендовал ему такие прогулки для улучшения пищеварения и преодоления тучности. Царь извлек карманные часы, взглянул на них и двинулся к выходу: было три часа пополудни, прогулку следовало закончить. У северного выхода из сада царя ожидали экипаж и толпа простонародья, собравшегося поглазеть на императора. Заметив царя, стоявший на посту городской резво подбежал к экипажу, чтобы помочь государю сесть в карету.

Вдруг из толпы отделился высокий худощавый молодой человек с длинными светлыми волосами и горящим взором. Он решительно направился к царю. Александр II замедлил шаги, оттеснявшие народ жандармы настороженно замерли. Молодой человек выхватил внезапно из-за борта своего старенького пальто револьвер и стал неумело целиться в царя, щуря безбровые близорукие глаза. Стоявший впереди толпы ближе всех к царю и молодому человеку щуплый белобрысый мужчина в поношенном пальто и дрянной шапчонке беспомощно поднял руки, как бы собираясь заслониться от пули. Послышался сухой треск выстрела. Но царь остался невредимым. И сразу все оживо. Жандармы и некоторые из зевак бросились к стрелявшему и стали его избивать. «Ребята, я за вас стрелял!» -- крикнул тот.

По распоряжению царя стрелявшего подвели к экипажу. «Ты поляк?» — спросил уже пришедший в себя от испуга царь. «Русский», — отвечал террорист. «Почему же ты стрелял в меня?» — недоуменно осведомился царь и услышал в ответ: «Ты обманул народ: обещал ему землю, да не дал»¹. «Доставьте его в III Отделение», — распорядился Александр II, садясь в экипаж.

В небольшом приземистом двухэтажном здании у Цепного моста на Фонтанке, где помещалось знаменитое III Отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии, учинили первый допрос задержанному. Назвавшись крестьянином Алексеем Петровым, он отказался отвечать на вопросы жандармских следователей. Начали допрашивать задержанных вместе с ним свидетелей покушения. Те давали настолько путанные и разноречивые показания, что допрашивавший их жандармский подполковник неудовлетворенно морщился: было ясно, что все эти люди — случайные зеваки, их допрос — пустая формальность. Дошла очередь до белобрысого мужчины в поношенном пальто. «Картузник я, ваше высокоблагородие. Осип Комиссаров... из крестьян Костромской губернии, не виноват я», — лепетал

¹ Этот эгюд покойного *Николая Петровича Ерошкина* подготовил к печати доктор исторических наук старший научный сотрудник Института российской истории РАН *Анатолий Евгеньевич Иванов*.

гот в растерянности. Один из «благородных» свидетелей, генерал Э. И. Тотлебен, заявил, что лично «видел», как Комиссаров подтолкнул стрелявшего в царя террориста ².

Не прошло и двух часов, как весь Петербург узнал удивительную весть: в царя стрелял какой-то человек, выдававший себя за крестьянина, но по внешнему облику явно студент, а простой картузник Комиссаров ударом отклонил его руку и спас жизнь царя. Рожденная в здании III Отделения жандармско-полицейская легенда имела большой успех. Судьба никому неведомого ранее Комиссарова сказочно изменилась. В Зимнем дворце при огромном стечении высших сановников царь обнимал и благодарил Комиссарова; великие князья, министры и генералы почтительно пожимали ему руку; духовенство именовало его «ангелом-хранителем». Царь возвел Комиссарова в потомственные дворяне.

В роскошном зале Английского клуба при свете сотен свечей и громкой музыке состоялся многолюдный банкет: сановный Петербург чествовал нового члена клуба, потомственного дворянина Иосифа Ивановича Комиссарова-Костромского. Провозглашали тосты за императора, за счастливое его спасение и за самого «спасителя». Новоявленного дворянина попросили что-нибудь сказать. Ошарашенно мигая ресницами и потея в новом сюртуке при белой манишке и белом галстуке, очумевший от всеобщего внимания, плюгавый человечек смог лишь пробормотать: «Господа!.. Господа! Я, значит, чувствую... потому как истинный сын отечества... Чувствительно вас благодарю». Слова его беспомощно повисли в притихшем зале. «За здоровье его благородия, Комиссарова-Костромского», — выручил какой-то браваый гвардеец, поднося виновнику торжества бокал. От взрыва музыки и громового «ура» ошарашенный картузник испуганно втянул в плечи маленькую завитую головку.

Еще в день покушения Александр II для расследования заговора назначил Чрезвычайную следственную комиссию под председательством камергера, бывшего министра внутренних дел С. С. Ланского. «Все средства будут употреблены дабы раскрыть истину», — заверял царя шеф жандармов и начальник III Отделения В. А. Долгоруков ³. Но отказ арестанта давать показания вызвал «высочайшее неудовольствие». Шеф жандармов был 8 апреля отстранен от дел, а его место занял молодой и решительный П. А. Шувалов, который сразу же потребовал изменения состава следственной комиссии. Еще 7 апреля ее председателем стал М. Н. Муравьев, прозванный «вешателем» за расправу над восставшими в 1863 г. поляками. Он поклялся «скорее лечь костьми, чем оставить неоткрытым это зло — зло не одного человека, а многих, действовавших в совокупности» ⁴. Всего за несколько дней Муравьев изменил состав комиссии. Активную роль в ней стали играть новый шеф жандармов граф В. П. Панин, новый министр народного просвещения Д. А. Толстой и вызванные из замиренной Польши генерал-каратель В. М. Шварц со следователями гвардейским капитаном Никофраки и жандармским полковником А. М. Лосевым. Их компанию дополнил вечно пьяный генерал К. И. Огарев.

Комиссия развила бурную деятельность, стремясь доказать, что покушение явилось частью большого заговора. Закованного в кандалы узника допрашивали по 12—15 часов в сутки, не разрешая ему во время допросов ни сидеть, ни прислоняться к стене, а ночью приставленные к нему жандармы не позволяли ему спать. «Запирательство преступника, — сообщал Муравьев царю, — вынуждает комиссию к самым деятельным и энергичным мерам для доведения преступника до сознания» ⁵. Настоятель Петропавловского собора протоиерей Палисадов по поручению следователей допрашивал арестанта бесконечными проповедями, беседами и церковными службами.

В ночь на 9 апреля начались массовые обыски и аресты, сначала в Петербурге, затем по всей России. При задержании покушавшегося при нем нашли, помимо двустольного пистолета и ядов, два экземпляра прокламации «Друзьям-рабочим» и письмо непонятного содержания на имя Николая Андреевича, а также ключки конверта с фамилией Кобылин ⁶. Ее обладатель, студент Медико-хирургической академии, был вскоре арестован. К этому времени в канцелярию обер-полицмейстера поступило заявление хозяина Знаменской гостиницы о внезапном исчезновении несколько дней назад одного из жильцов. Присланный в III Отделение гостиничный лакей опознал в арестованном пропавшего жильца. При обыске номера в гостинице был найден адрес Николая Андреевича Ишутина, проживавшего в Москве. Затем были схвачены Ишутин и несколько его знакомых. При первом же допросе 10 апреля Ишутин признал в покушавшемся своего двоюродного брата Дмитрия Владимировича Каракозова, в семье которого он воспитывался, и последний подтвердил это признание.

Дни деятельности следственной комиссии были заполнены бесконечными допросами и очными ставками. Постепенно перед нею раскрывались состав и цели организации, членом которой являлся Каракозов. В 1863 г. сердобский почетный гражданин Ишутин объединил в революционный кружок своих товарищей, земляков по Пензенской губернии. — П. Д. Ермолова, Н. П. Страндена, Д. А. Юрасова, М. Н. Загибалова, затем владимирцев П. Ф. Николаева и В. Н. Шаганова. Одни из них учились в Московском университете, другие были

исключены из него за участие в студенческих волнениях либо неуплату взноса за обучение, третьи уже окончили университет. В Петербурге аналогичный кружок сложился вокруг ученого-фольклориста И. А. Худякова. С середины 1865 г. между кружками установился тесный контакт. Они получили единое наименование «Организация»⁷. Внутри нее создавался строго законспирированный кружок «Ад» с членами-мортусами (то есть смертниками). За царевубийство как раз и взялся Каракозов.

Выходец из дворянской семьи Саратовской губернии, он после гимназии поступил на юридический факультет Казанского университета и вскоре был исключен за участие в студенческих волнениях. Восстановленный там через год, перешел в Московский университет, перебивался грошовыми уроками, терпел нужду и в 1865 г. был отчислен после невзноса платы за обучение. Замкнутый и молчаливый, малозаметный и неактивный в «Организации», страдая тяжелой желудочной болезнью вследствие недоедания и считая неизбежной близкую смерть, он решил пожертвовать собою ради царевубийства. Главным виновником бедственного положения простого народа он называл царя: «Грустно, тяжело мне стало, что так погибает мой любимый народ. Удастся мне мой замысел — я умру с мыслью, что смертью своей принес пользу дорогому моему другу — русскому мужику. А не удастся, так все же я верую, что найдутся люди, которые пойдут по моему пути. Мне не удастся — им удастся. Для них моя смерть будет примером и вдохновит их»⁸. В конце марта 1866 г. втайне от товарищей по кружку Каракозов выехал в Петербург не без участия Худякова.

Выстрел Каракозова привел к быстрому разгрому «Организации» и массовым арестам. Правительство пыталось представить этот выстрел как результат большого заговора, а также найти связи «Организации» с польскими революционными кругами. Вскоре главных обвиняемых перевели в Петропавловскую крепость. Туда же попал Каракозов, помещенный в отделение для самых важных государственных преступников — мрачный Алексеевский рavelин, камеру № 6. Встретаться с Каракозовым разрешили только Лосеву и Палисадову. В рavelин же были помещены Ишутин и Худяков.

В Петропавловскую крепость перебралась и следственная комиссия, которая заседала там ежедневно. Чтобы добиться нужных ей показаний, она не брезговала ничем: Муравьев угрожал мужественно державшемуся Худякову в случае отказа от немедленного признания пытать его, а затем приговорить к расстрелу. Средством давления был и жестокий режим: на содержание каждого заключенного в крепости отпускалось 30 коп., в Алексеевском рavelине — 7 копеек. Там, как писал впоследствии Худяков, «кормили такой пищей, которой не позавидовали бы многие собаки»⁹. Ловкий, хитрый и красноречивый священник Палисадов на церковной исповеди выпытывал у заключенных различные сведения, а затем передавал все комиссии. Правительство оценило его «труды» в 500 руб. серебром, выданных по личному распоряжению царя.

Постепенно тюремщикам удалось добиться подробных показаний некоторых заключенных, в том числе Ишутина. Каракозов же оставался сдержанным. Проходя после допроса мимо своих товарищей, ожидавших очередного вызова, он тихо сказал: «Будьте спокойны: никого не выдал, ничего не сказал,.. все вынес... даже пытки»¹⁰. Через допросы Чрезвычайной следственной комиссии прошло до 100 обвиняемых и свидетелей. 26 апреля в Москве была создана вспомогательная следственная комиссия. Отдельные следователи командировались в Калужскую и Саратовскую губернии¹¹. Комиссия разделила обвиняемых на две группы: 11 участников заговора (для них комиссия настаивала на смертной казни) и 25 обвиняемых в сношениях с ними. К 12 июня 1866 г. следствие было закончено.

28 июня царь подписал указ Сенату об учреждении Верховного уголовного суда, куда комиссия передала материалы следствия¹². Судебные заседания проходили в Петропавловской крепости при закрытых дверях, за исключением последних заседаний, куда была допущена избранная публика. Впервые в истории российского суда его заседания стенографировались (однако не публиковались).

На первом же заседании 16 августа обвиняемым выдали копии обвинительных актов, и каждому было предложено в недельный срок избрать себе защитника. 18 августа началось судебное заслушивание дела Каракозова и Худякова. Заседания по Каракозову вскоре были закончены, но царь счел неуместным оглашать приговор между 26 августа (день его коронации) и 30 августа (царские именины). 31 августа в переполненном зале Сената генерал-прокурор Д. Н. Замятнин произнес обвинительную речь и рекомендовал приговорить Каракозова «к лишению всех прав состояния и к смертной казни» через повешение. Судьи согласились. 1 сентября краткая резолюция суда была объявлена Каракозову, который подал на имя царя прошение о помиловании. Прошение было доложено царю, а судьи заявили, что «нет никаких оснований к смягчению участи Каракозова», и царь наложил такую резолюцию: «Лично в душе моей давно простил ему, но как представитель Верховной власти я не считаю себя в праве прощения подобного преступника». 2 сентября председатель суда передал

Каракозову царский отказ: «Вы должны готовиться к смерти, подумайте о душе своей, покайтесь»¹³. Местом казни было избрано Смоленское поле на краю Васильевского острова.

Наступило 3 сентября 1866 года. Ясное солнечное утро. Огромное поле заполнено народом. В середине каре гвардейских подразделений возвышался эшафот, в стороне стояла виселица. Порядок на площади поддерживали войска, казаки, жандармы и полиция. Они же сопровождали к месту казни колесницу, на которой спиной к лошади, прикованный к высокому сиденью, сидел бледный Каракозов. Когда колесница приблизилась к месту казни, палачи поставили его к столбу на эшафоте. Министр юстиции приказал объявить приговор. Прозвучал приговор, зачитанный секретарем суда: «По указу Его Величества». И сразу забили барабаны, войска взяли «на караул», чиновники сняли шляпы. После прочтения приговора смертника напутствовал тот же Палисадов, затем палачи обрядили Каракозова в саван, подвели к виселице, поставили на скамейку и надели веревку. Через 20 минут его труп поместили в гроб и похоронили на том же пустынном острове Голодае, где 40 годами ранее погребли казненных Николаем I пятерых декабристов.

24 сентября был вынесен приговор остальным подсудимым, из которых 10 считались главными (Ишутин, Худяков, Ермолов, Странден, Юрасов, Загибалов, Николаев, Шаганов, О. А. Мотков и О. В. Малинин). Ишутину суд постановил как «зачинщика замыслов о царевубийстве... казнить смертью через повешение»¹⁴. Семерых осудили на каторгу на срок от 8 до 20 лет, восьмерых — к ссылке на поселение, одного — к ссылке в Сибирь, 11 — на заключение в крепости от 6 до 8 месяцев, остальных оправдали. Царь посчитал приговор мягким и гуманным. «Вы постановили такой приговор,— заявил он судьям,— что не оставили места моему милосердию»¹⁵.

4 октября на том же Смоленском поле был совершен обряд публичной казни над главными подсудимыми: Ишутину надели веревочную петлю на шею, троих подсудимых поставили к «позорным столбам». Спустя несколько минут подъехал фельдъегерь с запечатанным пакетом: царь заменял смертную казнь Ишутину пожизненной каторгой в Сибири. Затем главных подсудимых отправили на Николаевскую железную дорогу и услали в Сибирь.

Сошел с ума и умер в иркутской больнице в 1867 г. Худяков; сошел с ума и умер в Нижнекарийской каторжной тюрьме в 1879 г. Ишутин; остальные после отбывания каторги были поселены в Нарымском крае. Лишь немногие из них впоследствии вернулись в Европейскую часть России...

Примечания

1. ХУДЯКОВ И. А. Записки каракозовца. М. 1930, с. 114.
2. Записки П. А. Черевина. Кострома. 1918, с. 2—5.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 272, оп. 1, д. 10, т. 1, лл. 46—47; ЩЕГОЛЕВ П. Е. Алексеевский равелин. М. 1929, с. 54.
4. ГАРФ, ф. 272, оп. 1, д. 10, т. 1, лл. 115—116; ШИЛОВ А. А. Каракозов и покушение 4 апреля 1866 г. Пг. 1919, с. 12—13.
5. КРОПОТКИН П. Записки революционера. М. 1918, с. 197—198; ЩЕГОЛЕВ П. Е. Ук. соч., с. 54—55.
6. ГАРФ, ф. 272, оп. 1, д. 11, т. 2, лл. 219—230.
7. ФИЛИППОВ Р. В. Революционная народническая организация Н. А. Ишутина — И. А. Худякова. Петрозаводск. 1964; ВИЛЕНСКАЯ Э. С. Революционное подполье в России (1860-е годы). М. 1965.
8. ГАРФ, ф. 272, оп. 1, д. 10, т. 1, лл. 2—3; Стенографический отчет заседаний Верховного уголовного суда по делу Каракозова. Т. 1. М. 1928, с. 81; КОЛЕСОВ Е. Спорный вопрос каракозовского дела.— Каторга и ссылка, 1924, № 3; ШИЛОВ А. Из истории революционного движения 1860-х гг. Прокламация «Друзьям-рабочим» Д. В. Каракозова.— Голос минувшего, 1918, № 10—12, с. 161.
9. ХУДЯКОВ И. А. Ук. соч., с. 127—128.
10. БРЕШКОВСКАЯ Е. Из моих воспоминаний. СПб. 1906, с. 16.
11. ГАРФ, ф. 272, оп. 1, д. 11, т. 2, л. 527.
12. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ II). Т. 41, № 43442.
13. ЕСИПОВИЧ Я. Г. Записки.— Русская старина, 1909, № 2, с. 272; № 3, с. 276; ГАРФ, ф. 272, оп. 1, д. 1, лл. 410—413, 572—573; Стенографический отчет заседаний Верховного уголовного суда по делу Каракозова. Т. 1, с. 40.
14. ГАРФ, ф. 272, оп. 1, д. 5, т. 1, лл. 561—562об., 567—569об.; ПСЗ II. Т. 41, № 43669.
15. ЕСИПОВИЧ Я. Г. Ук. соч. Русская старина, 1909, № 3, с. 562.

Скотоводство в древней Ирландии

В. Г. Безрогов

В Ирландии раннего средневековья расцвел уникальный феномен кельтской цивилизации, именуемый похищением стад. Он был порожден тем, что на Зеленом Острове издавна значительное место в хозяйстве занимало скотоводство. Нам известно о правилах обмена домашними животными и платежа ими, их выгона и выпаса, отдачи их в залог и в качестве возмещения, о случаях угона скота.

В древней ирландской литературе 14 отдельных повестей посвящены рейдам грабителей чужого скота и героям отстаивания собственного. В других сагах похищения скота тоже занимают почетное место. Из-за подобных событий часто возникали войны. Археологи, реконструировавшие былой ландшафт Ирландии, подчеркивают неземледельческую структуру расположения ряда поселений. При раскопках обнаруживаются огромные залежи костей домашних животных. Климатические условия острова благоприятствовали скотоводству. Недаром древнеирландские законы предусматривали среди основных форм довольствия такую, когда человек, кормящийся от земли и от стада, питается в целом исключительно лишь поступлениями от скота (без которого, как подразумевалось, нельзя и землю обработать). А содержание на хлебе, без мяса, применялось лишь к нарушителям права ¹.

Хотя домашними животными там были и коровы, и свиньи, и овцы, господствовал крупный рогатый скот, как правило, составлявший 90--97% в домашних стадах. Они принадлежали «большим семьям» и включали в себя максимум несколько десятков животных. Только у вождя племени их могло быть до сотни. А на тысячи считали лишь при уплате ежегодной дани одного королевства другому. Тип скотоводства определить трудно. Но если не касаться частных случаев, то его можно охарактеризовать как переходное от полукочевого отгонного к оседлому загонному или полустойловому, когда животные почти все время находятся под открытым небом при беспривязном их содержании. Они были на строгом учете, поскольку в качестве возмещения ущерба и для платежа использовались только коровы, бычки и телки. Первоначальной формой дани вождю являлись тоже подношения либо скотом, либо продуктами скотоводства. Поэтому рядовые кельты были обязаны демонстрировать вождю их подрастающий скот, достигший определенного возраста ².

Древнего ирландца связывали с его скотом особого рода узы. При отдаче скота в долг требовалось потом вернуть именно этих животных и никаких других, хотя бы равных им по качеству. Количество скота определяло и социальный статус человека, который мог быть изменен лишь в случае более чем двукратного превышения объема требуемого для того имущества. Осуществлять юридические действия мог только правомочный человек, а в критерии правомочности входило количество скота ³. Отсюда понятен размах угонов чужого скота в тогдашнем ирландском обществе, где грабеж был неременной целью жизни многих людей,

Безрогов Виталий Григорьевич — старший научный сотрудник Российской Академии образования.

а война — их постоянным промыслом. При этом платежные единицы имели основой скот. Любая единица приравнивалась к его определенному количеству, так что головы домашних животных выполняли некоторые функции денег, хотя еще не осознавались как экономическое выражение стоимости.

Впоследствии стали ощущаться недостатки такой системы. Попытались однозначно приравнивать различные единицы друг к другу, но приходилось иметь в виду, что эти живые единицы самоизменялись: росли, болели, старились. Кроме того, мелкие вещи не могли измеряться скотом, требовалось искать новые эквиваленты. Началась абстрактивизация прежних товарных единиц с превращением их в счетные. Прежде всего этому подверглись древние меры кумал (рабыня) и сет (некоторое количество голов скота). Потом были введены заимствованные на континенте скрупулы, граны и иные меры, опирающиеся на вес кусочков драгоценных металлов. Их приравнивали к традиционному счету коровами. Образовались две параллельные шкалы³.

Третьим способом усовершенствования платежных единиц при отсутствии монетного обращения явилась унификация скота, или его классификация. Крупный рогатый скот членили на множество категорий. Так, коровы подразделялись на молочных, мясных, стельных, отелившихся, жирных, белых, использовавшихся для снабжения крепости, с телятами, без телят; телки — на трехлетних, двухлетних, годовалых и юных. Основными критериями классификации служили пол, возраст, стадия репродуктивного цикла, реже — масть. Другие домашние животные различались по функциональному признаку. Отсутствовала, впрочем, четкая классификация лошадей из-за их относительной там редкости. Но скот разграничивался и в зависимости от отношений между собственниками-владельцами и внутри всего общества⁴.

Такая мобильность скота привела к тому, что именно обладание им стало фактором формирования раннеклассовых отношений, когда скот уже выступал предметом аренды, дарения и отдачи в долг, тем более что главным тогда оказывалось приобретение не земли, а тех орудий и средств, которые необходимы для ее обработки. В сагах никогда не упоминаются распри из-за земли, цель любых набегов — угон скота. Имеющийся же скот усиливал власть и повышал авторитет человека, давал ему возможности обладать клиентами, что приводило к социальной дифференциации. Любопытен обычай раздачи стад людьми высоких статусов своим клиентам⁴. Побудительным мотивом служило создание новых связей социальной зависимости в противовес родоплеменным, а также мобилизация других пастбищ для избыточного скота или страхования от эпизоотий.

Значимость скотоводства влияла и на духовную культуру ирландцев. Традиционна параллель — юноша и бычок. Женщин часто сопоставляли с коровами. Бык и корова в представлениях ирландцев были связаны и с потусторонним миром. Исключительно большое внимание уделялось внешнему виду скота, причем необычность каких-то отдельных особей считалась признаком сверхъестественности. Скот, наряду с оружием и одеждой, являлся одним из трех материальных носителей, тайно связывавших людей с сидами — полубогами, обитавшими под поверхностью холмов. Мясо коровы и мясной бульон использовались при важных ритуалах. Если король «правильно» нес свои обязанности (так называемая «правда правителя»), то стране гарантировалось благоденствие с изобилием и плодовитостью скота⁵. Все это составляло яркие особенности островной кельтской цивилизации.

Примечания

1. МИХАЙЛОВА Т. А. Ирландская героическая сага и проблема типологии эпической формы. Канд. дисс. М. 1984; DUIGNAN M. Irish Agriculture in Early Historic Times.— Journal of the Royal Society of Antiquaries of Ireland [JRSAI], 1944, vol. 74; EDWARDS N. The Archaeology of Early Medieval Ireland. Lnd. 1990; Ancient Laws of Ireland (ALI). Vol. I. Dublin. 1865, pp. 134—138.
2. ALI. Vol. II. Dublin. 1869, pp. 244, 248, 252.; Ibid. Vol. I, p. 104.
3. GERRIETS M. Money in Early Christian Ireland According to the Irish Laws.— Comparative Studies in Society and History, 1985, vol. 27, № 2; ALI. Vol. IV. Dublin. 1879, p. 270; vol. V. Dublin. 1901, pp. 80, 82, 84, 110; WINDISCH E. Irische Texte mit Wörterbuch. Leipzig. 1880; DOHERTY Ch. Exchange and Trade in Early Medieval Ireland.— JRSAI, 1980, vol. 110.
4. МЭН Г. С. Древнейшая история учреждений. М. 1876, с. 113, 121; MACNIOCAILL G. Ireland before the Vikings. Dublin. 1972, pp. 59—66; Studies on Early Ireland. Belfast. 1982, pp. 7—9.
5. THURNEYSSEN R. Morands Fürstenspiegel. Zeitschrift für celtische Philologie. 1917, Bd. XI; Audacht Morainn. Dublin. 1976.

Британская империя XVIII в. в зарубежной историографии

А. Б. Соколов

История колониальной политики Англии в XVIII в. важна для понимания эволюции британского колониализма. Без анализа ранних этапов его истории трудно ответить на весьма актуальные вопросы о закономерностях, причинах, стимулах и последствиях, а также о периодизации процесса британской колониальной экспансии.

В изучении западной историографией проблемы колониальной политики Великобритании XVIII в. можно выделить три этапа. В XIX в. историки лишь нащупывали научные подходы к анализу этой темы. В английской историографии в целом преобладала тогда апологетика колониальной политики. Для конца XIX и до 50—60-х годов XX в. характерно стремление объяснять закономерности развития колониальной экспансии с точки зрения ее экономической целесообразности для метрополии. В рамках «экономических подходов» развивалась и марксистская историография. Перелом в изучении колониальной политики Великобритании произошел в 60-х годах. Это было связано с распадом Британской империи, а также с теми изменениями, которые произошли в это время в методологии и методике исторической науки. Особенностью этого этапа стало появление большого числа работ, в которых содержится ревизия традиционных представлений о роли экономических мотивов в колониальной экспансии.

В работах историков XIX в.— Т. Маколей, Дж. Грина, Г. Бокля, Дж. Сили и др.— прослеживаются истоки известной концепции «цивилизаторской миссии» Великобритании. В английской историографии этого периода особенно подчеркивались заслуги У. Питта-старшего. Маколей превозносил его энергию, направленную на организацию колониальных экспедиций. Бокль утверждал, что Питт «возвел Англию на неслыханную дотоле степень высоты и величия»¹. Интерес к фигуре «великого коммонера» не случаен: ведь именно Питт был первым государственным деятелем Великобритании, который придавал колониальной политике первостепенное значение. В отличие от своих последователей историки XIX в. откровенно говорили о значении военно-захватнических методов для создания Британской империи; они однозначно одобряли применение силы для борьбы с соперниками в колониальных делах и подавления сопротивления завоевательной политике.

Оценка причин войны американских колоний за независимость не отличалась в историографии XIX в. большой глубиной. Как авторы Декларации независимости 1776 г. возлагали ответственность за конфликт на английского короля Георга III и его неразумную и преступную политику, так и у историков преобладали высказывания о «безрассудно-дурном управлении» англичан в Америке, о том, что король «обратил привязанность подданных в отвращение», «принудил американские колонии к восстанию и отделению»². Конечно, такой подход до крайности упрощал причины конфликта, в основе которого лежали очень важные

Соколов Андрей Борисович — кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета Ярославского педагогического института.

и объективные закономерности. Отпадение североамериканских колоний от империи у английских историков выглядело как в известной степени случайное. Напротив, в работе наиболее видного американского историка XIX в. Дж. Бэнкрофта вся американская история колониального периода представлена как последовательная борьба за самоопределение и свободу против попыток Великобритании ограничить права населения колоний³. По мнению Бэнкрофта, главным источником борьбы американцев против Англии являлся пуританский «дух свободы».

Завоевание Индии и превращение ее в британскую колонию рассматривалось в английской историографии XIX в. как вполне закономерное событие, имевшее важные положительные последствия для судеб мировой цивилизации. Даже известный своей либеральной критикой британской колониальной системы Дж. Милль, написавший еще в 1817—1818 гг. «Историю Британской Индии», утверждал, что англичанам пришлось взять на себя нелегкие функции по «обучению индийцев»⁴. По его мнению, накануне британской колонизации Индия находилась на крайне низкой ступени цивилизации, когда свобода человека была полностью подавлена деспотизмом, и требовались немалые усилия колонизаторов, чтобы внедрить в сознание индийцев идеи свободы и прав человека. Милль считал, что это оправдывало определенные негативные стороны британской колонизации, в том числе беззакония Ост-Индской компании и даже «великую коррупцию», охватившую ее служащих после побед Р. Клайва.

В трудах других британских историков XIX в. элементы критики почти не прослеживаются. Более того, Маклей защищал Клайва: «Мы так же мало можем согласиться с м-м Миллем, который зашел так далеко, что признал Клайва «человеком, в котором обман, способствовавший достижению цели, никогда не пробуждал совести». Нам кажется, что по природе Клайв был полной противоположностью плуту: он был смел до дерзости, искренен до нескромности, пылок в дружбе, открыт во вражде»⁵.

И все же литература, появившаяся до 70—80-х годов XIX в. была лишь прелюдией к изучению действительной истории колониальной политики Великобритании. Более глубокое ее осмысление началось в конце XIX — начале XX в., когда резко обострилась борьба за колонии и тема британской колонизации стала политически актуальной. Если прежней литературе был присущ скорее описательный, чем аналитический характер изложения, то теперь усилился интерес к теоретическим аспектам истории колониализма, поиску внутренних ее закономерностей.

Родоначальником научной историографии проблем британского колониализма можно считать Дж. Сили. По его мнению, активная колониальная политика Лондона была решающим по своему значению фактором не только британской, но и мировой истории: «Люди не могут менять своего местопребывания, переселяться с острова на континент, с северных широт в тропики южного полушария, из развитых промышленных городов на сахарные плантации и туда, где еще бродят племена диких аборигенов, не меняя своих взглядов, привычек, образа мыслей, и даже изменяют через несколько поколений свой физический тип»⁶. Анализируя причины войны за независимость в Северной Америке, Сили в отличие от своих предшественников отказался от поверхностных обвинений Георга III и его министров и сосредоточился на выявлении объективных противоречий, которые коренились в самом функционировании «старой» колониальной системы. Она, по словам Сили, отнюдь не была деспотичной. Предоставив колонистам права во всех сферах деятельности, кроме торговли, метрополия подрывала свое господство в Северной Америке.

Сили, по сути дела, отрицал значение военно-силового фактора в создании Британской империи. Однако даже в Северной Америке, где массовая иммиграция действительно играла важную роль, не прекращались войны англичан с индейцами и европейскими соперниками. Сили оспаривал факты насильственных захватов даже в отношении Индии: «Ничто не было столь случайным в истории, как приобретение Индии Англией»⁷. После Сили тезис о «непреднамеренном завоевании» Индии широко распространился в историографии⁸.

Стремление к объяснению истории британской колониальной экспансии в XVIII в. экономическими интересами различных социальных групп — характерная черта историографии первой половины и середины XX века. Для обозначения указанной тенденции применяются различные термины, в том числе «имперская школа», «экономическое направление», «прогрессистская историография» и др.

В Англии «экономическое направление» представлено работами ряда историков⁹. Х. Эгертон, например, утверждал, что главным мотивом колониальной политики британского правительства была защита английских торговых интересов; она была подчинена меркантилистским интересам буржуазных кругов, что и сделало войну за независимость в Северной

Америке в конечном итоге неизбежной. Вплоть до прихода к власти Питта-старшего, считал Эгертон, правящие круги Англии вообще игнорировали колониальные проблемы, а посты в администрации, связанные с ними, рассматривались только как выгодные синекеры. Недальновидную и слабую, дающую минимальные результаты при максимально возможных конфликтах британскую колониальную политику XVIII в. можно назвать «тиранической», только игнорируя факты или смысл этого определения, писал Эгертон¹⁰. Большинство английских историков до 50—60-х годов полагало, что империю можно было сохранить, если бы Великобритания пошла на расширение самоуправления зависимых территорий, учитывала потребности их экономического развития.

Обращение к экономическим причинам войны за независимость США характерно и для представителей американской историографии (Ч. Бирд, А. Шлезингер-старший, Дж. Бир, Ч. Эндрюс, Л. Гипсон и др.). По справедливому замечанию Н. Н. Болховитина, Эндрюс рассматривал Американскую революцию как детонацию «взрывоопасного материала», накапливавшегося долгие годы, как результат действия комплекса причин — экономических, политических, социальных, юридических¹¹. Н. А. Ерофеев также писал о «выпячивании» экономических мотивов в трудах американских историков начала XX века¹².

В широком смысле к «экономическому» течению могут быть отнесены и труды западных историков, близких к марксизму. Английский историк Э. Хобсбоум прослеживал связь между колониальной политикой и промышленным переворотом. По его мнению, раннее начало промышленной революции в Англии было непосредственно связано с колониальными приобретениями: «Страна, преуспевшая в захвате у других народов рынков для экспорта товаров и даже в монополизации огромной части мировых рынков, смогла развить свою промышленность до такой степени, что промышленная революция стала возможной на практике и неизбежной»¹³. Хобсбоум подчеркивал, что экономические факторы всегда имели особенное значение для государственных деятелей, руководивших колониальной политикой. Он напоминал, что Питт-старший, обосновывая захват Канады у французов, выделял пять причин, четыре из них были экономическими по характеру.

Во многих работах, появившихся в 60—80-е годы происходит отказ от концепций, связывавших создание Британской империи исключительно с экономическими причинами. Некоторые авторы рассматривали создание ее как результат совпадения случайных обстоятельств. Подчас подвергается сомнению правомерность самого термина «Британская империя», поскольку-де английская политика в Индии не имела ничего общего с политикой в Канаде, а действия британцев в Африке — с их поведением в Австралии и т. д.¹⁴. Отказываясь от теорий «экономического империализма», некоторые историки пытаются создать новые концепции истории колониальной политики, опираясь на использование социологических методов¹⁵.

При освещении политики Великобритании в Северной Америке большинство современных исследователей выявляет наличие англо-американских противоречий задолго до воцарения Георга III в 1760 году¹⁶. Канадский историк М. Эгнал указывает, что на протяжении почти всего колониального периода в Северной Америке существовала элитарная экспансионистская группа, выступавшая за быстрое освоение новых земель. Ее требования должны быть учтены при анализе причин Американской революции. К аналогичному выводу пришел американский историк Х. Лоури, обративший внимание на то, что американские экспансионисты, получившие поддержку в некоторых кругах в Европе, особенно активизировались после 1710 года. Другой американский историк Д. Лич утверждает, что невозможно понять причины того ожесточения, с которым столкнулись в 60—70-е годы XVIII в. два противостоящих лагеря, если не учитывать, что взаимная антипатия развивалась постепенно на протяжении нескольких десятилетий.

Некоторые исследователи обращаются к методикам «социальной истории». Канадский историк Дж. Стил¹⁷ пришел к выводу, что в конце XVII — первой половине XVIII в. произошла «революция в области коммуникаций», предопределившая быстрый рост численности населения североамериканских колоний, что и подготовило предпосылки войны за независимость.

Особое место в историографии занимают труды английского историка П. Маршалла¹⁸. Главная идея его состоит в том, что британское завоевание Индии совершилось без прямого участия правительства и даже самой Ост-Индской компании. По его мнению, первые английские правители и генерал-губернаторы Индии вообще мало считались с решениями парламента или кабинета министров. Отсюда делается вывод, что «настоящее правительство Индии находилось в самой Индии». Маршалл отверг как «невероятные» концепции тех исследователей (Хобсбоума, в частности), которые считали, что завоевание Индии способ-

ствовало промышленной революции в Англии. Он подчеркивает, что британское завоевание активизировало экономические и социальные процессы в Бенгалии, способствовало обогащению части местного населения, то есть формированию буржуазии. В другой монографии Маршалл утверждает, что британская колонизация почти не изменила социально-экономический строй индийского общества: иноземные правители сохранили в неприкосновенности прежнюю социальную и экономическую основу.

Итак, новые подходы к истории Британской империи в XVIII в. слабее проявляются в более традиционной по характеру английской литературе по сравнению, например, с американской. По словам Дж. Стила, английские историки излишне консервативны и не склонны к применению новых методов. Он объясняет это тем, что тенденция к написанию истории Британской империи как единого целого слишком долго была определяющей в английской историографии колониализма¹⁹.

Историография Британской империи XVIII в. в значительной степени политизирована. В Англии она была часто направлена на защиту принципов британской колониальной политики. Между тем в ней едва ли доминировали альтруистские мотивы. В ее истории имеются и преступления, и кровь, и жертвы, и насилия. Но в ней было и другое: миссионеры, школы, больницы, защита от усобиц и племенной вражды. Так что характеристика зарубежных историков, придерживающихся взглядов, отличных от свойственной советской историографии однозначной и резкой критики колониализма, как его «адвокатов» является односторонней и некорректной.

Примечания

1. БОКЛЬ Г. Т. История цивилизации в Англии. Т. 1, ч. 2. СПб. 1864, с. 508.
2. См.: МАКОЛЕЙ Т. Б. Полн. собр. соч. Т. 4. СПб. 1862; ГРИН Дж. Р. Краткая история английского народа. Вып. 3. М. 1900.
3. BANKROFT G. The History of the United States. Vol. 1—10. Boston. 1834—1874.
4. MILL J. The History of British India. Vol. 1. New Delhi. 1972, p. 456.
5. МАКОЛЕЙ Т. Б. Ук. соч., с. 38.
6. SEELEY J. The Expansion of England. Leipzig. 1884, pp. 21—22.
7. Ibid., p. 189.
8. Критику этой концепции см., напр., НЕРУ Дж. Открытие Индии. Кн. 1. М. 1989, с. 436—443.
9. См.: EGERTON H. The Origin and Growth of British Colonies and of their System of Government. Oxford. 1903; e j u s d. A Short History of British Colonial Policy. Lnd. 1941; The Cambridge History of British Empire. Vol. 1. Cambridge. 1929; CARRINGTON C. The British Overseas. Cambridge. 1968; WILLIAMS G. The Expansion of Europe in the Eighteenth Century. Lnd. 1966, a. o.
10. EGERTON H. A Short History, p. 117.
11. БОЛХОВИТИНОВ Н. Н. США: проблемы истории и современная историография. М. 1980, с. 52.
12. ЕРОФЕЕВ Н. А. Империя создавалась так... Английский колониализм в XVIII веке. М. 1964, с. 118.
13. HOBBSAWM E. Industry and Empire. Lnd. 1977, p. 33.
14. HYAM R., GED M. Reappraisals in British Imperial History. Lnd. 1975.
15. DOYLE M. Empires. Ithaca. 1986.
16. EGNAL M. A Mighty Empire. Ithaca. 1988; LOWRY H. How the Nation Was Won. N. Y. 1987; LEACH D. Roots of Conflict. Chapel Hill. 1986.
17. STEELE J. The English Atlantic. 1675—1740. Oxford. 1986.
18. MARSHALL P. Problems of Empire. Lnd. 1968; e j u s d. East India Fortuners. Oxford. 1976; e j u s d. Bengal: the British Bridgehead. Cambridge. 1987.
19. The British Atlantic Empire before the American Revolution. Lnd. 1980, p. 2.

Ю. Л. ДЬЯКОВ, Т. С. БУШУЕВА. *Фашистский меч ковался в СССР. Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922—1933. Неизвестные документы.* М. Советская Россия. 1992. 382 с.

В серии «Россия в лицах, документах, дневниках» увидела свет публикация о военном сотрудничестве между Советским Союзом и Веймарской Германией во всех его аспектах от начала зарождения до вынужденного свертывания после прихода к власти Гитлера.

Основная масса документов — Политбюро ЦК ВКП(б), Генерального Штаба РККА, его разведывательных управлений, органов ОГПУ и НКВД — извлечена из фондов Российского государственного военного архива (РГВА), до недавнего времени была недоступна исследователям. Наряду с советскими документами в публикации объемно представлены перехваченные советскими разведывательными службами обзоры и донесения западных дипломатов, разведчиков, политических деятелей.

Сборник хорошо продуман композиционно. Комментарии к документам четки и достаточно обстоятельны.

Взятые в совокупности эти материалы на широком историческом фоне показывают, что военное сотрудничество между Красной Армией и рейхсвером начиналось в специфических условиях после заключения Версальского мира, когда Россия и Германия, сражавшиеся между собой в первой мировой войне, волею обстоятельств и по разным причинам оказались в международной изоляции и вынуждены были обратиться друг к другу, чтобы налаживать экономические, политические и военные связи. Рапалльское соглашение стало прологом к тесному сотрудничеству между двумя государствами больше, чем на десятилетие.

Как показано в публикации, зарождались и налаживались связи в военной области еще в конце лета — осенью 1920 г., когда вооруженные силы Советской республики потерпели неудачу под Варшавой. Часть советских войск оказалась интернированной в Восточной Пруссии. Вот тогда-то и начались первые тайные контакты между командирами советских частей и высшими офицерами рейхсвера, которых объединяла вражда к Польше. Эти контакты имели первоначально очень осторожный, зондирующий характер.

В политической области первые контакты между Веймарской республикой и Советской Россией, как свидетельствуют документы, начались еще в 1919 г., когда К. Радек был направлен ЦК РКП(б) в Германию, чтобы координировать связи между советскими коммунистами и рвущимися к власти левыми немецкими социал-демократами-спартаковцами. Арестованный и заключенный в тюрьму, Радек сумел заинтересовать идеей более тесных политических связей между Германией и Россией немецких политиков, что было воспринято ими благосклонно, хотя и тоже крайне осторожно.

В сборнике показано, что подходы двух стран к военному сотрудничеству были различными. Если руководство Красной Армии ставило своей главной целью ознакомление с немецкой новой и новейшей техникой, работой германских штабов в первую мировую войну, то для рейхсвера более важными являлись подготовка кадров для будущей массовой армии, разработка и испытание на территории России новейших средств ведения войны в обход Версальского договора, который, как известно, запрещал Германии иметь танки, авиацию, подводный флот, химическое оружие. Пробным шагом послужил заказ рейхсвера на большую партию снарядов для немецких полевых пушек, который был успешно выполнен на советских оборонных заводах. Правда, об этом узнала немецкая оппозиция. Поднялась шумиха в прессе, что заставило обе стороны более строго относиться к соблюдению конспирации.

По просьбе рейхсвера основывается летная школа в Липецке, подготовившая несколько десятков пилотов для будущего «Люфтваффе», танковая школа в Казани и крупное предприятие по совместным химическим опытам и боевому применению ОВ — «Томка». В приводимых в сборнике документах подробно освещаются создание этих школ, оборудование их, военная техника, результаты ее испытаний, участие офицеров рейхсвера в советских военных маневрах. В публикации приведены данные о численности немецких военных кадров, подготовленных по различным специальностям в Советском Союзе, освещаются методы конспирации, позволявшие немцам обходить статьи Версальского договора. Немецкие офицеры перед командировкой в СССР увольнялись со службы и ехали туда как представители частных компаний. Танки и самолеты прибывали как сельскохозяйственные машины, а химикаты — как удобрения для полей.

Военное сотрудничество постоянно контролировалось высшими эшелонами власти, с советской стороны — Политбюро, СНК, НКВД, с немецкой — правительством Веймарской республики. Показательно, что даже в период наиболее тесных контактов стороны не доверяли друг другу. Отсюда нежелание немцев знакомить наших военных со всеми своими секретами. Об этом говорят претензии к рейхсверу в том, что на советских полигонах и аэродромах испытываются не лучшие образцы техники, настойчивые просьбы допустить советских конструкторов в немецкие КБ, где проектировались новейшие танки и самолеты, разрабатывались более сильные ОВ и методы их использования. Ряд материалов сборника показывает, что по мере ослабления Версальской системы рейхсвер все менее нуждался в своем советском партнере.

Интересны документы, освещающие обмен

разведывательной информацией о Польше и Китае. Однако во многих аспектах внешнеполитической деятельности стороны крайне ревниво относились к акциям партнера. Неоднократно высказывались взаимные претензии по поводу переговоров правительств с государственными деятелями европейских стран. Взаимная подозрительность был нормой в их отношениях.

Исследователей заинтересуют материалы об участии частных немецких фирм в осуществлении военного сотрудничества, в частности, авиаконцерна «Юнкерс», долгое время поставлявшего в СССР разные типы боевых машин, моторы и запчасти к ним.

Программа военных связей включала и обмен высшими командирами, взаимные инспекции войск, присутствие на маневрах и т. д. Командиры Красной Армии высоко оценивали боевую готовность рейхсвера и продукцию военных заводов Германии. Они выступали за скорейшее использование германской техники и технологии по автоматическому оружию, зенитным средствам, оптическим приборам, радиосвязи, средствам защиты от ОВ. Ряд советских военачальников по долгу службы был особенно тесно связан с немецкими военными кругами. Некоторые командармы окончили академические курсы германского Генштаба, стали знатоками немецкой военной доктрины, германской военной машины. Их гибель в роковом 1937 г. очень дорого обошлась стране в начальный период Великой Отечественной войны.

Приводимые в сборнике материалы свидетельствуют о том, что И. В. Сталин был в курсе всех вопросов советско-германского военного сотрудничества и поощрял его. Публикация проливает дополнительный свет на сфальсифицированные по его указаниям судебные процессы над военными деятелями в 1937 году. Располагая перекрывающей и дополняющей друг друга информацией от военачальников и донесениями разведуправления Генштаба Красной Армии и органов ОГПУ о встречах этих лиц с немцами, Сталин знал, что маршалы и командиры, осужденные по его воле, не изменяли Родине, а, ведя переговоры с руководителями рейхсвера, лишь выполняли служебный долг.

Заслуживают внимания отчеты командармов и советской разведки о политических настроениях германского офицерства. Эти документы дополняют картину жизни Германии конца 20-х — начала 30-х годов. Особенно интересны донесения в Наркомат обороны побывавшего в Германии командующего войсками Сибирского военного округа

М. Левандовского. Одно из них, датированное 19 июля 1933 г., гласит: «Рейхсвер не выступит против фашизма, а наоборот, борьба против Версаля, против марксизма его объединит с наци» (с. 282). Ценным источником, впервые введенным в научный оборот, являются разведанные советской агентуры о том, что немцы все менее считались с версальскими ограничениями, а также биографические справки разведки Генштаба РККА о представителях немецкой военной администрации, разведки и политических деятелях, оценка командованием рейхсвера обретенных возможностей СССР и его армии. Составители включили в книгу оценки состояния германского общества, процессов, в нем происходивших, сделанные Л. Д. Троцким, в свое время стоявшим у истоков сотрудничества с Германией, который уже в начале 30-х годов указывал: «Острые иностранной политики фашистской Германии направлено главным образом против Советского Союза» (с. 308—309).

Документы сборника помогут в разработке ряда проблем социальной психологии советского общества и его верхушки, понимания ею глобальных и геополитических проблем в 20—30-е годы.

Думается, однако, что название сборника все же несколько тенденциозно. Не следует забывать, что речь шла о сотрудничестве с демократической Веймарской республикой, причем от этого сотрудничества в тот период гораздо больше выгадывала Красная Армия, получившая доступ к некоторым секретам самой передовой в то время в техническом и военном отношении державы. Что касается морального аспекта этой проблемы, то еще при В. И. Ленине заключались секретные соглашения с кайзеровской Германией.

Внешняя политика Советского Союза отличалась двойственностью. С одной стороны, она способствовала перевооружению рейхсвера, подготовке немецких военных кадров, а с другой — поддерживала антивоенное движение и те силы, которые боролись против милитаризма и реваншизма в Германии. В целом же отношения между СССР и Веймарской республикой в 1920—1933 гг. были вполне заурядным явлением для внешнеполитической практики, и не только в тот период. Иное дело — сотрудничество Красной Армии с фашистским вермахтом в 1939—1941 гг., в период кратковременного «второго Рапалло». Связанное с агрессией Гитлера против Польши, аннексией ряда территорий, оно являлось глубоко аморальным. Но это уже сюжеты, выходящие за пределы рецензируемого сборника документов.

М. Е. ЕРИН, А. Г. ЧУКАРЕВ

Чешский и словацкий опыт. Избранные доклады IV Всемирного конгресса советских и восточноевропейских исследований. Харрогейт. 1990

Проблема распада чехословацкого государства, обнажившего противоречия между двумя составившими его нациями, пробудила интерес к предшествующей истории взаимоотношений между ними. Она свидетельствует о том, что существовали не только противоречия, но и «формулы» их разрешения на всех стадиях сравнительно недолгой истории единого государства. В судьбах этих славянских народов всегда было больше общего, чем разъединяющего.

Рецензируемый сборник составлен из статей, написанных на основе докладов на IV Всемирном конгрессе советских и восточноевропейских исследований, и касается некоторых моментов становления «чешской», «словацкой» и «чехословацкой» идей, равно как и их воплощения в исторической реальности.

Статьи эти можно разбить на четыре группы: общие проблемы истории Чехословакии; словацкий вопрос в Австро-Венгрии и Чехословакии; национальные меньшинства — в первую очередь немецкое, и персоналии. В числе последних: статья канадского слависта Г. Скилдинга «Масарик: религиозный еретик»; американского историка Б. Гарвера об основателе и лидере Национальной социалистической партии В. Клофаче и его соотечественника Д. Миллера о лидере Аграрной партии, «мастере компромисса» А. Швегле.

Во введении Дж. Моррисона к статьям по общим проблемам истории Чехословакии и словацкому вопросу определяется подход к «формуле» Чехословацкой республики, которая, по его мнению, уже с середины XIX в. во многом определялась «потребностью чехов в словаках для противостояния значительному немецкому меньшинству и тем, что словаки предпочитали союз с чехами политике мадьяризации» (с. 4). Думается, над загадкой этой «формулы» будет трудиться еще не одно поколение историков. По мнению Моррисона, однозначные ответы здесь неприемлемы. За последние 40 лет цели историческим исследованиям в Чехословакии задавались скорее пропагандистами, чем специалистами. «События 1989 г. резко изменили картину... многое надо начинать истолковывать по-новому» (с. 1).

Директор Славянской библиотеки Калифорнийского университета Дж. Свобода в статье «Старый альянс: непривилегированное население Богемии и габсбургский суд 1765—1790 гг.» пишет о поддержке Иосифом II крестьян в их спорах с дворянством, что подготовило отмену крепостничества в 1781 году. Но в дальнейшем она же вызвала национальное возрождение, инспирируемое снизу. К защите интересов крестьян судами,

в отличие от аграрной системы Пруссии, подчинившей их юнкерству, побуждали, конечно, крестьянские восстания. Но в немалой степени это было проявлением политики давления на богемское дворянство, мешавшее военному и финансовому усилению Габсбургов. Автор считает, что необходимо пересмотреть некоторые стереотипы о сверхреакционности Габсбургской монархии, и в частности ее аграрной политики. В статье намечены контуры нового подхода к «австрийскому» пути решения аграрной проблемы, в отличие от «прусского» и «американского». Суть его заключалась в том, чтобы сдерживать неумеренные притязания местных (национальных) групп дворянства, подрывавших мощь монархии.

Профессор университета Дж. Вашингтона Г. Агню в статье «Чехи, словаки и словацкий лингвистический сепаратизм середины XIX века» напомнил о том, что в начале 1843 г. на встрече в Евангелическом лицее в Братиславе словаки впервые заявили о себе как об особой нации. Решение шести словацких деятелей во главе с преподавателем этого лицея Л. Штуром писать впредь только на словацком языке «привело к разрыву с традицией «чехословацкого» культурного и языкового единства, ранее признававшейся практически всеми чехами и большинством словаков» (с. 21). Большую роль в инициативе Штура сыграли его современники Я. Коллар и П. Шафарик. Еще с 1826 г. последний заговорил о словаках как об отдельной нации. Примерно с этого времени он вместе с Колларом попал под подозрение новых чешских патриотов. Й. Юнгман, например, обвинял Коллара в том, что тот «воздвигал китайскую стену между чехами и словаками» (с. 23).

Штура воодушевляла в первую очередь идея словацкая, а не общеславянская. «Важнейшим элементом в борьбе за сохранение словацкой национальности для него явилась политическая газета, сразу же поставившая проблему языка, на которой она должна выходить» (с. 25). В 40-е годы XIX в. оформилась «штуровщина» как словацкий литературный язык, ставший после 1848—1849 гг. важнейшим фактором национального самосознания словаков. Агню обращает внимание на то, что в истоке любого национализма лежат поиски национальной самоидентификации через обретение собственного языка, выступающего, в первую очередь, как орудие политического самосознания.

Агню считает, что политическую деятельность Штура, одного из инициаторов созыва Славянского съезда в Праге в 1848 г., как политика, придерживавшегося прорусской ориентации, нельзя оценивать однозначно. Она не затрагивала аграрных

отношений в Словакии и была сосредоточена на культурно-просветительских задачах как самодовлеющих. Агню подчеркивает в заключение: «Предельно широкие идеологии славизма и чехословакизма служили скорее эндогенным, ориентированным вовнутрь, чем экзогенным, ориентированным вовне, целям» (с. 33).

В статье по истории Словакии в период между двумя мировыми войнами американский историк Дж. Фелак утверждает, что «так называемый словацкий вопрос — о месте Словакии и словацкой нации в Чехословацком государстве — играл главную роль в его внутренней политике и был доминирующей политической проблемой того времени» (с. 136). В сфере межпартийной борьбы в Словакии находились такие вопросы, как автономия или зависимость от центра, социалистическая или капиталистическая ориентация. Ведущие позиции занимала тогда Словацкая народная партия, которая не считала, что словаки всего лишь часть «чехословацкой нации», отрицала «чехословацкую идею», заложенную в конституции 1920 г., и отвергала «чехословацкий» язык «как официальный». Лидер партии А. Глинка постоянно говорил об экономической эксплуатации Словакии, притеснениях в связи с употреблением словацкого языка, подвергался преследованиям за приверженность автономистской платформе. Он признавал необходимость консолидации республики только на основе Питсбургских соглашений 30 мая 1918 г. между чехами и словаками, предусматривавших широкую автономию Словакии. Вплоть до трагических мартовских дней 1939 г. «людаки» (сторонники Словацкой народной партии) были привержены идее Чехословацкого государства, заключает Фелак, и демонстративно не упоминает имени председателя этой партии, президента Словацкого государства (1939—1945 гг.) Й. Тисо.

Канадский историк М. Нейдорф в статье «Словакия в чешской прессе рубежа XIX—XX веков» отмечает, что в ней было много критики в адрес словаков. Проведя контент-анализ четырех ключевых чешских газет, Нейдорф приходит к выводу,

что материалы о словацких реалиях были проникнуты благими намерениями и служили благородным целям, даже тогда, когда констатировали «бессилие и летаргию» определенной части словаков. Были в этих газетах и «лакуны» в освещении проблем, в частности игнорирование мнения молодых словацких интеллектуалов относительно перспектив развития своего региона (с. 56).

В статье английского историка З. Земана «Чехословакия между войнами: демократия в час испытаний» отмечается, что Т. Г. Масарик постоянно призывал к терпимости в отношении немцев: они должны чувствовать себя в Чехословакии как дома. Но при этом он «не призывал к превращению национального государства в государство национальностей» (с. 164). По мнению английского историка Ф. Гана, это было возможно. В 1929 г. «чешских социал-демократов пригласили участвовать в правительстве, и они согласились, но с условием, что это приглашение распространяется и на действующую в стране немецкую социал-демократическую партию» (с. 215). Она вошла в правительство с целью защиты интересов рабочего класса, а ее лидер Л. Чех стал министром социального обеспечения. Английский историк М. Корнуэлл в статье о Э. Бенеше и его отношении к немецкому меньшинству пишет: «Бенеш был убежден, что выселение всех немцев невозможно как по гуманитарным, так и по практическим соображениям» (с. 191), но не снимал с них вину за трагедию Чехословакии, признавая неизбежность радикального решения «немецкого вопроса».

В статье о еврейской общине в Праге американский историк Н. Винфилд анализирует позиции раввина в Чехословакии. В 20-х — начале 30-х годов раввины (и сионисты) предпочитали говорить по-немецки, демонстративно игнорируя чешский язык. Но с 1934 г. ситуация изменилась: на ведущие посты стали выдвигаться «чешские», а не «немецкие» евреи. К 1938 г. они призывали защищать страну. Однако антисемитизма Чехословакия не избежала.

Э. Г. ЗАДОРОЖНИК

Краткая история Венгрии. С древнейших времен до наших дней. М. Наука. 1991. 608 с.

Авторы рецензируемой книги, вышедшей в издаваемой Институтом славяноведения и балканистики РАН серии, посвященной восточноевропейским странам, доктора исторических наук — Т. М. Исламов, В. П. Шушарин, А. И. Пушкаш — авторитетные специалисты. Каждый из них изложил свой взгляд на изучаемую им эпоху. Шушарин пишет главным образом об истории венгерского этноса, хотя и не упускает из виду другие народы, жившие в Венг-

рии. Исламов исследует ее историю в широких европейских рамках, уделяя большое внимание и другим этносам. Пушкаш же интересуется новейшей историей. Материал по эпохам распределен явно непропорционально: новейшая история занимает почти половину книги, для изложения истории средних веков выделено всего 60 страниц, XVI—XVII вв. — примерно столько же, на историю XVIII в. отведено всего 20, а периоду 1790—1918 гг. — 150 страниц.

Шушарин не касается вопроса о прародине венгров. Он считает венгерские полуоседлые ко времени обретения родины племена евразийскими по своему происхождению (с. 13). Здесь они встретили славян, часть которых быстро ассимилировали. Затем он обзрывает доводы сторонников теории континуитета старовосточнороманской общности в Трансильвании, а также аргументацию в пользу миграционной гипотезы «о приходе восточных романцев в области севернее Дуная после X в.» (с. 16—17). По мнению Шушарина, ни одна из этих теорий не подкреплена решающими доказательствами, но все же миграционная выглядит более убедительной. В формировании феодальных отношений, считает он, важное значение имел мадьярско-славянский симбиоз, повлиявший и на славян, и на мадьяр. Походы венгерских королей на Галич и в другие древнерусские земли были обычными для той эпохи военными предприятиями с целью приобретения территорий и добычи.

В книге прослежено экономическое и социальное развитие венгерского общества в XIII—XV вв., описаны крестьянские восстания 1437 и 1514 гг., однако уделено мало места политической истории. В противоположность бытующему в венгерской литературе взгляду Шушарин подчеркивает, что ко второй половине XV в. экономика Венгрии значительно натурализовалась. Период 1250—1320 гг. он считает временем феодальной раздробленности, однако здесь можно было бы отметить, что последняя не привела к такому распаду страны, который был характерен для Киевской Руси. Политика королей XIV—XV вв. действительно служила интересам магнатов, но при этом следовало бы поставить вопрос о появлении новой аристократии в эпоху Анжуйской династии (XIV в.). По мнению Шушарина, нет оснований окружать личность короля Матьяша особым культом, поскольку при нем крепостные крестьяне подвергались очень жестокой эксплуатации. Появившиеся в XV в. «братрики» («братья») — это не словаки, как считает Шушарин (с. 44), а чешские гуситы.

Шушарин подчеркивает, что в ранний период новой истории венгерский этнос, расколотый на три части, понес тяжелые демографические потери, почему и вырос удельный вес невенгров в населении страны (к концу XIII в. долю мадьяр автор оценивает примерно в 80%) (с. 38). Начавшуюся в конце XVI в. Пятнадцатилетнюю войну он считает безрезультатной и подчеркивает, что Габсбурги пренебрегали интересами Венгрии, а их попытки занять Трансильванию окончились неудачей.

Говоря об истории XVIII в., Исламов отмечает своеобразие положения Венгрии между европейским центром и периферией. Восстание Ференца Ракоци II показано в книге как самое значительное событие в истории Венгрии до 1848 года. Автор повествует о том, как Венгрия была включена в состав владений Габсбургов. По справедливому мнению Исламова, Просвещение распространя-

лось министрами Марии Терезии в немецкой интерпретации (с. 147). Он подчеркивает важную роль Университетской типографии в Буде в развитии невенгерских этносов. Многие прогрессивные представители венгерского дворянства стали сторонниками Иосифа II, но патент, провозгласивший господство немецкого языка, изменил их отношение к этому монарху (с. 153). По мнению Исламова, прогрессивные сторонники Иосифа II стремились также к мадьяризации невенгерских народов.

Говоря о периоде 1789—1815 гг., Исламов подчеркивает значение заговора И. Мартиновича, а также и то обстоятельство, что во время войн Наполеона не удалось повернуть Венгрию против Габсбургов, ибо ее консервативное дворянство видело в нем представителя революции. В книге убедительно рассмотрены особенности венгерского Просвещения. Удалась Исламову и характеристика эпохи реформ 1830—1840-х годов. Автор справедливо подчеркивает, что до этого времени, по сути, не проявлялись противоречия между венграми и невенгерскими народами (с. 184). Венгры испытывали вполне понятный страх перед панславизмом, но при этом, как указывает Исламов, не было и речи о славянофобии (с. 186).

По мнению Исламова, ведущие деятели революции 1848—1849 гг. считали, что вопрос о невенгерских национальностях будет решен после ее победы, что, естественно, противопоставило их мадьярам. Автор пишет о движениях сербов, хорватов и румын, но не упоминает о попытках сопротивления словаков. Венгерская революция имела европейское значение, и поэтому сыны других народов принимали в ней участие (к сожалению, Исламов не упоминает о легионе итальянцев). Причину поражения освободительной борьбы он видит в интервенции царской России. Однако и без этой интервенции освободительная борьба завершилась бы поражением, поскольку все большая часть господствующей элиты отходила от участия в революции.

Характеризуя неабсолютизм, Исламов пишет только об освобождении крестьян от крепостной зависимости, но не анализирует другие реформы. Отмечено, правда, что проект конституции Л. Кошута и его план конфедерации 1862 г. не могли удовлетворить невенгерские национальности, да и венгерское дворянство не приняло их. Соглашение 1867 г., подчеркивает Исламов, было реальным компромиссом. Однозначно оценивается в книге внешняя политика графа Д. Андраши как антирусская.

Закон о невенгерских национальностях (1868 г.) Исламов оценивает негативно, хотя и признает, что в свое время он был «единственным в своем роде в практике многонациональных государств тогдашней Европы» (с. 225—226). По мнению автора, австрийская политика в этом вопросе была более либеральной. Тенденции мадьяризации при-

вели к противоположному результату — усилению национального самосознания невенгерских народов. Говоря о кризисе дуализма (1900—1914 гг.), Исламов преувеличивает влияние русской революции 1905—1907 гг. на Венгрию (с. 252), ибо политический кризис там выявился еще в 1904 году.

Хорошо показаны в книге экономические и социальные последствия первой мировой войны. Автор отмечает, что первые ее недели в результате манипуляции массами были отмечены разгулом шовинизма. Даже партии невенгерских национальностей выступили с верноподданническими заявлениями (с. 279). Преемника Франца Иосифа в качестве императора автор почему-то называет Карлом IV, а в качестве венгерского короля — Карлом I (с. 286). В действительности же речь идет о короле Венгрии Кароле IV (он же император Карл I).

В части книги, написанной Пушкашем, показана кризисная ситуация, сложившаяся в Венгрии в конце первой мировой войны. Однако возникает вопрос, что в условиях военного краха было важнее: провозглашение республики и земельной реформы или же определение общей судьбы страны? На одной и той же странице Пушкаш пишет, что Антанта и хотела и не хотела сохранить монархию (с. 309). Но тут следовало бы сказать, что эти позиции относятся к разному времени. Главы о буржуазно-демократической революции 1918 г. и о Венгерской советской республике представляют собой перечисление множества событий. О М. Каройи говорится лишь, что он хотел сохранить старый порядок (с. 316), между тем этот деятель заслуживал более разносторонней оценки. Автор не рассматривает внутренние проблемы и военные трудности советской республики. По Пушкашу, причиной ее падения были интервенция Антанты и внутренняя контрреволюция. Однако надо учитывать и то, что в тот момент еще продолжались военные действия советской республики.

Автор описывает хортистский террор, консолидацию буржуазно-помещичьего строя. Читатель, к сожалению, не узнает из книги о том, что Трианонский мирный договор, оставивший под властью соседних государств 3 млн. венгров, вызвал шок, связанный с потерей огромной территории. Лишь в дальнейшем изложении упоминается о реваншизме и шовинизме. Акт 1921 г. о защите нации Пушкаш считает узаконением белого террора (с. 364). Но к этому времени террор уже прекратился и государственный строй действительно консолидировался.

В книге цитируется оценка установившегося режима, данная в документах компартии, которая называла его фашистским, а также приводится и оценка его в работах современных венгерских историков, как «контрреволюционного строя». Позиции коммунистической партии Пушкаш излагает так, как будто они оказывали серьезное влияние на события, но лишь мимоходом упоминает о фрак-

ционной борьбе в среде коммунистов-эмигрантов, как и о вмешательстве Коминтерна в дела партии (с. 368—369).

Автором хорошо показаны тяжелые последствия мирового экономического кризиса, а также безуспешная попытка Д. Гёмбёша создать тоталитарную систему. Кратко упоминается в книге об итальянской, а затем немецкой ориентации Венгрии. Говоря о первом Венском арбитраже (1938 г.), автор не сообщает, однако, что к Венгрии отошли тогда территории, 80% населения которых составляли венгры.

Повествуя о развитии событий во время второй мировой войны, Пушкаш упоминает об Э. Байчи-Жилинском. К сожалению, в книге не говорится о его более ранней политической деятельности. Когда речь идет о втором Венском арбитраже (1940 г.), в результате которого к Венгрии отошли территории и не населенные венграми, автор не упоминает о советском ультиматуме Румынии относительно Бессарабии, хотя с ним был тесно связан вопрос о Трансильвании. В книге упоминается о посылке на антисоветский фронт 2-й венгерской армии, но не сказано о ее катастрофическом поражении. Лишь кратко говорится о безуспешных попытках зондажа на Западе относительно сепаратного мира. Не нашла отражения и попытка заключения перемирия после передачи власти Миклошем Хорти Ференцу Салаши.

Говоря о началах новой системы, заложенных в 1944 г. в Сегеде, а затем — в Дебрецене, давая обзор сегедского манифеста Венгерской компартии, Пушкаш не упоминает, что в нем содержалось требование об установлении хороших отношений не только с СССР, но и с западными державами и соответствующий пункт вошел в программу Венгерского национального фронта независимости. Затем автор пишет о победном шествии социалистических преобразований. При этом перечисляются решения партийных съездов, но не показано, насколько реальны были намеченные ими плановые показатели.

По словам автора, западные державы в первые послевоенные годы осуществляли свое влияние через Союзную контрольную комиссию, однако теперь уже известно, что эта комиссия была институтом советского влияния. Ничего не говорится в книге о том, сколько венгров было угнано в СССР на принудительные работы и когда вернулись домой венгерские военнопленные. Пушкаш пишет, что предвыборную кампанию осенью 1945 г. Партия мелких сельских хозяев «вела в антикоммунистическом и антисоветском духе» (с. 435), но в тех условиях об этом не могло быть и речи. На самом деле эта партия добивалась национальной независимости Венгрии. Автор признает, что первый пятилетний план был завышенным и предусматривал развитие промышленности в ущерб сельскому хозяйству (с. 460). Он отмечает также, что четверть крестьянских семей была подвергнута «судебно-полицейским дознаниям» (с. 462), венгерские руко-

водители придерживались сталинской модели строительства социализма (с. 464). Все это и привело к кризису.

Нечетко определен в книге характер событий 1956 года. Сначала автор называет их гражданской войной, в которую оказались вовлеченными советские войска (с. 470). Позже он цитирует партийное решение 1959 г., которое именует эти события контрреволюцией (с. 470), а затем приводит оценку, высказанную в 1989 г., — народное восстание (с. 478). Тогда не было, в частности, вмешательства эмигрантов и доставки оружия с запада, о которых пишет автор (с. 474—475). Из книги невозможно узнать, как и когда кардинал Миндсенти попал в тюрьму. Революционные комитеты, рабочие советы автор упоминает лишь в кавычках. Он признает, что жертвы понесли обе стороны, участвовавшие в событиях, а также и то, что в 1957—1958 гг. законность в стране не соблюдалась (с. 485), но о числе жертв репрессий не упоминает. По Пушкашу, 150 тыс. венгров покинули страну (с. 477), однако по общепризнанной оценке их было 200 тысяч.

Пушкаш высоко оценивает советско-венгерское сотрудничество в 1960—1980 годах. В книге говорится о реформе хозяйственного механизма в 1968 г., когда была предпринята попытка совместить плановое хозяйство с рыночными отношениями, о ее приостановлении в 1972 г. и о возврате к осторожным реформам в 1978 году. К сожалению, в последней главе книги — на первом плане левые силы, в особенности новая Венгерская социалистическая рабочая партия, которой отведено больше места, чем Венгерскому демократическому форуму, именуемому Пушкашем либеральной партией. Союз свободных демократов он называет правой партией, ссылаясь на то, что этот союз предлагал экономическую политику в духе тэтчеризма. Последние главы книги уже в момент появления ее выглядели устаревшими.

Достоинство книги состоит в том, что в ней, хотя и не по всем периодам, дается характеристика развития венгерской культуры. Авторами показано вхождение венгерского общества в сферу европейской культуры, значение Реформации. Впрочем и при освещении этой проблематики сказывается определенная тенденциозность авторов, занятых прежде всего поисками реалистических тенденций в венгерской культуре. Явно преувеличены ими и представления о низком уровне науки в межвоенной Венгрии.

В книге мало материала о развитии невенгерских национальностей — словаков, сербов, хорватов и румын. Недостаточно внимания уделено истории государства и государственного аппарата. У Шушарина, видимо, не было возможности сделать это из-за недостатка выделенного ему объема. Исламов осветил этот вопрос главным образом применительно к эпохе дуализма. Пушкаш же сосредоточился в основном на описании партийного государства, но не всего государственного аппарата.

В книге отсутствует характеристика весьма существенных черт развития Венгрии, не освещены некоторые важные вопросы ее национального существования: значение средневекового Венгерского государства в Европе, вся проблематика венгерско-габсбургских отношений, специфика экономических и социальных тенденций в эпоху реформ, а также — кардинальные изменения, происшедшие в стране в 1918—1920 годах. В книге не говорится о жизни венгров вне границ своей страны.

Хотя можно было бы увеличить число замечаний в адрес авторов, следует приветствовать выход в свет рецензируемой книги.

Член Венгерской Академии наук
Э. НИДЕРХАУЗЕР

Американский ежегодник, 1989, 1990, 1991. М. Наука. 1990, 1991, 1992. 272 с., 243 с., 182 с.

Последние выпуски «Американского ежегодника» содержат публикации о многих интересных сюжетах, непростых и порою спорных вопросах, связанных с отношениями России и США, особенностями экономической истории США, тенденциями развития культуры и общественного сознания американцев и др. Традиционно освещаются в выпусках проблемы отечественной американистики, события научной жизни, контакты наших ученых с коллегами из США и других стран.

Рассматриваемые выпуски во многом отличаются от других современных изданий по американской тематике, и прежде всего научной постановкой и решением проблем и вопросов методоло-

гии исследований, остротой и злободневностью. Профессиональные историки исследуют образ Сталина, сформировавшийся в американском общественном сознании, политику Д. Эйзенхауэра, Г. Трумэна и проблемы «холодной войны», малоизвестные, подчас негативные стороны российско-американских отношений.

На страницах «Ежегодника» активно выступают американские авторы, принадлежащие к разным направлениям и школам, предлагая свежие идеи и новые интерпретации интересных и актуальных сюжетов. Дж. П. Грин (Университет Джонса Гопкинса, Балтимор) в статье о происхождении американского конституционализма (1991) ставит

проблемы истории раннего американского общества, социума колоний, различавшихся в социально-экономическом и политическом планах.

Статья М. Виновскиса (Мичиганский университет) «Не упустили ли социальные историки из вида гражданскую войну? (Некоторые предварительные демографические размышления)» (1989) знакомит с воздействием войны на демографические характеристики американского населения и ставит вопрос о введении в научный оборот новых, во многом не учтенных ранее источников (первичных рукописных материалов федеральных переписей, местных статистических данных).

Статьи американских ученых примечательны и в том отношении, что они отражают современный уровень научных контактов отечественных американистов с зарубежным академическим сообществом. Эти публикации — показатель правильно выбранного редколлегией курса на продолжение и расширение многостороннего сотрудничества с зарубежными коллегами, имея в виду придание «Ежегоднику» характера международного печатного форума ученых.

В выпусках выступают авторы из ряда ведущих научно-образовательных центров, в которых существуют группы или отдельные ученые, работающие над американской проблематикой. Это Институт всеобщей истории Российской Академии наук (РАН), Лаборатория американистики Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, Институт США и Канады РАН, Самарский университет и др. Думается, этот аспект работы «Ежегодника» делает его важным средством связи для всего сообщества отечественных американистов, трибуной для сопоставления различных взглядов, апробации новых идей, стимулирования дискуссий по наиболее существенным вопросам истории США.

В разделе о научной жизни привлекает внимание отчет о «круглом столе», посвященном «кризису американистики» в нашей стране (1991). Вероятно, можно спорить, действительно ли наблюдается глубокий кризис этой отрасли исследований и в чем заключаются его проявления. Нельзя, однако, пройти мимо серьезнейших вопросов, поднятых представителями ведущих центров нашей американистики в ходе «круглого стола» в сентябре 1991 года. Акад. Н. Н. Болховитинов, открывая дискуссию, высказал мнение: причинами того, что в отечественной американистике последних лет практически не появились оригинальные исследования, содержащие новые идеи, стало влияние господствовавшего долгие годы ортодоксального марксизма в исторической науке и, соответственно, неготовность многих исследователей работать по-новому, самостоятельно, без ориентации на идеологические установки сверху. Выступавшие подчеркнули и тяжелейшее материальное положение гуманитарных наук, превращающееся в долговременную тенденцию. В. М. Шпотов говорил о необ-

ходимости выделения приоритетных и закрытия бесперспективных направлений исследования, отказа от методологических догм и реалистического пересмотра всего исторического опыта Америки. Немаловажный вопрос о расширении методологического и «технологического» инструментария американистов подняли в своих выступлениях чл.-корр. РАН А. А. Кокошин, а также Р. Ф. Иванов и И. М. Савельева.

Прозвучала на «круглом столе» и озабоченность такой проблемой, как необходимость междисциплинарного, комплексного подхода к исследованиям, широкого использования теории и методов сопредельных с историей наук. Споры вызвали и данные выступавшими оценки параметров кризиса, переживаемого нашей американистикой, и высказанные прогнозы относительно будущего этой отрасли исследований. В. В. Согрин, например, полагал, что проблемы, стоящие перед американистами, неразрешимы по причинам материального порядка, перспективы же конкуренции различных школ и направлений в американистике практически отсутствуют. Менее пессимистичен был взгляд Е. Ф. Язькова. По его мнению, существует возможность решения методологических и иных проблем даже и в условиях ничтожных финансовых ресурсов для гуманитарных наук. Главное условие для преодоления кризиса, по его словам, наличие в России «кадрового потенциала», способного к плодотворным исследованиям на уровне мировой науки.

Обращает на себя внимание некоторая неравномерность в тематическом подборе материалов для «Ежегодника». Пожалуй, несколько большая концентрация на вопросах, связанных с послевоенной социально-экономической и политической историей США, с историческими аспектами американской внешней политики этого периода могла бы стимулировать интерес к изданию. Можно было бы отвести в нем определенное место и такой животрепещущей в современных условиях теме, как история предпринимательства в США, положение и роль бизнеса в жизни американского общества.

Чувствуется явный недостаток серьезных, профессиональных материалов о внешнеполитической активности США в условиях «холодной войны», разрядки 1970-х годов. Весьма актуальна партийно-политическая история США. Не только и не столько в научных изданиях сегодня идут дискуссии о применимости американского опыта в российской политической жизни. Представили бы большой интерес материалы, например, об эффективности американской политической и партийной системы, тенденциях политической активности американцев за рамками двухпартийного механизма и т. п. В рецензируемых выпусках, пожалуй, только статьи М. А. Власовой «Демократы и виги: опыт количественного анализа» (1989) и С. А. Исаева «Дебаты Уэбстера-Хэйна» (1990) могут быть отнесены к указанной проблематике. Между тем довольно значи-

тельное число отечественных американистов работает именно в этой области. Естественно, что и материалы зарубежных коллег могли бы способствовать освещению вопросов теории и практики американского политического процесса.

Хотелось бы, чтобы «Ежегодник» выстоял

в сегодняшней непростой ситуации, сохранил свое лицо, сказал свое слово, когда так широк и многогранен у нас интерес к США, их истории, экономике, политике, культуре, людям.

Р. А. СЕТОВ

К. В. ХВОСТОВА. *Социально-экономические процессы в Византии и их понимание византийцами-современниками (XIV—XV вв.)*. М. Наука. 1992. 192 с.

Изучение заключительного этапа исторической драмы византийской цивилизации в последние годы получило серьезное развитие. С одной стороны, основой тому стали появившиеся новые публикации важнейших источников конца XIII—XV вв. — писем Григория Акиндина, «Истории» Кривоула и Георгия Пахимера, риторических произведений Мануила II Палеолога¹. С другой — на состоявшихся недавно международных семинарах, коллоквиумах, конференциях по поздневизантийскому гуманизму, средиземноморской торговле, по демографии и семейным отношениям палеологовского времени оттачивались новые аналитические методики и пути освоения обширного материала — применение различных методов изучения социально-экономических процессов, протекавших в поздней Византии: от анализа собственно средневековых воззрений современников на происходящие события до количественной обработки цифровых данных, почерпнутых из источников.

Монография доктора исторических наук К. В. Хвостовой (Институт всеобщей истории РАН) отличается широким подходом к данной теме. Автор стремится как можно полнее охватить изучаемые проблемы, объединяя под одной обложкой и формулы дифференциальных уравнений, оценивающие степень имущественного расслоения крестьянства, и описание главных категорий поздневизантийских определений пространства и времени, сопоставляемых к тому же с их античными прототипами у Аристотеля или Порфирия. Эта мозаика образует общую характеристику эпохи, которая нередко экстраполируется автором и на византийскую культуру в целом.

Наиболее очевидные результаты достигнуты Хвостовой в области анализа византийской терминологии документов и нарративных текстов, категориального аппарата социально-экономических и философских воззрений, уточнения смысла и условий превращения понятий обыденной речи в технические термины официальных документов. Так, автор определяет путь слова «проноия/прония» от раннехристианского понятия «промысел» к экономико-правовой категории — пронии, т. е. условному пожалованию прав на определенную территорию, а в конце концов обозначавшей в документах и само поместье. Подобным же образом

анализируются в книге термины «икономия», «ипостась», «кайрос», «тиха», «симвевикос», и др. Очень важно, что автор устанавливает подвижность границ между сферами применения категорий, неуловимых подчас нюансов, отделяющих техническое значение терминов от общего богословского содержания категории.

Книга представляет интерес и с точки зрения применения количественных методов, использования данных ЭВМ, решения задач кластерного анализа. Определение степени расслоения поздневизантийского крестьянства позволяет выявить и связь между экономической структурой хозяйств и их территориальной принадлежностью.

Наконец, важен и мировоззренческий аспект исследования. С одной стороны, автор раскрывает те образы и понятия, которыми оперировали сами носители изучаемой культуры, вслед за чем предпринимается попытка их анализа с помощью современного логического и философского категориального и методологического аппарата. С другой — конкретные поведенческие ситуации и их оценки современниками возводятся к реставрируемому Хвостовой общефилософским теологическим обоснованиям. Представления об изменчивости конкретных социально-экономических процессов дедуцируются ею из категорий поздневизантийской философии истории.

Существенной представляется и постановка вопроса о механизме сочетания теоретического, конкретно-правового и практического уровней византийских социально-экономических представлений, что имеет важное методологическое значение не только применительно к анализируемому периоду, но и для изучения всей византийской цивилизации.

Богатое идеями и материалом исследование побуждает к дальнейшим размышлениям. Хвостова фактически идентифицирует правовые нормы, взгляды авторов, оценки источников, относящиеся и к ранней Византии и к изучаемому периоду. Так, в качестве подтверждения замеченным в изучаемое время правовым казусам предлагаются нормы новелл Юстиниана VI в. или Льва VI—X в., часть которых для XIV—XV вв. имеет не более чем декларативное значение. Напротив, некоторые явления, представляемые

в книге в качестве характерных для XIV—XV вв., на самом деле таковыми не являются. Заявления о дидактической роли истории отнюдь не выделяют прооймионы (введения, зачины) исторических трудов Григоры, Критувула или Николая Кавасилы из ранневизантийской, и даже античной традиции. Это же касается заявлений средневековых историографов о необходимости достоверного и беспристрастного описания. Как раз наоборот, для поздневизантийских авторов сознательной целью становятся прогностические функции историописания², как это, кстати, фактически и демонстрируется в книге на конкретном материале. Вообще, следовало бы четче различать этикетные декларации, ритуальные высказывания византийских авторов и ситуативные новации их оценок и поведенческих реакций, выраженных в слове. К сожалению, в тексте — особенно в греческом — имеются многочисленные опечатки (экфонетические знаки). Ошибки встречаются и в математических формулах (см., например, формулу 2 на с. 71).

Очень общи высказывания об «античных» корнях рассматриваемых понятий. Античность сама по себе достаточно разнообразна и богата самыми различными тенденциями: настала пора не просто сравнивать византийские феномены с некоей общей, а потому кажущейся безликой, «античностью», но конкретизировать как генетические, так и типологические их истоки. Так, нуждается в серьезном уточнении (если не пересмотре) утверждение, что «античная идея «тихи» была подчинена христианскому понятию «симвевикос» в смысле разнообразия» (с. 128). Ни многочисленные концепции судьбы в античности — от Гомера до неоплатоников³, ни несводимость христианского временно-телеологизма к важной, но не всеохватывающей категории византийского историзма, не укладываются в предложенную формулу и, главное, не подтверждаются исчерпывающе приводимым в книге фактическим материалом. Это же следует иметь

в виду при возведении идеи исторического времени у Никифора Григоры к Аристотелю, в то время как поздневизантийский гуманист сам был как раз одним из наиболее интересных приверженцев платонизма, а не аристотелизма.

Обобщения такого важного и разнообразного материала могут осуществляться в целом лишь на основе обработки максимального количества текстов, анализируемых к тому же в макроконтексте, а не на базе спорадических и потому кажущихся нередко случайными или непоказательными цитат. Это относится и к главам по социально-экономической и правовой истории. Думается, выводы автора были бы глубже и полнее подтверждены путем привлечения всей совокупности поздневизантийских свидетельств, например, о прони, икономии и др., многие из которых (например, у Григория Кипрского или того же Григоры) даже не упоминаются. Вызывает сомнения и категоричность отдельных характеристик, например, относительно теократического характера византийского государства. Как раз взаимоотношения духовной и светской власти в Византии были прямо противоположны ситуации в теократическом Ватикане.

М. В. БИБИКОВ

Примечания

1. Gregorii Acindyni epistulae. Washington, 1983; Critobuli Imbriotae Historiae. Brl. 1983; Georgii Pachymeris relationes historicas. Vol. I—II. P. 1984; Manuel II Palaeologus. Funeral Oration on His Brother Theodore. Thessaloniki. 1985; Manuel II Palaeologos. Dialogue with the Empress-Mother on Marriage. Wien. 1991, e.a.
2. Культура Византии. XIII—XV вв. М. 1991, с. 283 сл.
3. Из последних изданий см.: ЛОСЕВ А. Ф. История античной эстетики. Кн. 1. М. 1992.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Помогите создать дом-музей П. А. Кропоткина

Имя Петра Алексеевича Кропоткина (1842—1921) широко известно. На десятках языков изданы его книги «Речи бунтовщика», «Завоевание хлеба», «Поля, фабрики и мастерские», «Взаимная помощь как фактор эволюции» и мемуары «Записки революционера». Вернувшись в 1917 г. в Россию после более чем 40-летней эмиграции, он с мая 1918 г. жил в небольшом подмосковном городе Дмитрове, где и прошли его последние годы. После его смерти в Москве, где он родился и провел детские годы, и в Дмитрове в 1923—1924 гг. были открыты мемориальные музеи, к сожалению, прекратившие свое существование в 30-е годы. Тогда же в нашей стране было фактически свернуто изучение наследия Кропоткина и приостановлено на долгие годы издание его трудов. Эта деятельность активизировалась лишь в последние годы.

В 1989 г. начались работы по созданию дома-музея Кропоткина в Дмитрове. 9—14 декабря 1992 г. в Москве, Дмитрове и Санкт-Петербурге прошла международная конференция, посвященная 150-летию со дня его рождения. На ней была подтверждена необходимость создания базы по сбору и изучению его наследия. Такой базой может стать Дмитровский дом-музей. В ответ на обраще-

ния его коллектива о помощи в собирании материалов, напечатанные в «Литературной газете» и в одном из американских журналов, фонды будущего музея пополнились десятками редких русских изданий 1906—1920-х годов, ксерокопиями и подлинниками писем Кропоткина, редкими изданиями открыток. Поступают различные, в том числе и современные, периодические издания не только из России, но и из Ирландии, Италии, Испании, США, Швейцарии и других стран.

Думается, что пополнить фонды музея можно материалами из истории анархистских идей в целом, различных современных разновидностей анархо-синдикализма, федерализма, экологизма и т. д., периодикой, воззваниями, листовками, эмблематикой, так или иначе соприкасающимися с идеями Кропоткина. В обмен предлагаются дублетные экземпляры различных изданий, ксеро- и фотокопии документальных и изобразительных материалов. Наш адрес: 141800, Московская область, г. Дмитров, Историческая пл., 11. Историко-художественный музей, тел. (095) 587-32-04.

*Р. Ф. Хохлов,
старший научный сотрудник,
член Комиссии по научному наследию
П. А. Кропоткина при РАН*

Возвращаясь к напечатанному

Читая дневник Готье

С двойным интересом читал «Мои заметки» Ю. В. Готье, опубликованные в журнале «Вопросы истории». Двойным потому, что в 1940/41 учебном году мне довелось прослушать специальный курс по истории России XVII в., который читал группе в 8—9 студентов IV курса Исторического факультета Института философии, литературы и истории Юрий Владимирович. Он только что, в конце 1939 г., был избран действительным членом Академии наук СССР. Эволюция приват-доцента Московского университета, ставшего советским академиком, конечно, показательна, и проследить ее, думается, стоило бы.

Повод моего обращения в редакцию — желание сделать два дополнения к очень обстоятельным и весьма квалифицированным примечаниям публикаторов к дневниковым записям Готье.

В номере 11—12 за 1992 г. на с. 133 приводится такой его текст: «Между прочим, он (гр. Ю. А. Олсуфьев.— Ю. Ш.) рассказал мне, что во время переговоров с совдепом из уст председателя оного, чухонца из военных писарей, Ванланена вылетела такая фраза: «Мы вашего дяденьку из гроба выковырнем»». Фамилия тут названа неверно, поэтому теряет смысл вольное прим. 55 на с. 151. Председателем Совета депутатов Сергиева-Посада был бывший питерский рабочий Оскар Ванханен. По прямому указанию В. И. Ленина, с которым он виделся дважды, Ванханен руководил кино съемками

вскрытия мощей Сергия Радонежского в Троице-Сергиевой лавре (см. Листов В. «Святые мощи» на экране.— Наука и жизнь, 1965, № 10, с. 46—48). В один из первых дней Великой Отечественной войны Ванханен ушел добровольцем в народное ополчение и погиб в боях под Ельней в сентябре 1941 года.

Второе дополнение — о Д. Г. Бурылине (текст на с. 140 и прим. 84 на с. 153). О Бурылинском музее в Иваново-Вознесенске Готье отозвался так: «много хороших вещей и много дряни». Юрий Владимирович был видным специалистом музейного дела, и к его словам стоит прислушаться. Но в то же время нельзя не напомнить, что Дмитрий Геннадьевич Бурылин (1852—1924) — один из крупнейших в России владельцев текстильных фабрик, после 1917 г. продолжал жить в Иваново-Вознесенске. Он стал главным хранителем созданного им музея, принял участие в организации в городе Политехнического института на базе Рижского, эвакуированного сюда в годы первой мировой войны. Ивановская общественность, рассмотрев вопрос о присуждении звания почетного гражданина города Иваново, выдвинула две кандидатуры — Д. Г. Бурылина и М. В. Фрунзе.

*Ю. П. Шаронов,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник-консультант
Института российской истории РАН*

Contents

The Political Archives of the XXth Century. Materials of the February-March 1937 Plenary Meeting of the CC CPSU (B). Articles: **T. P. Korzhikhina, Ju. Ju. Figatner.** Soviet Nomenclature: Beginning, Mechanics of Acting. **V. L. Genis.** Ruin of Bukhara Emirate in 1920. **V. A. Djakov.** Historical Alternatives for Europe in the 40—70s of the XIXth Century. Historical Profiles. **A. S. Senin.** Aleksandr Ivanovich Guchkov. Reminiscences. Memoirs of Nikita Sergeevich Khrushchev. Historical Journalism. **A. A. Iskenderov.** Russian Monarchy, Reforms and Revolution. History and Fates. **A. I. Denikin.** The Essays of the Troubled Time in Russia. Historians of Russian Emigration. **V. A. Rjazanovskij.** Problem of Influence of Mongol Culture and Mongol Law to Russian Culture and Law. People. Events. Facts. **S. V. Drovov.** Organizer of Women's Death Battalion. **N. P. Eroshkin.** Shot at the Summer Garden. **V. G. Bezrogov.** Cattle-breeding in Ancient Ireland. Historiography. Reviews on Books: The British Empire of the XVIIIth Century in the Foreign Historiography. **Ju. L. Djakov, T. S. Bushueva.** The Fascist Sword Was Forged in the USSR. The Red Army and Reichswehr. Secret Collaboration. 1922—1933. The Unknown Documents. The Chech and Slovak Experience. Selected Papers from Fourth World Congress for Soviet and East European Studies. Harrogate. The Concise History of Hungary. From the Ancient Times to Our Days. The American Year-Book. 1989, 1990, 1991. **K. V. Khvostova.** Social-economical Processes in Byzantium and their Understanding by the Contemporaries (XIV—XVth Centuries). Letters to the Editor.

**Учредители: Трудовой коллектив редакции журнала «Вопросы истории»
Российская Академия наук**

Главный редактор: А. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

Н. Н. Болховитинов, П. В. Волобуев, А. С. Гроссман, В. П. Данилов, В. А. Дьяков, И. Д. Ковальченко, В. И. Кузицин, Б. В. Левшин, А. П. Новосельцев, Р. Г. Пихоя, О. А. Ржешевский, И. В. Созин (заместитель главного редактора), К. И. Седов, А. Я. Шевеленко, В. В. Шелохаев, В. Л. Янин

Перепечатка без разрешения редакции журнала «Вопросы истории» не допускается.

«Вопросы истории» № 7, 1993

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва, К-6, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон: 209-96-21.

Технический редактор **Е. П. Лебедева.**

Сдано в набор 12.05.93. Подписано в печать 06.07.93. Формат 70x108/16. Бумага офсетная № 2. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8. Бум. л. 6. Уч.-изд. 20,56. Тираж 30 000. Заказ 3762. Индекс 70145

ТОО «Редакция журнала «Вопросы истории», ТОО «Сашко»

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий». 103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**